

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
ландесфюрст

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
ландесфюрст

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оберлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — цроссграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — цроссфюрст

Ригард Длинные Руки —
ландесфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
ландесфюрст

ЭКСМО
Москва
2011

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 Орловский Г. Ю.
Ричард Длинные Руки — ландесфюрст : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2011. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-52761-8

Можно ли быть большим роялистом, чем король, и большим папистом, чем папа? Верный паладин Господа Ричард, истребляющий колдунов, магов и чародеев, ощутил себя настолько окрепшим, что готов отстаивать свои взгляды и против всемогущего Ватикана!

Ибо теперь, кроме убеждений, у него есть и меч. И королевская корона уже в руках.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-52761-8 © Орловский Г. Ю., 2011
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Мораль есть религия, перешедшая в нравы.

Генрих Гейне

Часть первая

Глава 1

Зеленая завеса тяжело колыхнулась и ушла в сторону. На мгновение открылся широкий проем в таинственную и ароматно пахнущую цветами темную пещеру из плотно подогнанных веток.

У меня сердце дрогнуло и сжалось от нежности и жалости, золотоволосая Гелионтэль, трепетная и тонкая, как гибкая лоза, вышла тяжело, откинувшись корпусом назад, уравнивая тяжелый живот. Ноги чуть согнуты в коленях, и ставит она их очень широко, голова откинута, даже плечи отведены назад, как же моей малышке трудно двигаться...

Я торопливо покинул седло, Гелионтэль подошла к Зайчику и погладила по длинной переносице в том месте, где был рог. Бобик подбежал и подставил ей спинку, она почесала и это нахальное чудовище; я шагнул к своей прекрасной и нежной эльфийке, бережно обнял, стараясь не касаться огромного живота.

Она прошептала тихо:

— Мой господин...

— Мое солнышко, — ответил я и поцеловал в щеку, хотя намеревался впиться в сочные сладкие губы, но она стеснялась и прятала лицо у меня же на груди. — Сокровище ты мое!

— Астральмэль, — произнесла она совсем тихо, — ты зайдешь?

— Для того и мчался сюда, — заверил я. — Летел аки сокол сизоносый. Позволь, мой птенчик, отведу тебя...

Ее прекрасные глаза наполнились слезами.

— Я теперь такой толстый птенчик... А вдруг так и останусь?

— Будешь еще краше, — заверил я. — Худенькая, стройная, только вот тут у тебя увеличится... Надо же будет кормить то маленькое чудовище, что появится на свет!

Она прошептала в ужасе:

— Это будет чудовище?

— Это какое, — заверил я. — Ты в него влюбишься сразу!

Полог опустился за нами, отсекая любопытные взгляды, я провел Гелионтель внутрь ее зеленой пещеры, бережно уложил на ложе из лебяжьего пуха и лег рядом, осторожно прикасаясь ухом к огромному вздутому животу.

В какой-то момент меня так лягнуло изнутри, что я отпрянул.

— Ого! Это прямо жеребенок!

Она в испуге взглянула на меня, в чистых глазах снова заблестели слезы.

— Правда? У меня будет жеребенок?

— Ну что ты, — сказал я, — с чего вдруг?.. Ты же не кобылка. И вообще... ты чего ревешь?

Она сказала с плачем:

— Не знаю. Теперь чуть что, сразу реву... Я такая и останусь?

— Уже скоро все пройдет, — заверил я, — снова станешь веселым и щебечущим эльфенком, а ребенок будет просто чудесный, вот увидишь. Ты будешь счастлива.

Она всхлипнула, проговорила жалобным голосом:

— Я уже счастлива, правда. Но все равно реву.

— Это не ты ревешь, — объяснил я, — это организм ревет. Тело твое. Все скоро кончится, дорогая. Расслабься, теперь это дело времени...

Потом я лежал, раскинувшись на роскошном ложе, отдавался отдыху, а она встала и принялась готовить обед. Я повернулся на бок и с нежностью наблюдал, как она передвигается по огромной зеленой пещере медленно и тяжело, движения осторожные, все время прислушиваясь к тому, что странное и таинственное происходит у нее внутри.

Я старался унять сердце, что захлебывается от нежности и жалости, — всегда резвая и стремительная, поэтому и пошла в разведчики, а сейчас вот только так: огромный живот вперед, полусогнутые ноги широко расставлены, двигается так, словно несет в себе огромный чан с водой...

Что же я с нею сделал, превратив прыгучего козленка в тяжелую черепаху, бедняжка, потерпи еще чуть...

На ее пальцах поблескивают драгоценные кольца, что я в прошлый раз привез и подарил, на отдельном столике красиво свернут в кольцо тонкий женский пояс из непонятого гибкого металла голубого цвета. В полутьме ярко-оранжевая пряжка светится собственным огнем, я даже рассмотрел переливы пламени.

— Скоро снова наденешь этот пояс Аналлиэль! — заверил я. — Он в самом деле принадлежал этой, как ее, королеве Начала?

— Да, супруг мой, — ответила она, голос ее, несмотря на хрипотцу, звучит все еще чисто и музыкально. — Это бесценный подарок!

— Дык жене же, — возразил я. — Не кому-нибудь там на стороне, как у других. Я хороший и нравственный, вот лежу и люблюсь собой. Тобой тоже, кстати.

— Ой, как ты хорошо говоришь...

— Я такой, — согласился я. — Говорю хорошо, сам красавец и вообще чудо. У тебя и должен быть муж самый лучший!

— И ребенок у меня будет замечательный...

Я нежно поцеловал ее.

— Тоже самый лучший!.. Эх, век бы лежал вот так...

— Так лежи...

Я вздохнул и рывком поднялся с ложа.

— А труба, что зовет?

Снаружи Зайчик стоит на задних ногах, упершись передними в ствол дерева, и дотягивается пастью до веток, Бобик носится наперегонки с эльфийскими детьми, что, как уже знаю, остаются в этом возрасте пару сотен лет.

Едва я вышел из домика Гелионтэль, ко мне торопливо приблизился один из эльфов, учтиво поклонился, глаза горят любопытством.

— Сэр... вас ждет божественная Синтифаэль.

Мне показалось, что он не определился, как ко мне обращаться, то ли «конт Астральмэль», то ли уже «сэр Ричард».

— Бегу, — ответил я, — мог бы и сразу позвать! По зову королевы я готов вскочить в любой момент! Ну, почти в любой.

Он покосился с понятным выражением на лице, но промолчал. Сказочный дворец королевы эльфов, как мне почудилось, стал еще выше, прекраснее, или же это после одинаковых мрачных замков, где главное — мощь, а не изящество, но сердце сладко заныло от дивной красоты, половину оттенков которой даже не могу ощутить, дивность ускользает от грубых человеческих очувений, только чувствую, что здесь еще прекраснее, чем вижу, и тупо внимаю с раскрытым хлебалом...

Звучит настолько возвышенная музыка, что сердце застучало радостнее, я ощутил ликующий подъем, в зале прохаживаются по двое-трое эльфы и эльфийки, иные собрались в группы и нечто обсуждают важно, красавцы, а огромный зал как будто сам ведет меня по красной ковровой дорожке на ту сторону, там три ступеньки на помост, покрытый золотым ковром, а на нем

величественный трон, просто громадный. Наверное, чтобы подчеркнуть хрупкость и нежность королевы эльфов божественной Синтифазль, рожденной из солнца и света...

Я шел к ней деревянными шагами, чувствуя себя гориллой в Версале, весь неуклюжий, но некоторые эльфы мне кланяются, что удивило, другие смотрят с презрительным недоумением...

Спинка трона мерцает таинственно звездами, ярче горит только корона на золотых волосах Синтифазль. На этот раз она в красном платье, оно тоже скреплено на плечах крупными изумрудами, и я точно так же, как в первый раз, невольно уставился на них, подумав, что если расцепятся, то платье соскользнет...

Удлиненные и чуточку приподнятые к вискам зеленые глаза стали строже, словно видит мои простенькие мысли, очень человеческие, даже проще — мужские.

— Сэр Ричард, — произнесла она холодно, — признаться, мы не ожидали вас видеть в наших землях... снова.

Я преклонил колено, — как же это нетрудно делать перед красивой женщиной, — вскинул голову и сказал преданнейшим голосом:

— Но я ведь Астральмэль, Ваше Величество!

На ее красиво изогнутых губах проступила холодная улыбка.

— Уже нет, сэр Ричард. Насколько я знаю, милая Гелионтэль ходит сейчас очень тяжело.

— Да, Ваша Величество, — сказал я, — а я, как друг и аменгер ее мужа, обязан быть рядом и помогать...

Она величественно отмела красивым, поистине царственным жестом мои слова в сторону.

— О ней позаботимся мы сами. Счастливой дороги, сэр Ричард!

Я поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше Величество, но любые договоры... будь это политические, экономические, гелиоцентрические или трансконтинентальные, нуждаются, как бы сказать по-красивше, в подбрасывании в огонь дровишек. Хотя иногда. Потому я хочу надеяться, что Ваше Величество оставит за мной право появляться здесь хотя бы для того, чтобы демонстрировать вечную и нерушимую дружбу двух великих народов с богатой историей и великими культурными традициями... э-э-э... о чем это я... ах да, народов людей и эльфов!

Она слегка поморщилась, чуть наклонила голову.

— Это право за вами остается, сэр Ричард. Тем более наши подданные смогут высказать вам напрямую свои претензии по поводу утеснений людьми.

Я сказал пылко:

— Никаких утеснений! Я им сам лапы поотбиваю!

Эльфы переговаривались, кто-то поглядывал с некоторой симпатией; королева произнесла тем же ровным голосом:

— Рада это слышать, сэр Ричард.

Я поклонился и отступил.

— Мы оба занятые люди, Ваше Величество. Но все же нам надо чаще встречаться для поддержания процветания и мира между великими миролюбивыми народами и расами в духе взаимопонимания, ну и всего, что из этого вытекает, вплоть до остаться друзьями и совместно заботиться о том, что из додружбы вытекло, то бишь наших общих интересах.

Она промолчала, стараясь понять, что я нагородил, а я еще раз красиво поклонился — трудно, что ли? — и пошел обратно, топая, как слон среди балерин, и тем самым утверждая свою человечность.

Возвращаясь из Эльфийского Леса, я раздумывал о гномах: от этих подземных умельцев можно поиметь намного больше, чем от прекрасномордых эльфов, нуж-

но только определиться с задачами, а то у меня в котелке только манящие перспективы и прочая маниловщина.

А законы насчет равноправия мало издать, нужно обеспечить их выполнение. Иначе могут полететь в тартарары и все остальные приказы, если народ увидит, что хоть какие-то можно не выполнять и за это не вешают.

Остается одна деликатнейшая вещь, к которой не знаю, как подступиться. Чтобы иные расы могли интегрироваться в наш мир, они должны принять христианство, иначе так и останутся на обочине. Но что-то подсказывает мне, что ни эльфы, ни гномы не станут принимать христианство даже понарошку, как сделали ма-раны.

Значит, их расы все-таки будут, как я и предполагал, жить в резервации со своими законами. Я обеспечу их неприкосновенность, а общаться будем через торговлю, о чем вообще-то и была речь, это я так загадываю...

Бобик забежал вперед, остановился и требовательно гавкнул. Я в изумлении придержал арбогастра.

— А ты как догадался?

Он гордо помахал хвостом и посмотрел снисходительно. Мол, у такого простака все на лице написано. Я молча ругнулся: значит, государственно-невозмутимое выражение нужно соблюдать и среди пустыни, мало ли кто увидит и сделает далеко идущий прогноз, получив тем самым стратегическое преимущество над другими.

— Ждите, — велел я.

Самую глубокую из пещер я выбирать не стал, было бы глупо, просто спустился в эту заброшенную из-за войны шахту, покричал там погромче, — имя Атарка должны знать, — наконец издали из самого темного угла донесся враждебный голос:

— Ну и чё?.. Зачем тебе Атарк?

— Нужен, — отрезал я. — Он мой кунак, можно сказать. По-вашему, кум. Не аменгер, слава богу, но почти родня. Этого довольно?

Голос прогудел в темноте могучий, словно со мной общается слон, а не гном, ростом мне разве что до пояса:

— Нет..

— Ну ладно, — сказал я с досадой. — Мы с ним заключили договор, что вы можете свободно входить в города людей и торговать своими... да не мордами, а изделиями, если еще не разучились. Я же зашел узнать, как продвигается международное и междурасовое сотрудничество, а также заодно принес заказ на гномью кольчугу и желательно молот.

Из темноты раздал угрюмый голос:

— Так бы и сказал, что заказ... а то про какую-то международную хрень...

— Так позовешь? — спросил я.

— Шас... Только насчет заказа... Мы берем дорого.

— Я верховный лорд двух с половиной королевств, — сказал я надменно. — Думаешь, мне заплатить нечем?

В темноте послышалось шмыганье могучим носом.

— Дык смотря какие королевства... Иные можно шапкой накрыть.

Как догадываюсь, у гномов все же есть что-то подземное скоростное. Насчет того, что гномы умеют ходить сквозь стены, я не очень-то верю, а вот что их что-то носит, и довольно быстро, убедился еще в прошлый раз.

Сейчас не успел и повызывать гномьи секреты, хотя у гномов мало что узнаешь — они не столько хитрые, как скрытные, — а вдали уже послышалось гроыханье, звон металла, на стенах заблестели и задвигались блики красного огня.

Из-за дальнего поворота вышли два гнома с факела-

ми в руках, а следом Атарк, до предела солидный и важный.

Я задумался, как с ним обращаться: как сюзерен с вассалом или гном с гномом, решил, что лучше всего как торговец с торговцем.

— Дорогой друг Атарк! — сказал я жизнерадостно. — Начались ли работы в недрах Опаловой?

Он подошел и крепко пожал мне руку, у меня даже пальцы слиплись, хотя напрягал изо всех сил, пробасил довольно, задрав голову:

— Это мы сразу... Как не проверить? И наружу выходили.

— Торговать пробовали? — спросил я.

Он покачал головой.

— Еще нет, но люди нам делать штольни уже не мешают, как раньше. Так что да, договор действует.

Я сказал быстро:

— Атарк, у меня будут большие заказы для всего племени гномов, так что наш общий расцвет еще впереди. А пока я хочу попросить тебя сделать мне хорошую кольчужку, какие вы иногда делаете для своих королей... Ну, чтоб ничем ее, даже арбалетной стрелой.

Он кивнул.

— Сделаем. Что-то еще?

Я вздохнул.

— Сам знаешь, был у меня когда-то молот, выкованный древними гномами. Теперь так делать не умеете. Я еще геммы для него добывал, помнишь? Чтоб летел далеко и рушил сильнее... Ностальгия у меня, понимаешь? Всякое оружие в моих руках с той поры побывало, а вот его забыть не могу. Скучаю, как по любимой женщине.

Он помрачнел, надулся.

— Секреты потеряны, ты прав. Вообще-то, думаю, при большом желании... очень большом!.. попробовать

бы можно... Самим интересно. Но надо собрать мудрецов, разыскать древние записи... Это столько будет работы, даже не представляю!

— Я сумел бы оплатить, — сказал я без всякой надежды. — Сейчас мои возможности весьма даже... И как не использовать ресурсы королевств для личного обогащения?

Он ответил неохотно:

— Попробуем. Ничего пока не обещаем. Но попробуем. Я ж грю, самым интересно...

— Все расходы оплачу, — напомнил я еще раз. — Если можно кольчужку как-то загномить, в смысле зачаровать по-гномы, то я как бы и совсем даже не против, еще как не против! Я паладин с настолько высокими и одухотворенными запросами, что на всякое колдовство внимания не обращаю, это ж вчерашний день, но пользуюсь, не совсем же дурак...

Глава 2

Когда я выбрался наверх, Зайчик с меланхоличным видом что-то жует, прислонившись боком к отвесной стене, хруст такой, словно работает мощная камнедробилка, от Бобика только толстый зад из ямы, откуда с бешеной скоростью вылетают твердые комья, а это вот само погружается в землю, словно тонет.

— Подъем, — скомандовал я. — Хватит мышек обижать!..

Бобик вылез, морда вся в песке и глине, вот уж землеройная собака, в глазах недоумение, почему это мышек нельзя гонять, они ж такие смешные...

Зайчик привычно подставил бок, я поднялся в седло и разобрал повод.

— Ну, кто быстрее в Савуази?

Они шли наравне, но за несколько миль до Савуази

я сбросил скорость до скачущего галопом обычного коня. На мой взгляд, ничего не изменилось, никакой войны не было, по всем дорогам точно так же тянутся в обе стороны телеги, идут нагруженные тюками кони, возницы переговариваются лениво либо дремлют.

Гиллеберд создал очень успешную систему, торговля процветает, несмотря на смену правления, все работает, как и прежде, кто в поле, кто на рудниках, кто в лесу. Но это еще ничего, меня больше радует, даже восторгает, что Савуази, где все должно быть пропитано духом и волей Гиллеберда, функционирует слаженно, даже королевский двор начал заполняться, как только пришла весть, что король убит, а это значит, все освобождены от клятвы верности прежнему правителю...

Савуази после нашего штурма отстроен полностью, вернее, отстроена и восстановлена стена, а дома внутри города так и остались целыми. Редко какая война проходит с таким минимальным ущербом для столицы и вообще экономики.

Стражи в городских воротах вытянулись при виде властелина королевства, я проехал мимо со спокойным и надменно-величавым видом. По дороге народ узнавал и кричал довольно, я вслушивался и не слышал страха или ненависти. Вообще-то простой народ редко чувствует разницу при смене королей, это вельможи весьма чувствительны, их такое касается иногда весьма заметно...

На площади появились передвижные лавки, торгуют пирогами, жареным мясом, пивом и вином. С той стороны высокий забор из стальных прутьев с острым концами, такие же металлические ворота, за ними роскошный сад из цветущих кустарников и клумбы с розами, а еще широкая, выложенная плитами дорога к дворцу, что высится там вдали, огромный и величествен-

ный, поразивший меня как размерами, так и вычурной архитектурой еще в первый приезд.

Монументальность и легкость, умелый дизайн и практичность — такого не видел в прочих северных королевствах.

Вымуштрованная стража распахнула ворота королевского сада с такой быстротой, что мы могли бы пролететь, не сбавляя скорости, но это Бобик унесся вперед огромными прыжками, а мы с Зайчиком проехали достаточно неспешно, давая возможность всем встречающим утереть слюни и застегнуть ширинки.

У дворца на стук копыт развернулся статный рыцарь, в доспехах, но с непокрытой головой. На меня в упор взглянули очень светлые глаза, похожие на чистейший лед, укрывающий вершины гор.

Он заколебался: то ли преклонить колено, то ли, напротив, выпрямиться, он же на службе, а я сказал благожелательно:

— Сэр Ортенберг, сообщите членам Высшего Совета, что я прибыл. Пусть без особой спешки соберутся. Но опоздавшим будем рубить головы на площади и объяснять, за что именно.

Он чуть склонил голову.

— Все будет выполнено, ваша светлость.

На его губах на миг пробежала улыбка, мол, шутку и понял, и оценил в том смысле, что властелин благосклонен, у него все хорошо, а это значит — и в королевстве все хорошо.

Оставив Зайчика, я взбежал по широким ступеням вверх, в холле навстречу по-носорожьи ринулся Бальза, все такой же грузный, толстомордый, щеки на плечах, восемь подбородков на груди, однако толстые ноги натренированно опустили его на одно колено.

— Государь!

Я смерил его насмешливым взглядом.

— Помнится, — сказал я с легкой угрозой, — ты говорил, что всегда успеваешь? Говорил?.. Говорил... Так что успел за это время?

Он умоляюще простер ко мне руки.

— Государь, все сделано!

— А что? — спросил я.

— Все, — сказал он преданно. — Все-все!

— Ладно, — сказал я, — встань и трудись дальше как божья пчелка, хоть ты и похож больше на шмеля, что жужжит много, а меда не носит... Да, кстати! Встань и больше не преклоняй колена. Ты служащий, а не рыцарь. Не забывайся!

Он воскликнул с великой благодарностью:

— Слушаюсь, мой государь!

Насчет «государя» я промолчал, можно бы и поправить, но это уже совсем мелкие придирки, быть государем вовсе не значит — королем. Любой мелкий самостоятельный феодалчик уже государь в своих владениях, так что пусть, я в самом деле чуть было не стал настоящим государем, но все-таки удержался: хоть и дурак, но не настолько же.

Если по уму, то надо бы удержаться от загребывания и этой части Турнедо, да еще с Савуази, но тут уж так карта легла, что нельзя не взять, а теперь не знаю, как удержать это все, не по моим силам пока такая громада, хоть я и самый умный на свете и вообще красавец, но не понимаю, как всю эту громаду, расположенную по обе стороны Великого Хребта, удержать и не дать рухнуть в пучину гражданских войн.

На лестнице, что ведет на второй и прочие верхние этажи, среди стражи половина арбалетчиков, ну это и понятно, здесь начальник внутренней стражи Тэд, он же Эдвард, глава всего вспомогательного войска арбалетчиков и лучников.

Он сам, в кожаном панцире, как и все его люди,

только с тонкой золотой цепочкой на груди, встретил меня наверху лестницы, бодро выкрикнул:

— Ваша светлость, все спокойно!

— Пусть так и будет, — согласился я. — Но ты бди, Тэд, не расслабляйся.

Он заулыбался во весь рот, гордый, что его помнят, а я быстро поднялся еще на этаж; сверху сбегает встревоженный барон Саммерсет.

— Ваша светлость!

— Быстро отчет, — велел я в стремительном темпе. — Кто, как, где, когда, с кем и почему?.. Кто позволил?.. Почему не остановили?

Он ахнул, но ответил так же быстро:

— Вы позволили, сэр Ричард!

— Почему отвечаете с конца? — спросил я с подозрением. — Рыльце в пушку? Что успели украсть? Или полкоролевства сожгли?

Он отшатнулся.

— Ваша милость! Да без вас мы вообще боялись взяться даже за холодную воду. Вот сидели сложа руки и ждали, когда примчитесь и возопите: кто, как, где и все прочее, такое непонятственное здравому христианину... Вы христианин, сэр Ричард?

— Не похож? — спросил я с угрозой.

Он замахал руками.

— Похож, еще как похож, даже смотреть страшно!.. Не мир я принес, как там сказано, а двуручный меч, а также саранчу и мух... или это где-то в другом месте? Знаете, моя голова давно перестала вмещать всякие там учения, но зато я исполнитель, сэр Ричард! Все что угодно не исполню, только прикажите!

Я сказал неодобрительно:

— Все бы вам ха-ха. Как почуяли, что все уладилось?

Он сказал с широкой улыбкой:

— По вам видно, ваша светлость! От вас прям искры летят, как от наждачного камня.

— Эх, — сказал я с досадой, — снова потерял государственное выражение лица... Ничего, вот сяду на трон, всех вас заставлю маршировать и петь мне хвалу.

Мы поднялись к моему кабинету, двое слуг застыли неподвижно у двери, они и распахнули — прогресс, в прошлый раз это делали стражи, а сейчас стражи просто бдят и стерегут, не отвлекаясь на работу лакеев.

Я вошел в кабинет быстро и по-хозяйски, теперь это все мое, кивнул барону на кресло с краю от стола, но он оставался в почтительно согнутой позе, пока я не сел сам и не водрузил локти на край стола.

— Сейчас буду шкуры спускать, — предупредил я.

— Да, — ответил он, — а как же, конечно!

За дверью послышался топот, с разбега влетел лорд Вайтхолд, лицо его сразу вспыхнуло радостью.

— Ваша светлость!.. Ваша светлость?

Я успокаивающе помахал рукой.

— Раз уж вам выпала нелегкая доля побыть моим личным секретарем, то вам сесть не предлагаю, перебьетесь, не положено. Но как лорду Вайтхолду указываю вот на кресло рядом с благородным сэром Саммерсетом. Садитесь и докладайте.

Он сел, но на меня смотрел умоляюще.

— Как... там?

Я успокаивающе помахал рукой.

— Лучше не придумать. Все прошло как нельзя... в смысле замечательно! Со стороны Варт Генца полные гарантии, они хотят остаться лучшими друзьями.

— Точно?

— Никуда не денутся! — заверил я. — Им теперь долго разбираться со своими проблемами. Дорогой сэр, все-таки вам придется приподнять свою задницу, раз уж вы не только лорд Вайтхолд, но и мой секретарь. Та-

щите все карты, какие у нас есть! И каких нет, тоже тащите. Раз на вас свалилось такая трудная, но почетная работа, надо поразбираться с нашим окружением.

Барон Саммерсет слушал молча, а Вайтхолд перепросил:

— С соседями Турнедо?

— А с кем еще? — удивился я. — Вас и так знаю. И вообще... прошло счастливое детство, когда меня интересовала только моя песочница, а потом замок и две деревни... Теперь, поди ты, размах — прям голова кружится, и десять тысяч курьеров спешат, спешат, зовут куда-то...

— Ваша светлость, — напомнил Вайтхолд, — все карты у вас в кабинете.

— Так достань и разверни, — велел я.

— Да боюсь, — сказал он, — вдруг вдарите! Вы ж теперь победитель самого Гиллеберда, а я в ваших вещах роюсь как свинья какая пернатая. Вдруг там что-то совсем уж непристойное, а вы забыли... Так и голову потерять можно. Лучше уж выглядеть дураком, чем чересчур умным.

Я хмыкнул, он аж дергается от нетерпения, щеки покраснелись, как у девицы, руки дрожат, пока раскатывает карту на всю столешницу и придавливает края чернильницей и кинжалами.

— Не слишком мелкая? — спросил он. — А то у вас масштабы растут...

— Хорошо бы сузить, — сказал я, — как советовал некий философ, но не знаю, как это сделать, чтобы лицо не потерять. Так что, ладно, остановимся на этом. Но больше ни пяди чужой земли!

— А своей?

— Не отдадим, — сказал я, — но и чужую не возьмем. Даже если будут догонять и в сумку пихать. Та-а-ак, вот это и есть отныне наше Турнедо, что уже вооб-

ще-то не Турнедо, но будем пока звать так из неловкости перед побежденными... Поверните ее вверх ногами, а то у меня север внизу, а юг вообще непонятно где.

Он спросил:

— Ваше светлость, а не проще зайти с той стороны стола?

Я покачал головой.

— А стороны света тоже поменяешь? Мне надо, чтобы север на карте совпадал с реальным, а то некоторые уже бурчат, что правую руку от левой не отличаю, как одна известная девочка... Давайте, сэр Вайтхолд, не ленитесь, война еще не окончена!

Он сказал с восторгом:

— Правда? Слава богу, а то я уже перепугался. Как жить без войны?

Я старался смотреть на карту и увязывать эти линии и черточки с тем, что видел, когда неся на Зайчике, преодолевая реки и огибая леса. Если поместить Турнедо в центр мира или хотя бы карты, то слева Шателлен, справа Бурнанды, на севере граничит с Варт Генцем прямо по центру, а справа и слева от Варт Генца, Скарлянды и Гиксия, что касаются Турнедо самыми краешками.

Но северные границы Турнедо меня не колышут — отошли к Варт Генцу, куда важнее южная граница, что отделяет от Армландии и Мезины, но с Армландией соприкасается достаточно широким фронтом, а с Мезиной полосой в два десятка миль.

Правда, с Армландией отныне никаких границ, свободное перемещение людей и товаров, а также свобода обмена информацией... это можно разрешить в первую очередь, раз уж запретить не могу, только подать как мудрую и человеколюбивую политику заботливого государя, направленную на благо простых людей.

— Надо провести ротацию кадров, — решил я глубоко-

комысленно. — Срочно вызывайте более-менее мобильных лордов из Армландии.

— Что им сказать?

— Укрепим, — объяснил я, — ими слабые места в этом пока что враждебном королевстве. Местных рыцарей нужно отправлять как можно больше через Тоннель в Сен-Мари. Там критическая ситуация, как вы знаете...

— Уже сделано, — ответил он гордо.

— Что, — удивился я, — вызвали армландцев?

Он несколько смутился.

— Нет, но наши такого нарасказывали о чудесах южного королевства на берегу бескрайнего океана, что местные рыцари, особенно безземельные и безлошадные, просто ночами не спали, пока не сбились в отряды! Два я уже отправил, а сегодня-завтра еще один...

— Сколько?

— Тысяча в первом, — отрапортовал он, верно поняв вопрос, — полторы во втором, а в третьем ожидается больше двух! И это только рыцари и тяжеловооруженные!.. Правда, из казны велел выдать им на снаряжение, надеялся, что вы будете не особенно против...

Я обнял его и расцеловал в щеки, хотя жутко не люблю это действие, но среди рыцарей оно почему-то в ходу. Видимо, усиленный знак христианской любви.

— Благодарю вас, сэр Вайтхолд! — сказал я с чувством. — Вы поступили совершенно правильно! Что казна! еще нагребем и попрыгаем в бассейн из золотых монет, а сейчас нужно удержаться самим и удержать то, что захпали. Да и как не хапать, когда само в руки приплыло?..

Он посмотрел пытливо, но смолчал: по их мнению, оно не совсем плыло, это я хитростью, коварством, изощренными переговорами и сталкиванием интересов вырвал из когтей более сильных львов самый лакомый кусок, а сейчас, конечно, можно подавать и так, если это соответствует политическому моменту.

Глава 3

Дверь приоткрылась, заглянул виконт Каспар Волсингейн, а за его плечом угадывается могучая фигура Клемента Фицджеральда.

— Ваша светлость, — проговорил сэр Клемент.

Я отозвался нетерпеливо:

— Да-да, звал! Заходите!

Они вошли несколько стесненно, я с досадой оставил карту и со всеми сердечно обнялся в старании развеять эту скованность,

— Ваша светлость, — сказал сэр Каспар, на лице блуждает радостная улыбка, — как съездилось?

— Все уладил, — ответил я, — от короны отказался.

Они заулыбались шире — понятно, лорд пошутил, — а я нетерпеливым жестом подогнал их к столу.

— Пир потом, потом!.. Какие-то соображения есть по поводу нового приобретения Армландии?

Сэр Клемент не понял, судя по его лицу, все наклонились к карте, а он все еще смотрел на меня весьма озадаченно.

— А что она... приобрела?

Виконт Каспар толкнул его в бок, сэр Клемент чуть смутился и со скрипом повернулся к столу с картой, но, судя по лицу, так и не понял.

Зато сэр Вайтхолд взглянул на него и сказал осторожно:

— Ваша светлость, уместный вопрос...

— Слушаю, — сказал я в нетерпении.

— Среди рыцарей, — проговорил он, — много спорят о вашем строжайшем приказе не препятствовать людям короля Барбароссы топтать землю Армландии...

Он умолк и выжидающе смотрел на меня.

— Верно, — подтвердил я бодро, в таких случаях надо демонстрировать полнейшую уверенность. — Такой приказ оглашен.

— Но люди короля Барбароссы, — сказал он тоже с уверенностью в голосе, — обязательно восхотят посещать отошедшие к их королевству территории этих разделенных земель...

Дверь приоткрылась, вошел барон Бальдфаст Бредли и тихонько присел у самого входа.

Все смотрят на меня очень внимательно. Я ощутил, что разговор назрел опасный, нужно пройти по лезвию ножа, не свалиться, но и не поранить ноги на тернистом пути государственного деятеля.

— И что вас беспокоит? — спросил я с подчеркнутой беспечностью и поиграл цветным шнурком на ножнах у рукояти меча.

— Фоссано, — проговорил сэр Вайтхолд с растущей твердостью в голосе. — Мы немало воевали с ними, отстаивая свои привилегии и особенности, сэр Ричард! С вами в качестве гроссграфа мы почти добились полной независимости, а тут вдруг такое... Сэр Ричард, нельзя отдавать такой кровью завоеванные права!

Я перевел дыхание, мысли мечутся, подыскивая выход, наконец я ухватился за яркую и очень трезвую мысль.

— Сэр Вайтхолд, Армландия меньше Фоссано насколько?

Он подумал, буркнул:

— На треть. Даже больше. А народу в Фоссано впятеро!

— Всего лишь? — спросил я и улыбнулся широко и свободно.

Они смотрят настороженно, но и с надеждой — я же не последний дурак, чтобы убиться о стену, когда положение начало улучшаться.

— На треть? — повторил я. — Ну что вы за дубы такие, пользуетесь давно устаревшими сведениями! И потому неверными.

— Ваша светлость? — сказал Вайтхолд обескураженно.

Я жестом велел заткнуться и продолжил:

— Вижу, не только наш неустрашимый и доблестнейший сэр Вайтхолд упустил некоторые подвижки в современной геополитической схеме. Мир меняется, как велел Господь, и меняется руками своих доблестных воинов. Кто не понял, указываю пальцем, сие есть мы, свершители божьей воли, так что кто тут против нас?

Сэр Вайтхолд сказал остороженько:

— Ваша светлость, я смутно начинаю улавливать, что мир меняется в нашу пользу... раз уж это мы его меняем. Не совсем уж мы эти, чтоб менять в чужую!.. Но все-таки как бы это...

— Абисняю, — прервал я, — вернее, напоминаю то, что и сами знаете, но не делаете выводов. Теперь Армландия больше Фоссано в разы! С юга у нее за Великим Хребтом — Сен-Мари, а с севера — две трети Турнедо с его мощной экономикой, могучей военной машиной, которую не разрушили поражения, а остановилась она только из-за смерти Гиллеберда, но может быть снова запущена в любой момент... Еще чего-то не поняли?

Я видел, что еще не поняли, но мой уверенный и жизнерадостный голос поколебал их, потом заставил задуматься, а когда сообразили, что Армландия может пользоваться ресурсами огромного и богатого Сен-Мари, а также Турнедо как людскими, так и материальными, на их медленно светлеющих лицах начали появляться неуверенные улыбки.

Первым смущенно пробормотал виконт Каспар:

— Я как-то не подумал...

Клемент бухнул, как бросил валун в озеро:

— Сэр Ричард намекнул, что Армландия уже может не бояться Фоссано?

— Уже никого может не бояться, — сказал Бредли,

щегольнув быстроумием. — Мы граничим с Мезиной справа и самым краешком — с герцогством Ламбертиния. Мезина нас и раньше не тревожила, а герцогство вообще замкнулось в своем мире... Сэр Ричард давно увидел то, что мы с трудом соображаем только сейчас.

Они улыбались мне, я улыбался им, делая вид, что да, я мудр и давно это знал, хотя эта мысль пришла в голову минуту назад. А ведь в самом деле, с таким перевесом уже хвост может вилять собакой.

— Начинаем вводить некие прогрессивные новшества, — сказал я. — Сейчас вот велю направить нужных людей в города и деревни, пусть присягу мне дает всяка сущий в них язык.

Сэр Вайтхолд переспросил немножко обалдело:

— Это как?

— Все, — пояснил я, — кроме детей и женщин, а люди — все без исключения.

— Знатные и незнатные? — уточнил он.

— А также богатые и бедные, — подтвердил я. — Я демократ или не демократ? Господь сказал: все равны, вот пусть все и приносят!

Рыцари умолкли, а сэр Вайтхолд, выражая общие чувства, скривился, как от горькой редьки.

— Ваша светлость, — спросил он, — а надо ли? Ну какой толк от мелких земляных червей в их глухих деревнях? Пусть приносят присягу своему лорду, вы должны быть выше!.. Вам присягают сами лорды! Разве этого недостаточно?

Я посмотрел на него внимательно:

— Сэр Вайтхолд, ваши советы становятся чересчур настойчивыми! Вам не кажется?

Он заметно смутился, отступил и развел руками.

— Ваша светлость, вы же знаете, как я вам предан!

— Рассчитываю на это, — ответил я дипломатично. — В общем, задача вам ясна?

— Все выполню, — ответил он. — Разрешите выполнять?

Я сделал небрежный жест одними кончиками пальцев.

— Да, все свободны.

Они по-военному быстро поднялись и вышли, сэр Вайтхолд пошел было с ними, я сказал резко:

— Сэр Вайтхолд, а вы куда? Рабочий день еще не кончился!

Он обернулся, губы искривились в усмешке.

— А у вас он когда-то заканчивается?

— У вас тоже безразмерный, — заметил я.

Я навис над картой и всматривался в очертания рек и дорог, он некоторое время молчал, я видел краем глаза недоумение на его лице; наконец он поинтересовался:

— А как начет северных территорий?

— А что с ними? — спросил я.

Он кивнул на карту.

— Вы расчертили земли королевства на четыре части, но только у Найтингейла прямой доступ к его куску пирога. Барбароссе надо ходить через Армландию, а мы весьма настороженно смотрим на короля соседнего королевства... он для нас король-сосед, а не сюзерен!.. а у Варт Генца свои трудности...

— Какие же? — полюбопытствовал я.

— Почти половину тех земель, — объяснил он, — что отошли нашим верным союзникам, занимают владения семьи Лихтенштейнов. Помните, вы видели и даже общались с доверенным лордом герцога Кристофера Ярджинского, его преданным вассалом Зигмундом Лихтенштейном, что руководил последней атакой на Савуази?

— Помню, — обронил я.

— С ним были его братья, — сказал он, — дяди, а также вассалы. Вы еще сказали, что слоны, а не люди...

Я прервал:

— Короче, барон. В чем там трудности?

Он развел руками.

— Семья Лихтенштейнов не желает попадать под власть Варт Генца! А у них, надо сказать, очень мощные крепости, Гиллеберд сам их проектировал и строил, чтобы там могли разместиться войска и выдерживать долгие осады.

— Это нормально, — прервал я снова, — на границах все строят не просто замки, а крепости. И что за споры? Варт Генц мог бы пообещать какие-то льготы...

Он тяжело вздохнул.

— Варт Генц ослеплен ролью победителя! Потому никаких уступок. Кроме того, все и так обижены, что вам досталось две трети Турнедо, а им — всего клочок. Да и тот, оказывается, отстаивает независимость!

Я сказал сердито:

— Сэр Вайтхолд, разве это наши трудности? Давайте все-таки смотреть, что у нас где горит, а если нет, то где загореться может!.. Или где попытаются поджечь. Вы слыхали про поджигателей войны?

Он начал загибать пальцы.

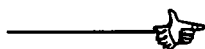
— Если начинать с любимой вами экономики, то здесь все неплохо, почти все работает. Мы ухитрились захватить страну, почти ничего не нарушив и не поломав...

— Это не наша заслуга, — прервал я, — Гиллеберд выстроил самовосстанавливающуюся систему. И саморегулируемую. Что там дальше?

Тень неудовольствия промелькнула на его лице.

— С политикой, — продолжил он, — еще проще. Врагов фактически нет. По крайней мере очень уж явных.

Я смотрел, как он покрутил оставшиеся три пальца и убрал их в кулак.

— И все?

— Ваша светлость, — возразил он. — Если и есть какие-то мелочи...

— Как обстоят дела с экологией? — прервал я. — С охраной окружающей среды? Меня интересуют природоохранные парки, сколько их в королевстве, насколько опасны, что нужно сделать?

Он просиял.

— О, ваша светлость, не волнуйтесь, их много! Синее Болото, Зыбучие Пески Дарна, Гиблый Лес, Проклятая Долина Скелетов... Это самые обширные, а есть еще всякие зачарованные места, их множество, и почти везде от смельчаков остаются одни кости!.. А кое-где и костей даже не находят. Взять, говорите, под охрану?

Я отмахнулся:

— Их слава сама их защищает. Ничего, дойдут руки и до них. Мой билль о свободном передвижении эльфов распространили?

— Да, ваша светлость! Во всех городах, селах и деревнях герольды прокричали. И что за препятствия, обиды и притеснения эльфам будете спрашивать строго.

— Хорошо, — сказал я. — Проследите, чтобы точно такие же права были и у наших союзников гномов.

— Они обнародованы!

— Значит, — сказал я, — пусть глашатаи прокричат громче. А то в города гномы пока заходить не решаются.

— Осторожничают...

— Может, не зря?

Он сказал с неудовольствием:

— Турнедцы очень дисциплинированы. Если закон обнародован — он выполняется.

— Ну, — сказал я, — гномы могут не знать, чем отличаются турнедцы от вартгенцев. Просто повторите мой приказ по всем городам и деревням.

Глава 4

Я быстро придумывал указы, оформлял во внятные слова, подписывал и передвигал на другой конец стола, а сэр Вайтхолд время от времени появлялся в кабинете, собирал и пропадал совершенно бесшумно.

В какой-то момент он не возник у стола, а смиренно застыл у двери. Я вздернул голову и посмотрел на него довольно бессмысленно — я же сейчас указоиздатель.

— Сэр Вайтхолд?

Он поклонился.

— Ваша светлость, к вам просится аббат какого-то монастыря. Или глава какой-то гильдии... я не расслышал, простите. Но мне показалось или вовсе почудилось, он хочет и готов сказать что-то важное.

Выглядел он смущенным, никогда таким не видел, даже лицо пошло красными пятнами, не может себе простить, что из головы вот так вдруг вылетело имя просителя, и — стыд какой! — даже забыл, представляет тот монастырь или гильдию работников.

Я насторожился — для цепкого сэра Вайтхолда такое нехарактерно, но ответил очень любезно:

— Хорошо, сделаем небольшой перерыв. Впустите его, а сами подождите за дверью.

Он поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Вайтхолд, — ответил я.

Он вышел, оставив дверь открытой, а через порог скромно переступил мужчина в темной одежде, шляпа в руках, тут же коротко поклонился.

— Ваша светлость, — произнес он с расстановкой, — я аббат монастыря имени блаженного Агнозия.

Дверь за ним закрылась, но мне показалось, что сэр Вайтхолд к ней прикоснуться не успел.

Я молчал, всматриваясь в это лицо умного и пронительного человека: глаза смотрят прямо, в них живой

блеск, вертикальные складки над переносицей, чуть сдвинутые брови, взгляд острый, не просто смотрит, но и рассматривает, что в этом кабинете непривычно — рассматривать могу только я.

— Блаженного Агнозия? — переспросил я. — Величие и сила нашей церкви в том, что у нее очень много святых, учеников, героев и подвижников. Настолько, что простой воин вроде меня не в состоянии запомнить всех...

Он поклонился.

— Слова мудрости, ваша светлость. Тем более приметные, что мы взяли покровителем вовсе не одного из отцов церкви, как делают многие, ибо под сиянием великого имени проще процветать, а вот под покровительством блаженного Агнозия все зависит только от нашей деятельности.

— И чем отличаетесь вы, — спросил я настойчиво, — от основной массы монахов и монастырей?

Он смотрел в мое лицо с прежним благожелательным вниманием, но я ощутил в нем растущее напряжение, наконец-то прозвучал вопрос, который решит, как сложатся наши отношения дальше.

— Наш патрон увлекался механикой, — сообщил аббат. — Той, старой.

Я помолчал, потом поинтересовался осторожно:

— Но разве церковь не запрещает все, что относится к временам до Великих Войн Магов?

Он покачал головой.

— И до войн люди ходили на двух ногах, ели, пили, разговаривали, учились читать и писать... Нельзя запретить все. Устав нашего ордена согласован с Ватиканом практически во всем...

— Практически?

Он кивнул.

— Да. За исключением отношения к простейшей технике. Колдовство, магию и любую волшбу мы от-

вергаем как занятие нечестивое и противное Господу. Однако простейшую механику, облегчающую жизнь, мы приветствуем и стараемся внедрять в нашу повседневную жизнь.

Я спросил в упор:

— Тогда чем отличаетесь от цистерианцев? Они просто помешаны на механике!

— Они признают только ту, — ответил он смиренно, но с той гордостью, что уже гордыня, — которую понимают, которую придумали сами и которой могут научить неграмотных крестьян. А те могут научить ей других таких же простых и весьма нелюбопытных. Мы же признаем и ту, принципы которой пока не понимаем.

Я вздрогнул.

— Ого! Это же использование запрещенных церковью вещей!

— Ваша светлость, — произнес он вежливо, но я чувствовал твердость в мягком голосе, — наше понимание в этих вещах чуть шире. Если нет магии, если не наносит ущерба церкви и человеку, то это можно использовать, одновременно стараясь понять, как это работает, чтоб сделать понятным даже цистерианцам.

В его вежливом голосе слышалось тщательно скрываемое презрение к братьям по вере, что напрасно ограничивают себя такими запретами.

— Так-так, — проговорил я нерешительно, — устав вашего монастыря любопытен... но не граничит ли это с запрещаемой ересью? Или, скажем прямо, не ересь ли это?

Он ответил уклончиво:

— Ваша светлость, вы явно просвещенный человек, это чувствуется даже в построении вашей речи. Возможно, вы слышали, как некоторые еретические мысли и даже учения со временем канонизировались и становились официальной политикой церкви? К счастью,

позиция Ватикана подвижна и может меняться, что она с успехом и демонстрировала на протяжении веков к вящей славе церкви...

Сердце мое стучит часто, я сейчас тоже близок к проступку, но заставил себя кое-как успокоиться и спросил почти деловым тоном:

— Значит... механики?

Левый уголок его рта чуть дернулся, но это не раздражение, как я понял, а подобие улыбки.

— Уместное уточнение, — заметил он. — Особые и весьма искусные механики. Для особых людей.

Я повел рукой в сторону кресла в двух шагах от меня.

— Присядьте, сэр... сэр?

— Просто аббат Дитер, — ответил он спокойно. — Да, аббат Дитер.

Я смотрел, как он садится, легко и без подобострастия, как человек, скажем, церкви, что не видит разницы между нищим и королем. Но только это явно не той церкви, как ее видят из Ватикана. Очень даже не той.

Он тоже смотрел на меня изучающе, глаза стали холодными и немигающими, внезапно привычно круглые зрачки стали вертикальными щелочками, как у отвратительных змей и кошек.

Я не вздрогнул, но явно что-то изменилось в моем лице — он сказал чуточку виновато:

— Ваша светлость, простите...

— Как вы это делаете?

Он снова улыбнулся лишь уголком рта.

— Я не могу так, как вы делаете, не меняясь...

Я спросил настороженно:

— О чем вы?

— Об умении видеть тепло, — объяснил он. — Иногда очень полезно, не так ли?

— Полезно, — пробормотал я, — только я не думал, что по мне это видно.

Он выставил перед собой ладони.

— Ваша светлость, таким умением обладают только в нашем монастыре. Да и то немногие из иерархов. Они вас заметили здесь еще в ваш первый визит... Помните, рядом с Гиллебердом сидел человек в сутане? С того дня следили за вашими действиями... и особенно восхищены, как вы провели захват королевства, мудро и красиво!

Я пробормотал:

— Польщен. Но что именно вы считаете мудрым и красивым?

— Не сражения на мечах, — ответил он ровным голосом, — это для простых. Вы договорились о помощи с эльфами и гномами, это привело нас в восторг!

— Ничего особенного, — ответил я нехотя, — когда тонешь, и за гадюку схватишься. А эльфы и гномы могут пригодиться и в развитии народного хозяйства.

Он вскинул брови, некоторое время смотрел с недоверием.

— Вы всерьез? Не планируете их обмануть?

— А зачем? — спросил я. — Дружить выгоднее.

Некоторое время он смотрел пристально, я чувствовал, как давление на меня растет, рассердился и мысленно отшвырнул это вот, и аббат заметно дернулся, по лицу пробежала короткая судорога, но тут же улыбнулся и сказал почти тепло:

— Это истина, ваша светлость, но говорить ее некому.

— Согласен, — буркнул я. — И с чем вы... пришли?

Он снова уставился в меня немигающе змеиными глазами, на этот раз ощупывающее присутствие почти не ощущалось, и я не стал обращать внимание, все равно я в силу происхождения иммунен к местной чертовщине.

— С предложением сотрудничества, — сказал он и торопливо добавил: — Мы понимаем, короли требуют

полного повиновения, и при них есть свои маги... однако, ваша светлость, вы же понимаете, придворные маги почти ничего не стоят!

Я кивнул.

— И что?

— Мы можем вам дать то, — сказал он, — чего не дадут войска, захваченные земли, готовые на все услуги женщины знатных семей, накопленное или взятое с бою богатство...

— Конкретнее, — предложил я.

Он сдержанно улыбнулся.

— Вот за эту деловитость и хватку вы нам нравитесь особо! Я как аббат монастыря блаженного Агнозия уполномочен всей братией заключать договоры...

— Кровью расписываться не надо? — спросил я шутливо.

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость, мы в самом деле... монахи. Хотя наш устав и не подписан папой римским. Но и не отвергнут! Пока лишь на рассмотрении.

Я порывлся в памяти, пожал плечами.

— Как относитесь к власти?

Он кивнул.

— Очень уместный вопрос. Все налоги Ватикану платим своевременно, а от повинностей в королевскую казну освобождены, как все прочие монастыри и церкви. Только по нашему уставу в наш монастырь никто из мирян не допускается.

Я ощутил подтекст, спросил, не сводя с него взгляда:

— А если прибудет легат из Ватикана?

Он понимающе улыбнулся.

— Ему покажут... все.

Небольшая заминка в речи подсказала недостающее, я спросил полуутвердительно:

— Однако в преддверии таких высоких гостей всех монстров уберут? И коридоры почистят? Вывоют?

Его вертикальные зрачки на миг вспыхнули красным и тут же снова превратились в щелочки, за которыми просматривается черный космос.

— Ваша светлость, — проговорил он сдержанно, подчеркивая каждое слово, — вы очень... очень проницательны.

— В чем вы нуждаетесь? — спросил я. — Как правитель я должен заботиться обо всех. И помогать процветанию.

Он скорбно вздохнул.

— В монастырях монахи работают сами. Но у нас они и так заняты... очень. Однако есть ряд дел, которые могли бы выполнять простые люди. Например, нам нужно вырыть в одном месте очень глубокий колодец. Я не могу сказать даже, какая будет глубина, однако нашим монахам пришлось бы рыть сотню лет. Если же нанять простых людей...

— Так наймите, — прервал я.

Он развел руками.

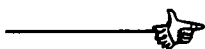
— К сожалению, есть места, куда простые люди ни ногой. Деньгами не заманить, можно только заставить. Могу признаться, ваша светлость, с королем Гиллебердом в большинстве случаев взаимопонимание мы находили.

— Догадываюсь, — сказал я холодно.

Он снова развел руками, на левой половинке лица все та же полуизвиняющаяся улыбка, но глаза предельно серьезные, только в некоторые моменты в них появляется насмешливое выражение, но я вижу, что не в мой адрес, а вроде бы по поводу ситуации.

— Простите, ваша светлость, ситуация деликатная...

— Двух монстров в непробиваемой броне, — сказал я, — что выше меня ростом, это вы ему угрожали?

Он помолчал, колеблясь, затем сказал нерешительно:

— Такие соглашения не разглашаются, пусть даже Гиллеберд уже и в другом мире... но... куда они пропали?

— Это я их пропал, — ответил я небрежно. — Встречный пал, так сказать. Да, понимаю. Но мне сейчас защитные средства не так уж и. Ну, вы поняли. Хотя хотелось бы видеть весь ваш ассортимент.

Он сдержанно улыбнулся.

— Как вы понимаете, ваша светлость, этого сделать ну никак. Однако если скажете, в чем нуждаетесь особенно сильно, я мог бы со всей тщательностью просмотреть на этот предмет как наши закрома, так и неоконченные пока что исследования.

Я подумал, спросил:

— Как насчет счастья всем людям на свете?

Он улыбнулся.

— Все шутите...

— Я серьезно, — ответил я. — Представляете, если бы его дал всем я? Но я не отказался бы и от помельче задач. Например, перебить все болезни...

Он ответил ровным голосом:

— Лечить мы можем. От любой болезни. Но не саму болезнь.

— Ну вот, — сказал я со скукой в голосе, — а я знал людей, что убивали и болезни. Наповал! Чуму, холеру, туберкулез, проказу, подагру, гангрену...

Он проговорил серьезно:

— Мы догадываемся, что вы явились из очень далеких стран, где знают и умеют больше. Но мы можем предложить вам, скажем... более быстрый способ путешествий. Полагаем, что с вашей быстро разрастающейся империей это актуально...

Я сказал четко:

— Я всего лишь грессфюрст!

— Вы слишком быстро возразили, — заметил он тем

же ровным голосом. — И чуть громче, чем надо. Это говорит о многом. Даже если вы сами еще об этом не думаете... хотя, я уверен, подумывали. Потому вам нужен быстрый способ перемещения...

— Насколько быстрый? — поинтересовался я.

— Мгновенный, — ответил он, я дернулся, он поспешно уточнил: — Конечно, не куда угодно. Сперва придется установить в месте, куда будете прыгать, особые знаки и символы веры...

— Как долго? — спросил я. — Насколько трудно?

Он наблюдал за моим лицом неотрывно, и, даже если бы я пытался очень сильно скрыть свои чувства, вряд ли мне это удалось бы.

— Ровно столько, — объяснил он, — сколько понадобится на дорогу двум-трем тяжелогруженным телегам, плюс один-два дня на установку.

Мне показалось, что этот аббат даже говорит больше как инженер, чем служитель культа, деловитый такой тон, уверенный голос.

— Меня это заинтересовало, — сказал я. — Хотя мой конь весьма даже...

— У вас не конь, — ответил он спокойно, — или не совсем конь. В наших старых книгах есть описание этих существ. Только они с рогом посреди лба и черными крыльями.

— Даже с крыльями? — спросил я пораженно. — Нет, крыльев уже не было...

— А от рога вы избавили? — спросил он. — Нет-нет, это не наше дело. Все равно наш способ проще... для вас. Хоть и намного затратнее. Простому человеку он не по карману, но государю...

Я поинтересовался:

— А Гиллеберд пользовался?

Он покачал головой.

— Если бы он мог... наверное, достиг бы большего.

К сожалению, его возраст не позволял пользоваться таким мощным заклятием. Говорю «к сожалению», потому что он всегда шел нам навстречу. Торговался просто невероятно, но сходились мы с ним всегда, потому что он был любопытен и даже... любознателен.

Я кивнул.

— Давайте конкретнее. Если бы я восхотел этот мгновенный способ перемещения... хотя уже сказал, мне он не так уж и нужен при таком коне... то что вы хотели бы взамен?

— Колодец, — сказал он сразу же. — Нам он просто необходим. Вы пришлете людей, заставите рыть... а мы тут же установим здесь у вас необходимое... оборудование. А вторую часть заклинания, хотя это вовсе не заклинание, отправим в то место, куда укажете.

— Любое?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Оно должно быть достижимым.

— В теории?

Его улыбка стала шире.

— С вами интересно общаться, ваша светлость. Нет, достижимым для нашего обоза. Груз придется везти на двух телегах.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо, я человек практичный. Это раньше бы... а сейчас у меня нет несбыточных мечтаний. Мне весьма пригодилась бы такая штука в моем дворце в Геннегау. Боюсь, перемещаться придется часто.

— Это дорого, — предупредил он сухо. — Лучше только в случае крайней необходимости.

— Насколько дорого?

— Дело не в деньгах, — ответил он. — Как раз рабочее, что будут копать, и обеспечат колдовской мощью. Чем глубже пророкут, тем ближе окажутся к источникам.

— Грубовато, — заметил я. — А от звезд брать не пробовали? Там энергии больше.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— И это знаете?.. Гм... со звезд тоже можно, знать бы как... Из-под земли грубо, все верно, зато надежно.

— Хорошо, — сказал я. — Мне кажется, есть смысл попробовать. Давайте уточним делали...

Торговались мы долго, я потом только понял, как он ловко забросил сладкого жирного червячка, на которого я клюнул, а потом начал подсекать, то есть сообщил, что рабочих понадобится несколько сотен, что колодец будет не просто колодец, а котлован, из которого землю придется поднимать на веревках в корзинах, а также на спинах носильщиков.

Я уж начал было колебаться, а стоит ли затевать, все-таки Зайчик в состоянии промчаться из конца в конец любого королевства за считанные часы, однако аббат умело напомнил, что так я могу появляться тайно, все будут видеть моего коня на конюшне, а пса на кухне, никто не заподозрит, что я отсутствую, а я тем временем уже за сотни миль вершу дела государства.

Что я буду делать, появляясь тайно, я сам не знал, но перспектива почему-то показалась соблазнительной. Он смотрит с затаенной улыбкой, словно мои мысли для него — открытая книга; наконец я сказал с тяжелым сердцем:

— Вы совсем выкручиваете мне руки, дорогой аббат!.. К счастью, военные действия закончились...

Он кивнул.

— Мы это учли.

— Свободных рук прибавилось, — сказал я, — только потому и смогу, наверное, послать пешие войска на рытье котлована, объяснив стратегической необходимостью, мол, важно для обороны любимого отечества.

— Там не помешает охрана, — заметил он.

— Могу даже приплачивать, — сказал я, — не люблю использовать административный ресурс... хотя все равно платить буду из казны, так что ладно, не так жалко.

Он поднялся, поклонился, явно повеселев:

— Тогда мы договорились, ваша светлость! Я сегодня же прикажу привести части необходимой... механики.

Глава 5

Хорошо быть виконтом Рульфом или даже Каспаром, оба ходят довольные, как два молодых гусака, весело гогочут, клюют других гусей и щипают гусынь. Я поинтересовался, что их воодушевило — прирост добычи железной руды в шахтах Нешера или же прогноз на высокий урожай пшеницы в северных областях.

Рульф ответил счастливо:

— Какая руда, какая пшеница! Вы не поверите, ваша светлость, в ваш дворец начали стягиваться уже не только знатные мужи, но и дамы!.. Да какие, просто глаз не оторвать!

— А они чего? — спросил я.

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость!

— Ну не знаю, — сказал я сварливо. — Знатные мужи не прочь подхватить что-то падающее с нашего стола, а они что?

— Тоже подхватить, — ответил за Рульфа виконт Каспар. — Им подхватывать еще легче!.. Только ноги раздвинуть, только и делов. Чем шире, тем лучше. Платье как парус, все поймает!.. А нам, в штанах, напротив, надо ноги сдвигать, чтобы поймать, потому женщины в таких делах успешнее...

Я поморщился.

— Философ. Так бы рассуждали о судьбах нации!

— А... что такое... нация?

Я безнадежно отмахнулся.

— Эх, лучше говорите о бабах.

Да что там молодые Рульф и Каспар, даже серьезнейший сэр Геллермин, от которого никак не жду легкомыслия, и тот в последнее время взбодрился, выпятил грудь и до треска в суставах раздвигает плечи.

— Ваша светлость, — сказал он серьезно, — пожалуй, я мог бы и пустить в этих местах корни. Женщины в этих землях с округлостями, мягкие, всегда улыбаются, услужливые, а наши в Армландии могут и в морду дать!..

Рульф сказал со вздохом:

— Я тоже заметил такое... Из-за чего чувствую себя предателем Армландии.

Я сказал предостерегающе:

— Сэр Геллермин, никаких баб'с!.. Берите пример с меня. У меня обет, так сказать. Частичный целибат.

— Это... как?

— Строгий, — пояснил я, — ограниченный, ничего лишнего!.. Только по самой необходимости, а то кем мы станем? Точно не героями-сокрушителями.

Он вздохнул.

— Ну да, это конечно... но такие женщины...

Я сказал непреклонно:

— Разве мы закончили и уже отдыхаем? Да работы еще невпроворот! Не забывайте, Турнедо разделено только на бумаге.

— Ваша светлость?

— Пора встретить, — пояснил я, — наступающие войска наших союзников. Это ж мы прошли фуксом, как хитрые зайчики, тайными тропами в сердце королевства, а Барбаросса и Найтингейл ломились через мощнейшую группировку северной армии Гиллеберда! Она же вторглась в Армландию, используя многократный численный перевес!

Сэр Геллермин сказал обидчиво:

— Так у Барбароссы и войск поболее, чем у нас. И Найтингейл что-то да делает, он человек добросовестный, все обязательства выполнит. Так что, сэр Ричард, не надо нашу блистательнейшую победу так уж принижать!

— Это он, — предположил виконт Рульф, — чтоб не сглазили.

— Суеверие христианину не к лицу, — заметил сэр Вайтхолд. — Сэру Ричарду должно быть стыдно!

Я сказал горестно:

— Так стыдно, что прям щас на коня. Или подведите там внизу к окну, я прыгну через него в седло.

Вайтхолд посмотрел на окно, на меня, снова на окно.

— Но... как?

Я сказал с грустью:

— Да, эпоха больших окон еще не пришла.

Внизу во дворе строгие голоса, бдительный сэр Ортенберг проверяет, что это за две повозки привезли непонятное из монастыря блаженного Агнозия. Выгружать начали под охраной, а также, как я понимаю, будет еще проверка со стороны бдительного Теда, охраняющего эту часть дворца, где мои покои.

Я понаблюдал сверху, как вытаскивают странные каменные колеса, — чудными делами занимаются в монастыре монахов-механиков, что, конечно, не совсем монахи, во всяком случае, Ватикан вряд ли про них что-то решит в ближайшее время.

Под той же бдительной охраной занесли наверх и начали снимать доски пола, а также долбить стену в кабинете. Я сказал всем, что, раз это помещение теперь мое, я не хочу, чтобы его называли гиллебердовым, а то даже сам так иногда зову, потому вот небольшой ремонт, пол перестелем, стены чуть поправим и новые гобелены повесим...

В тот же день такая же разобранная на части установка направилась в дальний путь: две недели на дос-

тавку груза из монастыря через все Турнедо, затем Армландию, Тоннель, по королевству Сен-Мари к городу Геннегау. Обычно на такую дорогу требуется два месяца, но монахи не сомневаются, что я пришлю людей на рытье котлована немедленно, потому постараются доставить ценный груз как можно быстрее.

— Я дам охрану, — пообещал я. — И вообще любую помощь в перевозке!

Аббат Дитер тонко улыбнулся.

— Ваша светлость, если ваша охрана способна передвигаться с такой скоростью, как наши тяжелогруженные телеги, мы будем рады любой помощи!

Я нахмурился.

— Увы... Моя охрана скачет без всяких штучек. Но вам в самом деле ничего не грозит в дороге?

— Грозит многое, — ответил он, — но мы справимся. Ваша милость, напасть могут только простые грабители!

Он сказал с таким пренебрежением, что я сразу понял: от грабителей останется разве что пепел на ветру.

Победителю сходит с рук если не все, то очень многое. Я распорядился послать две тысячи человек на рытье котлована, объяснив это мерами укрепления обороноспособности королевства, одновременно отправил туда обоз с продовольствием, вино и выделил на оплату солидную сумму.

Мелькнула мысль, что вообще-то я свинья. Если кто-то на троне тут же начинает грести под себя баб и менять фавориток чаще, чем перчатки, то я все равно не лучше, если посылаю тысячи человек работать на себя лично. Может быть, фаворитки обошлись бы казне дешевле!

С другой стороны, все-таки делаю это не для того, чтобы прыгать по бабам или воровать бриллианты. Этому огромному и весьма нелепому образованию, в котором и южное королевство Сен-Мари, и северные

земли Турнедо, остро нужны коммуникации, связи, постоянный обмен товарами, людьми, идеями, только тогда удастся удержать от центробежных стремлений.

Когда плотники настелили новый пол над мозаикой из камней, покрытых рунными символами, а на стене повесили роскошный гобелен, закрывающий еще один камень неизвестной породы, мастер Дитер попросился ко мне на прием снова; я работал в соседней комнате и терпеливо переносил весь этот строительный шум и грохот.

— Ваша светлость, — произнес он с удовлетворением, — установка закончена. Позвольте показать?

— Позволяю, — ответил я. — Идемте.

Кабинет выглядит почти так же, только отмыт и вычищен до блеска, пол застелен роскошным ковром, а на стене большой гобелен с суровыми сценами благородной мужской охоты на свирепого вепря.

Мастер Дитер протянул руку и указал пальцем на пол с таким уверенным видом, что я почти увидел светящуюся указку в виде луча.

— Как вам вот та многолучевая звезда в центре ковра?

— Эkleктика, — ответил я. — Смещение стилей. Я бы сделал попроще.

Он кивнул.

— У вас есть чувство вкуса. Но, увы, это не узор, как вы догадываетесь.

— Да уж, понимаю...

— Там и встанете, — пояснил он. — Точность нужна не слишком, просто не выходите за пределы ковра.

— Когда могу пользоваться? — спросил я.

— Как только соберут такую же на другом конце маршрута, — ответил он. — Через две недели будет на месте.

— Я ее встречу там, — пообещал я.

Он поклонился, продолжая рассматривать меня уже откровенно пристально и бесцеремонно.

— Ваша светлость... мне почему-то кажется, вы не новичок в общении с некоторыми как бы магическими штуками...

Он сделал некоторое ударение на слове «магическими», я понял и сказал мирно:

— Которые вы вовсе не считаете магическими, верно?

Он скупой улыбнулся.

— Как и вы.

Я пожал плечами.

— Работа механики высшего класса, что уже и не механика, неотличима от колдовства, верно?

Он хитро прищурился.

— Очень точно. Потому вам не нужно выучивать сложные заклинания. Просто станете на звезду и скажете: «Пуск».

— Только и всего? — спросил я

— Да.

— Но как же... это слишком просто!

Он покачал головой.

— Вы так думаете?

— А если кто-то подсмотрит и тоже...

Он ответил с усмешкой:

— Ничего не произойдет.

— Почему?

— Уже настроено только на вас, — ответил он загадочно. — А как... нужны ли вам долгие и скучные объяснения?

Я подумал, махнул рукой.

— Нет. Тем более что даже ваши будут основаны на догадках, не обижайтесь, далеких от истины. Хорошо, мастер Дитер! Рабочих я уже послал к вашему монастырю.

Он поклонился.

— Их размещают рядом с местом работы. Пока что

строят бараки для жилья, кузницу, кухню, а копать начнут, когда будут обеспечены всем необходимым для жизни и отдыха.

— Спасибо, мастер Дитер!

— Не за что. Мы тоже заботимся о тех, от кого зависит наше благополучие.

Мне почему-то кажется, что жизнь во дворце закипает, когда я прибываю и начинаю наводить шорох, а в остальное время все как бы замирает, что не есть хорошо. Спасибо Гиллеберду, выстроил такую систему, что все колеса крутятся, но все равно нужно в них разобраться, чтобы в случае сбоя сразу же поправить, а не бегать с воплями и не рвать на себе волосы.

Во дворце что-то совсем уж маловато моих армландцев, все-таки им доверяю больше. Впрочем, турнедцы тоже работают как муравьи-фуска, которые не обращают внимания, что их царицу убили пришельцы и теперь в царской камере поселилась другая вообще другого вида и цвета, все равно трудятся и носят ей корм.

По ночам меня начали тревожить недобрые сны, чего раньше не случалось уже давно, обычно сплю как бревно, хорошо хоть пока мальчишки кровавые не снятся, но все равно, разделавшись с самыми срочными делами, собрал армландцев на короткий пир перед отъездом.

— Лорды, — сказал я громко и поднял кубок с вином, — давайте отметим успешное окончание войны! Она победная, да, можем гордиться. Но победу нужно еще удержать!

Барон Саммерсет, как представитель наиболее родовой армландской знати, поднялся на другой стороне стола и красивым жестом вскинул кубок выше головы.

— Ваша светлость, — сказал он преданно, — вы вер-

нули Армландии честь и достоинство! Мы пойдем за вами всюду в победах и поражениях, в бедах и радости!..

Сэр Клемент добавил резким голосом:

— У вас нет и не будет более преданных людей, чем мы, ваша светлость!

Я поклонился, поднес к губам кубок и долго пил, все смотрят и ждут, ибо никто не смеет прикоснуться к вину, пока сюзерен не выпьет и не сядет, а я, осушив наконец до дна, сказал с облегчением:

— За наши победы!

В зале люстры задрожали от громового «ура». Я поглядывал с царственной улыбкой, выжидал, когда сожрут мясо и поговорят между собой, гордясь подвигами и приобретениями, поднялся и сказал твердо и решительно, чтобы в корне пресечь всякие неуместные вопросы:

— Продолжайте пир, но не спалите дворец... да и столицу! Ладно, шучу... Я выеду навстречу наступающим войскам короля Барбароссы и Найтингейла. В мое отсутствие бдите здесь и работайте не покладая рук. Если кто где вдруг, то быстро и сразу, поняли?

Барон Саммерсет ответил за всех:

— За нас не беспокойтесь, ваша светлость, а вот вам понадобился бы отряд сопровождения!

Я сказал с тоской:

— Опять эта песня...

Виконт Рульф заметил хмуро:

— Не цветочки собирать едете, ваша светлость.

Сэр Геллермин уточнил:

— Короли любят, чтобы к ним относились с почтением. А если прибудете вот так, без никого...

Я ощутил, что он вообще-то прав, но постарался сделать свой голос громким и уверенным:

— Я с ними уже давно дружу, оба ко мне привыкли именно к такому, бессвитовому. Если приеду с большим отрядом, обеспокоятся и начнут ломать головы, что я такое задумал? В общем, я ненадолго.

Сэр Вайтхолд смотрел на меня с беспокойством, а когда я в удивлении поднял брови, он пояснил:

— Вам нужно договариваться с ними, чтобы остановились на заранее намеченных границах... Но короли есть короли, у них власть и армия. Никто не сможет остановить, если захотят продвинуться дальше.

За столами лица у всех посерьезнели, даже налитые до краев чаши и кубки не согнали с лиц тени тревоги.

Сэр Геллермин обронил веско:

— Благороднейший сэр Вайтхолд прав... как мне кажется.

Я решительно возразил:

— Бросьте! Король Барбаросса, как и Роджер Найтингейл, — рыцари. Они всегда свято держат слово.

— Перед всеми? — спросил сэр Вайтхолд.

— Вроде бы да, — ответил я. — Во всяком случае, меня не обманывали. Но даже если бы не подписали договор, — а они подписали, — и тогда бы держались достойно! Не волнуйтесь, они в самом деле друзья. Наши друзья.

Рульф пробормотал:

— Да, но... пирог больно лакомый.

— Нет, — сказал я резко, — они были рыцарями и останутся рыцарями. Корона портит... не всех.

Я видел, как они посмотрели на меня очень внимательно, затем Рульф сказал за всех:

— Возвращайтесь поскорее, ваша светлость. Мы не уверены, что в этой громадине что-то да не сломается.

— И что сможем починить без вас, — добавил барон Саммерсет.

Глава 6

Во дворе конюхи вывели Зайчика, он что-то переживает на ходу, из пасти летят искры. Бобик радостно распрыгался вокруг, лорды вышли меня проводить,

кто-то поправляет попону, кто-то услужливо держит стремя.

Подбежал молодой парень в потертой одежде королевского лучника, я узнал гонца, что привез новости о замке Сворве в Армландии. Он сорвал шапку и низко поклонился.

— Ваша светлость?

Я кивнул.

— Говори.

Он спросил просительно:

— Помните, вы запретили мне поступать в королевскую армию?

Я ухмыльнулся.

— Надеюсь, ты так и поступил?

Он сказал серьезно:

— Да, я честный человек. Но, ваша светлость, а теперь можно?

— Что? — не понял я. — Королевской армии больше нет!

Он сказал хитренько:

— Я имел в виду вашу армию.

Я расхохотался. Мои лорды тоже довольно заулыбались, я покачал головой.

— Я не король.

— Но будете же, — сказал он убежденно.

Я не успел ответить, виконт Рульф вытащил из кошелька монету и бросил ее лучнику. Тот ловко поймал.

— Будет, — заверил сэр Геллермин, и остальные довольно закивали, — и ты вступишь в нее. Скоро!

Зайчик ринулся с места так стремительно, что у меня едва не оторвалась голова, вот уж не думал, что такая тяжелая, видно, в ней мысли, мысли надежные, государственные, а не какие-то поэтические...

Ветер засвистел в ушах и начал выворачивать веки, едва выметнулись за ворота Савуази. Я поспешно при-

гнулся, укрываясь как надежнейшим щитом мощной гривой, и только иногда поглядывал шурясь, узнавая места, по которым меня несет как брошенного мощной катапультой.

В одном месте проскочил, едва не стоптав стадо гусей, между двумя селами, пронесся по кромке пруда, но уловил за камнями, мимо которых пронеслись, странный серебристый блеск, трепещущий, как крылья испуганной бабочки, что никак не решит, безопаснее взлететь или остаться.

Рука моя сама по себе придержала Зайчика, я всмотрелся, свет прерывается, возникает снова, слишком похожий на разряд молнии, причем — идущий странно горизонтально...

— Бобик, — велел я, — сидеть, морда толстая. Зайчик, подожди меня здесь, присмотри за этим непутяшкой...

Он фыркнул недовольно, а я, покинув седло, зашпешил, стараясь двигаться бесшумно, к странному месту.

Камни, к счастью, не грохочут под моими сапожниками, я вскочил на вершинку гребня и увидел, как шагах в пяти от меня некто в черном плаще с капюшоном на голове время от времени вытягивает руки вперед, а там, в сотне ярдов от нас, в густой зеленой траве, мужчина только что перехватил ножом горло убитого стрелой оленя и начинает снимать шкуру.

Я подкрался неслышно, приставил острие меча к прикрытой капюшоном шее мага и сказал негромко:

— Даже не дыши, подлая тварь!.. А теперь поворачивайся ко мне... медленно и даже очень медленно...

Он вздрогнул, потом застыл, а когда я чуть надавил острием в то место, где шея соединяется с черепом, вздохнул и начал поворачиваться.

Я держался настороже, готовый к любой неожиданности, но невольно вздрогнул, увидев прекрасное жен-

ское лицо, молодое и со скорбными глазами. Светлые локоны опускаются из-под капюшона на плечи и грудь.

— Ведьма, — определил я. — Сними клобук.

Я не опускал меч, острием направленный теперь ей в горло, а она медленно подняла руки, капюшон упал на спину, золотые волосы засияли во всем блеске. В больших голубых глазах страх, но нет паники, а скорее, я бы сказал, непонятная вселенская печаль.

— Ты его хотела убить? — спросил я.

Она ответила негромко:

— Нет.

— Не верю, — сказал я зло. — А что ты делала?

Она ответила почти равнодушно:

— Все равно убьешь, разве не так?

— Я хочу знать, — отрезал я, — за что!

Она чуть поморщилась.

— Ну... за преступную любовь... Это сэр Каниг, мы с ним играли еще детьми... Родители обещали нас поженить, когда вырастем, я уже тогда в него влюбилась...

Она умолкла, я спросил настойчиво:

— И что дальше?

Она ответила с болью в голосе:

— Его взяли оруженосцем к герцогу Бреддеру, там он был через несколько лет возведен в рыцари. А когда собирался возвращаться, к герцогу приехала из столицы его племянница. Он был очарован этой ведьмой, потерял рассудок, забыл обо мне и о возвращении...

Я переспросил:

— А она точно его околдовала с помощью черной магии?

Она не сказала сразу же, что да, именно так, а как же, что я и ожидал, однако запнулась, потом произнесла тихо:

— Я так решила... ибо чем еще как не черной магией можно объяснить? Хотя говорят, мужчина может за од-

ну минуту забыть прошлую любовь и увлечься другой женщиной... Я в это все еще не верю...

Я пробормотал:

— Ну, это зря.

— Что, — спросила она отчаянным голосом, — вы так можете? Почему?

Я наконец опустил меч, а затем, подумав, со стуком вбросил его в ножны.

— К сожалению, леди, — сказал я деревянным голосом, — иногда что-то в нас происходит. Отворачиваемся от красивых и верных, бросаем свои души под ноги дурам и шлюхам.

Она как будто и не заметила, что минуту назад у ее горла был острый клинок, а теперь исчез.

— Неужели это правда?

Голос ее был полон отчаяния. Я ощутил себя как уж на сковородке, не могу смотреть в ее чистые честные и такие страдающие глаза.

— Леди, — пробормотал я, — лучше вам не баловаться с этой магией... Она ведь тоже не белая. Белой не бывает, все это черное и нечестное.

Она опустила голову.

— Милорд, я совсем потеряла голову от отчаяния.

— Подумайте, — предложил я, — если бы ваша попытка удалась? Он бы женился на вас...

— Да...

— Но разве вы бы забыли, — продолжал я, — что он одурманен вами, а любит другую? Что вы его держите в плену?.. Это нечестно, и вы себя будете грызть всю оставшуюся жизнь. Я же вижу, вы человек хороший, а хорошие люди почему-то совестливые.

Она прошептала:

— Моя магия не действует на него... наверное, сама не хочу, чтобы полюбил меня против воли...

— Просто он толстокожий, — предположил я. — Мы

вообще как-то мало чего чувствуем в этой тонкой области... В общем, леди, доброго вам дня, я откланиваюсь, так как весьма... это... спешу!

Она сказала с тоской:

— Вы же паладин? Так убейте меня...

— За что?

— За колдовство...

— Вся любовь, — сказал я мрачно, — колдовство. Ка-а-ак прыгнет, бывает, когда и не ждешь, не знаешь, что и делать! А когда ждешь — не приходит, сволочь, где-то прячется. Или на другого посматривает...

Она спросила с отчаянием:

— Вы так меня и оставите?

— Как?

— Ну... не убив? Вы же должны искоренять колдовство?

— А так будете мучиться дольше, — сказал я твердо. — И жизнь не покажется... э-э-э... раем. И все-таки, леди...

Я заколебался, она спросила с надеждой:

— Что?

— У кого была пусть самая несчастная и безответная любовь, — сказал я невесело, — все равно неизмеримо богаче того, кто вообще не любил, не страдал, у кого не рвалось сердце от ревности и боли.

Я попятился, поклонился еще раз, повернулся и, провожаемый ее удивленным взглядом, побежал к Зайчику. Они с Бобиком бросились навстречу, я вскочил в седло и поскорее послал его дальше от места.

Бобик знает дорогу или уверен, что понял меня правильно, — несется так, что, если не останавливать, догоним только в Геннегау. Места, не затронутые войной, и только когда запахло Армландией, ощутилось недавнее скопление большой массы вооруженных людей на ограниченной площади: все вытоптано сапогами

и копытами, везде пятна выжженной земли, пепел и зола, а дальше утоптанная до плотности камня земля, где прошла тяжеловооруженная рыцарская конница.

Бобику все войны и конфликты неинтересны, он знает, что жизнь прекрасна и удивительна, мчится красивыми прыжками, подпрыгивает на бегу, хватая широко раскрытой пастью бабочек — не так летают, дуры, — выпугивает из высокой травы птиц — а чего тут разгнездились без разрешения, — насмешливо оглядывается на Зайчика, попробуй догони, лосяра...

В какой-то момент он насторожил уши и на бегу повернул голову. Я уже знаю этот жест, придержал Зайчика, до слуха долетел лязг мечей, злые возгласы, затем отчаянный женский крик.

Первой мыслью было правильное: чего, дура, полезла в глухой лес? После чего я должен бы продолжить путь, уже не дурак — искатель приключений, мудрый местами правитель, но руки сами повернули арбогастра в ту сторону.

Пес ринулся туда первым, арбогастр сделал мощный прыжок, проламываясь сквозь высокую зеленую стену кустарника, и я успел подумать со стыдом, что все-таки я другими местами еще дурак...

На открытой площадке между редкими деревьями-великанами двое мужчин деловито связывают брыкающуюся женщину, я успел увидеть распущенные дико красные волосы, еще двое переворачивают мужские тела в простой одежде, что распростерлись в лужах собственной крови, а четверо оседланных коней отбежали в сторону и смотрят с вялым интересом.

На треск кустарника все замерли, но мечи обнажили только двое, а те, что с женщиной в руках, остановились и, держа ее крепко, смотрят настороженно и злобно.

Бобик сел в сторонке мирно, замер, а то погоню об-

ратно, на него покосились сперва, тут же перевели хмурые взгляды на меня.

— Эй, — сказал я весело, — а что тут происходит?

Один прорычал злобно:

— Езжай, куда едешь. И собаку свою плешивую убери.

— Ого, — сказал я, — за собаку ты мне ответишь, морда тупоносая. Объясняю еще раз — я хозяин этих мест. Потому повторяю вопрос: что... здесь... происходит?

Тот же один сказал мрачно:

— Тебе сказали, убирайся подобру-поздорову.

— Ответ неверен, — сказал я. — И слишком груб.

Оба не ждали, что я успею выдернуть меч с такой скоростью и одновременно пошлю вперед коня. Зайчик сшиб одного грудью, второй пытался отклониться, но я без труда достал его лоб кончиком клинка.

Мы пронеслись вперед, развернулись. Сбитый с ног старается подняться, но падает на локти, а те, что с женщиной, переглянулись и, бросив ее на траву, выхватили мечи.

Я неторопливо слез с коня, похлопал по крупу, чтобы отошел: мужчинам нужна арена для выяснений, кто тут альфа, а кто просто самец.

— Спрашиваю еще раз, — сказал я, — что здесь происходит?

Один из тех, кто держал женщину, сказал резко и повелительно:

— Вы здешний лорд? Просто забудьте о том, что видели. Езжайте по своим делам. Не хочу обидеть, но здесь силы, с которыми задираться не стоит никому.

Я проговорил медленно:

— Я вообще-то как бы тоже сила... Сложите оружие и склоните головы. Может быть, я вас и помилую...

Они смотрели на меня неотрывно, третий тем вре-

менем уполз в сторонку, я усилил запаховое — ага, подкрадывается, дурак, со спины, хотя его выдает и шелест травы под сапогами, и хруст песка, не говоря уже о тошнотворном запахе чеснока.

Тот, что с мечом в руке над лежащей женщиной, сказал громко, явно стараясь, чтобы я смотрел только на него и слушал его:

— Лучше ты признай нашу силу и...

Я резко развернулся, полоснул мечом не глядя. Успел увидеть боковым зрением, как стальная полоса клинка красиво прошла строго горизонтально по короткой шее, в следующее мгновение уже стою лицом к этим двум, оба начали даже улыбаться, сволочи...

— Итак?

Они заорали и ринулись как два дурака, кривляясь и делая угрожающие движения. Сердце мое стучит часто и мощно, изнутри прямо прет, эти оба двигаются так медленно, словно выползают из клея. Я рубанул одного по дурной голове, от удара второго уклонился, он провалился мимо, я ударил вдогонку и услышал хруст черепа, будто проломил скорлупу яйца дракона.

Женщина дергается в путах, во рту белеет туго свернутая тряпка. Я неторопливо подошел, подумал, развязать сперва или выдернуть кляп, решил сначала избавиться от веревок, пусть помолчит, пока могу вот так, а когда выдернул наконец эту грязную тряпку, изумился, сколько ее вошло, целая простыня, ну и глотка, просто чудо.

— Какие же сволочи, — прохрипела она люто. — Убили моих слуг... Тьфу!... Вообще-то спасибо.

— Вполне уместно, — согласился я. — Я всегда за это «вообще-то спасибо» тружусь как пчелка. Что-то ваши слуги одеты лучше вас... гм... леди.

Она смерила меня надменным взглядом, никакой благодарности, кроме формального «спасибо».

— И что?

— Да так, — сказал я, — наводит на размышления.

— Какие?

— Это ваши кони?

Она оглянулась.

— Не все.

Я кивнул.

— Кладу голову, что смогу сказать, какие из них чьи.

Хотя не понимаю...

Она поморщилась.

— Чего?

— Зачем вам кони? — поинтересовался я. — Разве не проще на метле? Или вороны клюют в полете?

Она посмотрела с холодным достоинством.

— Намеряете, что я ведьма?

— Это и так видно, — сообщил я, — без всяких намеков.

— Откуда видно?

— Во-первых, — сказал я, — рыжая, а это самые опасные ведьмы, прирожденные, во-вторых, зеленущие глаза, а в-третьих... женщины все ведьмы.

Она поморщилась.

— Чувствую грамотного, вы ведь грамотный?

— Только крупными буквами, — признался я скромно. — И чтоб с картинками. Ладно, леди, я вроде бы вам чуточку помог, за что получил чуточку спасибо, а теперь прощайте и будьте здоровы...

Зайчик подбежал на свист, женщина покосилась на этого красавца из блестящей черноты.

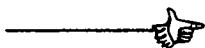
— У вас неплохой конь. Сколько за него хотите?

— Вы столько не стоите, — сообщил я любезно.

Зайчик подставил бок, я вскочил, не касаясь стремени. Женщина торопливо вскрикнула:

— Погодите! Вы не можете меня оставить вот так!

Я галантно улыбнулся.

— Леди! Еще как смогу.

Она закричала:

— Да погодите же вы! Я хорошо заплачу.

— Мои услуги не продаются, — сказал я гордо. — Больше за «спасибо» работаю, но это когда вожжа под хвост попадет, а такое бывает редко.

Она сказала настойчиво:

— Я вам заплачу очень хорошо!

Я смерил ее оценивающим взглядом.

— Глядя на ваше оборванное платье, можно предположить, чем вы намерены расплатиться. Но для меня это слишком мелкая монета.

Мне показалось, что ее щеки покраснели от стыда, но сказала она с еще большей настойчивостью:

— Не судите по платью! Я переоделась, чтобы оставаться неузнанной. Я королева Мезины Ротильда Дрогонская!

Я оглядел ее критически.

— Да ну?

Она сказала резко:

— Что не так? Не похожа?

— Ничуть, — сказал я.

— Чем же? — спросила она.

— Красивая слишком, — буркнул я.

Она вскинула брови, в глазах отразилось великое удивление.

— И чем это мешает?

— Королева должна быть умная, — пояснил я. — А господь два горошка не кладет в одну ложку. Королева еще должна быть хитрая, коварная, подлая, эгоистичная, злобная, подозрительная...

Она сперва было соглашалась — видно по глазам, — потом в какой-то момент решила, что достоинств слишком много, поморщилась.

— И все-таки я королева!

— И что королева Мезины делает в Турнедо? — спросил я. — Не боится быть арестованной за топтание чужой земли?.. Крестьянину еще сойдет, он же дурак, а если действительно королева, то это наглое и неспровоцированное вторжение! Можно сказать, акт агрессии без объявления войны, предательское нападение, что возмутит всю мировую общественность...

Она проговорила уже с нерешительностью, видя, что ее титул на меня не подействовал:

— Может быть, вы слезете с коня?.. Я могу, конечно, путешествовать одна, но было бы лучше, если бы меня немного проводили...

Глава 7

Я подумал о Турнедо, Савуази, противостоянии держав, кризисе веры, ломке культур, падении нравственности, усилении рыночных отношений, неизбежном столкновении с могучим и таинственным Югом... и медленно сполз с Зайчика, продолжая отчаянную борьбу с самим собой.

— Меня зовут Ричард, — сказал я, — не король, конечно, а простой рыцарь, что пытается жить правильно.

— Рада познакомиться, сэр Ричард, — произнесла она с надменностью. — Ничего страшного нет, что у вас нет великих предков.

— А я сам великий предок, — сказал я нагло.

Она чуть-чуть растерялась, но сказала так же уверенно:

— Я верю в это!

— Неплохо вас учат, — буркнул я. — Давайте уберемся отсюда, а то мешаем бедным зверькам кушать...

Она покосилась на кусты, откуда выглядывают лисьи мордочки; она наверняка узнала родственниц, зябко повела плечами.

— Да, конечно.

Я готовился помочь ей влезть в седло, но она поднялась сама, причем достаточно легко, и, самое главное, села по-мужски, а не свесив обе задние конечности на одну сторону, что выглядит ах-ах так мило и беспомощно женственно.

— Не хотите ли что-то взять? — спросил я и кивнул на убитых. — Двое из них ваши слуги?

Она мотнула головой:

— Не совсем. Я их наняла сегодня утром на постоялом дворе, чтобы проводили через эти земли. Женщина, путешествующая одна, слишком привлекает внимание.

— А-а-а-а...

— А эти четверо, — сообщила она холодно, — просто посланы перехватить меня, если получится.

Я кивнул:

— Да, тоже не те, которых обыскивает королева.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Но можете пошарить в их карманах вы.

Я поклонился:

— Спасибо за разрешение, леди Ротильда. Но меня это тоже не весьма зело заинтересовало...

Она сказала холодно:

— Ко мне правильнее обращаться как к Вашему Величеству.

Я кивнул:

— Согласен. Когда получу подтверждение, тогда да, весьма. С интересом. Я вообще-то весь интересный!

Остальных коней я собрал и, связав поводья, повел следом; так проехали с полмили, после чего на первой же приличной поляне остановился, велел Бобику принести чё-нить, а сам подошел к рыжеволоске и протянул руки, однако она соскочила чуточку мимо, подчеркивая независимость и способность обходиться без мужчины... хотя бы в этом случае.

Я хмыкнул, разжег костер и, пока она, отвернувшись, подкалывала пышные волосы шпильками и подвязывала лентами, расстелил скатерть и быстро заполнил деликатесами, начиная от дивно приготовленных карбонатов и стейка и заканчивая десертом.

Она подошла, глаза стали круглые, как у кракена.

— Ничего себе!.. Что за мужчина, что возит с собой такое?..

Я ощутил, что уела, сказал смиренно:

— Было видение, что встречу вас. Вот и постарался.

— Беру вас поваром, — заявила она, еще только принюхиваясь — Какие дивные запахи!.. А это что?.. А это что?

— Все съедобно, — заверил я. — Жрите вволю, моя королева, если вы королева, — потом расскажете, как это королева Мезины очутилась в Турнедо. Потому что если у вас нет разрешения на транзит через королевство Турнедо, то к вам применимы санкции.

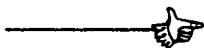
Она сделала удивленные глаза.

— Ой, вы такой умный... Такие слова запомнили! У вас голова от них не болит?.. С чего это вы такой заботливый о том, на что местный король не обращает внимания?

— Вы правы, — согласился я, — здешний король уже ни на что не обращает внимание. А нынешнему правителю до всего есть дело! Говорят, лезет во все дыры как дурак какой, хочет мир спасти... По-своему, конечно. Только ему одному понятным способом... Если вы не хищник, мясо не потребляете, то вот рыба... правда-правда, это рыба, хоть и странная, согласен! Филе. Пробуйте сыр...

Она осторожно взяла ломтик тонко нарезанного мяса, полузакрыла глаза, вдыхая нежный аромат.

— Как странно, — произнесла она и тут же, вернув себе деловой тон, сказала резковато:

— Конечно, нынешний дурак!

— Вы слышали о нем?

— Нет, — призналась она. — Знаем только, что король Гиллеберд двинул на север свою победоносную армию, чтобы включить в состав Турнедо эту провинциальную и дикую Армландию.

— Хорошие слухи, — согласился я. — Узнаю пропагандистский стиль. Значит, новость, что крохотная Армландия включила в свой состав две трети Турнедо, дойдет до вас в следующем году...

— Ого! А как это случилось?

Я отмахнулся.

— Это политика, милая леди... Вы ведь милая? И в самом деле леди?.. Ладно-ладно, я только спросил. Не пугайтесь, это такие пирожки, хоть и непривычные с виду, но не везде же готовят так, как в Мезине!

Она медленно потребляла мясо ломтик за ломтиком; в самом деле королева, хоть и проголодалась и вообще хочет сожрать быстро и с чавканьем, так всегда вкуснее, но сдерживается, следит за каждым своим жестом и словом.

Я спросил невинно:

— Так как вы очутились здесь?

— А вот захотела, — отрезала она независимо, — и поехала напрямик! Вам-то что?

— А у меня ностальгия, — ответил я, — и запоздалая любовь к этим сгинувшим майя и ацтекам из Турнедо. Это всегда так. Сперва побьешь, камня на камне не оставишь, а потом начинаешь придумывать, какие они были великие, мудрые, справедливые, замечательные, календарь составили, конец света предрекают, мудрые...

— Вы это уже говорили, — прервала она в нетерпении, — заговариваетесь, сэр.

— Это я при виде вас, — ответил я нагло, — вот смотрю и думаю...

— Ах, еще и думаете?

— Ну да, — подтвердил я, — может, мне поговорить с вами хочется, а не о чем! О чем, скажите на милость, с вами можно говорить?

Я прошелся выразительным взглядом по ее фигуре, останавливаясь на выпуклостях, а впуклости пока пропуская. Она не смутилась, напротив, нахально выпятила с таким видом, мол, смотри, облизывайся, это все, что тебе доступно, но не больше.

В ее руке хрустящий вафельный рожок с воздушным кремом, залитым шоколадом, пахнет сладко, но непривычно, и она сперва нюхала, потом осторожно трогала кончиком длинного острого языка...

— На мою власть, — произнесла она с вызовом, — посягнули! Мой муж, король Гергент Великий, умер год назад. С того времени я правила одна, и все было хорошо. Но могущественные кланы Голдвина Адорского и Теодена Фолькийского с помощью канцлера Фреалафа начали интриговать, собирать силы и наконец пригрозили, что если не выйду замуж за кого-то из их вождей, то они свергнут меня...

Я спросил с интересом:

— И что, за кого вышли? За самого слабого?

Она посмотрела на меня дикими глазами.

— Что за дикость?

— Ну, в этом есть резон...

— Зачем женщине слабый муж?

— Чтобы держать под каблуком, — пояснил я, — вить из него веревки, сидеть на шее, угнетать и эксплуатировать...

Она в возмущении даже опустила руку с пирожным.

— Сидеть, — объяснила она резким голосом, — на шее можно только у сильного. Потому я, конечно, отвергла их всех.

— Сильная женщина, — пробормотал я. — Вообще-

то таких и я боюсь. Ну ладно, побаиваюсь. У вас характер, уважаю. И что... свергли?

Она сказала погасшим голосом:

— Я не думала, что решатся на открытый мятеж! Но они рискнули. Я, правда, подстраховалась, и едва начали вводить войска в Баллимину, это моя столица, переоделась и тайным ходом выскользнула из города.

— Без охраны?

Она пожала плечами и снова поднесла наполовину сгрызенный рожок ко рту.

— С охраной меня бы давно настигли.

— Верно, — согласился я. — Но и без охраны, как вижу...

— Все равно, — сказала она, — одной легче проскочить незамеченной. С отрядом я бы даже сюда не добралась.

— А почему именно сюда? — проговорил я. — Турнедо — не самое гостеприимное место. Здесь и народ какой-то волчистый. С той стороны Мезины, если не ошибаюсь, Трангефт?

Она кивнула.

— Да. Небольшое, но сильное королевство.

— Так почему?

Она вздохнула.

— Из моего дворца, если прямо на запад, можно попасть прямо в Истанвил, столицу герцогства Ламбертиния.

— И что там?

— Герцог Эсмунд Блекмур. В ожидании мятежа я послала ему письмо, что еду к нему, и просила выехать срочно навстречу.

Она смотрела мне прямо в лицо, чтобы я не заметил никаких признаков смущения, и я не заметил, за исключением излишней твердости взгляда и подчеркнуто ровного голоса.

— Союзник?

Она пожала плечами.

— Нет, но однажды мы виделись на рыцарском турнире, он вышел победителем, а меня избрал королевой красоты. С тех пор прошло три года...

— Сочувствую, — сказал я, затем поспешно поправил себя: — Завидую, хотел сказать. Вы не подумали, что он мог за это время жениться?

На ее губах появилась грустная улыбка.

— Много раз. Но мне больше деваться некуда. Страна в руках мятежников!.. Надеюсь, вы все-таки можете слабой беспомощной женщине? Я, конечно, послала герцогу весточку, что лечу к нему. Надеюсь, он ее получил.

— Уверен, — сказал я, — герцог все так же влюблен и мчится сюда со всех лошадиных ног. Если он ухитрился избрать вас королевой турнира, то таких женщин не забывают...

Она спросила настороженно:

— Почему?

Я пожал плечами.

— Потому что вы... достаточно необычная. Другие хваленые красавицы... как бы сказать помягче, не обидеть весь ваш странный род, за рупь кучка или на монету пучок... Их забываем на другой день или путаем с такими же типовыми.

Она посмотрела на меня исподлобья, еще не веря, что я отпустил комплимент.

— Ну спасибо...

Затрещали кусты, Бобик выметнулся, как огромный бет нуар, в пасти — крупный молодой гусь. Я почесал за ушами, он довольно хрюкал, но я шлепнул по заднице и велел принести еще рыбы.

Он счастливо взбрыкнул и унесся. Леди Ротильда проводила его задумчивым взглядом.

— Как же собаки обожают служить и быть полезными... Они тогда счастливы. Почему люди не такие?

— Потому они и люди, — сказал я. — Вы, как королева, конечно же, потрошить гуся не умеете?

— Умею, — ответила она неожиданно для меня. — Я часто сопровождала мужа, когда он выезжал с друзьями на охоту, умею даже оленя разделывать. Только шкуру снимать не люблю.

— Вы удивительная женщина, — сказал я. — Дураки они, что пытаются вас сместить.

— Я только не понимаю, — сказала она задумчиво, — зачем еще и гусь? Вы не налопались этими чудесами?

Я развел руками.

— Поймали... Это как-то вроде положено, принято, так делается. Но если вы сыты, то пусть гуся сожрет мой шеночек. Нужно только поджарить малость, он просто обожает, когда ест, как человек...

— Балуете, — заметила она, но без явного неодобрения.

— Еще как, — согласился я. — Я его люблю, он любит меня. По-настоящему, а не так, как все эти лживые женщины...

— Мужчины не лучше, — отпаривала она.

Каюсь, все время борюсь с соблазном выпятить грудь и сказать, что я и есть тот самый сокрушитель всемогущего Гиллеберда, а эта часть Турнедо уже моя, но это значит, что она может передумать и решить, что я более надежный покровитель, что, в свою очередь, как бы предполагает мое более активное участие в ее судьбе.

Ага, шас, мне только не хватает восстанавливать на престоле изгнанную корову! Вообще-то еще неизвестно, за что ее свергли. Может быть, она младенцев в ступе толкла и кровь их христианскую пила кувшинами?

— Если не встретим герцога, — сказал я, — то домчу

вас до границы с Ламбертинией. Хотя нужно кроме земель Турнедо пересечь и королевство Шателлен, но там, к счастью, полоса всего в полсотни миль.

Она посмотрела на меня с благодарностью, хотя и старается держать царственный вид существа, которому все и так обязаны служить.

— Я благодарна вам, сэр Ричард... Поверьте, сумею заплатить.

Я буркнул:

— Вы это сделаете даже раньше, чем приедем на место.

Она отшатнулась, на лице появилось высокомерное выражение.

— Сэр Ричард... Я что-то вас не понимаю! Объяснитесь, пожалуйста.

Я помялся, лучше бы такое без объяснений, все же предсказуемо, а с ними любое очарование теряется, сказал голосом старого мудрого ворона, что жил сто лет и всякого навидался в этом лесу:

— К сожалению, мир не меняется, леди Ротильда. Как и люди. Я вам очень не нравлюсь, как и я вот побаиваюсь вас, а это значит, что нас будет тянуть друг к другу все сильнее, ибо противоположности сходятся. Почему? Да не знаю, но так всегда!.. Сам удивляюсь. До Ламбертинии уже рукой подать, но все равно мы вот-вот окажемся под одним одеялом. Произойдет это на отрезке между сорок пятой и сорок седьмой милей.

Она выглядела шокированной, но любопытство побороло, все равно спросила, хоть и с ледяным презрением:

— Почему именно между ними?

— Прикидка, — пояснил я. — Примерная. Можно бы и точнее, вплоть до ярда, а то и дюйма, но я такой осторожный, такой осторожный... С учетом вашего властного и скверного характера, моей высокой цело-

мудренности, плохого питания и общей солнечной активности... это не может произойти раньше, но и позже... гм... как бы мы ни замучились с этой дорогой, но супротив природы не попрешь, потому что это я стойкий до дурости рыцарь, но вы же вообще черт-те что, вся из желаний и капризов, вам все дозволено, вы залезете ко мне под одеяло и скажете...

Она вскочила, глаза метали молнии.

— Что?.. Вы что-то размечтались, сэр Ричард! Да раньше реки потекут вспять...

Я вздохнул, развел руками — кто бы спорил, а я ни за что, — добавил в костер поленьев потолкаще, чтобы горело всю ночь, и лег с наветренной стороны, укрывшись одеялом.

Бобик посмотрел на меня внимательно и вместо того, чтобы лечь у ног, покрутился у Зайчика между копытами и с тяжелым вздохом бухнулся на землю.

Я принялся усиленно размышлять о статье подоходного налога, Турнедо богаче Армландии и Фоссано, народ выглядит всегда зажиточно, эта война вряд ли его разорила, так что можно подати держать слегка выше, чем в Армландии... А вообще-то в идеале, как и планировал, оставить те же, что и при Гиллеберде, как будто ничего и не случилось. Подумаешь, звали короля Гиллебердом, теперь Ричардом, какая народу разница? Лишь бы пиво не стало дороже.

Леди Ротильда поднялась, недовольно зыркнула в мою сторону, но я смежил веки и сделал вид, что сплю. Женское щебетание хорошо, но в меру, а эта не щебечет, а клюет, будто дятел, а я дерево...

Послышались шаги, край одеяла приподнялся, она скользнула под него и, встретив мой удивленный взгляд, буркнула:

— Ненавижу правила.

Глава 8

Я протянул к ней руки и попытался подгрести чисто нашим жестом альфа-собственника, но она сказала резко:

— Эй-эй, убери свои загребушие.

Я пробормотал ошалело:

— Но как же...

— А никак, — отрезала она. — Мало ли что под одним одеялом! Может быть, мне поговорить изволилось? О системах управления и взимании налогов? А правила — не для меня. Я — королева!

— Да, — согласился я, — короли выше грамматики! А уж королевы... Вы не храпите, Ваше Величество?

Она посмотрела дикими глазами.

— Королевы не храпят!

— Ну да, — согласился я, — а еще у них нет ног. Ну если не храпите и не лягаетесь, раз уж у вас нет задних конечностей, то позвольте я вас укрою получше, а то ночью похолодает... приподнимите это место, я одеяло подоткну, а вы прижмете этим местом, а то задувать будет. Я имею в виду, под одеяло...

Она молча сопела, пока я укрывал ее, с одеялом как-то не ладилось, недостаточно широкое, наконец начало получаться, но ей пришлось прижаться ко мне так, что почти залезла сверху, это все одеяло узковато; я начал расспрашивать про военные силы королевства — она прорывчала, что не мое шпионское дело, я спросил про экономику, но она не знает этого слова, а вот про обычаи начала нехотя, но рассказывать хвастливо.

Вечерний воздух еще теплый, а под одеялом стало даже жарко, она прижималась к моему боку мягкой грудью, и я слышал, как бьется ее сердце, все учащенное и мощнее.

Обычаи в ее пересказе странно путались, наконец она мощно лягнула задней ногой, словно кузнечик бо-

гомола. Скомканное одеяло улетело прочь, она отодвинулась и сказала раздраженно:

— Жарко!

— Пока да, — согласился я. — К счастью, комаров нет.

— А что, близко болото?

— Лес, — объяснил я. — Но пока этот слабенький ветерок, комары не появятся. Они только при полном безветрии...

Она видела, куда устремлен мой взгляд, но промолчала, только потянулась так сладко, что мои глаза стали еще шире.

— Вообще-то, — проговорила она предостерегающе, — мой герцог может появиться очень скоро.

Я пробормотал:

— Но я же нечего не делаю.

— Вот-вот, — сказала она язвительно, — а время идет!

Утром, пока она приводила себя в порядок и заново укладывала роскошнейшие волосы, я снова накрыл импровизированный стол всякими вкусностями, полюбовался, отогнал деловитых пчел и бабочек.

Она оглянулась и охнула.

— Снова?

— Я вообще-то ничего не ем, — пояснил я скромно, — однако с красивой женщиной нельзя не есть, не пить, не безобразничать — не поймут-с...

— Как это?

— А так, — пояснил я и опустил глазки, — пойдут слухи всякие... Так что надо. Не хочешь, а надо. Чтоб соответствовать. Как же мы все зависим от мнения человеческого, и особенно общественного!.. Плата за то, что стали жить стадом, то есть дружным сплоченным коллективом... Возьмите этот сыр, он тает во рту. А этот шоколад вообще тает еще в руке...

Она все еще держится, хотя и ускорила немного,

нижняя челюсть двигается чаще, а пальцы хватают новое лакомство до того, как проглотит очередной кусок.

— Уж простите, — сказал я, — что так по бедности. Сухой паек путешественника, так сказать... Никаких супов, борщей и похлебок из осетрины. У вас в королевском дворце даже слуги, наверное, кормятся лучше...

Она с трудом проглотила ломоть дивно приготовленной грудинки — уж и не знаю, как такую делают, аромат одуряющий, а на вкус так вообще, — просипела одурело:

— Да, у нас... ага... при дворе... а как же!

— Красиво живете, — вздохнул я.

Стараясь соскользнуть с опасной темы, она поймала взглядом Зайчика, тот выдрал мощный корень, толщиной с руку, и довольно жует, только мелкие щепки выпадают из пасти.

— Вы так и не расседлали своего коня?

— Я бываю таким невнимательным, — пожаловался я. — Нет чтобы с конем, да я с вами... Как не стыдно?

— Это я поняла, — обронила она холодно.

— Что делать, — сокрушенно сказал я, — я, так сказать, типовой. Не шибко заморачиваюсь.

— Это могут себе позволить только государи, — сказала она язвительно, — и простолюдины. А воспитанные мужчины, да еще куртуазные...

Я вскинул руку, она мгновенно умолкла и застыла. В лесу, как подсказывает мне чутье, мы уже не одни. Нас засекли, нечто приближается — могучее и враждебное.

На конях выметнулись трое: два рыцаря, а за ними, чуть приотстав, на черном лохматом коне, похожем на некое чудовище, человек в черном плаще с надвинутым на глаза капюшоном.

Я ухватился за лук, но все трое несутся, как птицы с растопыренными крыльями, едва успел выхватить меч.

Они подали коней в стороны, чтобы я оказался между ними, однако я торопливо метнулся вбок, избежал просвистевшего рядом с ухом клинка, а сам ухватил наглеца за сапог и с силой дернул.

Всадник вылетел из седла и ударился о землю с такой силой, что зазвенел металл доспехов, а сам он вскрикнул тонким поросычьим голосом. Добить я не успел, второй развернул коня и ринулся с поднятым мечом.

Я отпрыгнул, отразил сильнейший удар, всадник остановил коня и рубит по мне сверху с силой и злобным хэканьем, будто дровосек раскалывает поленья, мой клинок наконец-то достал его по бедру, кровь ударила сильной струей, словно я рассек артерию.

Всадник закричал, я ощутил приближение того первого, что поднялся и теперь ковыляет ко мне, сильно припадая на правую ногу.

— Тебе мало? — заорал я.

Он замахнулся мечом, я с размаху ударил рукоятью в лицо. Хрустнуло, в брызгах крови вылетели выбитые зубы. Он отшатнулся и, выронив меч, ухватился ладонями за лицо, хрипло закашлялся, глотая остальные зубы.

За спиной слышится отчаянный женский крик. Ротильда с кинжалом в руке прижалась спиной к дубу, перед ней прыгает разъяренный Адский Пес, глаза полыхают багровым огнем, шерсть дыбом, а клыки выдвинулись и теперь уже втрое длиннее. Всадник пытался подъехать на коне и ударить сверху длинным странно голубым мечом, похожим на тонкую пластину льда из горного озера, но страшный с виду конь хрипит и пятится от ужасного пса.

Я заорал:

— Деритесь!.. А ты, тварь, повернись...

Бобик, услышав мой голос, быстро метнулся вперед

и ухватил зубами переднюю ногу лохматого коня. Всадник замахнулся мечом, но Бобик молниеносно отпрыгнул.

Конь завизжал дико, рванулся, упал на бок, всадник выкатился, а конь, хромя, заковылял прочь.

Я не успел к всаднику, он вскочил моментально, капюшон все так же закрывает голову, даже глаза скрыты краем, он может видеть меня только от пояса и ниже...

Мой удар он отбил с такой силой, что руки онемели, я отступил, сердце затрепетало в страхе: это точно не человек.

Он проговорил таким нечеловечески скрежещущим голосом, что так могла говорить разве что пролежавшая под жгучим солнцем миллионы лет скала:

— Ты... зря...

— Ты тоже, — вскрикнул я. — Зачем тебе это? Ты же выше этой мелочи!

Он проскрежетал:

— Умри!

Его меч пошел вниз со страшной силой. Я приготовился парировать, но в последний миг отпрыгнул, ударил сам в коротком замахе. Он успел уклониться, лезвие сорвало капюшон, я похолодел, увидел смертельно-синее лицо с красной щелью рта и красными глазами. У него лицо человека, но это зверь; я отпрыгнул и лихорадочно прикидывал, что же делать, а он вдруг повернул голову к дереву, где все еще стоит бледная как смерть Ротильда, протянул в ее сторону руку и произнес короткое слово, что показалось мне сгустком ярости.

В его руке появился длинный кинжал.

— Умри! — крикнул он.

Я бросился на него с поднятым мечом, однако нож вырвался из его пальцев с такой немыслимой скоростью, что я увидел только смазанную серебристую полосу, что протянулась от его пальцев до груди Ротильды.

— Сволочь! — заорал я.

Лезвие моего меча ударило по его руке в районе локтя. Мои пальцы онемели от удара, раздался хруст, рука вздрогнула, половина отделилась и рухнула на землю, я с холодом в душе рассмотрел, что она из камня.

Синелиций повернул ко мне страшное лицо.

— Ты... осмелился...

— Еще не то увидишь, — пообещал я. — Сдавайся!

Он пошел на меня, быстро размахивая мечом, и, как я ни пытался защититься, он и с одной рукой выглядит лучшим воином, чем я с двумя. Я больше уклонялся, а он шел за мной и рубил, и рубил.

— Да чтоб ты сдох, — прошипел я и сам пошел в атаку.

Он принял два удара и вдруг парировал так, что мои руки онемели до локтей, а мой меч взвился в воздух и, пролетев ярдов пять, упал далеко в стороне.

Я застыл, часто дыша и не зная, что делать, а он хрипло расхохотался:

— Я сражался две тысячи лет!.. Кто может быть лучше...

Я прыгнул вперед и, ухватившись изо всех сил за руку с мечом, другой ударил ему в зубы. Голова лишь чуть дернулась; ударил снова и снова, заныли разбитые в кровь пальцы, а он искривил губы в насмешливой ухмылке:

— И это все?

— Нет, — ответил я.

Он не успел среагировать, а я пригнулся, дернул его на себя, поднялся с трудом, словно поднимая каменного слона, с силой бросил оземь. Земля вздрогнула и загудела.

Сердце мое застучало в отчаянии, он не рассыпался, а поднялся достаточно легко, жестокое синее лицо искривилось в жуткой гримасе.

— Не ожидал?

— Это хорошо, — сказал я, — я ж целых три часа не дрался! Как жить?

Он ответил скрипящим голосом:

— Тебе жить... не придется.

Обрубок руки начал медленно удлиняться, я так ошалел, что упустил момент, когда этот синелищый смотрит очень сосредоточенно на руку, отращивая ее, а когда опомнился и бросился к нему, он уже сцепил отросшие пальцы в кулак и метнул мне в лицо.

Я уклонился, сам ударил и снова разбил пальцы в кровь. Боль стекает по телу, словно вгоняет острые иглы, а его удар сбил меня с ног с такой силой, что я не просто перекувырнулся, а сперва пролетел по воздуху как тряпичная кукла.

Он захохотал, глядя, как я недвижимо распростерся на земле, уже не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, повернулся к дереву.

Я с трудом сфокусировал зрение, Ротильда все так же прижимается спиной к дереву, перед ней сидит Бобик, а на земле кинжал, что швырнул этот синелищый монстр.

Сердце мое наполнилось благодарностью. Молодец, Бобик, ты у меня такой, и молнию схватишь зубами...

Монстр пошел к ним, походка тяжелая и неторопливая, в трех шагах от Бобика остановился.

— Собака Танталя? — донесся до меня его хрипло-скрипучий голос, я впервые уловил в нем изумление. — Но что ты в таком презренном мире... Хорошо, я убью эту женщину и заберу тебя с собой...

Бобик оскалил зубы, они стали еще длиннее — саблезубый тигр показался бы домашней кошечкой, а из глаз пошел багровый свет и озарил впереди землю.

Синелищый вытянул руку в сторону Ротильды, в ладони опять возникло тонкое блестящее лезвие ножа.

— А вот этот нож ты не поймаешь, — сказал он Бобику.

— Это и не нужно, — ответил я за его спиной.

Руки болезненно трянуло снова, однако стальной клинок срубил голову точно и красиво. Она откатилась в сторону, а сдвинутое ударом тело тупо выпустило клинок в цель.

Мы не успели увидеть, как он исчез из руки монстра, в тот же миг рукоять задрожала в стволе дерева. Тело покачнулось, пыталось сделать шаг, однако ноги запутались, оно грохнулось перед Бобиком.

Он зарычал снова, я сказал строго:

— Фу!.. Эту гадость есть нельзя.

Ротильда всхлипнула.

— Как ужасно...

— Что? — удивился я. — Это же обычные мужские игры!.. Я мог бы сразу, но это неинтересно. Да и вам хотели показать хоть что-то забавное... Вам весело, правда?

Голова щелкала зубами и пыталась говорить, но для этого нужны легкие, я погнал ее пинками к костру, чувствуя, что качу тяжеленный валун. Она пыталась ухватить сапог зубами, но я в последнем усилии, отбив на ноге пальцы, запихнул в самую середину раскаленных углей.

Ротильда проговорила в ужасе:

— Что вы за люди?.. Как вам нравится драться!

— Так за самку же, — объяснил я. — Не за какую-то там корону!

— Кто это был?

— Узнаем, — пообещал я. — Леди Ротильда, вы там пирожные не догрызли...

Она вскрикнула:

— Что? Какие пирожные?

— Сдобные, — ответил я в недоумении. — И завар-

ные с трубочками. С кремом то есть. Очень даже — рекомендую.

Она сказала, чуть не плача:

— Я не знаю, что это за чудище!

— Я тоже, — ответил я, — но аппетит такое не должно портить. Может быть, оно только для того и появилось!

Она смотрела на меня с тем же ужасом, что и на отрубленную голову: та все еще жутко гримасничает на раскаленных углях, уже начинает обретать багровый цвет, как сами угли; я подумал и подбросил еще несколько толстых сухих веток.

Шерсть на Бобике уже опустилась, клыки втянулись в пасть, а глаза стали коричневыми. Он сбегал к обезглавленному телу, обнюхал. Мне показалось, что руки сделали попытку схватить пса, но лишь дернулись пару раз и застыли после предсмертных судорог.

Глава 9

Я подобрал с земли нож, очень необычная форма, а потом вернулся к месту схватки и поднял меч, удивительно прозрачный, словно смотрю сквозь драгоценное голубое стекло.

Не слишком легкий, не слишком тяжелый, как раз по руке. Я оглядел свой меч, на нем такие глубокие зарубины, что еще чуть, и его перерубили бы, как будто он из слабого дерева вроде сосны.

— Пожалуй, — сказал я, — возьму как трофей. Я вообще люблю собирать такие штуки... Что-то есть во мне от сороки-воровки.

Леди Ротильда все еще вздрагивает, бледная и с огромными испуганными глазами.

Я посмотрел на нее внимательно.

— Вам нечего добавить? А то я не понимаю: ваши

противники захватили столицу, на троне уже кто-то сидит, утверждается... Зачем гоняться за вами, расходовать такие ресурсы? Я бы точно не стал.

Она прошипела зло:

— Ну спасибо...

— Ну пожалуйста, — ответил я. — Так почему?

Она посмотрела с удивлением и брезгливой жалостью.

— Вы в самом деле какой-то... Захватив власть, можно стать только королем, но не хозяином моих земель!.. Потому и стараются поймать, чтобы насильно выдать замуж... и тем самым прибрать к рукам мои личные огромные владения!

Я подумал, кивнул, сказал досадливо:

— Виноват, это я сам не врубился. Видно, по голове тот гад меня все-таки шарахнул.. Да-да, теперь понял... Просто я жил в тех королевствах, где короли не беднее феодалов. Значит, эти ради ваших земель пытаются перехватить и по-быстрому жениться на вас? А вашего мнения спрашивать не будут?

Она вздохнула.

— Есть много способов принудить женщину...

Я чувствовал, как она вздрогнула и насторожилась. Я прислушался, но везде тихо, потом сообразил, что боится меня, раз уж сама проговорилась, усмехнулся, пошел посмотреть на раненого, однако он за это время истек кровью, а второй ушел в лес, хотя за ним такой кровавый след, что сбежится все местное зверье.

Леди Ротильда все еще смотрит на меня настороженно, как же, подсказала мне, тупому, такую невероятно новую идею, ну да, теперь будет трястись, пока видит такого спасителя.

Я свистнул Зайчику, послышался топот, он примчался, веселый и бодрый, но насторожил уши и начал принюхиваться ко мне, потом к Бобику.

— Едем? — спросил я рыжеволоску. — Или останетесь?

— Ну, я не знаю...

Я прервал:

— Леди, вы исключительно красивая женщина! Даже очень. Но абсолютно не в моем вкусе.

— Что-о?

— Не люблю рыжих, — объяснил я с подчеркнутой чистосердечностью. — Они все ведьмы. Так что с моей стороны вам ничего не грозит. Ведьмы почему-то красивые, вы не знали?.. Или безобразные, середины ну вот нет как нет. Во всяком случае, я не видел, а уж ведьм почему-то насмотрелся и нагляделся. А ваше богатство и земли я не взял бы, даже если бы мне еще и доплатили.

Она чуточку успокоилась, но сказала с некоторым вызовом:

— К счастью, вы простой рыцарь.

— И что? — спросил я задето.

— Такой брак, — объяснила она, — все равно признали бы недействительным.

— Вот видите, — сказал я с облегчением, — как мне повезло!

Она покосилась недовольно.

— Да? Вас в самом деле мое состояние не прельщает? Не врите, очень даже любезный сэр.

— А чем прельщаться?

— Мои родовые, — отрезала она, — и неотчуждаемые владения впятеро превосходят земли короля!

— Эх, Ваше Величество, — сказал я. — Как говорил один мудрец, мой ишак: хочу еду, хочу е... иду. Разве свобода стоит королевства? Ну с какой стати я стал бы обременять себя землями, замками, поместьями, деревнями, городами?

— Как это, с какой?

Я пояснил:

— Нужно обо всех думать, заботиться, а эти наглые твари, что для них ни сделай, все равно поливают экскрементами... ну, это говном, по-вашему, и ни на какой козе к ним не подъедешь... Нет уж, свобода странствующего рыцаря — превыше всего!

Она смотрела на меня несколько странно.

— Вы были в услужении знатного сеньора, — сказала она уверенно, — и слышали его жалобы! Только вы зря приняли их всерьез.

— Почему?

— А почему он не бросил свои земли, — спросила она, — и не пошел, вот как вы, странствовать?

— Ну-ну!

— Ведь не бросил же?.. Не бросил, знаю. Между красивыми стремлениями и реализацией — дистанция...

— ...огромного размера, — договорил я задумчиво. — Может быть, вы и правы, леди... тьфу, Ваше Величество.

Она поморщилась.

— Плеваться неприлично.

— Дык я ж не во дворце, — объяснил я чистосердечно, — и никогда в нем не буду. У меня дворцефобия, я натуралист и нигилист, природу люблю. Надо ее спешить любить, пока еще можно, а то постареет, станет такой неопрятной, даже не представляете... Ладно, я бы не хотел слишком задерживаться в этом лесу, что-то он не совсем нравится...

Она так вздрагивала, что не попадала ногой в стремя, я помог ей взобраться, а затем вскочил в седло, не касаясь стремени. Раны уже затянулись, а повыпендриваться перед женщиной святое дело.

Дальше мы двигались галопом через обширное поле, вклинившееся в лес и разбившее его надвое, хотя

там, ближе к горизонту, лес все-таки сходится, как края заживающей раны.

Бобик насторожился, начал смотреть влево, быстро зыркнул на меня, я видел, как глаза быстро налились красным огнем.

— Зайчик, — сказал я, — стой!..

Мои пальцы коснулись рукояти меча, однако дальняя стена леса распахнулась, словно трава. Оттуда выметнулись два громадных чудовища, похожие на псов, но размером оба с быков.

Двигаются оба с огромной скоростью, я с холодком успел подумать, что как же повезло, что на этот раз застали нас не в лесу.

Я торопливо накинул тетиву и, наложив стрелу, поспешно прицелился в ближайшего, что обогнал другого на полкорпуса.

Стрела с щелчком исчезла, я ухватил вторую и выпустил в другого зверя, потом начал хватать и стрелять, стрелять, стараясь не слышать истошный визг Ротильды.

Оба чудовища продолжали нестись на меня, но с ними происходило нечто странное: стрелы выпали на землю, одно начало прихрамывать и отстало, но первое на огромной скорости налетело на меня, я ощутил смрад, в глазах на короткое время потемнело.

Когда оглянулся, чудовище рассыпалось, как если бы грязный туман превратился в песок, а тот взвился дымом и пропал.

Другое чудовище рассыпалось, не добежав. Я подобрал стрелы, пусть Ротильда не догадывается, что у меня за лук.

Она провизжала:

— Это же Черные Гразды!

— Ух ты, — сказал я. — Надо же!.. А что это за Гразды?

— Псы Войны! — прокричала она, дрожа всем те-

лом. — Их могут вызвать только очень сильные колдуны!.. И копить мощь на такое черное дело нужно годами!

— Значит, того стоило, — сказал я и, посмотрев на нее, уточнил, — с точки зрения этих идиотов.

Она стояла бледная и с прижатыми к груди руками.

— Значит, — прошептали ее губы, — они сумели привлечь на свою сторону самого Керенгеля. Это самый могучий маг... Нам не уйти.

— А вот и неправда, — ответил я жизнерадостно. — Я от бабушки ушел...

Вдали послышался грозный гул. В том же месте, откуда выскочили эти два пса-нежити, напролом выметнулись всадники в дорогах доспехах, с пышными султанами и на покрытых богатыми попонами конях.

Я насчитал двенадцать человек, все выглядят очень даже серьезными и озабоченными. Завидев нас, они начали сдерживать коней — хороший знак, прямую атаку двенадцати рыцарей мы вряд ли выдержим.

— Бобик, — сказал я, — охраняй вот ее. Разрешаю убивать.

Бобик замахал хвостом, кровавый огонь в глазах разгорелся так, что зловещий отсвет пал и на морду.

Всадники с галопа перешли на рысь, а с нее на шаг, приблизились на такое расстояние, чтобы успеть закрыться щитами, если попробую ссаживать с помощью стрельбы.

Передний прокричал:

— Кто бы ты ни был, мы приветствуем тебя, сумевшего остановить наших Псов Ночи!.. Я — сэр Агинарк, глава королевской охраны. А это мои люди.

— Ричард, — назвал я, — странствующий рыцарь, который ищет смысл жизни и свое место в ней.

Агинарк крикнул:

— У тебя должно быть могучее средство от нежити?

— Есть, — скромно сказал я. — Я сам это средство.

Он коротко хохотнул.

— Хорошо сказано. А теперь о деле. Мы преследуем эту женщину, она выкрала нечто важное из королевского дворца. Она принадлежит нам.

Я перевел взгляд на леди Ротильду.

— Так вот в чем дело? — протянул я озадаченно. — А я смотрю, в той картине, что вы нарисовали, многое не сходится...

Она сказала отчаянным голосом:

— И что? Да, я соврала. Но эта вещь принадлежит мне!

Всадник возразил спокойно:

— Эта вещь принадлежала королю Гергенту Великому.

— Это был муж! — воскликнула она. — Теперь принадлежит мне!

Всадник покачал головой:

— Нет.

— Это достояние королевской семьи!

Он отрубил тверже:

— Это достояние королевства.

— Я — королева!

— Уже нет, — ответил всадник и обратил взгляд на меня. — Кто бы вы ни были, отважный герой, но правда и право на нашей стороне. К тому же нас двенадцать, с оружием обращаться умеем. За лук вы схватиться, конечно, успеете, но больше двух выстрелов сделать не дадим, как вы понимаете. Все мы тверды в желании вернуть сокровище в королевскую казну. Даже если убьете кого-то из нас, да хоть половину, остальные зарубят вас...

Я сказал медленно:

— Последний довод особенно... убедителен. Хорошо, передаю эту весьма обременительную ношу вам. Бобик, ко мне! У нас своих дел невпроворот.

Конечно, мне бы в самом деле ехать, дел невпроворот, но я политик только на словах да в громаде планов, а на самом деле весь из себя оскорбленная на глазах женщины ранимая сущность, прям поэт трепетный и легкокрылый...

Проскакал мило на случай, если за мной следят каким-то образом, затем вернулся по их следу, понял, в каком направлении движутся, что не такая уж и задача, послал Зайчика по взгорью и вскоре увидел весь их отряд внизу в долине.

Так и есть, руки Ротильды свободны, однако длинный повод ее коня привязан к седлу едущего впереди всадника. Более того, ее ноги, как я заметил с изумлением, связаны прочной веревкой друг с другом под конским брюхом. Едет она гордо, ни на кого не смотрит, да с нею и не заговаривают, их дело привезти ее обратно и получить награду.

— Не спеши, — шепнул я Бобику. — Ищи место для засады...

К моему удивлению, он посмотрел серьезно и помчался вперед по гребню. Зайчик понял и ринулся за ним.

Этот псяка в самом деле отыскал удобное местечко: долина сужается, много свалившихся камней затрудняет дорогу, а в мою сторону есть узкая тропка между отвесными скалами.

Я спешил, огляделся. Зайчик сразу отошел на задний план, выбил копытом что-то вкусное из валуна и начал с хрустом грызть.

Я потрепал Бобика по лобастой башке.

— Да ты умница, — сказал я потрясенно, — я не знал, что такой хитрый... Может быть, ты и кофе делать умеешь?

Он хитро улыбнулся, лизнул мне руку и лег на камни. Я приготовил лук, а вдали уже слышался приближающийся стук копыт.

Они едут в том же порядке: впереди рослый воин с красивым жестоким лицом, в кольчуге, с плеч ниспада-

ет красный плащ, что накрывает идущую от седла веревку, за ним движется конь с Ротильдой, а следом остальные одиннадцать воинов.

Если раньше ехали компактной группой и весело переговаривались, то теперь им пришлось вытянуться по одному, я прицелился в переднего и ждал, когда тот приблизится к рассчитанному месту.

Он словно ощутил опасность, начал быстро зыркать по сторонам, затем взял привязанный к седлу шлем и напялил на голову, даже забрало опустил.

Я вздохнул, быстро натянул тетиву, поймал цель и спустил стрелу. Воин, как мне показалось, успел ее заметить в последний миг, но отшатнуться не сумел, она ударила его сбоку в шею и вышла с другой стороны.

Он захрипел и начал клониться на конскую гриву.

Я поднялся и прокричал во весь голос:

— Ротильда!.. Ко мне!

Бобик заворчал и посмотрел на меня с упреком.

— Не ревнуй, — сказал я. — Женщина! Мы скоро от нее избавимся.

Ротильда пустила коня вперед, поравнялась с ведущим. Я успел увидеть, как она дотянулась до его пояса и выхватила оттуда нож, дальше я за нею не следил, стрелы идут веером в безумцев, что стараются атаковать, перепрыгивая через упавших людей и коней..

Ротильда наконец перепилила конский повод и повернула коня в сторону этой узой расщелины.

— Молодец, — прошептал я с облегчением, — догадалась... Бобик, не ворчи, ты все равно умнее.

Глава 10

За Ротильдой погнались несколько человек, к ней уже протянулись руки, но одному стрела угодила в голову, другому в грудь, третий влетел за женщиной в

щель, он тот мне и нужен: стрела попала ему в шею, он начал падать, потянул повод, и они с конем грохнулись оземь, загородив узкую тропку.

Конь с Ротильдой вылетел из расщелины на мою сторону, глаза у обоих перепуганные, она закричала восторженно:

— Я знала, я знала!

— Теперь не отставать! — велел я.

С длинного пологого холма мчаться легко и красиво, ее конь в самом деле не отставал в простом галопе, и мы ушли довольно далеко, прежде чем она перестала оборачиваться.

— Сэр Ричард, — произнесла она с сомнением, — вы настолько хороши с луком, что я усомнилась в вашем благородном происхождении. Но все равно я вам весьма признательна. Обещаю, вас вознаградят по достоинству.

— Спасибо... но лучше не надо.

— Почему?

— Меня пугает это... по достоинству.

— Простите, чем пугает?

— Всем, — ответил я откровенно. — Я сам еще не знаю всех свои достоинств. То ли вам надо будет приготовить мне гору из золота и горный хребет из бриллиантов, то ли меня нужно утопить в болоте...

Она усмехнулась, приняв за шутку, хотя я говорю с самым серьезным лицом, затем скомандовала:

— А теперь снимите веревку с моих ног.

Я сказал с сомнением:

— Может, пусть? Зато не свалитесь.

— Я прекрасно держусь в седле, — возразила она сердито.

— А если напьетесь?

Она поморщилась.

— Глупые мужские шуточки. Леди, кстати, тоже могут искать уединения.

— А, — сказал я понимающе, — растрясло... Минутку!

Веревку я быстро перехватил ножом, остатки хотел бросить за кусты, да не будет подсказки, а потом передумал и разложил прямо на дороге.

Она посмотрела, подозрительно нахмурилась.

— Зачем?

— Следы они и так видят, — объяснил я, — а когда заметят веревку, явно положенную нарочито, чтобы заставить идти именно этой дорогой, сразу заподозрят засаду или ловушку... И будут продвигаться как осторожные улитки.

Она фыркнула, но ничего не сказала, а торопливо исчезла за ближайшими кустами.

Бобик хотел пойти за нею, но покрутил носом и посмотрел на меня с вопросом в больших мудрых глазах ребенка.

— Если хочешь, — сказал я, — можешь пойти. Поможешь процессу.

Он подумал, снова понюхал воздух и даже чуточку попятился. Ротильда вышла из-за кустов достаточно быстро, сама поднялась в седло, хотя я соскочил и готовился помочь.

— За мной, — сообщила она деловито, — пустили самого начальника дворцовой стражи.

Я буркнул:

— Я запоминаю с первого раза.

— Правда? — спросила она язвительно. — А я думала, что вы воин.

— И что, если начальник стражи?

— В его руках, — объяснила она, — лучшие воины, лучшие кони... Они сумеют и догнать, и даже перекрыть все дороги впереди.

Я пустил Зайчика в ровный галоп, Ротильда умело

заставила своего коня держаться рядом, на меня почти не смотрит, лицо отрешенно-угнетенное.

— Так уж и все? — спросил я.

Она вздохнула.

— У них мощные амулеты и даже талисманы. Керенгель мог настроить их на меня еще там, в моем дворце.

— Тогда должны бежать по следу, — возразил я. — А не забегать вперед и раскидывать сети!

— Впереди Зачарованный Лес Ночи, — произнесла она, я ощутил ужас в ее словах. — Мы можем обогнуть его только справа или слева! Там хорошие дороги, а других нет, дальше скалы и пропасти.. Им нужно всего лишь устроить засады на этих дорогах. А людей у них столько, что и десяток могли бы перекрыть...

Я подумал, поинтересовался:

— А что за Лес Ночи? Как я понимаю, это все-таки лес, а не бездонное болото, мертвое озеро или огненная пропасть...

Она зябко передернула плечами.

— Там живут чудовища!.. Никто оттуда еще не вышел живым.

— А мертвыми выходили?

Она дико посмотрела на меня.

— Как это... мертвыми?

— Тогда еще не все потеряно, — утешил я. — Мы сократим путь. Через этот Ночной Лес.

— Сэр Ричард, вы с ума сошли?

— Так ведь с вами, — галантно ответил я. — Разве это не естественно?

Она раздраженно поморщилась странному комплименту, который можно понимать по-разному, но смолчала.

А впереди в самом деле вырастает стена огромных деревьев, могучих и величавых. Дорога, بلاгразумно

не приближаясь даже к опушке, раздвоилась, как змеиный язык, одна часть пошла обходить слева, другая — справа.

Хотя у меня при себе нет карты, но эта часть турнедских земель входит то ли в мою долю добычи при разделе, то ли в ту, что отходит Барбароссе. В любом случае моя, Барбаросса не может перевести ее к себе, а значит — это продолжение Армландии...

Да и вообще пора смотреть на эти земли как на свои, за которые отвечаю я, и только я. И вообще все люди в королевстве мои, за исключением той части, что отходит Найтингейлу, но это намного восточнее...

Ротильда поглядывает искоса с недоверием, все еще не верит, надо быть либо дураком, либо сумасшедшим, чтоб вот так взять и попереться через зловещий лес, откуда никто не выходил живым.

— Бобик, — сказал я, — далеко не уходи, моя ласковая собачка, моя лапушка, мой замечательный птенчик!

Она зябко передернула плечами.

— Ну да, птенчик.

— Гусей же ловит? — возразил я. — Значит, летает. Только вам не показывает.

К моему удивлению, она все-таки приняла достаточно спокойно, что я направил коня прямо на стену деревьев.

— Вы храбрая женщина, — похвалил я. — Хоть и королева.

Она наморщила нос.

— Просто привыкла доверять мужчинам. Не во всем, конечно, это было бы совсем дико — я не решусь поручить им пересчитать пальцы на одной руке, все равно ошибутся, но вот насчет подраться... у вас частенько получается.

— Спасибо, — сказал я с чувством. — За доверие.

— Не за что, — ответила она безмятежно. — Вы уже

показали себя хоть и недостаточно умным, но это мужчине и не надо, зато сильным и драчливым.

Деревья толстые и стоят тесно, ветви начинают расти там, где могут ухватить хоть немножко солнца. Мне показалось, что въезжаем в некий храм, где свод поддерживают эти величественные колонны, исполинские и прямые, крон даже не видно в сияющей вышине, откуда глаза слепит солнце.

Зайчик идет между могучими деревьями бодро, Бобик вообще метнулся вглубь, издали донесся жалобный писк убегающего в ужас зверька, а я ломал голову, пытаясь вспомнить, не тот ли это лес, куда я убедил переселиться троллей.

Нет, тот вроде бы должен быть ближе к Армландии. Я убедил их покинуть чахлый лес на границе с Шателленом, Армландией и Турнедо и передвинуться примерно на сотню миль в глубину турнедских земель. Теперь там либо армландские, то есть мои, либо барбаросы, тоже не как бы, а фактически мои, хотя по договору и не мои.

Ну что кривиться, я ж не провидец, чтоб догадываться о будущем этих земель. Тогда я барахтался, только бы выжить, для этого и подгадил Гиллеберду с этими троллями, обезопасив заодно армландские рубежи и дороги. Но поговорка насчет неплевания в колодец не устаревает и в те времена, когда колодцев уже и не будет...

Ротильда должна ехать сзади, но там ей еще страшнее, то и дело пускает коня рядом. Ее взгляд чаще обращается ко мне, чем на страшные деревья впереди, за которыми пугающая неизвестность.

Кони наши идут ноздря в ноздю, Зайчик смотрит вперед, по сторонам ничего интересного, вид у него такой, что уже навидался всяких нестандартных мест по самое не могу.

Стук копыт стал звонче, ощущение такое, что подковы бьют в камень. Вообще-то кони идут по ровному ковру из опавших листьев, багряных, пурпурных и красных с примесью оранжевых и желтых, — очень красиво, но под ними явно каменные плиты...

Дальше вообще начали попадаться выступающие из земли руины. Некоторые настолько покрыты толстым слоем мха, что неотличимы от пней, есть даже в мой рост, и тоже коричнево-зеленые. Семена травы кое-где сумели пролезть в щели и выпустили оттуда длинные стебли.

— Здесь зачарованный город, — проговорила она дрожащим голосом. — Они скрыты, но все видят...

— А чего им скрываться?

— Не знаю, — ответила она, — но если город зачарован, то они должны...

— Да, — согласился я, чтобы ее поддразнить, — как руины, так и зачарованные. А еще в них спрятаны несметные клады...

Она оживилась, быстро посмотрела по сторонам.

— Где?

— Настоящая женщина, — сказал я поощрительно, — жадная, цепкая, хваткая...

Она с достоинством выпрямилась в седле, красивая и гордая, одинокий лучик солнца проник сквозь зеленые кроны и воспламенил жарким пурпурным огнем роскошную копну волос.

— Мне клад не нужен, — отрезала она гордо, — я достаточно богата и весьма щедра... бываю! Но среди древних вещей попадаются очень красивые серьги, ожерелья, подвески...

— Настоящая женщина, — повторил я, — красивые побрякушки вырвет из лап самого дьявола.

— Сэр Ричард!.. Или вы не сэр?

— Это когда как, — ответил я.

Она вскинула брови и оглядела меня внимательно.

— Это как?

— А когда как мне удобнее, — ответил я нагло. — Демократ, одним словом. Политкорректный демократ.

Руины заброшенного города проступают все четче, чем дальше продвигаемся в этот зачарованный лес. Мне казалось, что такое встречалось разве что в тропиках Индии, да еще в джунглях, где находят пирамиды майя, хотя вообще-то после великого отступления Рима с его европейских земель лесом заросли не только знаменитые римские дороги, но и брошенные имперскими гарнизонами небольшие города...

Этот город, конечно, не римское наследие, хотя копыта арбогастра гулко бьют в покрытый опавшими листьями камень точно так же, как если бы и был римским, а я осматривался с беспечным для Ротильды видом, но настороженный настолько, что если мне сзади над ухом сказать «Гав!», я даже не знаю, удержу ли перепуганный мочевого пузырь от адекватной реакции. Да и сфинктер...

Чутьочку в сторонке от прямой линии, которой держусь, нечто странное горит золотым огнем, словно гигантская свеча. Я присмотрелся: все-таки не свеча, пусть даже огромная, больше похоже на крест...

Дорога наша идет мимо, я незаметно скорректировал галоп Зайчика, огненный крест начал приближаться. Высотой в два моих роста, массивный, солидный, создан не то из идеально ровного камня, не то из металла, но полыхает жарко только верхняя часть, а скупое раздвинутые в стороны крылья выглядят вообще холодными.

Пламя почти прозрачное, кажется безобидным, но земля покрыта мелкими птичьими костями тех дур, что посмели пролететь над ним. Это не считая тех упавших, кого зверьки затащили в норы.

Она сказала задумчиво:

— Интересно, зачем установлен...

— Догадываюсь, — ответил я. — Вы не рискнете подойти, Ваше Величество?

Она удивилась:

— Я? Конечно, не побоюсь. А вот вам опасно...

— В самом деле?

— Я уверена, — отрезала она.

Ее конь страшился подойти ближе, фыркал и упрямился, ветерок иногда меняет направление, и в нашу сторону дует достаточно жарким воздухом.

Я соскочил на землю, протянул к ней руки, но она достаточно ловко опустилась на землю, не забыв напомнить:

— Я часто сопровождала супруга на охоту!

Мы подошли к кресту, воздух в самом деле жаркий, я осторожно коснулся кончиками пальцев середины, где чистое от рун место, а так ими исчерчены все три конца креста. Возможно, и четвертый, но он глубоко в твердой, как камень, и выжженной земле.

Поверхность, как ни странно, холодная, даже ледяная. Я вздрогнул от неожиданности, отдернул руку.

Ротильда тут же отодвинулась от меня, во взгляде появилось острое подозрение.

— Не подходи ко мне, — предупредила она. — У меня есть нож!

Ее рука в самом деле выудила из складок платья короткий нож с тонким лезвием.

Я сказал раздраженно:

— Не прикидывайся, вампирша.

Она ахнула:

— Я?

— Ты, — сказал я обвиняюще, — а самой слабо коснуться?

— Это ты, — сказала она, — нежить или нечисть.

Никто из людей не смог бы победить столько вооруженных воинов. Так что не надо прикидываться!

— Ты не коснулась креста, — напомнил я.

Она с гордым видом потянула руку, уперлась было в камень всей ладонью, мол, на тебе, но тут же с воплем отдернула.

— Ага, — сказал я злоратно, — даже не вампириша, а что-то похуже.

Она окрысилась:

— Что может быть хуже?

— Ну, — протянул я задумчиво, — к примеру... королева Мезины. Вы в самом деле королева, Ваше Величество?

Она нахмурилась, оглядела меня с головы до ног подозрительно.

— Ладно, — произнесла наконец с колебанием в голосе, — поедем дальше.

— Что? — спросил я в изумлении. — Вы забыли, Ваше Величество, это я решаю, ехать или не ехать.

Она топнула ногой:

— Так решайте, доблестный и отважный сэръ, побыстрее! Ну?

Я оглядел ее с головы до ног. Среднего роста, рыже-волосая с широко расставленными глазами, она выглядит полной жизненной силы, что делает бесстрашными даже слабых женщин.

— Хорошо, Ваше Величество, — сказал я с иронией. — Будем считать, что мы проверили друг друга на предмет нежити.

— И нечисти, — добавила она.

— Жаль, сказал я, — самое главное проверить не удастся.

Она некоторое время молчала, прикидывая, что же самое главное, наконец спросила недовольно:

— А что это?

— Где вы мне врете, — объяснил и я добавил ехидно, — Ваше Величество.

Глава II

Она фыркнула так, что арбогастр обернулся и посмотрел вопросительно. Я похлопал его по холке, мол, не обращай внимания, женщины все... умные, Бобик посмотрел на всех нас, весело взбрыкнул и понесся в лес.

— Можете не беспокоиться, — сказала она снисходительно, я вру только в случаях необходимости.

— Редкая женщина, — сказал я с глубоким уважением.

— Редкая, — согласилась она. — Очень даже. И не ваша. Завидно?

— Еще как, — сообщил я. — Этот герцог Эдмунд даже не подозревает, какое счастье его ждет. Нет, он, конечно, подозревает, но не знает, насколько это счастье... весомое счастье.

Она милостиво наклонила голову.

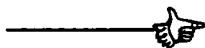
— Вот-вот, вы немножко начинаете понимать, сэр Ричард. Но не грызите локти, не всем же так везет!

Я тяжело вздохнул:

— Ох, не всем.

Кони наши снова ноздря в ноздю прошли мимо, но дорогу загородила исполинская паутина между деревьями, каждая нить толщиной с палец, и, хотя не видно капелек с клеем, я свернул в сторону, а там прямо перед нами величественный трон из белого камня, странно чистый, хотя вокруг полно листьев.

На спине надпись в пять рядов мелкими буквами, что показались странно знакомыми.

Я спрыгнул на землю, Ротильда сразу заерзала, крикнула:

— Нам не стоит здесь останавливаться!

— Не стоит, — согласился я.

— Так чего?

— А так...

Буквы, как ни всматривался, всего лишь знакомы, странное ощущение, что мог бы понять их смысл, если бы подольше ломал голову, но у меня вся жизнь бежит мимо, меня несет, как муравья на щепке, а мимо мелькают упущенные возможности...

Разозлившись на себя, я сел на трон и развалился в нарочито наглой позе, карикатурно королевской, но потрясенно ощутил, что такая форма кресла родилась в результате труда талантливых дизайнеров и специалистов по эргономике, как бы они здесь ни назывались.

Ротильда смотрела со страхом в глазах, наконец проговорила дрожащим голосом:

— ...И... что?

— А ничего, — ответил я хладнокровно.

— Что, — спросила она с недоверием, — ничего не чувствуете?

— А что, должен?

Она зябко повела плечами.

— Я слышала... всякое....

— Про такие заброшенные места?

— И места... и троны... Если сядет не тот человек, его убьет молния...

Я поинтересовался:

— А если тот?

Она вздрогнула.

— Вы в самом деле ничего не чувствуете? А вдруг вы и есть Избранный?

Я резко поднялся.

— Все, хватит. А то стошнит. Поехали.

Зайчик принял меня в седло и сразу попер уверенно и деловито, сам скорректировав курс на прежний.

Мы проехали мимо обломков, где на руинах словно бы присело перевести дух жуткое существо, которое я назвал бы химерой, нечто среднее между одноголовым Цербером и тупорылым крокодилом, уши торчком, из полураскрытой пасти торчат клыки.

Мне почудилось, что каменный зверь провожает меня взглядом, я погрозил ему пальцем и со значением похлопал по рукояти меча.

Ротильда дико оглянулась.

— Вы с ним общаетесь?

— Еще бы, — ответил я. — Он такой же каменный. И красивый, как и я.

Она фыркнула и надменно отвернулась, задрав нос с двумя розовыми дырочками. Я еще раз оглянулся: беспокоит то, что сооружение, каким бы оно ни было, полностью разрушено, а существо, что явно сидело на крыше, теперь на этих камнях. Как будто слетело, когда все ломали, и теперь дремлет здесь...

Конь моей спутницы начал прихрамывать, сперва чуть-чуть, потом припадать на переднюю ногу так, что Ротильда всякий раз тыкалась в его шею носом.

— Привал, — велел я. — Надо посмотреть, что у него с копытом.

Ротильда вскинула:

— Здесь? В зачарованном Лесу Ночи?

— Правда, — сказал я, — милое место? Никто сюда за нами не погонится... Можно поспать спокойно.

Она сказала, ошетилившись:

— Я с вами спать не буду!

— Да ладно, Ваше Величество, — ответил я, — я на такую честь не рассчитываю. Да и спать не стоит, я вообще-то спешу тоже. По своим делам.

Она фыркнула:

— Какие у вас могут быть дела?

— А вот могут, — ответил я. — Хотя спешу не к герцогу. И даже не к герцогине.

Я соскочил, протянул ей руку, она нехотя приняла и спустилась на землю, наполовину побывав в моих объятиях и мельком прикоснувшись ко мне грудью — женская месть за недостаточное внимание, но я сделал вид, что не заметил, и тем самым испортил триумф.

В копыто впился острый сучок, я осторожно выдернул его, подержал ногу в ладонях, заживляя ранку, конь тихонько ржанул и посмотрел на меня благодарными глазами.

Бобик за это время задавил нечто среднее между крупным поросенком и олененком, принес и смотрел с надеждой.

— Спасибо, — похвалил я. — Намекаешь, что хорошо бы поджарить?

Ротильда сказала резко:

— Я не проголодалась!

— А вот мой щеночек, — сказал я ласково, — уже кушать хочет. Утю-тю-тю, моя лапочка!.. Так что перекусим и поедем. Заодно и ваша конячка переведет дух... Бобик, давай это самое сюда. Сейчас королева Мезины разделает эту вещь, а мы с тобой пожрем.

Ротильда надменно вздернула голову:

— Я?.. Буду кормить двух... двух...

Я сказал с соболезнаванием:

— Недостает слов? Что значит благородное воспитание! Вечно вас ограничивают в выражении чувств.

Она отвернулась и, взяв копыто своего коня в обе ладони, рассматривала место ранки, а я за ее спиной бросил искру в кучу мелких сучьев, набросал сверху веток покрупнее, и, когда королева повернулась к нам, я уже быстро сдирал шкуру и разделывал, после чего на-

садил мясо на очищенные от коры прутья и приготовился ждать появления углей.

Она огляделась, но место в самом деле удачное, такие всегда выбирают путешественники: раскидистый дуб, что укроет кроной как от солнца, так и от грозы, крохотный ручеек из-под корней, достаточный простор, чтобы не бояться, что там шуршит за ближайшими деревьями, — они отступили на приличное расстояние.

— Запасы в мешке кончились? — спросила она язвительно. — Не рассчитали на долгую дорогу?

— Ничуть не кончились, — возразил я.

— Тогда зачем...

Я кивнул на Бобика, он лег у костра и неотрывно смотрит на поджаривающееся мясо жадными глазами.

— Ему.

Она охнула:

— Что? Вы совсем разбалуете собаку!

— А кого еще баловать? — возразил я. — Не женщин же... Это у нас в крови — баловать и потакать. Потому нам на голову садятся всякие... пусть уж лучше собачка, чем женщина. Собачка в самом деле любит — верно и преданно, тоскует по хозяину, а не пляшет в его отсутствие от счастья на столе. За что и мы их любим, а не только врем, что любим...

Я говорил ровно и успокаивающе, но странное чувство постоянно напоминает, что остановились мы все-таки в достаточно опасном месте. Пусть не слишком, я не чувствую ледящего холода, но все-таки иногда шерсть вздыбливается даже на руках, а кожа покрывается пупырышками...

Деревья все такие же огромные, все до единого тянутся вверх, словно стремятся убежать от земли, а ветви выдвигают из ствола только на самых верхушках. Даже те, что вроде бы растут на просторе, даже эти вы-

тягиваются в струнку, похожие на одуванчики на длинных тонких ножках с пушистыми головками.

Ручеек, выбравшись из-под корней дуба, бежит весело, очень довольный, наконец-то на свободе, а заведя вдали лесное озеро, ускорил бег и ринулся со всех ног — ого там сколько своих!

Я неспешно подкладывал в костер толстые сухие ветви, а когда появились угли, начал устраивать над ними ломти мяса.

Опасность, даже не сама опасность, а как бы легкое предостережение исходит со стороны лесного озера, хотя с виду такое тихое, спокойное, с неподвижной водой, как бывает только в лесу, когда окружающие деревья не то что волну, не допускают даже ряби на зеркальной поверхности.

Ротильда все больше выказывает себя настоящей женщиной, хотя точнее было бы разделить на настоящую и женщину, так как женскость проявилась в стремлении получить некие преимущества за счет того, что спали под одним одеялом, а когда не получилось, то не хныкала и не обижалась, а сама забыла о такой мелочи — в самом деле королева, у государей всегда есть дела поважнее и позначительнее.

Сейчас, не заставив меня подчиниться, она сделала вид, что так и должно быть, усердно жарит мясо, надкусывает пару раз, затем переправляет в пасть Бобику, а это чудовище помахивает ей хвостом и даже один раз благодарно лизнуло руку.

Я не удержался, да и кто из нас удерживается от бахвальства перед женщинами? Поймал момент, когда она не поворачивалась некоторое время, и снова всю скатерть уставил деликатесами так, что желудю упасть некуда.

Когда она, умывшись в ручейке, вернулась, я, уже

полулежа, как римлянин на пиру, жевал тонкий ломтик деликатесного мяса.

Она охнула:

— Ну вы и жрун, сэс Ричард!.. А киваете на разбалованную собаку?

Я сказал уязвленно:

— А где восторги?

— Восторгаюсь, — ответила она, — еще как... но непонятно, куда вы это все везете?

— Везу? — переспросил я. — Это все скормлю вам, вельможная лапочка.

— Я не лапочка, — ответила она с достоинством, — а Мое Величество. А столько съесть невозможно.

— Это мы посмотрим, — сказал я.

Она присела, грациозно подвернув под себя ноги, я поглядывал искоса, чтобы не смущать; ее пальцы брали сперва осторожно всякие непонятности, но потом все ускоряли движения, наконец они превратились вообще в блюрные, то есть почти смазанные от скорости, нижняя челюсть двигается быстро, как у мыши, я никогда бы так не сумел, а вкусы исчезают так быстро, что я едва успел якобы вытащить из мешка вазочку с горкой шоколадного мороженого.

Себе я достал оттуда же парующую чашу с кофе, Ротильда смотрела с подозрением, но ей не предложил, а когда взялась за мороженое, охнула, отдернула пальцы.

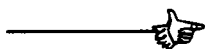
— Что стряслось? — сказал я лениво. — В такую жару самое то...

Она сперва лизала, как кошка сметану, потом разохотилась и хватала сразу целые шарики.

— Не простудитесь, — посоветовал я. — А то горло хоть и ненасытное королевское, но вдруг да не того...

Она просипела с белой кашцей во рту:

— Десять золотых монет за ваш мешок!

— Могу продать, — сказал я деловито. — Правда, десять мало.

— А сколько хотите?

— Сто.

Она ахнула:

— Что? Вы с ума сошли!

— Как изволите, — ответил я. — Это вам он нужен, а у меня он уже есть.

— Ну хорошо, — сказала она, — добавлю еще пять монет! Пятнадцать золотых — это состояние!

Я допил кофе, швырнул чашечку в кусты. Ротильда проводила ее взглядом, а я сказал, зевая:

— До ста торговаться слишком долго, так что закончим на этом. Ваш конь отдохнул?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— Мы же только-только расседлали!

Я поднялся, потянулся.

— Ладно, отдыхайте, я посмотрю, что за озеро.

— Озеро, — сказала она недовольно, — как озеро. Вы что, из пустыни?

— Не совсем, — ответил я. — Уток нет — терпимо, но почему не вижу ни жуков-плавунцов, ни лягушек?

Она проворчала с недоверием:

— Вы отсюда надеялись рассмотреть водомерок?

Я отвечать не стал, ноги сами понесли к берегу, озеро чересчур спокойное, тихое и чем-то неприятное, хотя явной угрозы все так же не чувствую, но в то же время нечто слабо враждебное... не обязательно опасное, мы же чувствуем вражду и в отношении мух, летучих мышей, гусениц, комаров...

Вокруг озера деревья могучие и высокие, почти всем за сотню лет, такие же и в лесу, но здесь на берегу нет валежника, трухлявых пней, распавшихся от дряхлости стволов...

Такое впечатление, что лес медленно, столетие за

столетием сжимает кольцо вокруг этого озера. Люди, конечно, помогли бы быстрее, но и без них лес избавляется от странного образования...

Я присмотрелся к тому месту, где ручеек сбегает в воду, странное ощущение, что не вливается, перемешиваясь, а растекается поверху, словно ниже вода другого состава, а то и вовсе не вода, а прозрачное масло.

Хотел присесть на корточки, но сразу же предостерегающий холодок напомнил, что это зря, я отступил на пару шагов и начал всматриваться.

Солнце в зените, лучи просвечивают на большую глубину, хотя дна все равно не видно, вроде бы вода чистая, однако почему-то чудится, будто там проходят некие волны, сгущения, непонятные образования, словно проплывают клочья тумана...

Холодок коснулся лба и медленно потек к затылку. Еще не близкая опасность, но все-таки я медленно отступил на пару шагов. Озеро все такое же плотное, словно густое масло, абсолютно неподвижное, буквально мертвое...

К берегу медленно пошла волна, приблизилась вплотную и начала подниматься по склону.

Я охнул и уже не отступил, а отбежал. Волна остановилась, появились продолговатые впадины, но все так же соединена с озером... Эта жидкость начала оформляться в человеческие тела, что медленно шевелятся, пробуют подниматься, падают, снова поднимаются, движения их становятся все более правильными и осмысленными.

Сам не знаю, как выдернул меч из ножен, меня тряхнуло от страха и омерзения, что-то слишком отвратительное в этих людях из озера, словно они из слизи — так политкорректно, а если проще, то из соплей, — уже не прозрачные, а белесые с прожилками внутри, то ли

это хорда и зачатки нервов, то ли длинные болотные черви...

Они полезли на берег, некоторые срывались и сползали обратно, остальные выбрались и пошли на меня, безликие и безглазые твари, руки вытянуты вперед, и вот теперь холод растекся по моему телу всерьез.

Я отпрыгнул и с силой ткнул одного мечом, клинок вошел в тело с такой легкостью, что я едва не упал следом. Выдернул меч так же просто, а в месте глубокой раны на пару секунд оставалась дыра, что сразу же затянулась.

— Ну да, — сказал я, — а как же...

Острые меча рассекло голову, обе половинки начали было разваливаться, но затем с усилием сомкнулись. Я отскочил, избегая протянутых рук, ударил мечом наискось.

Срубленная голова слетела, туловище остановилось, но через несколько мгновений на плечах поднялся горб, оформился в голову, и на меня взглянули страшные мертвые глаза.

Теперь человек из озера выглядит чуть мельче и тоньше, а срубленная голова сперва было чуть не впиталась в землю, но затем из нее с огромными усилиями сформировался маленький человечек.

Мне это показалось таким диким и противоестественным, что я дал здоровенного пинка, зашиб пальцы на ноге, однако мелкий разлетелся маслянистыми комьями и, уже не пытаясь восстанавливаться, впитался в почву.

Остальные обогнули нас и слепо идут к дереву, где, как я понимаю, много белковой пищи. Ротильда дико верещала и отмахивалась горящей веткой. Мелкие угольки, попадая на тела этих существ, заставляли их поспешно отступать.

Я прокричал:

— Молодец!.. Они почему-то огня боятся!

Мелькнула мысль, что легко бы загасили огонь своими водяными телами, но, видимо, у них достаточно чувствительные нервные окончания, а любое живое существо избегает боли...

Я рубил, рассекал тела, иногда просто пополам, но сразу же получалось два водяных человека, более шустрых, но если разбить или разрубить их тоже, то ниже этого предела уже не восстанавливаются, что вообще-то хорошо, иначе бы могли стать властелинами природы, потеснив даже нынешних королей — муравьев...

Глава 12

Со стороны дуба крик Ротильды становился все отчаяннее. Ее уже прижали к стволу дуба, она едва успевает тыкать в их лица дымящейся веткой. Я пробился к ним и, поддев носком сапога горящие угли, швырнул им в спины.

Озерные люди в корчах падали, катались по земле, Ротильда вырвалась из их кольца, но не стала удирать, а подхватила горящее с одного конца полено. Я еще пару раз швырнул угли, используя сапог как катапульту, затем начал зачерпывать на широкое лезвие меча и швырять веером.

Существа из странной жидкости впервые начали издавать какие-то хлюпающие звуки, отступили и начали пятиться обратно к озеру.

— Что за твари? — прокричала Ротильда в ярости. — Откуда они?

— Из озера, — ответил я, чем разъярил еще больше, — нравятся?

— Что за мерзость!

— Зато у них единство цели, — похвалил я. — И вообще... коллектив!

— Чего?

— А еще они, — крикнул я, — наверное, вообще не воюют... друг с другом.

Она заорала, некрасиво перекосив рот:

— При чем тут... Надо удирать!

— Кони еще не отдохнули, — напомнил я. — А эти морды уже уходят...

Те новые, что выходили из озера, поворачивались и возвращались в воду, а обожженные раскаленными углями с жалобными воплями, хромая и постанывая, продолжают пятиться, глядя в нашу сторону мертвыми глазами.

Я потрясенно смотрел, как они, ступая в озеро, не погружаются, а просто превращаются в воду, то есть прозрачный водяной столбик, поблескивающий на солнце, опускался к поверхности достаточно быстро, но все-таки я успевал понять, что в это время происходит некое превращение... или воссоединение с единой структурой общего организма.

— Интересно, — проговорил я, — они разумны? Не была ли это попытка достичь бессмертия таким путем?..

Она прошипела зло:

— Вы не рехнулись, сэр Ричард? Вас по голове ударили?

— Я энтомолог, — сообщил я. — Интересуюсь этими гербариями... А вам разве неинтересно?

Она брезгливо передернула плечами.

— Как такая мерзость может быть интересна?

— Я странствующий рыцарь, — сообщил я гордо, — что мне дворцы и балы всякие, там только бабы, да и то одинаковые, а здесь даже драконы и то разные! И сколько вот подобных существ?.. Это ж какая радость встретить, а потом хвастаться, другие даже не видели, а я вот — да!.. Это не то, кто сколько баб сумел уломать.

Она посмотрела на меня с отвращением.

— Как вы все примитивно упрощаете!.. Не бабы, а леди, и все мы разные. Это мужчины одинаковые, и у всех одно на уме...

— Да? — спросил я с интересом. — Что у меня на уме? Она посмотрела исподлобья, буркнула:

— Все равно соврете. Ладно, кони уже отдохнули... я думаю.

В ее голосе ощутилась некая пауза, словно давала мне возможность возразить, но я по своей мужской тупости и нечувствительности ответил с готовностью:

— Наверное, вы правы. Я вижу, что у вас на уме!.. Продолжим путь?

Она чуть ли не прошипела как разъяренная змея:

— Да, конечно!

Едва оставили озеро позади, как я ощутил прохладу, потом повеяло настоящим холодом. Бобик исчез впереди, вернулся со вздыбленной шерстью, глаза полыхают багровым огнем, уставился на меня ожидающе.

— Ну что, — пробормотал я, — посмотрим...

Деревья расступились, впереди белым-бело, широкая поляна, где поместилось бы три-четыре хаты с огородами, покрыта густым снегом, деревья окружили поляну тесным кольцом, но ближе подходить не решаются.

А кто и решился, мелькнуло в черепе, тот рассыпался на кристаллики. Все холоднее и холоднее, Зайчик наконец остановился и посмотрел на меня с вопросом в крупных коричневых глазах, сейчас очень серьезных и встревоженных.

Я оглянулся на Ротильду, она придержала коня еще на краю, ее лошадка опасливо пробует копытом промерзлую землю.

— Не решаетесь, Ваше Величество?

Она помахала рукой.

— Не стоит туда идти! — донесся ее звонкий голос. — Опасно!

— Да ну? — спросил я саркастически. — А я просто решил, что здесь зима...

Воздух обжигает лицо, я вдохнул чуть глубже, чем следовало, и закашлялся. Арбогастр стукнул копытом, промерзлая земля отозвалась странным звоном, будто вот-вот лопнет. Судя по всему, здесь никогда не падает дождь. Еще в воздухе превращается в снег, мелкие такие льдинки-катышки, и эта масса опадает здесь. Излишки выдувает ветер, а там за границами все тает, не позволяя здесь образоваться горе снега.

Арбогастр снова ударил копытом, я пробормотал:

— Да понял, понял... Установка там на глубине, это понятно. Только что она делала раньше?.. Не температуру же понижала, это даже Бобик понимает... Да что там Бобик, даже вон женщина могла бы понять, если бы обобиковела хоть немножко...

Ротильда прокричала снова:

— Сэр Ричард, вернитесь!

— Понял? — сказал я Бобику. — Подзадоривает! Если вот так кричать мужчине, он всегда прет еще дальше и глубже... А мы возьмем и послушаемся.

Мы объехали поляну по широкой дуге, я старался прикинуть, какая же температура в центре круга... хотя в глубине так вообще... возможно, вовсе абсолютный нуль?

Ротильда встретила меня злым взглядом.

— Обязательно надо было туда лезть?

— А как же, — ответил я. — Вы не заметили, Ваше Величество, что, когда рядом с дорогой появится большая темная лужа, ребенок обязательно свернет и походит по этой интересной и таинственной области?

Она ответила надменно:

— Я никогда не ходила по лужам!

Я всмотрелся в ее лицо.

— Правда?

— Правда! — ответила она с вызовом.

— А если честно? — спросил я, не отрывая взгляда от ее лица. — Ваше Величество, женщины врут и по мелочам, но вы же королева, должны брехать только в государственных интересах, а в мелочах быть правдивой...

Она спросил сварливо:

— Зачем?

— Больше доверия, — объяснил я.

Он поморщилась, ответила неохотно:

— Всего пару раз... Принцессам не очень-то позволено в лужи... И много нянек смотрят за каждым шагом.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я, — так я и думал. Ибо те прилежные, что никогда не лезут в лужи, никогда не становятся королями или королевами. Для этого нужен характер! А начало ему в способности свернуть с чистой дороги и влезть в лужу...

Бобик выметнулся впереди и требовательно гавкнул. Зайчик прибавил скорость, лошадка Ротильды теперь идет не хромая, и вскоре деревья начали расступаться, впереди блеснул солнечный свет, а дальше распахнулся зеленый простор бесконечной равнины под чистым синим небом.

— Значит, — сказал я, — это замороженное место и есть самое то, что не дает людям вырваться из Леса?

— Может быть, — предположила она, — те омерзительные люди озера? Я чувствовала, что они уже завладевают моими чувствами...

Я пожал плечами.

— Не важно. Главное, мы прошли насквозь кратчайшим путем. Ламбертиния уже рядом... И этот Лес Ночи оказался совсем не таким огромным, как я считал. И мои тролли точно не здесь... И Ночи не было, я разочарован... Ох, проклятие... Это что за люди?

В двух сотнях ярдов с треском распахнулись высокие кустарники, выметнулся отряд в десяток панцирных всадников, не рыцарей, но во главе мчится именно рыцарь с султаном перьев на шлеме, на ходу вытащил меч и что-то прокричал, указывая в нашу сторону.

Ротильда вскрикнула отчаянно:

— Это граф Табард Вустерский!.. Его знамя...

— И что? — спросил я.

— Он сильнейший в королевстве, — прошептала она, — как рыцарь... и как полководец! Значит, и он с ними...

Я сказал язвительно:

— И этот сильнейший?..

— Да...

— Один лучший, — буркнул я, — другой сильнейший... Значит, вы ухитрились восстановить против себя всех в королевстве? И после этого мечтаете, чтобы я на вас женился?

Она даже не обратила внимания на ядовитый выпад, бледная и трепещущая, прижала руки к груди и смотрела на всадников, что все ускоряют бег могучих коней.

— Как они поняли, — прошептала она, — что пройдем через лес Ночи?..

— Не это важно, — пробормотал я. — А вот то, что этот Табард догадался побыстрее обогнуть его и ждать здесь... гм, в самом деле не последний дурак...

Руки мои уже достали лук, я наложил первую стрелу и выпустил со звонким щелчком по рукавичке. Пока она шла в цель, я успел выпустить еще три, и все ударили в щели между доспехами.

Еще две заставили всадников пошатнуться, после чего я бросил лук на землю, выхватил меч и едва успел отбить удар первого из тех, кого не достали мои стрелы.

Мимо промчались еще трое, я закрывался щитом и

бил в ответ, а когда развернул коня и приготовился встретить повторную атаку, их осталось уже двое.

За это время те, кого ранили мои стрелы, бросились к Ротильде, но там Бобик оскалил зубы и так рывкнул, что кони от громового рыка в ужасе встали на дыбы и сбросили всадников, а потом ринулись, дрожа всем телом, прочь.

Я пронесся кругами, покрикивая, что, если кто поднимется с земли, пусть не жалуется, я уже зол, и все остались лежать, кто распростертый, кто оглушенный, а кто с рычанием старается выдернуть глубоко засевшую стрелу.

На коне только один — рыцарь с перьями на шлеме, я налетел со всей яростью, опрокинул с лошадкой вместе, однако он извернулся и не попал под ее грузное тело, откатился, быстро вскочил и с мечом в руке люто уставился на меня в прорезь шлема.

Я соскочил на землю.

— Хочешь на равных?

Издали донесся крик Ротильды:

— Это же Табард!.. Дерись с коня!

Я сказал этому благожелательно:

— Не обращайтесь внимания, сэр. Женщина, что она понимает... Может быть, предпочтете сдаться?

Он зарычал как дикий вепрь и ринулся на меня, укрывшись щитом и приготовив меч для удара. Я не стал отступать или парировать, пошел на опережение, сильным ударом выбил меч из руки и тут же ударом в забрало поверг на землю, да так поверг, что он перекувырнулся трижды.

Я пошел следом, пару раз влупил ногами под ребра, проверяя прочность доспехов, затем встал коленом ему на грудь и, выдернув нож, приложил холодное лезвие к горлу.

— Сдавайтесь или умрите!

Он прохрипел, кривя разбитый в кровь рот:

— Граф Табард никогда не сдастся неизвестному...

Я хотел было нажать на рукоять ножа, лезвие легко погрузится в горло и заодно разрежет сонную артерию, но взгляд графа прям, держится с достоинством, на лице нет страха, и мое мохнатое сердце политика дрогнуло.

— Черт с вами, — сказал я.

Ротильда наблюдала издали, она только видела, что я наклонился к уху поверженного, что-то шепнул.

Граф подо мной вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами, потом весь обмяк. С его губ сорвалось едва слышное:

— Сдаюсь...

Я поднялся, сунул нож обратно, а графу протянул руку. Он послушно ухватился за мои пальцы, тяжелый и громадный в таких почти турнирных доспехах. Я поднял его, он поклонился и потащился, сильно хромая, к брошенным коням.

Ротильда закричала в диком возмущении:

— Что?.. Он уходит?.. Да я его сама убью!

— Успокойтесь, — сказал я строго. — Вы Ваше Величество или все-таки прачка? Вот и величайтесь, уже недолго осталось...

Она насторожилась.

— Что вы имеете в виду?

Я указал рукой:

— Вот на том берегу уже Ламбертиния. Видимо, мы разминулись с вашим женихом.

Она зябко поежила плечами.

— Еще бы. Он вряд ли поехал через Зачарованный Лес... Нам надо, думаю, вверх по течению.

— Зачем?

— Поищем мост, — объяснила она

— А почему не вниз?

— Там река шире, — объяснила она, — мост там не

построить, народ переправляется на лодках... Можно бы, конечно, коней оставить, но от реки до столицы ехать еще почти сутки...

Я сказал в нетерпении:

— Леди, что-то я с вами слишком уж задержался. Так что, если вы в состоянии коня оставить, то поступим проще...

Граф Табард кое-как поднялся в седло и пытался повернуть испуганного коня в нужную сторону. Я вспрыгнул на Зайчика, подъехал к Ротильде и быстро поднял ее к себе в седло.

Она испуганно и возмущенно вскрикнула, а я сказал громко:

— Зайчик, на ту сторону!.. Бобик, не отставай, прибью.

Копыта загремели, встречный ветер подул с такой силой, что голову королевы Мезины прижало ко мне. Зайчик набрал скорость, с пологого берега пошел по воде, как нечто летящее и поднимающее кучу брызг.

На середине реки мы погрузились почти до его брюха, Ротильда на миг оторвала лицо от моей груди, взгляд одуревший, увидела нас на середине реки, что-то вяло прошептала и снова прижалась очень жарким телом.

Зайчик выметнулся на противоположный берег и наддал еще, стараясь догнать нахального Пса, а тот еще и насмешливо оглядывался на бегу.

Ротильда только однажды приподняла голову и прокричала сквозь ветер:

— Где... мы?

— Уже близко, — заверил я.

Стены большого города выросли примерно там, где я и видел на карте, дороги широкие, утопанные, а в сотне ярдов от городских врат я увидели крупный отряд воинов во главе с двумя рыцарями.

Ротильда прошептала мне в грудь:

— Ох, но почему ты раньше не...

Я перевел Зайчика на рысь, сказал громко:

— Ваше Величество, вы знаете этих людей?

Она с трудом подняла голову, глаза томно полузакрыты, всмотрелась и прошептала мягким и чуточку хрипловатым голосом:

— Это... сэр Бернур и сэр Каупер!

— Знакомые? — спросил я.

— Немножко и мои...

Голос ее был почти сонный, я спросил настойчиво:

— А чьи еще?

— Лучшие друзья герцога Эсмунда, — проговорила она как во сне, — Милый... это его верные люди...

Я подъехал ближе, там насторожились при виде Адского Пса и громадного всадника на страшном черном коне, но двое спешили и подбежали, я опустил Ротильду прямо в их руки и сказал громко:

— Леди Ротильда, было приятно с вами попутешествовать!.. До свидания!

Она что-то начала говорить, но я сделал вид, что не слышу, повернул Зайчика, свистнул Бобику, и через мгновение мы были уже далеко, только желтая пыль взвилась по нашему следу.

Глава 13

Ветер свистит в ушах, Зайчик прет напролом с великим удовольствием, глаза разгорелись, даже зубы оскалил, будто довольно хохочет. Пес уже с трудом удерживает первенство, по сторонам не рыскает, несется нацеленно, почти не оглядывается, потому что копыта грохочут прямо за спиной, вот-вот прищемят хвост...

Можно бы из Ламбертини по прямой к Тоннелю, но тогда пришлось бы наискось через опустевшее Фос-

сано, нет уж, в моих планах пообщаться с Его Величеством королем Барбароссой..

Промелькнули первые пограничные замки Армландии, я вздохнул с облегчением, на башенках гордо выются по ветру знамена сэра Ричарда и местного лорда. Значит, Гиллеберд, стремясь поскорее выйти к Тоннелю и перекрыть его, в самом деле даже не пытался осаждать крепости противника с их гарнизонами...

Зайчик сам резко сбросил скорость, я ахнул: впереди нечто эпическое. Библейское, огромное до горизонта поле все покрыто трупами людей в доспехах, как металлических, так и кожаных, многие в кольчугах, оружие либо разбросано, либо воткнуто в землю, кровь уже застыла и начала сворачиваться, кое-где уже рыщут волки.

— Догадываюсь, — пробормотал я. — Зайчик, вперед!

За полем снова обнаружили вытоптанное копытами место, трупов там несколько сотен, кровь еще вытекает из ран, слышатся стоны, кое-кто шевелится.

— Вперед, — сказал я, — сейчас догоним!

Зайчик пошел карьером, надвинулся и ушел в сторону леска, на горизонте появился и начал приближаться устремленный к небу замок, а к нему по широкой дороге двигается всадник на гигантском коне.

Мы снизили скорость, чтобы он не счел нападением, он уже услышал грохот копыт и неспешно повернулся: огромная гора в стальной броне, похожая на сверкающий слиток, забрало опущено, на меня взглянули в прорезь холодные синие глаза.

— Сэр Тамплиер! — крикнул я первым, пренебрегая ритуалом. — Я видел, где вы проехали!

Он так же неспешно поклонился.

— Ваша светлость?.. Очень хорошо, что вы здесь. Честно говоря, я устал сдерживать их натиск... но сего-

дня у них что-то разладилось. Бросают оружие, бегут... Ничего не понимаю!

— Не понимаете, почему не дерутся?

— Да...

Я сказал счастливо:

— Как хорошо... Сэр Тамплиер, до них дошли слухи, что их богопротивная столица желтого дьявола, рассадник политкорректности и прочего языческого непотребства, пала под натиском верных Господу сил.

Он прогромыхал могуче:

— Уже? Так скоро?

Я кивнул.

— Можно сказать, теперь можете перевести дух. Армия Гиллеберда разгромлена как на границе с Варт Генцем, так и в центре, где, скромно указывая на себя пальцем, признаюсь, что с небольшими силами я захватил Савуази, отправил нечестивого и отвергнувшего Господа короля Гиллеберда к его прямому вдохновителю и хозяину...

Я картинно улыбнулся, Тамплиер спросил с недоверием:

— Это к кому?

— К дьяволу! — ответил я гордо. — Силы Света снова одержали верх!

Он с облегчением вздохнул, перекрестился.

— С Божьей помощью, сэр Ричард!.. Только с Божьей помощью...

— Я и грю, — сказал я. — С помощью Господа враг рода человеческого посрамлен и снова отправлен в ад, откуда и выполз! И здесь неоценима ваша помощь, сэр Тамплиер, и величайшая заслуга, что будет оценена и признана церковью...

Он отмахнулся.

— Я крушу здесь только его миньонов, но, надеюсь, это весьма огорчает Сатану.

Я заверил:

— Да он места себе не находит! Только и думает, как бы вас уесть. Разве этим не стоит гордиться?

Он подумал, кивнул.

— Да, ненависть дьявола — лучшая награда. Заедете перекусить? Правда, у меня только постная пища...

— Я сам употребляю только постное, — заверил я не моргнув и глазом, — даже в скоромные дни! Но, к сожалению, очень спешу выполнить еще одно предначертание и даже повеление Господа Нашего, ибо все в Его руке, и кто смеет противиться, тот еретик и нечестивец!

Я перекрестился размашисто, Тамплиер перекрестился менее демонстративно и спросил:

— Чем-то могу помочь?

— Только еще более верным служением Истине и Свету, — заверил я. — Сэр Тамплиер, вы показали себя не только верным защитником рубежей, но и умелым хозяйственником, чему я, признаться, весьма удивился. Потому вам придется принять на себя руководство всей пограничной областью Армландии, что граничит, как вы сами видите, не только с Турнедо, но и с Фоссано с одной стороны и Мезиной — с другой.

Он посмотрел на меня озадаченно.

— Но это же... целый край!

— Во имя Господа, сэр Тамплиер, — сказал я внушительно, — мы должны трудиться больше, чем простые люди. И вообще личным примером зажигать энтузиазм... Под вашей благородной и справедливой дланью будет целый край с городами, селами, замками и крепостями... Однако, сэр Тамплиер... Господь помогает тем, кто живет и трудится в Его Имя! Лаудетор, Езус Кристос!

Он ответил машинально:

— Аминь...

Я поклонился, прощаясь, и пустил коня вскачь вдогонку за притормозившим Бобиком, но еще долго перед глазами стояло озабоченное лицо сурового рыцаря.

Вскоре навстречу начали попадаться отряды отступающей турнедской армии, а потом пошли так часто, что я оказался буквально зажат между ними. Странное дело, меня все узнают, словно каждому солдату Гиллеберд вручил мое описание, чтоб каждый знал врага в лицо.

Когда я пытался проскочить мимо большой группы пышно одетых рыцарей в золоте и с султанами на конских головах, мне замахали руками, уговаривая остановиться.

Я придержал коня, там тоже остановились, навстречу выехали два богато одетых всадника, оба сняли шлемы и передали оруженосцам, а затем слезли с коней и преклонили колена.

После необходимой паузы я справился с недоумением и произнес нейтрально:

— Лорды?

Они вскинули головы, первый сказал, не сводя с меня взгляда:

— Рейнграф Чарльз Мандершайд, ваша светлость, командующий северной армией. До нас дошли слухи, что Его Величество король Гиллеберд погиб. Посему мы считаем продолжение войны бесполезным, складываем оружие и сдаемся на вашу милость.

Я поинтересовался:

— А надо ли так спешить, загоняя коней?.. Короли Барбаросса и Найтингейл на расстоянии протянутой руки!

Второй военачальник, жилистый и с суровым лицом ветеран, произнес лязгающим голосом:

— Стальграф Филипп Мансфельд, ваша светлость, к

вашим услугам!.. Вы должны понять наше стремление сдаться сильнейшему.

— Это хоть как-то оправдывает нас, — добавил с горькой усмешкой рейнграф Чарльз. — Сдаться Ричарду Завоевателю... не так стыдно, как его слабым союзникам.

Я тактично промолчал насчет слабости союзников, окинул их испытующим взглядом.

— Я принимаю вашу сдачу.

— Спасибо, ваша светлость...

Я вскинул руку, прерывая.

— Более того, — сказал я торжественно, — как хозяин центральной части Турнедо и властелин Савуази, принимаю вас на службу.

Рейнграф воскликнул воспламененно:

— Ваша светлость!

— Если есть, — сказал я, — у вас после тягостного поражения страстное желание реабилитироваться, очистить свое имя и заставить его засиять ярче прежнего... я могу вам такую возможность предоставить!..

Оба смотрели радостно и ошалело, рейнграф спросил первым:

— Да, это в нашем положении было бы очень желательно... Но... как?

— Все вы слышали о королевстве Сен-Мари, — сказал я патетически. — Богатейшее, красивое, развращенное, на берегу южного моря, где всегда сияет солнце, зимы не бывает, женщины прекрасны и доступны... теперь оно мое! Но с моря надвигается армада свирепых пиратов, что пытается смести с лица высокую культуру чувственных удовольствий и забрать все горы золота, что накоплены в богатейшем Сен-Мари!.. Им нужно дать отпор. Кроме того, я строю огромный флот, и мне понадобятся отважные рыцари, готовые отправиться завоевывать и грабить новые дикие страны!

Их глаза вспыхнули, лица засияли божественным светом, будто видят в моем лице ангела, — вот бы мне щас в зеркало хотя бы одним глазком, я же всем турнедским рыцарям даю новый смысл жизни.

Рейнграф воскликнул:

— Приказывайте, мой лорд!

Я сказал властно:

— Поднимитесь оба. Теперь, значитца, так. Вы приняты на службу в той же должности и с теми же титулами. Ваши земли будут сохранены за вами в полной неприкосновенности, а жены ваши и дети будут под моей персональной защитой. Вы можете прямо сейчас развернуться и уже красиво и гордо, с песнями и отважными сердцами идти к Тоннелю, а оттуда через него — в Сен-Мари. Вам там сразу скажут, что делать, как только объясните — что вы присланная мною армия из Турнедо. Клянусь, вам настолько обрадуются, что будут на руках носить!

Стальграф Филипп покачал головой:

— За нами, перекрывая дорогу к Тоннелю, по пятам наступают войска королей Барбароссы и Найтингейла...

Я сказал быстро:

— Все очень просто: поднимите мое знамя. Король Барбаросса его прекрасно знает, оно у него в печенках сидит. Не думаю, что будет в восторге, но он беспрепятственно пропустит вас через ряды своих войск, если скажете, что отныне у меня на службе. И главное, я еще раз заверяю вас: там, в солнечном Сен-Мари, у вас будет возможность красивой войны с дикарями, где увенчаете себя славой, почестями и вернетесь в Турнедо героями!

Они просияли, рейнграф проговорил колеблющимся голосом:

— Но как насчет...

Я хлопнул себя по лбу:

— Да, кстати, чего это я!.. Во главе войска поеду я сам, порадуя своего старого друга короля Барбароссу! Кстати, я же коннетабль королевства Фоссано, а это значит, что всеми воинскими соединениями Барбароссы командую тоже как бы я каким-то боком!.. Затем вы двинетесь дальше, а я задержусь пообщаться с королями.

Рейнграф сказал с облегчением:

— Это самый лучший вариант, ваша светлость!.. Увидев вас во главе, они уж точно не обрушатся всей мощью на своих вчерашних противников.

Я сказал бодро:

— Более того, я догоню вас потом, обгоню и всех предупрежу в Сен-Мари, что к ним на помощь идет прекрасно обученное войско турнедцев — самых моих опасных противников, отважных и дисциплинированных, которых невозможно одолеть в равном бою, а только с десятикратным численным преимуществом...

Оба устало заулыбались, глаза гордо заблестели.

Рейнграф сказал чуточку нерешительно:

— Тогда... остановимся здесь и будем собирать отступающие войска? Вы подтвердите свои обещания командирам, а мы пока распорядимся, чтобы быстро наделали ваших знамен.

Глава 14

Стальграф Филипп разослал легких конников во все стороны, чтобы перехватывали отдельно отступающие отряды и заворачивали к лагерю, объясняя, что теперь они уже не воюют с королями Барбароссой и Найтингейлом, у них есть шанс покрыть себя славой и захватить богатую добычу в богатейшем королевстве по ту сторону Великого Хребта.

Я подивился, как быстро собралось войско: все-таки

Гиллеберд сумел создать лучшую армию в этом регионе. Ни одно королевство не выстояло бы под ее ударами. Даже против четырех держав Гиллеберд дрался бы долго и успешно, изнуря наши экономики. Только захват столицы и его смерть сумели переломить исход войны.

Разъезды армии Барбароссы мы увидели на другой день, а на третий уже показалась тяжелая конница, начала выстраиваться в знакомые для атаки формации.

— Мое знамя! — скомандовал я. — Сэр Филипп и сэр Чарльз, окажите мне честь сопровождать в знаменательной встрече с недавними противниками. Мы едем к Барбароссе!

Оба военачальника, слегка побледнев, взобрались на коней, два знаменосца поехали впереди, держа полотнища развернутыми под легоньким ветерком.

Приближались мы неспешно, давая возможность нас рассмотреть, а когда оставалось до их рядов не больше двух сотен ярдов, навстречу выехали два рыцаря в золотых доспехах, я всмотрелся в герб одного на щите и довольно заулыбался.

Мы сблизились, он раскинул руки, мы обнялись, я сказал с чувством:

— Сэр Маршалл, что у вас за шило в заднице, почему не усидели в столице?

Он прогрохотал счастливо:

— Благодарю вас, сэр Ричард, что дали возможность снова подняться в седло и побывать в настоящих боях!.. А кто эти люди? Один похож на командующего левым крылом армии турнедцев, ох и попил он у нас крови...

Я сказал благодушно:

— Это он и есть, благородный рейнграф Чарльз Мандершайд, ныне командующий экспедиционным корпусом, что направляется в Сен-Мари, чтобы укрепить оборону побережья. И его коллега, стальграф Фи-

липп Мансфельд, бывший командующий тяжелой конницей, а теперь снова... руководит ею же, но теперь у меня на службе.

Сэр Уильям ошалело крутил головой, хлопал глазами.

— Нич-ч-его не понимаю! — пожаловался он. — Когда вы успеваете?... Это что, серьезно?

— Абсолютно, — заверил я.

— Но... сэр Ричард!

Я сказал бодро:

— Сэр Уильям, вы ж меня знаете. Чего не сделаешь, чтобы порадовать Его Величество!

— Да его удар хватит, — пробормотал он.

Турнедские военачальники ждали с вежливыми улыбками. Сэр Уильям все еще с непониманием повернулся к ним, тяжело вздохнул, но поклонился им достаточно учтиво.

— Должен признаться, — произнес он громко, — я прожил долгую жизнь и участвовал во многих битвах, но никогда не встречал таких прекрасных воинов, как в вашем войске!

Рейнграф поклонился в ответ.

— Ничего нет лестнее, чем похвала самого Уильяма Маршалла, чья слава давно пересекла границы королевства Фоссано!

Сэр Уильям развел руками.

— Я приглашаю вас к себе в шатер. Боюсь, я не преувеличиваю, когда предостерегаю насчет удара... Его Величество хоть и привык к некоторым шуточкам сэра Ричарда, но это уж не лезет ни в какие ворота!

Военачальники обеспокоенно переглянулись, рейнграф Чарльз спросил с беспокойством:

— Мы чем-то можем помочь?

Я сказал торопливо:

— Не беспокойтесь, Его Величество меня настолько обожает, что всегда удавить готов. Недаром же я у него

коннетабль, который... все время чего-то да сконнетаблит.

Гонец от сэра Уильяма унесся в лагерь, мы повернули коней и медленно продвигались через зону внешней охраны, а потом между палатками и шатрами в сторону центра.

Шатер короля Барбароссы пламенеет пурпуром на самом высоком месте, как и положено сюзерену, вокруг застыла мрачная стража, но когда мы вступили в пределы лагеря, полог отлетел в сторону, в проеме появилась высокая фигура широкоплечего мужчины с короткой седой бородкой.

Свет из шатра бьет в спину, лицо в тени, но я узнал Барбароссу, торопливо соскочил с коня и, приблизившись, преклонил колено.

— Мой король!

Барбаросса смотрел на меня бешеными глазами, перевел взгляд налитых кровью глаз на застывших и ошалелых военачальников, оба были уверены, как и все турнедское воинство, что самый главный в коалиции союзников как раз я.

Наконец Барбаросса закончил люто раздувать ноздри и прорычал:

— Сэр Ричард... ко мне в шатер! Сэр Уильям, займитесь нашими... гостями.

Я подмигнул рейнграфу и стальграфу, мол, развлекайтесь пока с сэром Уильямом, и пошел за королем.

Барбаросса ворвался в шатер, как волк в овчье стадо, а я сразу заговорил со лъстивым восторгом:

— Ваше Величество, а здорово я убрал с вашего пути последние преграды? А то еще драться пришлось бы, ужас какой для мудрого и степенного короля, полного любви к всяческим там ближним, средним и даже дальним!..

Он прорычал:

— Ужас, какой ужас? Ты вообще сдвинулся? Это же радость и счастье — гнать отступающего врага и бить в заговор! Ты понимаешь, чего меня лишил?

— Я ж вас от черной работы избавил, — сказал я отчаянно, — я бы только радовался, что все впереди сдается, а сзади все цветет и пахнет... У вас же впереди еще почти треть Турнедо!.. Ваша земля!.. Покоренное население, что смотрит на вас с ужасом и надеждой, уповая на вашу милость и великодушие, идущие из самой глубины вашего огромного и неисчерпаемого как океан сердца! Вы можете издавать новые законы, карать и вешать, спасать и миловать, быть грозным или великодушным...

Он смотрел набычившись на такого вассала. Мне вспомнилось, что герцог Нормандии Вильгельм вторгся в Англию и захватил ее всю, объявил себя королем, но по-прежнему оставался вассалом французского короля. Более того, все его потомки тоже оставались вассалами французской короны: однажды Филипп-Август приказал явиться на свой суд вассалу, королю Англии Иоанну Безземельному, унаследовавшему трон после Ричарда Львиное Сердце, обвиняя в нарушении вассальных обязательств.

Я вассал не такой именитый, короны на моем гордом и мудром челе нет, но под моей властью территория, намного больше Фоссано, да и суммарной мощи... гм... но к Барбароссе отношусь не просто с симпатией, а и с любовью, потому без всякого сопротивления в душе преклоняю колена, сам наслаждаясь такой игрой.

— Будто не знаешь, — прорычал он, — ничего такого я делать не могу! Это только дуракам в глухой деревне кажется, что король может все. С чего бы я вдруг начал карать и вешать, если это теперь мои люди. Грозными или великодушными нас делают обстоятельства...

— Как, — вскричал я в горестном недоумении, — а как же капризы? Какая же тогда радость быть королем?

— А вот такая!

— Но все-таки! — воскликнул я патетически. — Новые территории! Новые города!.. Земли!.. Леса, реки, озера, пруды, кустарники, болота, комары...

Он кивнул, несколько смягчаясь.

— Новые земли и города... это, ладно, хорошо. Хотя как, хитрая лиса, ты всех нас обвел вокруг пальца? Бедным зайчиком прикидывался, визжал, лапки кверху, все его бьют и обижают, ой-ой, спасите!..

Я сказал виновато:

— Ваше Величество, я правда не хотел!.. У меня в Сен-Мари все горит, а тут еще эти земли... Я не собирался их вообще брать. Само получилось, мне надо было честь спасти, иначе от меня и мои все лорды отвернулись бы!..

Он буркнул:

— Да ты спасаешь ее одним способом, хватая и хапая.

— Чтобы раздать, — сказал я, — тем, кто идет со мной! Иначе могут потерять ко мне интерес. Но я уже придумал, как начинать укреплять свою власть, не подкупая лордов землями и титулами.

— Как?

— Гиллеберд, — ответил я.

— Что с ним?

— Он подсказал, — пояснил я. — Его армия, если честно, намного лучше наших. А все почему?

Он уязвленно нахмурился.

— Не так уж и лучше...

— Нас никто не подслушивает, — напомнил я, — а так и сами знаете, что лучше. При равном соотношении войск они побеждали всегда. Но за счет чего?.. Он первым широко применил то, на чем будут строиться армии.

Барбаросса наклонил голову, смотрел испытующе.

— На чем же? — голос его прозвучал с угрозой.

— На власти короля, — пояснил я. — Гиллеберд, в отличие от всех нас, опирался не на лордов, что хотят — воюют, не хотят — не воюют, а на полностью наемное войско. Он был крут, за свою долгую жизнь сумел подчинить себе феодалов... разными способами, даже не весьма честными, но стал собирать налоги со всей страны, а не жить с доходов своего имения, как живут все короли, каких я знаю...

Барбаросса поморщился, откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах роскошный кубок.

— Наемников используют все, — сообщил он. — Хотя бы для личной охраны. Ну да, так широко, как Гиллеберд, не делал никто. Кроме того, ты не сообщил ничего нового насчет налогов. Все короли всегда стремятся укрепить свою власть, но лорды следят очень внимательно и всегда пресекают любые попытки упрочиться, потому что это означает их ослабление. Или отыскал какие-то лазейки?

Я помотал головой:

— Пока нет. Хотя в отдельно взятом регионе... весьма.

— Это где?

Я сказал серьезно:

— Сен-Мари. Вспоминая детские уроки, могу сказать, что один из древних вождей по имени Вильгельм Нормандский вторгся в королевство, что раз в десять больше земель его племени, захватил и велел принести ему лично присягу верности. Всех, Ваше Величество! От своих соратников до последнего крестьянина.

— Как?

— Ну, понятно, крестьяне не приезжали для присяги к королю, а давали клятву верности в своих деревнях, но, Ваше Величество, впервые в истории они давали клятву не своему лорду, а сразу королю! Потому ни-

какой лорд не мог собрать верных ему людей и повести их на короля, потому что они клялись не ему, а королю!

Он смотрел, насупившись.

— И что же, такую клятву дали и лорды, что прибыли с ним?

Я кивнул.

— В том то и дело, что дали. И очень охотно. Почему? Он в поход взял всю рыцарскую голытьбу, безземельных и даже безлошадных, что на захваченных землях стали настоящими лордами! Конечно же, они дадут любую клятву вождю, что привел к славе, богатству и могуществу!.. Это уже их дети, даже внуки, разжирев и укрепившись, начинают подумывать о больших вольностях и говорить о чрезмерной власти короля, но...

— ...но король им этой возможности не дал?

— Именно, Ваше Величество! — подтвердил я. — Король обложил налогом всех, а не только лордов, и на эти деньги собрал наемную армию!.. Не думаю, что понимал ее преимущества, просто не хотел зависеть от прихоти крупных феодалов, которые могут и отказаться идти в поход.

Он задумался, пробормотал:

— Да, своя армия — хорошо. По крайней мере, и тебя самого лорды не сомнут...

— Не только, — сказал я, — у меня с детских лет сидят в памяти примеры, как серая наемная армия побеждает блестящее и прекрасно вооруженное рыцарское войско, будь тех даже во много раз больше. К примеру, у Черного Принца было всего тысяча восемьсот рыцарей, две тысячи лучников и совсем немного копейщиков, а у его противника — рыцарей три тысячи и в несколько раз больше пехоты, всего пятьдесят тысяч воинов, но в сражении войска Черного Принца практически обошлись без потерь, зато противника разгромили полностью. Погибли практически все знатные и

незнатные рыцари, в плен попали не только лорды и полководцы, но и сам король! Немногие спаслись бегством, но дома их встретили палками, обзывали изменниками, наследник престола вместе с двором бежал из столицы, оставив ее врагу... И таких примеров, Ваше Величество, множество.

Барбаросса поморщился.

— А это точно не случайность? — буркнул он. — А то на войне всякое бывает.

— Ничуть, — заверил я. — Вот вторая такая же битва тех же сторон, когда в двенадцатитысячной армии, подчиненной королю, погибли сто пятьдесят человек, а в той, феодальной, где сражались хорошо обученные драться рыцари, недисциплинированные, конечно, погибли тридцать тысяч человек, опять же включая всех высших сановников, герцогов, графов, баронов и самого короля, а люди уже не Черного Принца, а его отца обошли поле в поисках знатных рыцарей, за которых могли бы получить выкуп, и там всех тяжелораненых добили, из-за чего та сторона потом громко протестовала, так как добивали простые воины! А еще был протест, что знатные рыцари погибали из-за «анонимных» стрел...

Барбаросса хмыкнул:

— Молодцы. Строгие рыцарские правила. Жаль, не все выполняют.

Я пожал плечами.

— Я служу Господу, а он говорит, что перед ним все равны. Потому простолюдин с тем же правом может резать глотку барону, как и барон простолюдину.

Он подумал, поднялся, я тоже вскочил, но он покачал головой.

— Сидеть!

— Ваше Величество...

— И ждать, — приказал он. — А я загляну к сэру

Уильяму, и решим, что с тобой делать. Я буду предлагать повесить...

— Вы сама доброта, Ваше Величество, — крикнул я ему вдогонку. — Я растроган до фибр души!

Шаги за стенкой шатра удалялись, вряд ли меня уже слышал. Я сел и приготовился ждать. По правде говоря, хотя я хорохорюсь перед Барбароссой и уверяю, что чуть ли не заранее все продумал, на самом деле если и получилось «обдуманно», то скорее на подсознательном уровне, потому что такие яркие моменты врезаются в память со школьной скамьи.

Кроме этих побед англичане одержали блистательную победу при Азенкуре как раз за счет того, что отважные и прекрасно обученные французские рыцари глубоко презирали английское войско, состоящее почти целиком из простолюдинов.

Конечно же, они должны разбежаться при одном появлении закованной в сталь французской тяжелой конницы! Французов было не то сто пятьдесят тысяч, не то все тридцать, свыше половины из них были рыцари и эскавайры, англичан явилось на битву меньше шести тысяч.

Командующий французской армией разработал план, как уничтожить англичан, но представитель короля герцог Орлеанский послал его в задницу и сказал, что простолюдины не имеют права начинать битву, это не по-рыцарски, и первыми пустил тяжелую конницу, цвет Франции...

Началась битва, в которой погибли две трети рыцарей, а оставшиеся попали в плен. Погибли три герцога, восемь графов, архиепископ, все высшее военное командование: коннетабль, адмирал, глава арбалетчиков и маршальский прево, пали бальи девяти крупнейших северных французских городов. В плен взяли около двух тысяч пленных, среди них оказался и тот, кто так

безрассудно начал битву, герцог Орлеанский. Все пленные представляли собой именитую знать, так как менее знатные пленники были уничтожены сразу. Но и знатным не слишком повезло: уже в конце битвы один из французских отрядов ударил во фланг англичанам, что гнали и убивали отступающих французов, и тогда английский король, опасаясь, что огромное количество пленных знатных рыцарей может взбунтоваться и разнести английское войско изнутри, приказал... перебить их. Так, на всякий случай.

Показательно, что рыцари, которым он приказал это сделать, гордо отказались, король им не указ, тогда отряд из двухсот лучников выполнил приказ без всяких угрызений совести.

Я это учел, когда отдавал щекотливые приказы еще при вынужденном захвате Сен-Мари, более осознанно повторил, когда брали Савуази и когда защищали его от герцога Ярлширского, когда велел захватить дворец Гиллеберда и не оставлять наследников. К рыцарям даже не обращался, зная наши высокие принципы.

Так что профессиональную армию, которая служит только мне, уже создаю, хотя все еще почти полностью завишу от доброго отношения крупных феодалов.

Глава 15

По ту сторону стенки шатра голоса стали громче, донесся мощный рык Барбароссы, топот и звяканье оружия, широкие ладони распахнули полог перед приближающимся королем.

За Барбароссой вошел сэр Уильям, сразу сказал успокаивающе:

— С вашими лордами... гм, они уже ваши?... никак не могу привыкнуть... все в порядке. Их угостили вином, они пройдут через наши порядки беспрепятственно.

— Спасибо, сэр Уильям.

Он отмахнулся:

— Да это вам спасибо. Может, и хорошо, что такая масса хорошо вооруженных и боеспособных людей покидает наши земли. А может, и плохо. Пусть король решает.

Барбаросса со вздохом разочарования сел за походный стол, слуга пробежал вдоль стены как чучундр, собрал пустые кувшины, а взамен поставил полный.

Сэр Уильям сам наполнил три кубка, кивнул на свободный мне.

— Спасибо, сэр Уильям, — сказал я снова.

Он с видимым наслаждением осушил кубок, подумал и налил себе еще. Барбаросса потягивал вино мелкими глотками, на меня поглядывал исподлобья.

Сэр Уильям посопел с глубокомысленным видом, наконец сказал с подчеркнутым разочарованием:

— Так что все-таки делать, Ваше Величество?

Барбаросса хрюкнул:

— Не знаю.

— Этот ваш вассал, — проговорил сэр Уильям, — ухитрился увести у вас не только две трети Турнедо, но еще и отступающую армию перехватил и так ловко перевербовал, что я даже и не знаю...

Барбаросса прорычал:

— Может, прибить, пока он нам самим на шею не сел?

— Хорошая идея, — согласился сэр Уильям. — Но тогда не увидим самое интересное...

— Что?

— Как он сам шею сломает.

— Это да, — сказал Барбаросса кровожадно. — Я такое пропустить никак не могу! И хочу посмотреть, на чем!

— Я тоже, — согласился сэр Уильям. — Так что, пусть живет?

— Пока пусть, — сказал Барбаросса. — Он же такой

дурак, что везде носится один, кто-то да пырнет ножом. А я охранять не собираюсь...

— Как хорошо очутиться среди друзей, — сказал я с чувством. — Чего только о себе не услышишь! Как же вы меня любите...

Барбаросса зло зыркнул из-под насупленных бровей.

— Еще не то услышишь!.. А вот что делать, раз уж армия вдруг из лютого врага в одну минуту стала дружественной армией нашего... гм... союзника и вассала... в самом деле не знаю. Но раз уж мы приперлись на край света, то нужно обозначить свое присутствие и показать, что отныне это не турнедские земли, а фоссановские...

— Это еще не турнедские, — напомнил я. — Здесь пока Армландия! Турнедо начнется миль через сорок...

Он отмахнулся:

— Привыкай мыслить масштабно.

— Лучше так не ошибаться, — напомнил я, — мы, армландцы, очень ранимы и обидчивы...

Барбаросса фыркнул:

— «Мы, армландцы»... Давно ты им стал?.. В общем, там дальше уже не турнедские земли, а фоссановские... понятно, в составе Армландии. Как пересечем границу, так сразу везде поднимем наши знамена на всех башнях, поставим гарнизоны во всех крупных городах и замках...

Сэр Уильям бросил на меня беглый взгляд.

— Какие флаги? Королевства Фоссано или Армландии?

Барбаросса скривился.

— А какие они у Армландии? Этот хитрый жук везде поднимает знамена Фоссано и везде кричит, что он-де коннетабль фоссановской армии, я уже и не знаю, кто я сам! Надо бы в зеркало посмотреть.

Уильям улыбнулся мне, подмигнул.

— Понятно, поднимаем знамена Фоссано. Хотя сюда попасть можно только через Армландию... Но, возможно, сепаратизм Армландии уже малость поугас? Сэр Ричард?

Я вздрогнул, очнулся от государственных дум.

— Я его гасил всеми доступными фибрами, благородный сэр Уильям!.. В разобщенности ничего хорошего, я за общий рынок, за интеграцию, за перераспределение функций и спасение редких животных на островах. Кстати, до них еще очередь дойдет, дойдет... Так что да, ни малейших попыток воспрепятствовать в посещении принадлежащих вам фоссановских земель на турнедской территории! Клянусь, я буду этому следовать. И карать тех, кто посмеет чинить вам препятствия.

Король прогрохотал с подозрением в голосе:

— Ишь какой честный, благородный и как распинается в верности!.. Сэр Уильям, держи карманы. Хоть ворует больше целыми полками, но и кошель не побрезгует стянуть, он уже настоящий политик. Знает, в нашем деле нет мелочей.

Я заверил клятвенно:

— Вот увидите, Ваше Величество! Никаких помех, только содействие. Любое, какое понадобится. Только свистните! Я не забываю тех, кто пришел ко мне даже не на помощь, а на спасение!

Его взгляд смягчился, он пророкотал благодушно:

— Какая это помощь, это моя обязанность. Если я сюзерен, мой долг — защитить вассала... Хотя странный какой-то вассал, однако тут сэр Уильям недавно сообщил, что благодаря торговле с Сен-Мари мы получили неплохое пополнение государственной казны, так что да, ладно... Жаль только, что многие мои видные рыцари бегут к тебе, предатели...

Я сказал виновато:

— Ваше Величество, они не ко мне бегут! Одни — к

удивительному южному морю, другие жаждут посражаться с варварами Гандерстейма за церковь и веру, третьи мечтают сесть на корабли и двинуться на таинственный Юг... Я ни при чем.

— Ну да, — сказал Барбаросса саркастически, — как же, ты в стороне, безобидный зайчик. А кто дирижирует всем этим безобразием? Смотри, чтобы не захлестнуло тебя самого.

— Сам боюсь, — признался я. — Одно радует, Ваше Величество, в ваших мудрых и даже мудрейших распоряжениях...

Он рыкнул подозрительно:

— Только одно?

Я спохватился:

— Что это я несу, меня все радует в ваших мудрых и даже правильных распоряжениях.

Он посмотрел исподлобья.

— Это каких?

— Насчет знамен на башнях, — напомнил я. — Все эти ваши распоряжения исполнены глубинной мудрости, понимания и величия! Редко кто может охватить всю вашу грандиозность, ибо любой другой дурак ринулся бы насаждать свои порядки, а вот вы... нет, вы просто приказали сменить занавески, а бл... гм... благие дела оставить в неприкосновенности. Народу какая разница, кто на троне? То, что сделал Гиллеберд хорошо, зачем ломать?

— Хорошо?

— Ну да, — сказал я. — По крайней мере армия хороша? С экономикой, как я понимаю, тоже, иначе бы и армию не собрал, и народ бы не ходил с такими сытыми мордами.

Он хмыкнул.

— Ах да, теперь и похвалить можно. Сэр Уильям, что теперь на наших новых границах?

Сэр Уильям пояснил:

— Если с севера, то наши земли плавно переходят в земли сэра Ричарда, что вроде бы тоже наши, чему просто поверить не могу.

Барбаросса поморщился.

— Что ты мне про этого прохвоста, что только и смотрит, что бы еще украсть или выпросить?.. Меня интересуют настоящие соседи... К счастью, слева сосед, о каком только мечтать можно, король Роджер Найтингейл, мы с ним за это время сдружились еще больше. Справа, правда, королевства Бурнанды и Мезина, у меня с ними никаких контактов. От Мезины отделяла Армландия, а от Бурнандов — турнедские земли. Но, думаю, с сокрушителями самого грозного Гиллеберда никто задираться не посмеет, так что нерушимость границ подтвердим еще раз, мол, чужого не хотим, но кто возжелает потоптать наши земли без спросу, то догоним и прибьем в собственной норе, как сделали с Гиллебердом, что был куда сильнее.

Сэр Уильям кивнул.

— Сделаем, Ваш Величество. И дадим понять, что не шутим. Воинский пыл не угас, а только разгорелся.

— Но не перегни, — предупредил Барбаросса, — а то испугаются и начнут вооружаться. А нам чем меньше у соседей войск, тем спокойнее.

— Это точно, Ваше Величество!

Барбаросса вдруг ехидно улыбнулся.

— Да, кстати, хочу вам, дражайший сэр Ричард, показать одного из моих лучших полководцев, что умело разгадывал почти все маневры Гиллеберда!

Я сказал настороженно:

— Я рад, что у вас такие военачальники...

Он кликнул громко в сторону стенки шатра:

— Пригласить сэра Мэтью!

Через некоторое время послышался топот ног, голо-

са, полог откинулся, и в шатер вошел граф Рейнфельс. Он мазнул по мне острым взглядом, коротко поклонился королю.

— Ваше Величество...

Барбаросса сказал с удовольствием:

— Я тут рассказываю сэру Ричарду, как умело вы разгадывали ловушки Гиллеберда. У вас меньше всех потерь, а результаты выше.

Он сдержанно поклонился.

— Я польщен столь высокой оценкой Вашего Величества.

Барбаросса прогудел благодушно:

— Да бросьте, вы с самым деле показали себя лучше других. Что значит старый волк знает все хитрости и уловки молодых волчат... Вы, как мне почему-то кажется, знакомы?

Рейнфельс дернул раздраженно щекой, как конь, которого куснул слепень.

— Ваше Величество!

— Да знаю-знаю, — сказал Барбаросса, — это я шутю так по-королевски. У короля все шутки смешные, вы не знали?

— И сейчас что-то не вижу, — отрезал Рейнфельс.

Барбаросса посерьезнел, сказал уже другим тоном:

— Дорогой друг, могу я просить вас об одолжении?

Рейнфельс ответил с настороженностью:

— Если только оно не заденет мою честь.

— Не должно бы, — ответил Барбаросса, но без особой уверенности. — Трудность в том, что сэр Ричард привел всех, кого сумел поднять с постели, из Армландии, но ему нужны люди как в Турнедо, так и в том непонятном Сен-Мари, где тоже что-то горит...

— Откусил слишком огромный кусок, — определил со знанием дела Рейнфельс, — не проглотит, подавится.

— Скорее всего, — согласился Барбаросса, — но это

не в наших интересах. Так что будем бить по спине, как только закашляется. Долго и больно. Я хочу вас оставить под рукой сэра Ричарда в Турнедо... или в Сен-Мари, на его выбор. В зависимости от того, где он попытается гасить пожар в первую очередь.

Рейнфельс не ответил, повернул голову, его глаза смерили меня с головы до ног.

— Ваше Величество, — проговорил он тем же ровным голосом, — этот ваш вассал ведет себя достаточно независимо. Некоторые его распоряжения противоречат нашим строгим нормам... в том числе и морали.

Барбаросса кивнул, на лицо легла тень печали.

— Но в целом он же на той стороне, где и мы?.. Молодые на многие вещи смотрят по-своему. Вон Альвар Зольмс, которого вы считали своим лучшим военачальником, предпочел остаться с нашим коннетаблем?

Рейнфельс произнес глухо:

— Я не берусь его осуждать.

Барбаросса напомнил:

— Я жду вашего ответа, сэр Рейнфельс. Если не хотите, я вас оставлю там, где вы желаете.

Рейнфельс снова покосился на меня, мне показалось, что хочет услышать мое отношение, но я закрыл рот и не двигался.

— Ваше Величество, — ответил он вежливо, — я точно же предпочел бы остаться... однако, учитывая, что здесь мы уже завершили операцию... столь неожиданно...

— Благодаря вмешательству сэра Ричарда, — напомнил Барбаросса раздраженным голосом, — что лишил счастья гнать и бить в загривок...

— В спину, — уточнил я.

Он нахмурился.

— Да какая разница! Гнаться за убегающим — это лучше, чем напиться!.. Даже лучше, чем к жене соседа. Так что вы решите, граф?

Рейнфельс снова посмотрел в мою сторону.

— Очень уж не хочется разводить розы, Ваше Величество. Потому предпочту выполнять приказы вашего коннетабля, даже если они и пойдут вразрез с вашей политикой, что случится наверняка, если мы правильно понимаем натуру сэра Ричарда.

— Это вы его понимаете, — сказал Барбаросса, — а я вот совершенно... ничуть! Но я ему почему-то доверяю, хотя, конечно, зря, сам знаю. Хорошо, так и порешим. Вы со своим десяти тысячным отрядом поступаете в полное распоряжение сэра Ричарда. Если, конечно, он не против. Я могу добавить вам еще тысячу арбалетчиков и две тысячи лучников.

Я тихонько охнул. С таким войском английские короли одержали победы при Креси, Пуатье и Азенкуре, а у Вильгельма Нормандского было вдвое меньше, но он захватил всю Англию...

— Премного благодарен, Ваше Величество, — сказал я и, преклонив колено, поцеловал Барбароссе руку. — Вы увидите, ваш коннетабль победно пронесет ваше королевское знамя все выше и все дальше!

Он вздохнул.

— Вот этого и страшусь.

Я поднялся, сказал смущенно:

— Ваше Величество, это всего лишь фигура речи. На самом деле все мои усилия в ближайшие годы и столетия будут направлены только на то, чтобы удержать то, что нахал! И — ни пяди чужой земли.

Граф Рейнфельс поклонился мне:

— Ваша светлость, располагайте мною.

— Спасибо, граф, — сказал я. — Мне хотелось бы, чтобы наши старые разногласия остались позади.

— Я буду только счастлив!

— Вот и ладно, — сказал я, — впереди такая интересная жизнь... зачем цапаться?

Глава 16

Я некоторое время ехал во главе первой северной армии, ревниво поглядывая, чтобы никаких утеснений со стороны разочарованных фоссанцев, но, как мне показалось, разочарование больше напускное, все же больше обрадовались такому скорому и внезапному окончанию войны.

Позади двинулась, не соприкасаясь, группировка войск под началом графа Рейнфельса.

Я уже намеревался оторваться от войска и ринуться к Тоннелю, как едущий рядом стальграф Филипп Мансфельд сказал несколько напряженным голосом:

— Нас догоняют люди короля Барбароссы...

Я оглянулся, за нами во весь опор несется граф Рейнфельс, на моих спутников посмотрел с неудовольствием, а я сказал любезно:

— Граф!.. Пользуюсь случаем представить вам рейн-графа Чарльза Мандершайда, командующего левым крылом северной турнедской армии, а также стальграфа Филиппа Мансфельда, он командовал правым, а когда Его Величество король Гиллеберд, к которому я питаю искреннее уважение, срочно отбыл в столицу, управлял и центром.

Рейнфельс приложил пальцы к шлему.

— Приветствую, — произнес он холодно. — Должен сказать, вы оба показали высочайшее искусство управления войсками.

Рейнграф коротко поклонился.

— Похвала столь именитого полководца, как граф Рейнфельс, приятна вдвойне...

Рейнфельс обратился ко мне.

— Ваша светлость, хотя вы и декларируете верность и вассальную зависимость моему королю Барбароссе, но все мы знаем, что это только слова. Тем не менее я

просил бы вас перед Тоннелем убрать знамена Его Величества, а поднять прапора сэра Ричарда.

Стальграф Филипп догадался первым:

— Чтобы не подумали, что вторгаются войска Фоссано?

Рейнфельс кивнул.

— Да. Вы, очевидно, не знаете, что сэр Ричард захватил это богатейшее и могучее королевство хитростью, прикинувшись местным лордом, что в некоторой части является правдой, он в самом деле сын одного из местных герцогов! Так что лучше, если над нами будут реять стяги с его странным гербом...

Они переглянулись, рейнграф сказал первым:

— Спасибо, сэр Рейнфельс, вы уберегли нас от возможных неприятностей.

Граф вежливо поклонился.

— Я уберегал от них и себя, доблестные лорды.

Я в нетерпении скоблил задом по седлу, Бобик смотрит на меня с таким недоумением, что вот-вот заговорит как буриданова ослица, даже арбогастр косится огненным глазом, уши как у эльфа, с кончиков срываются искры, вот уж нетерпение так нетерпение.

— Дорогие друзья, — сказал я с подъемом, — мне так радостно видеть ваш братский порыв добраться до берега последнего моря и омочить ваши копыта... в смысле конские копыта, в океанской пене... и сразиться с пиратами островов, захватить гигантский архипелаг Рейнольдса, что принадлежит мне, но временно вот уже тысячу лет оккупирован чужаками... переплыть океан и помочь там угнетенным народам в их справедливой войне! И как жаль расставаться с вами даже на время, но меня труба зовет, я помчусь вперед и органирую вам достойную встречу в Сен-Мари!.. Прощайте,

друзья, мы расстаемся всего на несколько дней или недель, все зависит от скорости вашего продвижения!

Я обнялся со всеми тремя, не делая различий, развернул Зайчика, Бобик посмотрел на меня и чуть не бросился на шею, все поняв.

Отъехав чуть, я повернул арбогастра, поднял его на дыбы и помахал рукой — недавно научился, очень красивый жест, еще порепетирую и буду выпендриваться перед дамами.

В Тоннеле, где раньше было не протолкнуться, наконец-то упорядочили движение: справа в одну сторону, слева в другую, под копытами время от времени звонко звякает металл рельсов, а когда мы выметнулись на ту сторону, увидел длинную, почти бесконечную насыпь, прямую как стрела, что в конце концов уперлась в широкий разлапистый холм, прорезала узким ущельем и понеслась дальше, гордая и прекрасная, как сам технический прогресс...

Я некоторое время мчался вдоль насыпи, прикидывая, сколько сумели уложить за это время, в любом случае монахи уже возят грузы на платформе, а то и сами ездят, а вот простой народ еще долго будет креститься и плевать...

Затем я свернул в сторону и взял курс прямо на Геннегау, великий стольный город королевства Сен-Мари.

Зайчик неся по бесконечной равнине, где мимо проскакивают небольшие леса, иногда села и города; наконец вдали возникла покатая гора из старого серебра, затем под лучами солнца вспыхнула розовым огнем, теперь это уже роскошный торт с множеством башенок.

Мы резко сбросили скорость до простого галопа, город исполинский, Савуази поражает только северян, кто пусть и объездил соседние королевства, но не был

за Большим Хребтом, а здесь даже я ощутил странный трепет по нервам, когда город приблизился и показался во всем величии и царственной мощи.

За стеной из розового камня видны расположенные на возвышении прекрасные здания, дворцы, а на самой вершине дворец всех дворцов — немыслимая красота и утонченность, дивное умение архитекторов и строителей, создавших не только ажурные и безумно высокие башни-шпили, но и висячие мостики между ними, ажурные переходы, снова башенки, уже другой формы, но безукоризненно вписанные в общую композицию.

Копыта прогрохотали по великолепной дороге, мощенной плотно подогнанными один к одному булыжниками.

Геннегау и по размерам, как три Савуази, я еду по нему как по целому королевству; наконец по ту сторону центральной площади выступила из пространства исполинская громада королевского дворца, в комплексе его зданий можно разместить столицу Фоссано, еще останется место и для Дартмуда, столицы Шателлена...

Стражи узнали меня издали, хотя скорее всего по Бобику, что, как всегда, впереди. Радостно улыбаясь, распахнули ворота, надо бы въехать красиво и царственно, уже умею, но мы ворвались в нетерпении, как юные и дикие готы в дряхлый Рим.

Я соскочил с коня перед ступенями дворца. Из окон сразу повыдергивались наружу головы, возникла заметная метушня, зазвучали взволнованные голоса.

— Приветствуем, ваша светлость!

Я оглянулся на сильный жесткий голос, на меня в упор смотрит барон Торрекс Эйц, начальник охраны дворца.

— Ты что подкрадываешься? — сказал я весело. — Как тут?

— Без происшествий, — доложил он. — Как вы?

— Придешь на Большой Совет, — сказал я, — узнаешь.

— Я не состою...

— Уже состоишь, — сказал я. — У меня слишком мало людей, чтобы перебирать.

В холле прибавилось стражи, все в красочных накидках поверх доспехов, а на головах особые головные уборы, похожие на береты с приподнятым верхом. Похоже, у этих людей особый статус, на него указывают, как догадываюсь, и вон те крашенные перья на макушках.

Я пошел через большой зал, совсем недавно же видел эти рожи, а как будто целая вечность прошла, все одеты пышно, и все стараются попасться на глаза, и все играют короля и вообще абсолютного властелина.

Не добежав до кабинета, я увидел сэра Жерара Макдугала, по-прежнему угрюмого и в том же темном костюме с белым воротником, но при виде меня лицо его расплылось в непривычной для него широчайшей улыбке.

— Сэр Жерар? — сказал я на ходу.

Он поклонился.

— Ваша светлость... с возвращением?

— Еще нет, — сказал я, — хотя не знаю, не знаю...

Сэр Жерар, срочно собирайте Большой Совет!

— Уже делаю...

— А пока вкратце самое главное, что с Тарасконом?

Опережая стражей, он распахнул передо мной дверь в мой кабинет, я перешагнул порог, пахло таким родным, словно я здесь и родился.

— Ну, — сказал я в нетерпении, — говорите же!.. Можете сесть.

Садиться он не стал, — очень правильный и соблюдающий все тонкости придворного этикета, — посмотрел на меня строго.

— Положение, — сказал он, — тревожное. И даже шаткое. Пираты появились, но их кое-как отбили. Как мы понимаем, это была разведка. Они ушли, но пригрозили, что, если не прекратим строить порт и корабли, они явятся с огромными силами и сметут не только Тараскон, но и все Сен-Мари...

Я нахмурился.

— Так-так...

Он поинтересовался с тревогой:

— Неужели в их словах есть доля правды?

— Есть, — согласился я. — Но только доля. Какая — не знаем. Но что острова совсем близко от побережья, это верно. И силы у них есть, есть... Только не знаем какие. Что насчет Сулливана? Вы же знаете, этот вопрос не давал мне покоя все время и в Турнедо!

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы просто чародей, ваша светлость.

— Ну еще бы!

— Все получилось, как вы и рассчитывали.

— Говорите, не томите!

— Может быть, — сказал он со значением в голосе, — даже больше.

— Что значит больше, — сказал я уязвленно. — Что он сделал такого, что я не предусмотрел?

Он сказал гордо, словно сделал все сам:

— Сулливан понимал, что вызвать свои войска не успевает, они у него, как вы помните, в труднодоступной горной местности, где ни дорог, ни даже тропок...

— Да, помню, — сказал я в тревожном и радостном возбуждении, — как не помнить! Но у меня вообще тут не было войск!

Он сказал таинственно:

— Потому он обратился к своему знакомому.

Он сделал нарочитую паузу, я спросил в нетерпении:

— Ну-ну, к кому?

— Вот-вот, — сказал он, — вы этого не предусмотрели, верно? Но если предусмотрели, даже я буду считать вас гением, хотя, конечно, когда вижу, как вы колупаетесь в носу...

— Придушу, — пригрозил я. — Я же не на людях там роюсь?

— Он обратился, — сказал он с торжественностью, — за помощью к герцогу Вирланду Зальскому!.. Тот в свое время собрал в своей крепости Аманье достаточно большое войско...

Я сказал пораженно:

— Вирланд Зальский... Ну да, как я не подумал! Честно говоря, я про него вообще забыл, как про что-то активное. А для него призыв Сулливана самый удачный шанс спасти лицо...

— Ваша милость?

Я пояснил:

— Что ему оставалось, когда Сен-Мари в моих руках, а он поклялся блюсти верность Кейдану?.. Сидел в своей неприступной крепости как сыч, а его люди постепенно разбежались. Сперва просто ходили за продуктами, а потом уже не возвращались. Думаю, у Вирланда осталась под рукой совсем горстка...

Он кивнул.

— Именно. Но на его клич, как и в прошлый раз, моментально собрались отряды его вассальных лордов. Им, в отличие от сулливановских, идти к Тараскону всего сутки-двое. Он в самом деле тут же, не мешкая, повел их на помощь барону Сулливану. Если бы не Вирланд, пираты все-таки захватили бы порт.

Я сказал встревоженно:

— Значит, силы у них даже для разведки выделяются весьма, весьма...

Он снова кивнул, наконец сказал просительно:

— Ваша светлость... но что там... как повернулось?..

Я посмотрел на него со снисходительным удивлением.

— А вы, сэръ Жерар, сами как думаете? Или хотите меня обидеть сомнением в моих талантах полководца, дипломата, стратега, тактика, знатока бабочек и вообще, мать вашу, культурного эстета?

— Судя по вашему лицу, — сказал он, — и ребячьему подпрыгиванию на месте... в кресле гвоздь?.. то все как-то разрешилось. Но... как?

— Весьма, — ответил я уверенно, — и зело. Давайте пожрем чё-нить перед Советом. Заодно и подумаем. И врут те, кто говорит, что во время еды кровь отливает от головы и приливает... к желудку.

Он почтительно наклонил голову.

— Золотые слова, ваша светлость. На пиру приходят самые здравые мысли. Конечно, когда еще не слишком весел.

Слуги заносили в кабинет еду и вино, я ел демонстративно жадно, это всегда воспринимается хорошо, сэру Жерару все-таки в общих чертах рассказал, что и как случилось в Турнедо и даже в Варт Генце, должен знать, как реагировать, затем по ту сторону двери слышались шаги, ее распахнул слуга в строгой темной одежде с белым воротником, через порог перешагнул высокий человек в сером, лицо тоже серое, даже глаза умело сделал оловянными, но в них заблестала жизнь, когда я обратил на него взгляд.

— Ваша светлость, — сказал он и низко поклонился. — С прибытием.

— Спасибо, Куно, — ответил я. — Есть хочешь?

— Спасибо, ваша светлость, — ответил он, — я как раз очень хорошо пообедал, как будто чувал, что вы нагрянете и мне держать ответ.

— Много наворовал? — спросил я.

— Мог бы больше, — ответил он, — но тревожусь насчет другого...

— Ну-ну?

— Приходилось делать всякое-разное, на что лучше бы спрашивать у вас разрешения...

— Зачем?

— Ну, чтобы не виноват в случае чего. Если виноваты вы, то как бы никто не виноват. Вы ж не бываете виноватым по определению...

Я в нетерпении отмахнулся.

— Я тебе разрешил даже вешать. Простолюдинов — просто так, благородных — с письменным обоснованием для объяснений перед родней. Мне главное — здоровая экономика.

— Уже выздоровела, — сообщил он. — Очень хорошие доходы приносит торговля с варварским Севером. Простите, так у нас называют все королевства по ту сторону Большого Хребта. Налоги поступают регулярнее, чем при прошлом короле. И в большем количестве. Хотя ваши новые хозяева, которым вы раздали владения, еще не полностью освоились...

— Значит, — сказал я с удовлетворением, — будут еще больше. Хорошо. Ты как, наворовал и на покой или будешь пахать дальше?

Он скромно улыбнулся.

— Мне нравится пахать. Это интереснее, чем вино и женщины.

— Тогда тебе работы будет больше, — сообщил я.

Сэр Жерар вышел на голоса в коридоре, отсутствовал некоторое время, потом явился уже ровный и бесстрастный, словно копирует нового посетителя.

— Альбрехт Гуммельсберг, — произнес он бесцветным голосом, — барон Цоллерна и Ротвайля.

Барон вошел быстро и порывисто, как всегда щегольски одет, весь в новеньком, только что с иголки, быстро и весьма изящно поклонился, но довольно дежурно — к своим можно и без поклона, но здесь канцлер по хозяйству из местных, потому вот так, с полупоклоном...

На меня быстро и остро взглянули серые глаза, очень живые и моментально все схватывающие, барон тоже явно не тратит лишнее время на вино и женщин. Какое-то тратит, но не лишнее.

Он остановился, соблюдая этикет, я произнес:

— Барон?

Он поклонился еще раз, уже рассматривая меня в упор.

— Ваша светлость?..

— Садитесь, барон, — пригласил я. — Раз уж Куно настаивает на выстаивании как слуга. Боится, что если посажу, так уж посажу.

Барон чуть отодвинул кресло и сел, на Куно взглянул с одобрением.

— Правильно делает. Это вообще жук: еще ни у кого из наших не вызывает антипатии, а это удивительно. Судя по вашему лицу, сэр Ричард, у вас есть... новости.

— Некоторые, — ответил я скромно, едва не лопаюсь от гордыни, прости меня господа, слаб человек, а уж человечек так и ваще, — сейчас соберется Совет, сразу уж выложу. А то охрипну всем повторять одно и то же.

Он сказал наставительно:

— Верно делаете, мой лорд. Иначе поймать на брехне могут, сравнивая разные варианты.

Я хлопнул в ладоши, явился слуга, я кивнул на стол.

— Убери все.

Появились еще двое, унесли прямо со скатертью, через минуту появился сэр Жерар и остановился, гля-

дя, как мне всегда кажется, с укором, хотя это у него такое сочетание генов.

— Ваша светлость, Тайный Совет собрался в большом зале.

Я изумился:

— Что, все пришли?

— Все не могут, — ответил он, — вы же ввели даже таких, как Норберт Дарабос, а его даже в Гандерсгейме найти трудно...

Я пробормотал:

— Так чего в большом зале, тут проще... Ну да ладно, кворум есть?

Он вряд ли понял, что это такое, но ответил правильно:

— Для выработки решений людей достаточно. Вам ведь и одного себя хватает, не так ли, сэр Ричард?

Я проворчал недовольно:

— Не обвиняйте меня в тоталитаризме, сэр Жерар! В переходные периоды крепкая авторитарная власть — благо.

— Особенно, — сказал Альбрехт елейно, — если ваша, сэр Ричард.

Я посмотрел на него исподлобья.

— Не вижу повода для шуточек.

Он выставил перед собой ладони.

— Я совершенно серьезно!.. Это же так естественно. Еще бы иначе! А ну, кто там против?

Я буркнул:

— Решения принимать могу я и один, подумаешь!.. А вот претворять их в реальную жизнь должны весьма многие. Чем больше, тем лучше. Потому и Совет...

— Может быть, — спросил он деловито, — как-то назвать иначе? Зачем вам советы, вам нужны исполнители...

— Можно бы, — согласился я. — Например, Высший Исполнительный Комитет... но лучше оставим прежнюю вывеску, всем льстит быть советчиками в великих делах. И всегда можно сказать «это я посоветовал» или «я был против» в зависимости от того, что получилось.

Он пропустил меня вперед и плотно закрыл за нами дверь. Стражи придвинулись и закрыли спинами, хотя вообще-то надо бы поставить хороший замок, а то шпионаж никто еще не отменил, и, почему-то кажется, отменят не скоро.

Часть вторая

Глава 1

В большом зале за малым круглым столом, что может расширяться по мере увеличения рассаживающихся за ним, уже собрались с десятков высших лордов Армландии, а с ними и несколько местных: Куно Крумпфельд, верховный лорд Джералд Бренан — за время моего отсутствия Куно сумел привлечь его к работе, очень богатый и могущественный феодал; здесь же и лорд Джеймс Гарфильд, каким-то образом перебрался в наш Совет, надо узнать, кто его пригласил на свою ответственность, по слухам, очень умелый дипломат, хозяйственник и всегда со всеми ладит; здесь же лорды Уильям Дэвенант и Томас Фуллер, оба из богатейших и влиятельнейших родов королевства, при Кейдане были на третьих ролях, но я после принесения ими присяги начал потихоньку приближать ко двору...

Барон Торрекс примчался запыхавшись, поклонился и торопливо сел рядом с отцом Тибериусом, настоятелем цистерианского монастыря, а когда я поднялся и собирался открыть собрание, распахнулась дверь и появился отец Дитрих, усталый, но с сияющими глазами.

Я поспешил к нему навстречу и, выражая уважение, подхватил под руку.

— Отец Дитрих, счастлив вас видеть!

— Я тебя тоже, сын мой, — произнес великий инквизитор, — к нам уже докатились слухи...

Я кивнул на собравшихся за столом:

— А до них?

Он ответил с улыбкой:

— До них еще нет. У церкви свои источники...

Я усадил его за стол, вернулся на свое место, все смотрят ожидающими глазами, почти голодными на новости.

— Дорогие друзья и соратники, — сказал я. — Новости хорошие, но... тревожные. Если мы все не засучим рукава, то рухнет не только там, но и здесь. Все рухнет! Дело в том, что Гиллеберда мы остановили. Жестко! Он убит, его королевство разделено между победителями. Мне, увы, досталось две трети земель Турнедо, в том числе и сама столица Савуази.

По мере того как говорил, на их лицах сперва вспыхнула радость, а потом точно так же на всех, будто смотрю на близнецов, отразилось недоумение.

Барон Альбрехт кашлянул и сказал ровным голосом:

— Ваша светлость, неплохо бы услышать вашу версию, почему это «увы», если такая блистательная и, скажу честно, неожиданная победа.

У всех на лицах этот же вопрос, я кивнул и продолжил:

— Вопрос уместный. Дело в том, что Турнедо еще дальше Армландии, как вы догадываетесь... возможно. Точнее, оно расположено сразу за Армландией к северу. Но мы даже с Армландией связаны одной-единственной дорогой! Если не хотим потерять те земли, нам надо срочно выработать ряд мер, чтобы привязать их...

— К Сен-Мари? — спросил лорд Джералд Бренан.

Я покачал головой:

— Нет.

— К Армландии?

— К единому экономическому пространству, — ответил я. — Где будут одни законы, одна власть, одни меры весов... и так далее. Это выгодно всем, потому что нет границ, нет заградительных торговых пошлин. Если сумеем это организовать, то нас ждет великое будущее. Если нет...

В напряженном молчании прозвучал холодный голос барона Альбрехта:

— То рухнет и здесь, наш лорд прав. Положение очень неустойчивое, и падение в одной области тут же вызовет обвалы и в других. Конечно, лучше бы не брать те земли, но у нашего лорда руки загребушие...

Я сказал, оправдываясь:

— Нельзя было не брать!.. И поделили так, и, если бы не взял... со мной бы не считались даже мелкие лорды в тех краях!.. Брать пришлось, а теперь и нести тяжело, и бросить нельзя... Думайте! Выработывайте стратегию. Я могу подсказать только, что в Турнедо произрастает прекраснейшая пшеница, еще там лучшие в мире финики, а вся Армландия славится лучшими винами. Виноградники у нас растут сами по себе, без всякого ухода, а виноград все равно самый сладкий и нежный. Могу показать на карте, где богатые залежи меди, железа, олова, где серебряные рудники... Судоходные реки тоже знаю...

Куно Крumpfельд сказал одобрительно:

— Вот это самое важное! А то, что с Сен-Мари связывает всего одна дорога... во-первых, она достаточно емкая, во-вторых, руду никто не перевозит на большие расстояния, все перерабатывают на месте, перевозить проще слитки. А то и вовсе изготавливать по заказам из других стран, а везти уже готовые изделия...

— Вы все, — сказал я с нажимом, — в первую очередь — мозги!.. Ищите пути и придумывайте, чтобы не потерять завоеванные земли, а включить их... нет, не в

Сен-Мари или Армландию, а в нечто большее, общее... А сейчас, если у вас нет важных вопросов, я отправляюсь в кабинет, сэр Жерар наверняка уже подготовил кипу законов и указов к рассмотрению.

Сэр Жерар поклонился.

— Можно сразу к подписи.

— Ну да, — сказал я саркастически, — вот так когда-то подsunете мне на подпись приказ о моей же казни!

Вопросы у них, конечно, были, много вопросов, однако я подчеркивал каждым словом и жестом, что весь в работе, нельзя терять ни минуты, и они степенно начали расходиться, как только я поднялся и быстрыми шагами направился к лестнице.

Работу я начал сразу, как и обещал, сэр Жерар то и дело приносил на рассмотрение проекты, жалобы, предложения, а я старался все рассматривать под таким углом, что у нас единое экономическое пространство от берегов южного океана до границ с Варт Генцем. Даже Фоссано можно включить, хотя там и есть свой король, весьма крутой и своевольный, но в отношении меня обычно покладистый, позволяет многое, как любимому, хоть и не очень путевому внуку.

Барон Альбрехт зашел настороженный и собранный, я кивнул на кресло и продолжал дописывать указ, а когда поставил печать, поднял голову и уставился на него с вопросом в глазах.

Он произнес осторожно:

— Насколько я понял, дорогой друг, вы тверды в решимости как-то соединить такие несовместимые части, как цветущее и вольное Сен-Мари, мятежную Армландию и суровое Турнедо?

Я признался:

— И Гандерсгейм.

Он ужаснулся:

— Тогда и Ундерленды?

— Их тоже, — сказал я упавшим голосом. — Барон, хотя бы вы не напоминали про эти больные места!.. Да, конечно, Ундерленды обязательно, ибо как-то бы странно, не находите?

Он кивнул:

— Нахожу.

— И что?

Он ответил вопросом на вопрос:

— А дорога?

Я сказал зло:

— Да знаю-знаю, к ним дорога еще хуже, чем в северные королевства! Но пока еще не представляю даже, как к этому приступить. И вообще подступиться так, чтоб не завалило. А вы?

Он произнес скромно:

— Пока только самые общие наброски. Включая набор общей армии, где новобранцы не будут армландцами, турнедцами или сен-маринцами... назначение ваших доверенных в отдаленные земли, чтобы следили за порядком и законностью, причем дать им некоторые важные судебные полномочия...

Я слушал внимательно, сердце начало стучать свободнее, барон излагает многое из того, что задумал я сам, а это значит, я не так уж и замахнулся. Что-то из того, что он предлагает, делал Гиллеберд, что-то Барбаросса, а кое-что и ужас Севера — всем ненавистный и проклинаемый душитель свобод и независимости карликовых королевств — император Карл...

Когда он закончил, я сказал с благодарностью:

— Спасибо, барон!

Он буркнул удивленно:

— Да пока не за что.

— Я благодарен Господу, — сказал я, — что судьба тогда послала мне вас, когда вы решили поддержать Митчелла.

Он улыбнулся, такие экскурсии в прошлое всегда добавочно укрепляют теплые чувства, крепят связи и позволяют выжимать из подчиненных больше сока.

— Я рад, — произнес он польщенно, — что вы одобрили.

— Еще бы, — сказал я с жаром, — если вот скажу вам, что многое из этого я сам продумываю в разных вариантах, вы не поверите и решите, что примазываюсь к вашим находкам, однако...

Он прервал:

— Ваша светлость, это замечательно! Я не так уж и спокоен, как стараюсь выглядеть. То, что я предлагаю, ужасает меня самого. Но если и вы так думаете...

— Разрабатывайте детали, — велел я. — Нужно реформы проводить как можно скорее! Иначе проведут нас самих.

Роскошное и малость гедонистическое Геннегау — далеко не суровый и немножко милитаристский Савуази, но и здесь на второй день после моего прибытия во дворце народу прибавилось, уж и не знаю почему, я не любитель балов и шикарных увеселений.

Сэр Жерар вошел настолько хмурый, что я спросил обеспокоенно:

— Что-то стряслось?

Он кивнул и только успел открыть рот для ответа, как дверь распахнулась, вошла сияющая Бабетта, милая и счастливая, глаза блестят, на щеках милые ямочки.

Она с ходу обняла меня, не обращая внимания на сэра Жерара, расцеловала в обе щеки.

— Милый Ричард, как мы все беспокоились за вас!

Сэр Жерар кашлянул и сказал вежливо:

— Ваша светлость, я подожду за дверью.

Бабетта сказала ему мило:

— Идите-идите, сэр Жерар. С сэром Ричардом ни-

чего не случится. С ним вообще ничего не случается... кроме меня.

Сэр Жерар засопел недовольно и вышел. Леди Бабетта отступила на шаг и всматривалась в меня сияющими радостными глазами.

— Вы меняетесь, милый Ричард. У вас появилась вертикальная морщина над бровями. И взгляд не такой детский... в смысле не такой юный, а как будто вы уже прошли через огонь и воду, хотя я знаю, весь этот ад еще впереди...

Я кивнул ей на кресло:

— Присядете?

Она рассмеялась.

— Да, конечно. Хотя предпочла бы сидеть у вас на коленях, но сперва, вы правы, поговорим о ваших приключениях...

Она опустилась в кресло красиво и чопорно, но с такой улыбкой, что я сразу увидел ее голой, даже не знаю, как женщины это делают, однако я проговорил тем же невозмутимым голосом:

— Ну вот не поверю, что не знаете во всех подробностях.

Она мило надула губки.

— Сэр Ричард!.. А мне так хотелось услышать от вас! Мужчины так любят хвастаться!

— Я тоже люблю, — признался я.

— Ну так и давайте!

— Зачем?

Она всплеснула руками:

— Как зачем? Я сравню с тем, что было на самом деле, вычислю угол расхождения, сделаю поправку на вашу экзальтированность и деловито впишу в ваш... гм... портрет.

— Так-так, — проговорил я заинтересованно, — и

что, это в самом деле позволяет прогнозировать? С какой точностью?

Она улыбнулась, ответила уклончиво:

— Только не в вашем случае, милый Ричард.

— Почему?

— Не укладываетесь ни в одну из схем, — пояснила она. — Так что можете успокоиться, к вам еще не подобрали ключик. Даже я. А вот вы ко мне подобрали...

— Что?

Она простонала томно:

— Ах, сэр Ричард, я вся ваша... возьмите меня всю! Здесь... грубо...

Я буркнул:

— Ладно-ладно, я не такой уж и тупой, некоторые шуточки понимаю, о других догадываюсь. Меня голыми ногами не возьмешь, вы это давно поняли.

Она улыбнулась.

— Поняли. И сразу вычеркнули из самой многочисленной группы. Но побахвалиться все же любите... Но это для мужчины нормально.

Я буркнул с неудовольствием:

— Пока там много такого... что не дает бахвалиться. Война еще не закончена, как многие думают.

Лицо ее стало серьезным.

— Да, вы много сломали в том регионе, а восстанавливать не просто. Тем более что вы стремитесь не восстанавливать, а что-то строить иное?

— Время покажет, — ответил я уклончиво. — Если бы люди не стремились к новому, все жили бы в норах или вообще на деревьях. Скажите, Бабетта, что вам хочется узнать на этот раз?

Она мило улыбалась, но я смотрел серьезно, наконец улыбка на ее лице поблекла, она сказала несколько обиженным голосом:

— Ну вот, милый Ричард, как вы все умеете осерье-

зитель... К вам пришла такая лакомая женщина, с нею все ваши самые дикие фантазии... а вы все о делах, о делах... Ну ладно-ладно, меня вот вдруг заинтересовал вопрос, как вы на самом деле относитесь к императору?

Холодок пробежал по моей коже от ушей до пяток, Бабетта не пропустила ни дюйма моего тела, чтобы не прощупать защиту, но я держу лицо глупо-беспечным, как мы обычно выглядим в обществе красивых и расхоженных женщин, хотя себе кажемся ух какими крутыми и мудрыми...

— Это интересует в самом деле вас? — спросил я подчеркнуто хитро.

Она рассмеялась.

— Да, именно так! Я ведь лояльна к императору? Лояльна, даже весьма. И зело, как вы говорите, хотя уже все мудрецы империи ломают головы над этим словом или могучим заклятием, еще не разобрались.

Я сказал скромно:

— Знаю еще много разных и удивительных для вас слов, но лучше пока умолчу. Значит, лояльность?

— Да, сэр Ричард, да!

— На самом деле, — проговорил я, — на самом деле я отношусь к нему лучше, чем он догадывается...

Она вскинула брови:

— Это как?

— Я могу торговаться, — объяснил я, — или делать вид, что вот-вот не соглашусь, если император не даст мне еще один пряник, но на самом деле я твердо и целно поддерживаю его власть.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Ответ очевиден. Только при твердой и стабильной власти можно что-то создавать и строить, улучшать экономику...

— Строить флот, — добавила она в тон.

— Строить флот, — согласился я. — Потому я и желаю императору долгих лет жизни и процветания. И даже его желание поддержать короля Кейдана понимаю и даже приветствую... все-таки легитимность необходима для спокойствия королевств! Без легитимности будут бушевать постоянные гражданские войны...

— Однако собираетесь Кейдана все-таки свергнуть?

— Фактически уже свергнул, — напомнил я. — Даже сен-маринские лорды на моей стороне... в большинстве своем, а это император наверняка учитывает. Но я готов дать уйти ему с достоинством. Во имя той же легитимности и незыблемости. Если хотите сделать доброе дело, посоветуйте ему передать корону в более... крепкие руки.

Она сказала задумчиво:

— Посоветовать-то могу... но вот вы много ли прислушиваетесь к моим советам?

— Всегда, — ответил я твердо, — всегда позволяю вам выбрать, где лечь, под стенкой или с краю.

Она не улыбнулась, на что я ее подталкивал, лицо осталось... нет, не строгим, а мило задумчивым, эдакий стальной кулачок с острыми коготками в бархатной перчатке.

— Вы твердо намерены его сместить?

— А что, — поинтересовался я, — я похож на человека, что привел армию для простого грабежа?.. Строю флот для чего?

Она проговорила медленно:

— Чтобы утвердить пожалованные вам императором права на архипелаг Рейнольдса. Разве не так?

— Именно, — согласился я. — А раз так, то два правителя в королевстве многовато.

— А почему вас не устраивает нынешнее положение?

— Меня устраивает.

Она сделала большие глаза:

— Не понимаю.

— Я не собираюсь становиться королем, — объяснил я. — Если бы король только пил да фавориток менял, я бы да, конечно, а так... нет, работать не люблю. Но Кейдан должен уйти, потому что он... символ прошлой эпохи. Той, что была до вторжения брабандцев и армландцев. И как бы постоянный укор захватчикам. А я хочу, чтобы захват королевства был забыт, как короткий недобрый сон, после которого сейчас светлое и доброе утро. Для всех! Потому, милая Бабетта, если не заберете его на Юг, я решу этот щекотливый вопросом иным способом.

Она спросила невинно:

— Каким?

Я сказал с укором:

— Бабетта...

Она мило улыбнулась, на щеках появились великолепные ямочки.

— Но попытаться же стоило?

— Не стоило, — ответил я мягко. — Увы, перед вами давно уже не тот желторотик.

Она смотрела мне в лицо смеющимися глазами.

— Проверить можно? Или ваша постель сегодня занята?

— Моя постель сегодня останется вообще пустой, — сообщил я ровным голосом. — А мне предстоит весьма и весьма...

— И даже зело, — сказала она в тон.

— И даже зело, — согласился я. — Работы накопилось, я просто не представляю, как управляется император.

Она загадочно улыбнулась, но промолчала.

Глава 2

После ее ухода я, как ни странно, погрузился в работу тут же, даже легкий аромат ее духов, оставшийся витать в кабинете, не вызвал никаких ассоциаций, в самом деле я взматерел, возмудел и раздался, все больше из меня прет отец народов, надо только карту со стола на стену...

Сэр Жерар вошел в кабинет и остановился, прямой как столб. Я поднял голову от бумаг, всмотрелся в его хмурое лицо.

— И? — спросил я.

Он проворчал:

— К вам просится на прием Хорнегильда Хорнблоу-ерская.

Я скривился.

— Опять женщина?

Он ответил с непроницаемым лицом:

— Вы удивительно проницательны, мой лорд. Есть довольно веские свидетельства, что она женщина. А еще королева рыцарского турнира, как вы, конечно, помните....

— Тогда зачем напоминаете? — огрызнулся я. — Скажите, что как только будет большой прием... ладно, даже если малый, она будет восседать рядом со мной и милостиво показывать гостям в широкой улыбке свои жемчужные зубки... Кстати, как у нее зубки?

Он пробормотал:

— Еще не знаю. Пока только царапалась.

— Ладно, — решил я, — пусть улыбается, а как — сама знает. Они это репетируют перед зеркалом с детства.

— Она это знает, — буркнул он. — И даже о ее праве принимать знатных гостей в своих королевских покоях, когда вы стараетесь от них отделаться повежливее...

— Тогда что еще?

— Говорит, личное.

Я поморщился.

— Ну да, у женщин даже общественное — личное. Ладно, зовите. Что-то на мой целибат пошли такие атаки...

Он поклонился и тихо исчез, а вместо него вошла леди Хорнегильда, строгая и целомудренная, платок так плотно облегает голову, оставляя только бледное лицо с безукоризненными чертами, что голова кажется обритой.

Даже губы бледные, а безумно светлые глаза выглядят страдальческими. Я и раньше смотрел в них с оторопью, что-то зачеловеческое в них, холодное и злое, хотя взгляд прям и честен. И я чувствую всей сутью, что она не прикидывается.

Она сделала два шага, присела в глубоком поклоне и, склонив голову, застыла.

Я тупо смотрел на милую, такую женственную головку, в черепе проворачиваются законы о поощрении обмена товарами, стимуляции оборота и привлечения инвестиций, но их торопливо выпихивает туповатый вопрос: а чего это она, а?

— Леди Хорнегильда? — произнес я.

Она подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх светлыми арийскими глазами.

— Ваша светлость...

Я сделал небрежный жест кончиками пальцев, она послушно поднялась и застыла.

— Что вас беспокоит, леди Хорнегильда?

Я тщательно следил за речью, вылавливая все эти «милая леди», «дорогая» и прочие слащавости, это чревато, женщины умеют пользоваться любой оплошностью и делают это убийственно точно.

— Лорды напоминают, — произнесла она бесстрастно, — что пора провести большой прием. Дворец дол-

жен жить, это нужно прежде всего вам самому, ваша светлость.

Я сказал успокаивающе:

— Хорошо, проведем. Неужели именно это вас так расстроило?

Она вздохнула, по лицу пробежала глубокая тень, а страдание в глазах стало еще заметнее.

— Да, конечно.

— Леди Хорнегильда, — произнес я, — давайте не. Я же зрю. Сюзерен должен как бы. У вас что-то не бардзо. Чё?

Она тяжело вздохнула, страдальчески заломила руки.

— Ваша милость... ну зачем... зачем вы отпустили из тюрьмы Сулливана?

Я смотрел с удивлением, наконец поправил медленно, следя за ее лицом:

— Герцога Сулливана...

Она горестно вздохнула:

— Ах да, он же теперь еще и герцог... Ну зачем вы его возвели в бароны?

Я поинтересовался:

— Леди Хорнегильда, а что такого, что он герцог? Плохо другое, что он мятежник...

Она сказала натянутым как тугая струна голосом:

— Ну так и не нужно было его выпускать!

Я не сводил с нее взгляда, но она только беспомощно заламывает руки, наконец я спросил вкрадчиво:

— Леди Хорнегильда, вы никогда не лезли в мои дела... столь явно. Что случилось теперь?

Ее бледное лицо пошло красными пятнами, она торопливо присела в глубоком поклоне и опустила голову.

— Ваша светлость! Я никогда...

— Да ладно вам, — сказал я и, взяв ее за подбородок, поднял ее голову, на меня взглянули чистые глаза, где

уже начали скапливаться слезы. — Попытались повлиять. На меня все пытаются влиять. Но сейчас вас что-то совсем занесло... Что у вас за такая лютая неприязнь к Сулливану? Говорите, говорите, я все равно выдавлю из вас ответ. Вот сейчас возьму и начну давить.

Слезы заблестели ярче, запруда начала подаваться, я беспомощно следил, как она подалась под напором, хотя у меня было желание задрать ей голову еще выше, чтобы слезы оставались на месте, но тогда голова вообще оторвется, шея больно тонкая и нежная, как у той, что на первый в ее жизни бал...

Блестящие жемчужины побежали по щекам, оставляя мокрые следы, голос прозвучал едва слышно:

— Он меня обесчестил...

— Что? — переспросил я в изумлении. — Сэр Сулливан? Мне он показался настолько старомодным... в смысле исполненным всяческих достоинств рыцарем высших доблестей... гм, что как-то с его обликом морале это даже не вяжется.

Она сказала торопливо:

— Не в прямом смысле...

— А-а-а, — протянул я, — тогда давайте подробнее, леди. А то я не весьма как бы зело и обло в таких сложных и непредсказуемых делах. Мне бы чё-нить попроще, ну там войну кому объявить, флот выстроить, экономику поднять или опустить...

Она прерывисто вздохнула.

— Он несколько раз приезжал со своими друзьями ко двору моего отца. Ездили на охоту, соревновались в метании копья и топора, укрощали коней... Потом как мы встретились, я была настолько уверена, что я ему понравилась... были все признаки... очень понравилась, что я опрометчиво отбросила девичий стыд и сказала ему, что он может просить у моего отца моей руки.

Я терпеливо ждал продолжения рассказа, но она замолчала и опустила голову. Я вздохнул.

— Леди, думаете, мне уже все ясно?

Она посмотрела на меня несколько удивленно.

— Ну да... Вы же умный, ну, так мне почему-то сказали.

— Плюньте ему в глаза, — посоветовал я. — Это кто-то под меня копает. Быть умным... нет, ни за что! Я тоже хочу жить легко и радостно.

Она тяжело вздохнула.

— В общем, он в очень скользких выражениях...

— Изысканных?

Она покачала головой:

— Нет, он грубоват, мне это в нем и нравилось. Никакого изыска, все чисто и прямо, но в том случае он так прямо извивался в поисках слов, чтобы отказать мне и не обидеть...

Я сказал понимающе:

— Хотя, конечно же, вы были оскорблены до глубины.

— Еще бы.

Я поинтересовался как можно более участливо, одновременно подавляя зевоту:

— И... как? Что дальше?

Она вскинула голову и взглянула на меня с выражением настоящей королевы.

— Разве не понятно? Я просила отца не принимать его больше. Не знаю, как отец меня понял, но с той поры я о Сулливане больше не слышала вовсе, пока вы его не сделали бароном только для того, чтобы могли с ним подраться!

Я смотрел на нее с сочувствием.

— Ну да, о нем сразу заговорили. Как же! Властелин замка и земли, сумевший вырвать для своих владений независимость! Слушать такое вам было так же прият-

но, как глотать уксус для цвета лица. Что, правда он отбеливает?

Она произнесла хмуро:

— Ничего он не отбеливает. Только желудок болит. А Сулливан... Впрочем, вы угадали.

— А потом поперло, — продолжил я. — Его родственник был казнен за мятеж, а Сулливан унаследовал его титул, стал в одночасье герцогом... И вот о нем заговорили еще больше. А вам и совсем как бы... Все понятно, кроме совсем уж ерунды.

— Ваша светлость?

Я окинул ее внимательным взглядом.

— Леди Хорнегильда, вы были каким-то чудовищем?

Она вспыхнула до корней волос, но выпрямилась гордо, глаза гневно засверкали.

— Я не поняла вашего оскорбительного вопроса, сэра Ричард!

— Я имею в виду, — пояснил я, — вы пили уксус до знакомства с Сулливаном или после? Мне все же кажется, после...

Она произнесла твердо:

— Я была самой красивой в Сен-Мари!.. Обо мне слагали баллады!

— Тогда... почему?

Она поморщилась.

— Разве я виновата, что наша семья одна из самых могущественных и богатейших в королевстве?..

— Это и было причиной?

Она опустила голову.

— Для такого гордеца — да.

Я развел руками.

— Как же люблю этот благородный мир! И простые примитивные страсти. Он бедный, но гордый, принес любовь в жертву своей чести, а вы, цельная женщина,

жаждете, чтобы его казнили за такое зверское и глумливое оскорбление самой лютой смертью!.. Можете не отвечать, уже мене, текел, фарес.

Она следила за мной гордо-пугливым взглядом, а я прошелся взад-вперед, размял плечи, задумался.

— Вообще-то можно и подумать над вашей проблемой... Я такой универсальный думатель. Мудрец, можно сказать, если совсем уж скромно.

В дверь осторожно заглянул сэр Жерар:

— Ваша светлость...

Я повернулся к нему, он правильно истолковал выражение моего державного лица и сказал торопливо, но твердо:

— Ваша светлость, к вам гонец. Срочно.

Я махнул рукой:

— Зови сюда.

Он выразительно посмотрел в сторону королевы красоты.

— Простите, ваша светлость...

Я сказал с подчеркнутой неохотой:

— Ах да, сверхсекретные сведения... Простите, леди Хорнегильда, закончим разговор позже.

Она присела в поклоне.

— Ваша светлость...

— Леди Хорнегильда, — ответил я.

Когда она исчезла за дверью, я сказал негромко:

— Вы прям чувствуете ситуацию, сэр Жерар. Как граф Ришар решился с вами расстаться?

Он поклонился.

— Спасибо за лестную оценку, ваша светлость... Так что с гонцом?

Я удивился:

— В самом деле прибыл? Как вовремя... Давайте его сюда.

В коридоре звякнуло железо, слуга отворил дверь

кабинета и впустил молодого стройного и легкого паренька, идеального для передачи посланий на дальние расстояния, таких кони просто не чувствуют на спине.

Он шагнул вперед быстро и легко, моментально припал на одно колено и, не дожидаясь вопроса, выпалил:

— Ваша светлость, сообщение от графа Рейнфельса!

— Отлично, — сказал я бодро. — Что у него?

— Его войско, — отрапортовал он лихо, — прибудет через четверо суток! Просит сообщить, в какую часть королевства им будет приказано направиться сразу от Тоннеля.

— В Тараскон, — быстро сказал я. — Все в Тараскон!

Гонец поклонился, спросил снова:

— Еще он спрашивает насчет армии турнедцев. Они идут следом за ним, тоже хотели бы знать, куда им...

Я сказал довольноно:

— Узнаю Рейнфельса. Не любит турнедцев, но уже начинает скрепя сердце заботиться и о них.

— Общее дело, ваша светлость, — произнес сэр Жерар. — Граф всегда отличался повышенным чувством долга. Хотя он из Фоссано, к сожалению.

Я подумал, ответил решительно:

— Скажешь, им к Тараскону тоже.

Гонец поклонился.

— Будет исполнено, ваша светлость.

Я шевельнул пальцами, он вскочил, быстрый и сияющий, быстро отвесил поклон и пропал за дверью, словно прошел ее насквозь.

Сэр Жерар проводил его озабоченным взглядом.

— Ваша светлость, правильно ли?

— Что вас беспокоит?

— Не лучше ли направить часть войск в Гандерсгейм?

— Сейчас наше сердце, — сказал я, — Тараскон. И пираты это знают. В Гандерсгейме пока что тихо...

— Тихо?

— В смысле, — поправил я себя, — там позиционная война. Как только снимем угрозу с Тараскона, сразу же займемся Гандерсгеймом. Вот увидите.

Он вздохнул.

— Скорее бы. Гандерсгейм — открытая рана.

Глава 3

Громко и радостно гремят трубы как во дворце, так и во всему городу, это сэр Жерар настоял, чтобы и простому народу сообщили о великой победе над могучим противником на севере, одержанной их правителем Ричардом Завоевателем.

Таким образом для народа Сен-Мари расширяется пространство, где они могут путешествовать без помех и пошлин, торговцы повезут туда свои товары без наценок, а ремесленники будут договариваться о совместной разработке и эксплуатации залежей ценных руд.

К дворцу начали стягиваться разукрашенные богатые повозки, на большой прием в честь взятия Савуази и победного окончания войны съезжаются лорды с женами и дочерьми на выданье. Уже всем известно, что среди прибывших с севера сподвижников грозного Завоевателя много молодых и неженатых...

Столы в большом зале уставлены изысканными яствами, посуда из серебра и золота, но все равно будут хватать руками: вилки приживаются с большим скрипом, хотя церковь уже не запрещает, но следит, чтобы не было в употреблении двурогих, что олицетворяют дьявола, а только с тремя отростками, а еще чтоб обязательно изогнутыми как признание всемогущества Господа.

Особо знатные лорды проходят в зал под пение труб, их сопровождают слуги и даже один из герольдов. Их

встречают довольными криками, кланяются, ибо присутствие знатнейших людей дает возможность потом бахвалиться: и я с таким-то за одним столом как-то раз...

Сэр Жерар подал знак, все трубы взревели особенно мощно и разом умолкли. Я вышел на помост, вскинул руки и улыбнулся как можно шире и радостнее, я ж и тут отец народа, хотят они этого или нет.

— Граждане нашего великого государства! — крикнул я, старательно держа это глупое выражение всем довольного и по самые почки счастливого человека. — Прием по случаю победы... но это так, повод. На самом деле прием потому, что я рад всех вас видеть, я счастлив, что вы здесь, что наполнили теплом ваших сердец и душ этот зал, и с ним и весь огромный дворец!

В ответ раздался радостный, ликующий и растроганный рев. Народ все еще рассаживается за столами, но многие начали жрать и пить, это ж не в монастыре, где соблюдается строжайший этикет, там кверху подняли чаши с вином и прокричали «Ура!».

Герольд прокричал:

— Леди Хорнегильда!.. Леди Хорнегильда Хорнблоу-ерская!

Мужчины поспешно вскакивают из-за столов и кланяются, женщины приседают. Хорнегильда шествует через зал красиво и гордо, бесподобно величественная в своей бледной красоте, корона на ее золотых волосах не сияет, а горит как солнце. Сзади так же красиво, но более раскованно, идут ее свеженькие фрейлины, стреляют блестящими от возбуждения глазками по сторонам.

Пройдя между рядами столов, она приблизилась к помосту, я смотрел на нее с таким же восторгом, как все, во всяком случае, выражение на моем лице должно быть именно такое; она встретилась взглядом со мной и присела в поклоне, но не опуская головы и не сводя с

меня взгляда странных небесно-белых глаз с черными точками зрачков.

Я склонился в поклоне, перед красотой преклоняются даже императоры, а она прошла к своему креслу, грациозно опустилась на сиденье из красного бархата.

Ей подали серебряную изящную чашу с мелкими изумрудами по ободку, она взяла не глядя и приподняла на уровень лица.

— За ваши победы, ваша светлость, — произнесла она ясным голосом, — за нынешние и... будущие.

За столами взревели довольно, мы с Хорнегильдой осушили свои чаши, глядя друг на друга, затем в зале началось настоящее пиршество, безудержное и раскованное.

С мочек ушей Хорнегильды свисают серебряные украшения с голубыми камешками, а на лбу оправленные в серебро жемчужинки. Судя по тому, что даже не болтаются, сооружение прикреплено к короне...

Музыка заиграла снова, на этот раз больше струнных, но и трубы время от времени радостно подвывают, в зале нарастает говор, громкий и бестолковый, как выглядит со стороны, однако умные люди и здесь чего-то добиваются, пользуясь случаем, сколачивают союзы, хорошо бы только торговые, а те, что неумные, больше рассматривают женщин, примериваясь и прицеливаясь...

Второй зал отделен только колоннадой, там уже начались танцы, торжественные и церемонные, но я уже научился смотреть на них без смеха. Пока что это тоже некое действо, к безудержному веселью относящееся мало, разве что совсем краешком. Сейчас это узаконенный веками ритуал и очень медленно поддающийся изменениям: мужчины демонстрируют ширину плеч, широкие пластины мышц груди, толстые руки и надменный взгляд, а женщины каждым движением и жестом

выказывают скромность и послушание, лишь как бы невзначай и совсем невинно выставляя краешком целомудренно белые вторичные половые признаки.

Я не столько услышал шум за стенами, как почуял. Продолжая улыбаться и поднимать чашу в ответ на заздравные кличи, я поднялся из-за стола и прошелся к дверям.

Там тоже приближающиеся шум и голоса, я передал чашу одному из гостей и вышел за дверь. Навстречу спешат люди из охраны дворца, впереди молодой парень в одежде полевого разведчика, едва дышит, бледный от обезвоживания.

— Ваша светлость!

Он преклонил колено, мое сердце уже болезненно сжимается в предчувствии неприятностей, я сказал в нетерпении:

— Говори быстро!

Он прохрипел, глядя мне в лицо с надеждой:

— Корабли!.. Много кораблей...

— Пираты? — спросил я быстро. — Как много?

— Не счесть, — ответил он сорванным голосом. — Все море в кораблях. А еще идут и идут...

За моей спиной уже разгорается встревоженный говор, мелькнуло лицо барона Альбрехта, сэр Жерар размахивает руками, распределяя, кому куда бежать и что делать.

Я повернулся к лордам.

— Пир закончим позже, а сейчас нас ждет иной пир и другое вино, горячее и тоже красное... Все на коней! К Тараскону! Взять всех, кто может держать в руках оружие.

С шумом, топотом, сдержанной руганью военачальники и сановники выбежали во двор, оставив в зале растерянных женщин. Мне подвели Зайчика, я с седла

огляделся, за мной готовы мчаться спасать Тараскон даже те сановники, которые и в седло уже не поднимаются, а только в повозках, что значит, вино у нас крепкое, прибавляет храбрости и безрассудства.

— Догоняйте, — крикнул я и, повернув коня, пустил его вскачь в сторону ворот королевского сада.

До Тараскона я ринулся не по прямой, а сперва по широкой дуге приблизился к местам, откуда можно видеть море, и сердце уже не дрогнуло, а оборвалось в ужасе.

Вся водная гладь до горизонта покрыта белыми парусами. Куда ни глянь, эти выгнутые под напором ветра квадраты материи... И хотя да, это не каравеллы, но Вильгельм Нормандский, собрав почти полторы тысячи таких вот корабликов, сумел перебросить пятитысячное войско в Англию и захватил ее всю после решающей битвы, в которой разгромил армию местного короля.

Если эта сволочь успеет высадить несколько тысяч человек, они сожгут и разрушат все в бухте, уничтожат сам Тараскон, а затем с песнями пойдут на столицу. Все войска из Сен-Мари я неосмотрительно отправил в Гандерсгейм, а те остатки, что наскреб в Армландии, — в Турнедо. Пираты выбрали просто идеальный момент, а я в совпадения не очень-то верю...

Бобик подбежал к самой воде, волна попыталась ухватить его за лапы и утащить, но он люто гавкнул, она пугливо убежала и спряталась среди сестер.

Мы мчались, то приближаясь к воде, то удаляясь, и везде море покрыто приближающимися парусами, а сколько их еще там, за горизонтом?

Впереди я увидел сперва густой черный дым, целую стену, Зайчик наддал, появилась и выросла жарко горящая башня на краю бухты, на которую я возлагал столько надежд.

Судя по огню, там вспыхнули остатки зажигательной смеси, которые не успели использовать катапультщики. Горит порт, горят здания и склады, а весь берег усеян высаживающимися с лодок вооруженными людьми.

Мне на мгновение показалось, что с моря наплывает некая бесконечная армада гигантских муравьев, которым нет числа. Зайчик сбросил скорость, я с яростью видел отступающие части нашей армии, их легко отличить по добротным доспехам, хоть стальным, хоть кольчужным или кожаным.

Огромная армада кораблей пытается прорваться в бухту, дорогу загораживают две каравеллы, идет ожесточенный бой. Каравеллы, неуклюже двигаясь, постоянно переворачивают тяжелым корпусом десятки утлых корабликов, однако их сотни, на высокие борта со всех сторон забрасывают веревки с крюками, снизу рубят толстую обшивку топорами...

Я выхватил меч, прямо на меня катится отступающая волна армландцев, я остановил Зайчика, привстал в стреленах.

— Молодцы!.. Заманивай их, заманивай!

И, повернув арбогастра, пошел впереди них ровной рысью. Оглядываясь, видел, как начинают выравнивать ряды, измученные лица озаряются надеждой.

Решив, что уже достаточно устыдились, я остановил коня, развернулся и прокричал весело и страшно:

— А теперь... чудо-богатыри, в атаку!

И пустил арбогастра через их ряды навстречу бегущим следом пиратам. За спиной раздалось громовое «ура». Пираты растерянно остановились, к атаке свежих сил никто не готов, я рублю в обе стороны, Бобик сшибает корпусом, я отчаянно пробивался на ту сторону, где размахивает коротким мечом толстый человек с

красной повязкой на голове и посылает в погоню новые отряды, выскакивающие из лодок.

Я озверело проломился, как лось через густой кустарник, штаны располосованы ударами и окрашены кровью, боль то и дело стегает по телу как крапивой, но я прорубился, атаман заорал и начал отмахиваться мечом, но я сильным ударом развалил ему голову надвое и заорал дико:

— Вперед!.. Сбросим в море!

За спиной нарастает крик, вопли, яростные хрипы. Я пустил Зайчика в воду и рубил выпрыгивающих. Рука устала размахивать этой смертоносной полосой стали, но приближается победный крик сен-маринцев, рядом начали падать в воду тела, а идущие к берегу лодки начали тормозить веслами, останавливаться...

Я оглянулся, сердце сжалось: пираты высаживаются по всему побережью, насколько хватает глаз. Умный ход, с моря не взять бухту, защищенную двумя сторожевыми башнями, которые топят входящие через узкую горловину корабли десятками за один выстрел, а вот мощными атаками с берега, используя численное преимущество, можно обойти эти ужасные башни и напасть на них с суши, зайти с тыла, ударив по Тараскону...

Слева в полумиле от нас кипит яростная битва, пираты окружили небольшой отряд блещущих доспехами сен-маринцев, я закричал:

— Поможем братьям!

В ответ раздались усталые крики:

— Поможем...

— Спасем...

Я пустил Зайчика вдоль воды, он пронесся как огромная морская птица, я с разбега врезался со спины в толпу пиратов и закричал приподнято:

— Держитесь!.. Помощь идет!

Сквозь лязг металла, яростные крики донесся знакомый медвежий рев:

— Сэр Ричард!.. Я знал, я верил...

Я взвинтил себя до той степени остервенения, что, если вдруг остановиться, меня разорвет в клочья, рублю во все стороны, не давая приблизиться, и прорубывался сквозь тесную толпу, пока не увидел отбивающегося от массы пиратов сэра Растера во главе рыцарского отряда.

— Иду!.. — заорал я.

Опрокинув последний ряд, я проломился к ним и встал рядом. Доспехи на сэре Растере посечены так, словно они из дерева, на котором год рубили мясо, кровь выступает из щелей панциря на животе, струйка крови стекает из-под шлема, но голос прозвучал мощно и победно:

— Теперь им крышка!

За спинами пиратов прогремел боевой клич сен-маринцев. Рыцари поглядывали на меня с надеждой, один спросил изученным голосом:

— Свежие силы?

— Еще как свежие, — заверил я. — Что с доками?

— Не знаю, — ответил он отчаянно. — Там наши главные силы...

— Герцог Сулливан? — спросил я.

— И герцог Вирланд, — ответил он. — Оба... если не погибли, то до кораблей враг не дойдет...

Я кивнул, корабли мы строим в самом дальнем конце бухты, но, к сожалению, пираты не идиоты, именно туда и нацелен основной удар.

Пираты развернулись, чтобы встретить напавших с той стороны, а мы, как ни устали, ударили им в спину. Началась бойня, пираты как бойцы просто никакие: каждый хорош в одиночном бою, но в больших количе-

ствах это стадо баранов, что легко поддается панике и вообще настроениям.

Их истребляли, потерявших голову, бросающихся из стороны в сторону, руки устали рубить и резать, но когда весь берег покрылся кровью и лежащими друг на друге убитыми, я прошелся среди рыцарей и простых воинов, похлопывая по плечам, подбадривая, в конце ощутил, что раненых было больше, чем думал, всего знобит и ужасно хочется есть.

Сэр Растер, как бронированный носорог, тяжело двигался за мной и приговаривал, что на героях раны заживают быстро.

Я поддакивал, потом сказал натужно бодро:

— Братья!.. Там в бухте еще кипит бой. Мы должны помочь.

Сэр Растер буркнул:

— Там отборные войска двух герцогов!

— Не отборнее нас, — сказал я победным голосом. — Разве не так?

Усталые голоса прозвучали со всех сторон:

— Да, мы им показали...

— Мы их опрокинули?

— И всех тоже...

Я выкрикнул:

— Надо отбить гавань во что бы то ни стало! Я сам поведу вас. И мы победим!

Глава 4

В гавани кипит яростнейший бой, в тесноте обе стороны сшиблись так, что уже не могут размахнуться мечами и топорами, хватают друг друга за горло, впиваются зубами.

Мы снова ударили в спину пиратам, и хотя нас только два десятка конных рыцарей, однако следом спешат

пешие. Пираты оказались между двух огней, численное преимущество использовать не смогли, с криками начали пробиваться обратно к спасительному морю.

Их рубили и уничтожали торопливо и беспощадно. Я шел впереди своего отряда, а с той стороны во главе большого и пестрого отряда горожан пиратов теснили и беспощадно рубили несколько рыцарей.

Один, низкорослый гигант с плечами как у огра, приподнял забрало и крикнул хрипло:

— Ваша светлость!.. Благодарим за помощь!

Я прокричал в ответ:

— Герцог Дюренгард, мое почтение!

Второй рыцарь молча срубил двух пиратов, приблизился, я охнул:

— Сэр Торкилстон!.. Как вы вовремя!

— Это вы вовремя, ваша светлость, — возразил он, — они прорвались к докам!

Я оглянулся, масса пиратов все еще на высоком мысе у башни, там сверкают мечи, хотя наших рыцарей уже не видно.

— Надо ее отбить!.. — прокричал я. — И восстановить как можно быстрее!

Объединив отряды, мы ударили со всей мощью, сломили оборону, рубили и теснили, наконец прижали к крутому обрыву, дальние уже падают с большой высоты в воду, а мы, как и отступающие, переступаем через трупы, наконец их стало настолько много, что пришлось идти по еще теплым телам, наступать на кричащих и стонущих.

У входа в догорающую башню трупы громоздятся холмами, я увидел залитую кровью сталь доспехов, повелительно кивнул в ее сторону, и ратники быстро растащили тела.

Я охнул, увидел в жутко посеченных доспехах гиганта, который однажды выиграл у меня рукопашный бой.

— Сулливан, — сказал я торжественно, — ты все выполнил...

С него сняли изрубленный шлем, больше похожий на котел, лицо тоже в ранах. Рыцари остановились в почтительном молчании, все дышат тяжело, не до речей, однако веки человека, которого мы считали убитым, затрепетали и чуть приподнялись.

Я охнул и торопливо опустился возле него на колени. Его рассеченные и кровоточащие губы страшно кривились, наконец я услышал затихающий шепот:

— Что... не удалось... четвертовать...

Я опустил ладонь на залитый кровью лоб, а другой попробовал нащупать пульс на шее, так это выглядит со стороны.

Через несколько мгновений я сам ощутил, что часть здоровья паладина уже перелил в этот громадный сосуд, шепнул ему на ухо:

— Напрасно ликуете, барон. Рожденный для виселицы в море не утонет.

Бледные губы чуть шевельнулись, я услышал:

— Герцог...

— Простите, герцог, — сказал я язвительно. — Приговоренный для четвертования разве сгинет в бою с презренными пиратами?.. Эй, освободите герцога от остатков доспехов, а то он устал что-то...

На меня и Сулливана поглядывали непонимающе, но порубленные доспехи, что острыми краями впиваются в его тело, содрали. Я видел, как он с огромным недоверием зашевелился, охнул, рискнул приподняться на локте.

Его тут же поддержали под спину, я отвернулся и пошел дальше. Сулливан, как видно, до последнего момента защищал со своими людьми вход в башню, понимая, что она каждым выстрелом топит по несколько кораблей.

Это благодаря его самоотверженности в бухту провались не сотни кораблей, а всего лишь десятки. Десанта хватило, чтобы сжечь порт, но сил оказалось недостаточно, чтобы с ходу промчаться вглубь. Пираты завязли в боях с городской дружиной, которую привел сэр Торкилстон, а там подоспели герцог Дюренгард с рыцарями, чуть позже — мы, и остовы каравелл на стапелях уцелели.

Сэр Растер за моей спиной зло ругнулся, а сэр Торкилстон сказал сердитым шепотом, что Божью Мать можно поминать только в лучшие минуты жизни и с похвалой за то, что дала нам Иисуса.

Проворчав что-то непонятное, сэр Растер показал на море. Оттуда двигаются, медленно расходясь в стороны, еще сотни четыре кораблей, на каждом победно реет флаг, воины облепили борта, готовые соскочить на мелководье и сразу ринуться в бой.

Торкилстон проследил за ними взглядом и выругался еще хлеще. Корабли с разбега подходят к берегу, чиркают днищами по песку, и воины торопливо прыгают в воду, тем самым облегчая осадку кораблей.

Сэр Торкилстон первым зашевелился, обернулся ко мне.

— Ваша светлость? — проговорил он отчаянно. — Так то была только первая атака? Можно сказать, пробная?

Я запнулся с ответом, в голове сумятица. Мы на короткое время вернули отчаянной контратакой контроль над бухтой, монахи уже бегом бросились восстанавливать обе башни: на том конце горловины такую же захватили и разрушили еще раньше. Пираты заняли все побережье сравнительно узкой полосой, но их десятки тысяч, и, как только соберутся в армию, нам противопоставить нечего...

Я подозвал одного из молодых воинов.

— Как зовут?

— Джон, — ответил он, — ваша светлость.

— Прекрасное имя, — похвалил я, — королевское!.. Вот что, Джон... Возьми белый флаг и поспеши к пиратам. Скажи, что я, майордом королевства, хотел бы вступить в переговоры.

Он ответил настороженно:

— Все сделаю, ваша светлость... Вы хотите предложить им сдаться?

— Вот именно, — ответил я бодро, — выполняй!

Он унесся, взбрыкивая, как молодой козленок, а ко мне подошли сэр Растер и сэр Торкилстон, а герцог Дюренгард подъехал на коне. За ним подошли рыцари в побитых доспехах, все, судя по гербам, принадлежат к знатым фамилиям.

— Мы проиграем в любом бою, — сообщил я. — Их слишком много. Нужно потянуть время.

Герцог взглянул на меня из-под нависших бровей. В седле он выглядит гигантом, а кривые ноги привлекают внимание не раньше, чем он спешивается.

— И что это нам даст?

— Подойдет подкрепление, — сказал я.

Он поморщился.

— Из Гандерсгейма? Несколько недель на затягивание переговоров нам никто не даст. Да и там войска еще как нужны.

— Подойдут другие, — заверил я. — Через четыре дня. Даже через три.

Он пожал плечами.

— Ну... трое суток, возможно, мы еще и продержимся.

Сэр Торкилстон пробормотал:

— Вряд ли. Пираты явно бросили в этот бой все свои силы и даже резервы. Решается их судьба! Если выстроим флот — им конец. Так что переговоры — зряшное дело.

Я поинтересовался:

— Думаете, не пойдут?

— Уверен, — сказал он угрюмо.

— Хорошо, — сказал я, — но попытаться надо? Хотя я тоже не верю.

— Тогда зачем?

— Пока говорят, — пояснил я, — не воюют. Передышка нужна больше нам, чем им.

— Тогда они ее не дадут!

Я покачал головой:

— А разве они знают, что к нам идут войска из северных королевств?

Гонец вернулся очень скоро, злой и сконфуженный, отшвырнул палку с белым флагом.

— Ну что? — спросил я в нетерпении.

Он преклонил колено, на лице стыд, в глазах гневные искры.

— Они ответили, — сказал он с патетическим негодованием, — что готовы принять нашу сдачу в плен.

Вокруг гневно зашумели, но я воскликнул ликующе:

— Прекрасно!

Все замолчали и смотрят на меня, несколько вытаращив глаза. Наконец сэр Растер проговорил сипло:

— Сэр Ричард... а как бы... непонятно...

— Все путем, — сказал я бодренько. — Теперь нужно разработать условия сдачи, то ли со знаменами, то ли без, будет ли играть оркестр или нельзя, а если будет, то чей гимн... Для нас каждая минута чего-то да стоит!

— Что минута, — пробормотал сэр Торкилстон, — трое суток, говорите?.. А они уже сейчас перегруппировываются. И ничем помешать не можем...

— Что с Вирландом? — спросил я.

— Держится, — сообщил сэр Торкилстон с некоторой гордостью.

Он и Дюренгард, а затем и рыцари наперебой рас-

сказывали, что герцог Вирланд Зальский, как военачальник степенный и осторожный, взялся защищать от пиратов-варваров самое важное, как считал он, — город Тараскон. Он оказался прав, первый удар, самый сильный, был направлен на захват города, однако все яростные атаки варваров отбил умело, перешел в контратаку, но с моря высаживались все новые и новые войска. Его оттеснили обратно, однако он умело расположил лучников и арбалетчиков за рыцарями, которым велел спешиться и держать оборону, и в непрерывных многочасовых изматывающих боях отстоял город от численно превосходящих сил.

Я слушал внимательно, Вирланд в самом деле показал себя великолепным тактиком, хотя вообще-то понимаю, яростная атака на город была отвлекающим маневром. Ну, не отвлекающим, но все-таки второстепенной целью, хотя на это выделили две трети первой волны высадившихся.

Пиратам наверняка разрешили весь богатейший город разграбить и сжечь, потому и такие яростные атаки, но основной удар был нанесен малыми силами по гавани с суши при одновременной попытке прорваться сотнями кораблей вовнутрь бухты.

— Поедешь снова, — сказал я гонцу. — Смири гордость и постарайся казаться сломленным. Это военная хитрость, понял?

Он кивнул с хмурым видом.

— Попробую.

— Скажешь, — напутствовал я, — майордом королевства готов обсудить условия, на которых мы прекратим сопротивление. Запоминай, кто там старший, как выглядит, диктатура там или демократия... в общем, насколько там строгие порядки.

Он поклонился, вскочил на коня и помчался прочь. Около часа прошло в томительном ожидании, я ходил

между ранеными и заживлял раны, больше мое паладинство, как я понимаю, пока ни в чем не проявляется, затем в передней линии послышались голоса и приближающийся конский топот.

Солдаты расступились, гонец птицей слетел с седла, подбежал и преклонил колено.

— Ну что? — спросил я.

Он вскинул голову и прямо посмотрел мне в глаза.

— Я говорил с их старшим, — ответил он.

— Ого, — ответил я довольно. — И как он?

— Настоящее чудовище, — проговорил он и зябко передернул плечами. — Здоровенный кабан, как вон наш сэр Растер, шрамов на нем столько, что как только и выжил. Смотрит зло, вид недоверчивый, все время угрожает стереть королевство в пыль...

— Хорошо, — сказал я, — люблю с такими обращаться. Что еще?

— Сказал, что готов с вами встретиться.

— Где?

— На побережье, — доложил он, — на равном расстоянии между нашими войсками.

— Вполне благородно, — сказал я бодро. Под ребром тоскливо заныло, но я повторил: — Да, благородно. Уверен, мы придем к соглашению.

Сэр Растер дернулся, как если бы под нами заворчала и заворочалась сама земля.

— Сэр Ричард, какое соглашение может быть с пиратами?

— А вдруг захотят сдаться? — спросил я. — Мы гуманисты и должны, просто обязаны давать им шанс на спасение души.

— Души? — переспросил он в недоумении.

Я погрозил ему пальцем.

— А-а-а, сразу усекли, в чем тут да, оно!

Мне подвели арбогастра, я переодеться не стал, да

и не во что, только закинул меч на перевязи за спину. Сэр Торкилстон протолкался ко мне ближе, неловко поклонился.

— Ваша светлость, собачку оставите со мной?

— А справитесь? — спросил я. — Здесь нет Амелии и ее детей!

Он широко заулыбался.

— Он помнит, как я его тайком кормил утятиной.

— Хорошо, — сказал я, — Бобик, остаешься с сэром Торкилстоном! Но если он полезет в бой, ты с ним не ходи. Мой старый запрет в силе.

Торкилстон не стал тактично спрашивать, о каком запрете речь, а я потихоньку пустил коня вперед. За моей спиной негромко переговариваются конные рыцари, их совсем немного, остальные поневоле спешили, но больше всего, конечно, народного ополчения, а впереди темнеет масса, при виде которой у меня сердце дрогнуло.

Корабли все еще подходят к берегу и высаживают новые группы, но уже видно, что прибывает народу все меньше, основная армия попирает землю Сен-Мари и готова двинуться на Тараскон.

Да, в этот раз такая масса точно сотрет его с лица земли. Пиратов столько, мелькнуло у меня уstraшенное, могут и бухту забросать землей, это же надо было суметь перекинуть на материк такую невероятную армию...

От войска пиратов отделилась группа мужчин, но прошли не больше десятка ярдов, затем один остановил их властным жестом и пошел дальше один.

Я соскочил с Зайчика, похлопал его по щеке.

— Жди здесь.

Он проводил меня укоризненным взглядом крупных коричневых глаз, пару раз стукнул копытом, поднимая фонтанчики песка, но отыскал ли что интересное, я

уже не видел: впереди замедляет шаг рослый человек в крупнаячеистой кольчуге, солнце рассыпает искры с его конического шлема, более удачная конструкция в сравнении с традиционными рыцарскими шлемами.

Я вскинул руку.

— Приветствую, — сказал я громко и радостно, — предводителя отважных людей моря! Меня зовут Ричардом, я здешний майордом.

Он ответил резким гортанным голосом:

— Бреггерт Гартер, верховный ярл Империи Людей Моря. Там, за моей спиной, хавдинги и стекъярлы.

— Ваши полномочия? — спросил я деловито.

Он ответил так же резко:

— Уполномочен вести войну, оккупировать острова, вести переговоры и принимать пленных.

Я спросил озабоченно:

— Но это не остров, а материк... Достаточно ли ваших полномочий?

Он нахмурился, сказал резко:

— Я не собираюсь оккупировать материк, потому это вполне в пределах моих обязанностей!

— Хорошо-хорошо, — сказал я поспешно, — я просто хочу точности, чтобы меня потом не обвинили в каких-то нарушениях. Мы готовы сдать определенные места в королевстве... представляющие для вас интерес...

Он кивнул, сказал уже спокойнее:

— Вот-вот. Нас не интересуют ваши города, однако... если моих людей очень разозлить, они не остановятся, пока не захватят их все, а людей ограбят и перебьют, потом и вовсе оставят после себя только дымящиеся развалины!

— Да-да, — согласился я поспешно, — я просто представить не мог, что можно собрать такую армию... да еще и перебросить ее через море! Тысяч тридцать наберется наверняка. А то и все сорок.

Он поморщился.

— Думаешь, я такой дурак, что вот прямо скажу, что у нас пятнадцать тысяч меченосцев, пять тысяч лучников и десять тысяч копейщиков? Не дожدهшься! Лучше прикажи своему войску сложить оружие!

Я воскликнул:

— Конечно-конечно! Но сперва давай оговорим, что если вам нужна именно бухта, то вы туда и двигаетесь, а остальные города оставляете в безопасности.

Он сказал резко:

— Я это уже сказал!

— Я слышал, — сказал я умоляюще, — но мне нужны эти слова на бумаге! Чтобы я показал королю!.. Майордом — это всего лишь управитель, хотя и управитель целой страны. Король царствует, но не управляет, однако может снять с должности и даже отправить в тюрьму. А то и вовсе, подумать страшно, казнить...

Он нахмурил брови, в нетерпении оглянулся, потом сказал раздраженно:

— Хорошо. Встретимся здесь через час. Я велю составить нужную бумагу.

— Надеюсь, — проговорил я подхалимским тоном, — вы захватили с собой все необходимые печати?

Он скривился.

— Каким-то чудом, будто ожидал встретить таких тупоголовых и осторожных, захватил.

Настроение мое немножко подупало, я рассчитывал, что печати остались на островах, но вслух сказал радостно:

— Как хорошо!

— Через час, — предупредил он и, повернувшись, пошел к своим.

Я заторопился к Зайчику, взобрался в седло, он неторопливо понес меня к неподвижной шеренге пеших рыцарей.

Герцог Дюренгард спросил нетерпеливо:

— Ну как?

— Пока выиграл только час, — признался я. — Как выгадать больше, пока не представляю.

Он пошевелил тяжелыми глыбами плеч.

— Люди падают от усталости. Для них и час — как манна небесная. А подойдут войска или нет, об этом пока никто и не думает.

Глава 5

Через час я прибыл на переговоры радостный, даже ликующий, и с ходу сообщил, не давая верховному ярлу раскрыть рот, что меня уполномочили предложить пиратам значительный выкуп, только бы они не разорjali наши города и оставили в покое наши постройки в гавани.

Он нахмурился, предложение пощадить гавань явно не устраивает, зато предложение выкупа явно заинтересовало. Выкуп привезут из столицы, которую взять непросто, хотя и можно, а так и гавань удастся разрушить, и богатый выкуп взять без сражений, сохраняя армию.

— Какой размер выкупа? — поинтересовался он и сразу же предупредил: — Мелочи нас не интересуют, и такое даже не обсуждается. Мы в состоянии захватить все королевство!

— Вот об этом и поговорим, — предложил я угодливо. — Можно, например, исходить из расчета, что каждому вашему воину по одной серебряной монете...

Он фыркнул.

— По одной монете?

Я уточнил:

— Но их не обязательно раздавать воинам! Добычей обычно распоряжается верховный вождь. Большую часть

берет себе, немного раздает своим полководцам. А простые воины... они довольствуются тем, что снимают с убитых. Своих или врагов, не важно.

Он поморщился, мой циничный прагматизм отвратителен благородным воинам, но все же задумался. Я почти видел, как прикидывает, сколько возьмет от такой громадной суммы сам, а сколько раздаст.

— По серебряной монете простым воинам, — ответил он после долгого раздумья, — по пять серебряных — десятникам, по десять — сотникам и по сто — моим старшим военачальникам...

Я задумался, наморщил лоб, позагигбал пальцы, наконец проговорил нерешительно:

— Скажу вам честно, так как я на вашей стороне...

Он перебил с подозрением в голосе:

— Что значит, на нашей?

— Я предпочел бы отдать любой выкуп, — признался я. — Что деньги, их снова можно нажить! Более того, выдам вам некую тайну, но умоляю, никому о ней, а то мне головы не сносить...

Он сказал поощрительно:

— Ну-ну?

— Обещаете?

— Обещаю-обещаю!

— В королевской казне есть такие деньги, — сообщил я. — Правда, это ее опустошит дочиста, однако... как я уже говорил, деньги можно собрать снова.

— Хорошо, — сказал он резко, — неси, вернее, вези деньги! Думаю, поместится на двух телегах. В крайнем случае на трех.

Я вздохнул и развел руками:

— Сумма большая, я такими не распоряжаюсь. Надо убедить короля, чем я и займусь. Думаю, это хоть и трудно, но получится.

Он стиснул челюсти, под кожей вздулись и заиграли тугие желваки. Взгляд стал подозрительным.

— А ты... не дурачишь ли нас?

Я вскрикнул в негодовании:

— Да как вы можете! Я так заинтересован, так заинтересован!

Он прорычал с еще большим подозрением:

— Что? В чем заинтересован? Обмануть меня хочешь?

Я торопливо замотал головой:

— Да нет же!.. Я как раз продумываю одну интересную вещь...

Он рыкнул люто:

— Сейчас же рассказывай!

Я сказал торопливо:

— Представьте себе, что сумею убедить нашего короля отдать вам серебра на один сундук больше! Могу ли рассчитывать на половину неожиданной добычи? А вторая половина вам, доблестный верховный ярл!

Он набрал было воздуха, чтобы заорать, даже рожа побагровела и налилась дурной кровью, но подумал, медленно выдохнул и спросил все еще гневно:

— Как ты это сделаешь?

— Скажу, — сообщил я, — что сотникам надо будет по сто, а военачальникам — по тысяче. Как раз на лишний сундук наберется. Могу же я рассчитывать на часть?

Он подумал, глядя на меня, презренного торгаша, что и мать родную продаст, если хорошо заплатят, наконец проговорил гулко:

— Можешь. Но не на половину — ты не верховный ярл... ха-ха!.. В общем, давай уговаривай короля. Чем больше сумеешь из него выжать, тем больше получишь и сам.

Я вскочил, во всех моих движениях нетерпение, — спросил суетливо:

— Побегу прямо сейчас, хорошо?

— Беги, — разрешил он.

Я отступил на шаг, сказал, будто сейчас только вспомнил:

— Только король наш в Геннегау, в столице... Он же не воин, он — король! Это сутки туда, сутки обратно...

Он помрачнел, подумал, я видел, как колеблется, — можно бы и с бою попытаться взять, но уже не мальчик, военное счастье переменчиво, даже если вернется с победой, верховный конунг может спросить, почему положил половину армии, разве нельзя было без потерь стереть в пыль прибрежное королевство?

— Ладно, — сказал он мрачно. — Двое суток! И ни часа больше. Я постараюсь чем-нибудь занять армию.

Я вернулся к Зайчику, он пошел по моей команде сразу в галоп, что удовлетворило верховного ярла, но встревожило моих рыцарей и все войско. Даже смертельно усталые начали подниматься, беспокойно прислушивались и сжимали в руках оружие.

— Вольно, — сказал я, — вольно!.. Отдых!

Герцог Дюренгард спросил мрачно:

— Что это значит, ваша светлость?

— Два дня можно играть в карты, — объяснил я, — и ходить по бабам. Ну, пока мысленно.

Он невольно охнул, сломав маску невозмутимости высокого лорда.

— Сколько-сколько?

— Двое суток, — уточнил я.

Он перевел дыхание, в его глазах читалось огромное уважение.

— Сэр Ричард, я просто не понимаю, как вам это удалось... но это значит, мы проживем на двое суток больше. А потом все равно падем с честью, не выпуская из рук обгаренные кровью мечи! И души наши поднимутся, ликуя, что мы сражались за правое дело.

Сэр Торкилстон тяжело вздохнул.

— Варваров моря всемеро больше, чем нас, а то и вдесятеро.

— Да хоть и в сотни, — сказал я с натужным оптимизмом. — Дорогой герцог, двое суток — это вечность! Либо ишак сдохнет, либо шах. А то и вовсе камни с неба посыплутся, аки не знаю что.

Он переспросил:

— Камни?

— Иносказание, — пояснил я. — В смысле Божья помощь.

Ночь полужвездная, черный лохматый дракон часто заглатывает даже блестящий диск луны, и мутное пятно долго блуждает по внутренностям, потом вываливается из кишечника, и мир внизу снова озаряется призрачным светом.

Я забрался довольно далеко от лагеря, здесь каменная гряда, много валунов, не жалко, припал к земле и представил себя в виде огромного крылатого дракона. Превращение заняло больше времени, чем я ждал, но когда ощутил себя в тяжелом громадном теле, даже усомнился, сумею ли взлететь.

Стараясь не шуметь, выждал, когда туча закрыла луну полностью, разбежался с пологого склона, растопырил крылья и, мощно оттолкнувшись, взмыл, часто работая крыльями.

Меня сразу понесло над морем, я поспешно набрал высоту, дальше просто вода, начал плавный разворот. Кораблей в море уже нет, все плотно замерли у берега, но зато побережье на многие мили блокировано этими небольшими судами, что выстроились в четыре-пять рядов, передние вытащены на берег, остальные держатся на якорях.

Ну, мелькнула злая мысль, держитесь, гады. Жаль, что не могу поднять и нести в лапах скалу, свою жопу и

то едва несу, но защитная костяная броня крепка на пузе, так что можно обрушиться на их лагерь всем весом, сказать мощно: «Слава Господу!» — и начать крушить их муравейник...

Я сделал круг, стараясь увидеть шатер верховного ярла, его нужно сразу раздавить задницей вместе со всеми, кто там внутри, пусть даже с телохранителями и парой шлюх из Тараскона.

Медленно выбирая цель, я шел неторопливо, наслаждаясь могуществом страшного крылатого зверя, ага, вон там его шатер, в самом центре, вокруг простые палатки, там военачальники, их тоже надо сразу следом за верховным ярлом, а дальше все то скопище муравьев, что сосредоточилось возле сотен костров... а еще больше их дальше, потому что топлива для костров на всех не хватило...

В лагере вспыхнули огоньки, я не успел осмотреться, как все они устремились вверх. Впечатление такое, что серебряные пузырьки воздуха поднимаются с темного дна озера, но только те при всей своей скорости в сравнении с этими выглядят совсем неспешными...

Я не трус, но осторожный и предусмотрительный, на всякий случай мощно взмахнул несколько раз крыльями и красиво взмыл ввысь. Огоньки поднимаются все с той же скоростью, и, когда я наконец сообразил, что упрутся в меня, лихорадочно замахал крыльями, теряя темп и сбиваясь с ритма, ринулся в сторону.

Огоньки прошли мимо, но два успели коснуться моего бока. С головы до кончика хвоста тряхнул мощный удар, по телу пробежала дикая судорога. Острая боль скрутила в ком, но я усилием воли раскинул крылья и на остатках сознания заставил себя планировать в сторону моря.

Боль терзала тело, я услышал сильный запах горящего мяса. Бок почернел, в нем разрастается красная

дыра с обугленными краями. Мышцы слушаются все хуже, я пошел вниз по длинной дуге, боль дошла до сердца и стиснула в стальной лапе, а в мозгу мелькнуло обреченное: конец?..

О воду ударился, как в землю, но пробил ее твердь и ушел на глубину, а там изо всех сил старался превратиться в рыбу или в ихтиозавра, как уже получалось, на какое-то время потерял сознание, а когда пришел в себя, мое тело как раз опустилось мягким пузом на песчаное дно, усеянное камнями.

К счастью, жуткие раны остались, как и рассчитывал, в той части, которую отбросил, превращаясь из гиганта в эту мелочь, зато живую. Теперь только бы не попасть в зубы хищнику посильнее, здесь как у людей: сильный жрет слабого при первой же возможности.

Я доплыл до берега, хотел на мелководье снова превратиться в человека и выбраться на берег, там где воды по колено и до пояса, однако днища кораблей над моей головой появились раньше, чем понял, что берег близко.

Пришлось рискнуть, но, к счастью, это в громадного дракона превращаюсь долго и трудно, а в мелочь удается быстрее, не успел нахлебаться воды, как все осознал и вынырнул в темноте возле одного из кораблей.

Охраны никакой, да и зачем, если вся береговая линия захвачена варварами моря. Я некоторое время плыл по-жабы, чтобы без плеска, борта кораблей то и дело трутся друг о друга, только успевай нырять, а то хоть и легкие, но, если голову придавят, станет плоской как блин, шлем может и не налезть...

Ползком выбрался на берег, дальше начинается лагерь, растянувшийся в обе стороны на десятки миль. Сосредоточился, сперва перешел на тепловое и запаховое, долго высматривал колдунов, затем перетек в незримника и тихохонько стал пробираться через лагерь.

Воинов чудовищно много, и не все спят, пару раз не успел уклониться, и меня толкнули, но, к счастью, народу столько, что такое проходит незамеченным. Широкую полосу, где на два костра около тысячи людей, я преодолел из последних сил, а когда выбрался из лагеря, то перевалился через невысокий гребень из камешков и жесткой травы и долго лежал, приходя в себя.

Одно понятно, от крупных летающих тварей защищаться умеют. Возможно, не только от драконов, но и вообще всего, что летает. Вряд ли эти штуки можно использовать по принципу «земля — земля», иначе бы нас уже смели, а вот «земля — воздух» срабатывает прекрасно... Так что зря я раскатал губы, полный облом, пошел за шерстью — вернулся стриженным. Ну да ладно, никто не видел, а о поражениях все скромно и с достоинством умалчиваем, мы же герои...

Глава 6

За эти два дня успел подойти большой отряд из Геннегау под командованием барона Альбрехта; удалось набрать ополчение из других городов, вызвали остатки боеспособных отрядов из дальних земель, но герцог Дюренгард постоянно сравнивал численность наших войск и пиратов, мрачнел все больше.

— Люди моря высадились уже все, — сообщил он мрачно. — Перевес больше чем десятикратный. Два дня нас не спасли, сэр Ричард. Скорее наоборот...

— Что так?

— Разъярятся, — пояснил он. — Где мы могли бы отделаться простым грабежом, там теперь оставят одни дымящиеся развалины.

Я покачал головой.

— Простите, дорогой герцог, но здесь вы ошибаетесь. Они готовы оставить развалины в любом слу-

чае. Уже убедились, что мы опасны. А в этом случае постараются от всего королевства Сен-Мари оставить руины.

Он побледнел.

— Господи, помоги нам!

— Господь с нами, — напомнил я. — Но драться за нас не станет.

— Но что мы может противопоставить?

— Нашу отвагу, — ответил я тяжелым голосом, — и веру в правоту нашего дела. Ладно, второй день заканчивается, надо ехать...

— С чем?

— С новой легендой, — ответил я.

Он сказал невесело:

— Как же вам, полагаю, отвратительно врать!

— И не говорите, — вздохнул я. — Это настолько не рыцарское дело, что иногда чувствую себя простолюдином, а то и вовсе каким-нибудь адвокатом, что уж совсем вершина падения для благородного человека...

Он проговорил с мукой:

— Тогда, может быть, не стоит себя окунать в такие нечистоты? Может быть, обнажить мечи и ринуться в красивый и славный бой, о котором сложат столько песен и баллад?

Я тяжело вздохнул.

— Мне это тоже постоянно приходит в голову, дорогой герцог! Но останавливает такая мелочь, что в Сен-Мари уже некому будет петь и складывать, а сами пираты та-а-а-а-кое о нас насочиняют, что лучше не надо!

— Вы правы, — проговорил он. — Такое лучше не надо. Они и сочинять не умеют, разве похабное что-то...

Два пышно одетых конюха с гербами герцога Дюренгарда на одежде подвели мне Зайчика.

— Пожелайте мне удачи, — сказал я. — На успех не очень уже надеюсь...

Он перекрестил меня в спину, как мне почудилось, когда я понимался в седло, Зайчик красиво тряхнул гривой и гордо пошел немножко боком, элегантный как придворный хлыщ.

— Не выпендривайся, — сказал я. — Не на танцы едем.

На том же месте я оставил его копать копытом песок, сам прошел вперед и, остановившись, помахал в сторону лагеря пиратов руками.

— Майордом Ричард к верховному ярлу Бреггерту Гартеру!

Часовые задвигались, один крикнул:

— Жди там!

— Никуда не денусь, благородные Люди Моря, — ответил я с почтением. — Хоть сто лет ждать буду!

Вскоре в лагере зашевелились, забегали, а в мою сторону двинулась группа воинов, что остановилась рядом с внешними часовыми, а дальше двинулся сам верховный ярл, суровый, могучий, в кольчуге до колен, короткий меч на поясе и непривычный здесь конический шлем, надвинутый по самые надбровные выступы.

Я не дал даже сказать «драсьте», нужно все время держать инициативу в своих руках, потому сразу закричал ликующе, с горящими глазами и расплывающимся в широчайшей улыбке ртом:

— Король согласился! Осталось только собрать все деньги, погрузить и привезти!

Он прорычал:

— Ну? Так делайте это!

— Уже делаем, — сказал я радостно. — Начали погрузку. Одну телегу загрузят сегодня. Еще на две придется собрать из летних резиденций. Не знаю, как у вас, но у нашего короля пять дворцов, и в каждом свои хранилища. Самое большое, конечно, в столице, оттуда уже грузят, но надо собрать еще из летних дворцов...

Он поморщился, хотел махнуть рукой и дать еще время, я уже видел, потом вдруг что-то изменилось в его лице, он задумался, вперил в меня бешеный взгляд.

— А не врешь ли ты?

Я вскричал обиженно:

— Мой лорд! Как я могу? Ведь половина последнего сундука моя?

Он рыкнул:

— Не половина, а треть... а то и вовсе четверть. И поторопись, а то будет еще меньше... Нет, постой, сделаем чуть иначе!

Я напрягся, но спросил все тем же радостным голосом, дескать, четверть содержимого сундука с серебром — тоже хорошо:

— Как?

Он сказал решительно:

— В этом городе ведь тоже есть деньги? Прекрасно! Первую телегу грузите отсюда и отправляйте ее немедленно! Остальные завтра и послезавтра.

Я заставил себя держать ту же улыбку, а голос таким же угодливым:

— Как скажете, мой господин!..

— Я вышлю охрану, — пообещал он.

— Да-да, — подтвердил я, — отберите самых доверенных...

Он отмахнулся:

— Сам знаю. А ты иди и проследи, чтобы ни один из сундуков не исчез. Я лично пересчитаю все до последней монеты!

И хотя понятно, что считать бы пришлось несколько месяцев, но достаточно счесть в одном сундуке, а потом умножить на количество таких же скринь, так что да, обмануть трудно, — я поклонился и отправился к Зайчику.

Наши встретили с сильнейшим беспокойством, бледные, в глазах тревога, а герцог сказал с надеждой:

— Удалось?

— Нет, — ответил я честно.

Простодушный сэр Растер сказал бы, как же так, мне ж все удастся, но герцог меня знает не так близко — помрачнел, огляделся, словно в поисках абсолютной защиты.

— Сколько у нас времени? — спросил он коротко.

— Полдня, — ответил я.

— Больше никак?

— Полдня понадобится, — ответил я, — тяжелогруженной телеге добраться от города до их лагеря. Но телеги с выкупом не будет. Так что через полдня либо они атакуют нас, либо мы ударим сами. Первыми...

Он кивнул, глаза вспыхнули боевым азартом.

— Ясно. Мы им покажем настоящий бой!

Солнце с утра жжет спины и головы, ветерок утих, и весь мир застыл, только на дорогах клубится пыль, а в ней поблескивают холодные злые искры.

Я пронесся вдоль городов, что издавна благоразумно строились вдали от берега, отовсюду из распахнутых ворот выходят отряды вооруженных горожан, мрачные и сосредоточенные, идут в сторону моря.

Из города Клеондаль вышел большой отряд под началом трех рыцарей, один издал крикнул:

— Сбросим пиратов в море!

— И не дадим выплыть! — прокричал я.

Через несколько минут стремительной скачки я нагнулся на группу копейщиков и лучников, их ведет городской старшина.

Я помахал рукой, закричал:

— Это последняя война!.. Отныне города будем строить и на побережье!

Он перекрестился.

— Дай бог, ваша светлость, дай бог!..

— Господь на нашей стороне, — прокричал я и понесся в сторону Тоннеля.

Со стороны Большого Хребта я увидел с вершины холма в долине длинную искрящуюся гусеницу, толстую и бесконечную, хвост еще не показался из черного зева Тоннеля. Ползет она медленно и упорно, вся разукрашена крохотными цветными пятнышками знамен и баннеров.

Сердце мое забилося радостно, Бобик гавкнул, все поняв, и ринулся вперед раньше, чем я сообразил, что пошлю коня следом за ним во весь опор.

Рыцари в голове колонны вздрогнули, когда впереди из внезапно возникшего облака пыли вынырнул их верховный лорд.

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард здесь!

Я быстро подъехал к графу Рейнфельсу, он приложил руку к шлему, я отмахнулся и прокричал:

— Граф, немедленно разворачивайте своих людей в боевой порядок!.. Враг всего в трех милях!.. Это пираты! Ударьте на них со всей мощью!

Граф вскрикнул обалдело:

— Пираты? Но не достаточно ли туда одного отряда, пусть разгонят плетью?

— Граф, — крикнул я, — выполняйте!

И, повернув Зайчика, послал его в галоп, потом в карьер. Граф Рейнфельс человек исполнительный, он немедленно повернет всю армию в сторону моря, а когда увидит, сколько их... что ж, он умеет ударить со всей мощью.

Обратно я понесся другой дорогой, тоже встречал все отряды — рыцарские или городское ополчение — и торопил на защиту гавани. Армия герцога Вирланда и отряды герцога Сулливана обороняются упорно, но ес-

ли бы не постоянно подходящее подкрепление, их бы уже смяли.

Пиратов настолько много, что даже эта их часть попыталась обойти армию Вирланда и со спины. Я возглавил один отряд, с наслаждением врубился, люди дико заорали и пошли остервенело размахивать всем, что в руках.

Яростный порыв подхватил и понес меня, и хотя я умница и расчетливый политик, но до чего же сильно в нас это древне-хвостатое «упоение в бою и бездны мрачной на краю», я орал, визжал в ярости, рубил, рассекал, повергал и все время стремился пробиться в ту часть их лагеря, где видел шатер верховного ярла, однако пираты стоят стеной, прорубываться все труднее.

Мы прорвали их кольцо вокруг Тараскона, дальше я промчался быстро к группке военачальников, их видно по изысканно дорогим доспехам и множеству знамен над головами.

В центре рослый человек отдает приказы и сопровождает их скупыми жестами. Со спины видно, что герцог за это время стал еще больше, в поясе шире, чем в плечах, но когда повернулся ко мне, я увидел все то же загорелое и суровое лицо профессионального солдата, что хоть и раздобрел в своей крепости Аманье, но слово «война» не приводит в ужас, напротив, воспрянул, как старый конь при звуках боевой трубы.

Я издали на ходу вскинул руку в приветствии.

— Привел подкрепление, — сказал я быстро вместо «драсьте». — Держитесь, лорд Вирланд!

Он кивнул, лицо старательно держит нейтральным, оба чувствуем предельную щекотливость ситуации; наконец он проговорил:

— И сколько того подкрепления?

Я отмахнулся.

— Городское ополчение, их можно не считать. А вот рыцарей Турнедо...

Он вскинул брови:

— А это еще кто такие?

— Добровольцы, — объяснил я. — После окончания войны в Турнедо не захотели возвращаться к коровам, а мои лорды направили их сюда. Они подросли как раз, когда началась вторая волна атаки после двух суток перемирия... и немного внесли замешательства.

Он переспросил:

— Немного?

— Да, — подтвердил я. — Тысяча рыцарей в первом отряде, полторы во втором. Вот-вот в бой ступит третий, где больше двух тысяч рыцарей и тяжеловооруженных воинов.

Он спросил с недоверием:

— Но как их заставили сюда...

Я покачал головой.

— Зачем заставлять? Наши такого наговорили о чудесах Сен-Мари — здесь же Юг и теплый океан, — что тамошние рыцари едва дождались, когда им разрешили сюда отправиться! И, как видите, они получили сразу то, к чему стремились: жаркий бой и возможность покрыть себя славой!

Он сказал с чувством:

— Прекрасно. Рыцари... это позволит нам укрепиться. Война обещает быть тяжелой, но мы не дадим себя разгромить.

— Еще бы, — сказал я ровным голосом, — если учесть, что десятитысячная армия под руководством графа Рейнфельса уже прошла Тоннель и с ходу атаковала те лагеря пиратов, что ближе к Брабанту.

Глаза его стали шире, он переспросил:

— Десять тысяч?

— Именно, — подтвердил я с удовольствием. — Не считая тысячи арбалетчиков и двух тысяч лучников.

Он сказал, едва сдерживая радость:

— Если так... это может означать перелом в войне!

— А для завершающего удара, — сказал я, — сейчас через Тоннель проходит войско рейнграфа Чарльза Мандершайда, командующего северной армией Турнедо. Оно по своей боеспособности превосходит армию графа Рейнфельса... только ему об этом не говорите! Хотя он это знает, но наступать на большую мозоль как бы негалантно.

— Господи!

— Это еще не все, — сказал я так скромно, что чуть не лопнул. — Бок о бок с ним идет мощная ударная группировка войск под рукой прославленного полководца стальграфа Филиппа Мансфельда! Теперь вы понимаете, почему я так уверен в исходе этой войны. И почему я уже сейчас подумываю, где на побережье будем строить города!.. А вы как думаете, где их лучше расположить?

Он некоторое время молчал ошалело, под могучими надбровными дугами глаза поблескивают со странным выражением.

— Как я понимаю, — проговорил он озадаченно, — вы продумали наперед очень многое...

— Конечно, — согласился я. — Я хитро подбил короля Гиллеберда напасть на Армландию, потому что мне очень уж понадобилась его превосходная армия, самая боеспособная в этом регионе! Я имею в виду, и по ту сторону Большого Хребта.

Он вздохнул.

— И что вы собираетесь делать с этой боеспособной, как вы говорите, армией, когда закончится война с пиратами?

В голосе его звучали понятная тревога и даже тоска.

Я загадочно улыбнулся.

— Давайте сперва закончим с пиратами. Кстати, передавайте поклон своей супруге, благородной леди Изабелле. У меня самые теплые воспоминания о ее гостеприимстве, ее чуткости и материнской заботе!..

Он поморщился, но пробормотал:

— Ну да, вы же родственники... сводный брат ее дочерей?

— Все точно, — сказал я, — могу добавить, что герцог Готфрид счастлив с леди Элинор и не питает к вам никаких враждебных чувств за то, что вы увели у него жену.

Он сказал с неловкостью в голосе:

— Церковь не дает развода, так что она все еще считается женой Готфрида...

Я махнул рукой:

— Не обращайтесь внимания. Придет время, и разводы станут самой простой и обыденной процедурой. А пока, герцог, продолжайте удерживать гавань и город любой ценой. Мы тем временем продолжим истребление этого нечестивого полчища. Очень скоро окончательно очистим королевство, и угроза со стороны Людей Моря исчезнет совсем и навсегда!

Глава 7

Тяжелые затяжные бои продолжались несколько дней с утра и до вечера. У пиратов все еще остается преимущество в численности даже с приходом тринадцатитысячной армии графа Рейнфельса, группировки войск стальграфа Филиппа и могучей армии рейнграфа Чарльза. Соотношение оставалось один к пяти, однако у пиратов вообще нет конницы, а бронированная рыцарская прорубывается до самого моря, и там они ломают и жгут корабли, наводя панику на пиратов.

Наши лучники сеют смерть, запуская тучи стрел, ни у кого из пиратов нет доспехов, и каждая стрела убивает или ранит. Несколько раз пираты в отчаянии бросались на них в атаку, но закованные в тяжелую броню рыцари и панцирная пехота поспешно выходили вперед и стойко выдерживали удар, а лучники из-за их спин продолжали поспешно забрасывать нападающих стрелами.

Арбалетчики стреляют намного реже, зато стальные болты пробивают незащищенные тела насквозь.

Переговорив с рейнграфом Чарльзом, я повел его бронированную конницу в стремительную атаку. За нами устремились легкие конники, потом пошла тяжелая пехота.

Мы прорвали плотные ряды пиратов и пробились к кораблям, где началась паника среди немногих матросов.

— Сжечь! — велел я. — Пусть ни один из гребаных ахейцев не вернется домой!

— Ура! — прокричали рыцари и пошли рубить и повергать тесным строем вдоль кромки моря, а за ними легкие конники забрасывали факелы в корабли.

Серьезные изменения произошли в грандиозной битве за Тараскон и гавань. Два герцога стойко выдерживали бешеные атаки, как вдруг далеко-далеко поднялся черный дым, вроде бы ничего необычного, однако пираты вдруг забеспокоились, ослабили нажим, а потом и вовсе отхлынули.

Герцог Вирланд не понял, что случилось, но чутье старого воина подсказало, что упускать момент нельзя, он поднял смертельно усталые войска и повел лично в атаку.

Люди, падавшие от изнеможения, нашли в себе силы гнаться за пиратами и убивать в спину, не останавли-

ливались даже, чтобы сорвать с их пальцев золотые кольца с драгоценными камешками.

Снова отличился Сулливан: он прорубился к самой воде, начал жечь корабли и тут только сообразил, что за такой дым взялся вдали, почему вверх пиратов в панику, заорал ликующе, и все поняли, что пришла обещанная мной помощь, только непонятно, как сумели ее вызвать так быстро.

Войска турнедцев и графа Рейнфельса врезались клином между пиратами и морем, отсекали от кораблей, лишая поддержки и внося смятение в ряды, а тем временем те группы кораблей, что безуспешно штурмовали гавань, пошли на самоубийственную попытку еще раз прорваться в гавань.

Обгорелые и страшные башни, окруженные горами трупов, мертво молчат, лишившись катапульта, гарпунов и защитников, а в узкой горловине лишь две каравеллы принимают на себя все удары, упорно не пропускают в гавань чужие корабли, переворачивают и топят десятками.

Сэр Растер прокричал люто:

— Как дерутся, как дерутся!

Он указал окровавленным топором на перевернутые каравеллами корабли. Тонущие с топорами в руках цепляются за борта огромных кораблей не в поисках спасения, а озверело рубят изо всех сил толстые доски корпуса.

— Они не продержатся! — крикнул я. — Срочно отряд на помощь Вирланду!

— Я поведу, — ответил сэр Растер и вскинул над головой залитый кровью по самую рукоять огромный топор. — Спасем доки!

Рыцари и тяжелые ратники заревели в один голос, стальная масса навалила на пиратов и потекла в ту сторону, подминая тела, как большая гусеница песчинки.

Я повел другую группу на длинную косу, закрывающую бухту от ветра и морских волн, там масса кораблей и толпы пиратов, то ли высаживают десант, то ли грузятся, пытаюсь спастись.

Вирланд одновременно со мной послал в доки крупный рыцарский отряд, туда нацелен самый главный удар всей операции, а мы пробивались через плотные ряды, я ахнул, с болью видя, как накренилась каравелла «Синий Осьминог», как корпус «Богини Морей» почти скрылся под множеством тел, старательно карабкающихся по высоким бортам к ограждению палубы, из-за которого их рубят и сбрасывают обратно моряки.

Перед нашим озверелым натиском пираты дрогнули, начали пятиться, что еще больше воодушевило ратников, наступающих широким фронтом.

— Победа! — донесся ликующий вопль.

— Ломим! — прокричал кто-то с другого фланга.

Я взмок от пота и чужой крови, каравеллы все еще сопротивляются отчаянно, я просто не понимаю, как им удастся держаться против такого количества пусть и маленьких, но злобно жалящих корабликов.

— Каравеллы! — прокричал я. — Надо прорубиться к берегу!

— К башням! — крикнул сэр Растер.

Пираты уже не отступали — некуда, многие бросались прямо в море. Единственным местом, где рыцарская конница еще не отсекла их от воды, оставались края бухты, там сгрудилось несколько десятков кораблей.

— Туда! — закричал я страшным голосом. — Последний бой!..

Сэр Растер заорал во весь трубный голос:

— Поднапрячься, поднапрячься!..

Пираты все чаще, отступая, бросались в воду, но мы пробились к кораблям, яростно рубили борта, я зажег

один, от него начали отламывать горящие доски и поджигать другие.

На тех кораблях, что в третьем ряду, торопливо обрубали канаты и отходили дальше в море. Мы как стоя волков прошли до конца косы, убивая даже бросивших оружие и добивая раненых.

А всего в двух-трех милях медленно погружается в воду «Синий Осьминог». «Богине Морей» повезло больше: на всех парусах движется к берегу, тонет на ходу. Мы следили за ней, сжимая руки, ее борта начали зачерпывать воду, но внезапно дрогнула, накренившись вперед, замедлила движение и застыла в таком положении.

Сэр Растер проревел с подъемом:

— Все-таки выкинулась на берег!

— Молодцы, — сказал сэр Торкилстон.

— Только к плаванию уже непригодна, — сказал я с горечью.

Сэр Торкилстон крикнул:

— Люди к берегу идут вплавь!

С «Богини Морей» прыгают за борт и плывут к берегу, но даже с затонувшего «Синего Осьминога» несколько человек, держась за обломки, медленно гребут к берегу.

Последний яростный бой состоялся в самих доках. Ценой огромных жертв пиратам все-таки удалось прорваться к остовам строящихся кораблей, и там завязался жестокий кровавый бой, где рядом с рыцарями дрались простые ремесленники, купцы и мастеровые, защищая корабли, на которые столько надежд.

Нигде пираты не дрались так яростно и отчаянно — наконец-то пробились до основной цели!

От города подходили все новые отряды; десант в бухте упорно стремился пробиться к скелетам кораблей, там с длинным узким мечом сражается во главе

армландцев залитый кровью с головы до ног барон Альбрехт, и я уже не сомневался, что пиратов истребят там полостью...

Горожане бросались в воду и помогали выбираться на берег обессиленным и раненым морякам с затонувших каравелл.

Я на Зайчике быстро обогнул бухту, а как только оказались возле расprostертых в изнеможении матросов, соскочил на землю и принялся обходить всех, похлопывая по плечам, пожимая руки, и, когда дошел до места, где на расстеленном плаще истекает кровью моряк, в котором с трудом узнал Ордоньеса, я с облегчением упал на колени и уперся ладонями в его грудь.

Веки на изможденном и залитом кровью лице затрепетали, приподнялись, я увидел красные белки с полопавшимися сосудами, потом расширенные зрачки медленно сузились, поймав меня в фокус.

Губы чуть шевельнулись, я наклонился и услышал:

— Неужели... отбились?

— Полностью, — заверил я, — и навсегда. Набирайтесь сил, адмирал! Вам еще предстоит вести могучую эскадру через океан!

Он проговорил с трудом:

— Все мои корабли... погибли... И я тоже...

Я удивился:

— Погибли? Ну уж нет!.. Их души перетекли в эти вот могучие создания, что скоро начнут обрастать плотью. Уже скоро, адмирал! Скоро соскользнут в воду! И потребуется все ваше дивное умение, чтобы управлять этими гигантами.

Он не ответил, я похлопал по плечу и пошел к матросам, подавленным и угнетенным, несмотря на разгром пиратов.

Я остановился перед ними, сердце стучит часто и

на борт нового корабля уже не простым матросом, хоть и дворянином, но офицером!

Ордоньес взглянул на меня остро, потом перевел взгляд на остовы кораблей, медленно кивнул.

— Да, — ответил он, — от имени тех, кто уцелел в этой рубке, благодарю и обещаю... Мы будем работать дни и ночи. И пусть моряки видят, что строят себе и для себя!

— Неплохо, — ответил я громко и повернулся к морякам. — Слышали? Заодно сможете подсказывать строителям всякие полезные мелочи. Все-таки чертеж — одно, а опыт людей, уже поплававших на таком, — другое.

Я видел, как они оживают на глазах. Одно дело заживить раны на теле, другое — в душах, но сейчас именно их и залечиваем.

Один отдал мне честь и сказал хриплым голосом:

— Ваша светлость, вы наш маркиз. И мы пойдем за вами хоть в ад.

Сэр Растер и сэр Торкилстон посмотрели на него с недоумением при слове «маркиз», а барон Альбрехт вздохнул и покачал головой.

Глава 8

Изолированность островов от материка сыграла в их судьбе критическую роль. Не обмениваясь опытом с другими королевствами, они создавали воинские силы по принципу «навалимся и всех уьем».

Но еще в древности правильно построенные и обученные войска Александра Македонского били во много раз более крупные армии Дария и других царей. Так же побеждали римляне.

Восстанавливая в памяти ход великой битвы, что казалась хаотической, я видел, что благодаря умелой так-

тике войск рейнграфа Чарльза немалая часть пиратов оказалась отрезана от моря, что сразу вызвало у них панику. С другой стороны ударил стальграф Филипп, и началась уже резня, поголовное избиение, когда обезумевшие от ужаса пираты бросались то в одну сторону, то в другую, но их постепенно взяли в кольцо и методично истребляли, хотя наших все равно было там в разы меньше.

Затем граф Рейнфельс с ходу пустил в атаку тяжелую конницу, что и переломило исход грандиозной битвы.

Жители Тараскона, на виду которых турнедцы истребили войско пиратов, высыпали после битвы из городских ворот и устроили ошарашенным воинам восторженную встречу. Их затаскивали в дома, поили вином, восторгались их выправкой и выучкой, и дотоле напряженные турнедцы наконец-то ощутили, что им рады, что они здесь как дома, если не лучше...

Насчет будущих походов и богатств на архипелаге мне распалать турнедцев и даже армландцев не пришлось, сами сделали некоторые важные выводы. Пираты подчеркнуто одеты в лохмотья, а на ком одежда из дорогой ткани, та нарочито испачкана дегтем, однако очень у многих пальцы унизаны золотыми кольцами с камешками удивительной красоты, и почти у всех оружие из лучшей стали, причем рукояти обязательно украшены рубинами или другими драгоценными камнями.

Для моих рыцарей и простых воинов это означает только одно: там, на островах, хранятся огромные богатства.

Разбирая действия военачальников, охраны порта, горожан, я не нашел грубых промахов. Что-то я делал бы не так, но это не значит, что обязательно получалось бы лучше. В общем, все сработало правильно, как единый организм, сопротивляющийся вторжению.

Даже Сулливан, оставшийся охранять вход в баш-

ню, прекрасно понимал, что обрекает себя на смерть, но тем самым давал возможность катапультам топить и топить корабли, входящие в бухту тесно, как селетки в косяке, и тем самым спасал город.

Вот только насчет пленных я все время чувствовал себя не на месте. Слишком многие предпочли бросить оружие, к радости подбиравших эти сокровища турнедцев, и поднять руки.

Самых отчаянных головорезов верховный ярл бросил на захват бухты и уничтожение доков, где они и погибли, а остальные по большей части отвлекали наши войска, да и не мешали своим же, высадившись по всему побережью, откуда угрожали захватом городов.

Отважные и приученные к жестоким сражениям рыцари везде настолько умело отрезали их от берега, что пираты сразу пали духом и начали сдаваться целыми толпами.

Набралось столько, что я, как уже бывало до меня, встревожился, как бы эта толпа, пусть и обезоруженная, не обнаглела от нашего христианского отношения к пленным и не разнесла здесь все, ибо даже сейчас их больше, чем наших войск, а не все же должны охранять недавних врагов.

Ко мне подбежал молодой рыцарь из числа турнедцев, рот до ушей, но послушно припал на колено.

— Ваша светлость!

— Слушаю, — сказал я благожелательно.

— Мы захватили очень сильного воина, — доложил он. — Дрался как лев! Его сбили с ног только брошенным со спины молотом. Когда связали, а он очнулся, кто-то узнал в нем их самого главного пирата...

— Вы захватили живым Бреггерта Гартера? — переспросил я в восторге. — Ну, дорогие друзья, вы просто неоценимое сокровище...

Он скромно потупился, сияющий молодостью и чистотой.

— Стараемся, ваша светлость!

— За поимку верховного ярла причитается награда, — сказал я. — Где он сейчас?

— Его держат в отдельной палатке, — доложил он. — Скованного и под охраной.

— Покажите, — велел я. — И перестаньте преклонять колена, мы не во дворце, а на поле боя!

Он подхватился легко, почти подпрыгнул.

— Прошу вас, ваша светлость!

Я шел за ним и думал, что Бреггерт Гартер, верховный ярл Империи Людей Моря, провел операцию точную и безошибочную. Она должна была увенчаться успехом, и обязательно бы увенчалась, он рассчитал все правильно.

И когда торговался за выкуп, он понимал, что у нас нет выхода, а деньги хотел получить до уничтожения городов и поголовной резни только потому, что казну удастся захватить лишь в результате внезапного дворцового переворота, а при подходе вражеских войск ее прячут так, что обычно находят случайно совсем другие люди, да и то через сотни лет. Ценности горожан обычно гибнут во время пожаров, так что гораздо выгоднее получить золото, серебро, драгоценные камни и редкие изделия заранее в качестве выкупа... а потом да, вырезать этих трусливых людишек, разорить их города, чтобы, если где и спасутся в лесах, больше не осмеливались подходить к берегу.

Рыцарь указал на палатку, возле которой сидят на камнях двое арбалетчиков.

— Его держим прямо здесь!

— Спасибо, — сказал я.

Он откинул передо мной полог, но из деликатности следом не пошел, напротив, закрыл вход.

Верховный ярл опутан тяжелыми цепями — такие я видел на их же кораблях, явно оттуда и принесли, — сидит, скрестив ноги, прямо на песке. Когда я вошел, он сразу же выпрямил спину и окинул меня надменно-презрительным взглядом.

— Ну как? — поинтересовался я. — Жалобы есть?

Он поморщился.

— И что?

— Да так, — ответил я. — Просто вежливость, как вот начинают разговор о погоде.

Он процедил сквозь зубы:

— А зачем нам вежливость?

Я согласился с довольным вздохом:

— Ни к чему, все верно. Сколько кораблей еще в вашем архипелаге?

Он посмотрел на меня с вызовом:

— Скоро сам узнаешь.

— Узнаю, — согласился я. — Только на этот раз сами туда придем. Да ты это прекрасно понимаешь, не зря стал верховным ярлом. Почему-то мне кажется, стал им не потому, что в родстве с верховным конунгом... а за боевые подвиги. Я угадал?

Он поморщился, но лезть действует на всех безотказно, проговорил с гордым самодовольством:

— За подвиги я стал эрлом, ярлом, стекъярлом, а хавдингом и верховным ярлом меня избрали за умелые захваты островов, что должны были принадлежать нашему королевству!

Я сказал довольноно:

— Так и думал. Настоящего полководца видно сразу. Должен сказать, что и эта твоя операция была продумана до мелочей и осуществлена безукоризненно. И обязательно увенчалась бы блистательной победой, если бы в королевстве Сен-Мари было все по-прежнему!

Он спросил сумрачно:

— А что изменилось?

Я посмотрел внимательно:

— Не догадываешься?

— Просто скажи, — буркнул он.

— Уже нет королевства Сен-Мари, — ответил я, — ну, каким оно существовало века. И к которому вы привыкли.

Он поморщился, но я видел, что и до моего прихода ломал голову, что же случилось, почему безукоризненный план не сработал, все было просчитано до мелочей.

— А что, — спросил он размеренно, — есть?

— Мир меняется, — сообщил я ему сногшибательную новость. — Ты не учел, так как просто не мог знать, что из северных королевств сюда идут и идут могучие армии людей злых и ожесточенных. Они умеют воевать гораздо лучше, чем эти изнеженные, ты прав, сен-маринцы!

На его лице сменялись противоречивые выражения, от гордости, что был прав, а потерпел поражение из-за того, чего никто не знал и не мог учесть, до трагического осознания судьбы островов.

— И всю эту армию посадишь на корабли? — спросил он.

— Сперва их нужно построить, — заметил я. — Но это сделаем.

Он сказал зло:

— Мы утопили все ваши большие корабли! Затопим и те, что строите.

— Новые будут вдвое больше, — заверил я. — И будет их уже не три кораблика. Может быть, тридцать. А потом и триста...

Он фыркнул, я сам ощутил, что вроде бы задесять-тысячкурьерился, но тут же вспомнил, как Испания двинула в одну только битву против Англии полторы

тысячи кораблей, и почти все они были покрупнее наших каравелл.

— Что вы планировали делать с городами? — поинтересовался я.

Он взглянул на меня с удивлением:

— Как будто не понимаешь.

— Понимаю, — ответил я. — Просто приятно услышать, чего удалось избежать.

Он подвигал плечами, цепи зазвенели.

— Если уж порт приходится брать с такими усилиями, — ответил он небрежно, — то надо сделать так, чтобы его никогда больше не строили. Для этого нужно всего лишь уничтожить местное население. Начисто!.. И тогда угрозы нашему архипелагу не будет. Нас бы встретили не только как победителей.

— Как спасителей?

Он кивнул.

— Народ этого не знает, но правители понимают, насколько материка могут быть опасны. У вас и людей больше, и ресурсов.

За палаткой слышались торопливые шаги, звякнул металл, когда стражи загородили кому-то дорогу, в ответ раздался злой голос барона Альбрехта.

Я кивнул верховному ярлу, прощаясь, и вышел из палатки. Резкое солнце, отражаясь от раскаленного белого песка, больно ударило в глаза.

Прищурившись, я поинтересовался:

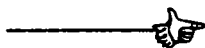
— И что вам не празднуется, барон?

Он сказал раздраженно:

— В плен сдалось столько, что у меня недостает людей, чтобы их охранять! Я держу их на берегу, вплавь точно не уйдут, но вдруг оттуда придут еще корабли?

— Барон, — сказал я, — все проблемы решаемы. Сейчас вот первый этап...

Я кивком подозвал стража, он подбежал, вытянулся.

- Ваша светлость?
- Как зовут?
- Ганс, ваша светлость!
- У тебя острый меч, Ганс?
- Он сдержанно улыбнулся.

— Да, только добавилось зазубрин. Но я уже начал точить снова...

— Хорошо, — сказал я. — В этой палатке самый главный гад, что привел их сюда. Через минуту ты должен показать мне его отрубленную голову.

Он чуть вздрогнул, потом в глазах появился злой блеск.

- Разрешите выполнять?

Я кивнул.

- Действуй.

Барон задержал дыхание, когда страж повернулся и нырнул в палатку. Там послышался короткий шум, через пару мгновений Ганс вышел, держа за волосы голову верховного ярла. Кровь щедро льется из обрубка шеи, и Ганс брезгливо отодвинул ее на вытянутой руке.

— Прекрасно, — сказал я, — теперь ее на пику и показать пленным.

Барон сказал быстро:

- Это их разъярит!

— Они не рыцари, — напомнил я. — Не разъярит, а понизит боевой дух. Что и без того уже не весьма. Ганс, сделай это все, а потом у меня есть для тебя еще одно поручение, раз уж сторожить больше некого.

Он вытянулся:

- Располагайте мной, ваша светлость!
- Сперва голову на копье, — напомнил я.

Он умчался, я повернулся к барону:

— Вы знаете, что они намеревались фактически уничтожить все население Сен-Мари, чтобы строить корабли было уже некому?

Он хмуро кинул.

— Логика простая. Таким образом отводили от себя угрозу.

Я сказал мирно:

— Мы от себя отведем тоже.

Глава 9

Военачальники подходят один за другим, у всех идеи насчет пленных, но все сводятся к тому, чтобы превратить их в рабов, а дальше только варианты: то ли в каменоломни, то ли рубить лес для кораблей, то ли всех раздать в дома горожан, пусть работают за одну еду... Я устал повторять, что церковь точно будет против. Христианин не может иметь рабов, а если ссылать в каменоломни... то у нас нет столько карьеров, да и зачем так много камня, а дать топоры и послать рубить лес — придется держать армию для охраны: топоры, даже плотничьи, — тоже оружие.

Там же, в лагере, я велел вызвать ко мне командиров лучников, арбалетчиков и тяжелой пехоты, а когда они явились, пытливо оглядел их и остался доволен. Все зрелые, битые жизнью, повидавшие зло и добро, понимающие, что мир не совсем таков, каким хочется видеть.

— Все видели временный лагерь пленных?.. Скоро их пора кормить, а сюда доставлять еду затруднительно.

Командир тяжелых пехотинцев, немолодой уже воин, спросил:

— Придется их перегонять ближе к городам?

— Придется, — согласился я. — И делать это предстоит вам. Благородные рыцари, понятно, не возьмутся за конвоирование пленных... Вам нужно отвести их в стационарный лагерь... он вблизи Большого Хребта,

только вдали от дорог. Поведете не всех, а небольшими группами. Скажем, по пятьсот или тысяче человек.

Они переглянулись, тот же командир ратников сказал понимающе:

— Да, большую толпу охранять в дороге совсем трудно.

— Могут разбежаться, — добавил глава арбалетчиков. Старший над лучниками уточнил:

— Ваша светлость... а где этот лагерь, чтоб точнее? Я посмотрел на него в упор.

— Какая разница?.. Все равно до него не дойдете. По дороге пленные сделают попытку взбунтоваться, но вы ее пресечете, и они все погибнут... Кстати, драгоценности, что на них, — ваши.

Он охнул, но глаза загорелись, уже видели в ушах пиратов дорогие серьги, а на пальцах кольца. Остальные задвигались, начали переглядываться.

— Ваша светлость, — произнес командир панцирной пехоты.

— Что-то непонятно? — спросил я строго.

Он вздрогнул, выпрямился.

— Все будет исполнено в точности, ваша светлость! Я кивнул:

— Вот и хорошо. Мне и надо, чтобы все мои мудрые и гуманные приказы исполнялись в точности и быстро. Мы строим великое Царство Божье на земле, где будут только гуманизм, человеколюбие и справедливость!.. Но сперва нужно очистить площадку, что вы и сделаете.

Он поклонился, лицо ошарашенное.

— Позвольте исполнять, ваша светлость?

— Исполняйте, — велел я. — И помните, в нашем гуманном мире нет места рабам и угнетенным!

Он заверил, отступая и снова кланяясь:

— Не будет, ваша светлость! Ни одного не оставим.

Из лагеря пленных отправляли все-таки большими группами, потому что пираты осмелели и начали орать, что целый день во рту крошки не было, а морить голодом — не по-рыцарски, и вообще так благородные люди не поступают...

Сэр Растер сказал со злостью:

— Ишь, рвань поганая, какие слова знает!.. Они с нами по-разбойничьи, а мы должны по-рыцарски?

Я ответил скорбно:

— Увы, должны. Не можем же мы уподобляться им? Иначе и сами станем такими же. Ответим на их жестокую звериность нашим кротким милосердием, гуманностью и человеколюбием!..

Он вздохнул.

— Да-да, понимаю. Мы победили, должны быть великодушными.

Я сказал совсем кротко:

— И прощать, как велел нам Христос.

Он перекрестился.

— Аминь.

Я сказал ему в спину:

— Можете передать им, что покормят в дороге. Дескать, уже едет навстречу обоз с продуктами.

Он вздохнул.

— Добрый вы у нас, ваша светлость!.. Я бы их голодными до завтра продержал.

Очередному отряду конвоя я показал на карте место, где пока нет ни городов, ни сел.

— Поедете сюда, поняли?

Один, самый шустрый, поинтересовался:

— А можно вот сюда?.. И ближе, и дорога лучше...

Я покачал головой:

— Туда нельзя, там все поле... занято. И вон туда нельзя. И туда... Нужно вести так, чтобы не видели... предыдущих результатов подавления бунтов конвои-

руемых. Вообще-то далеко уходить не стоит, но и слишком близко нельзя, еще остается две-три группы, им тоже нужно место.

Командир отряда сказал глубокомысленно:

— Ну, последний вести не обязательно. Можно покормить... и прямо здесь.

— Верно мыслишь, — сказал я одобрительно. — Все, выполняйте!

Барон Альбрехт подошел, послушал, аристократический нос сморщился в гармошку.

— А надо ли было так? — спросил он брюзгливо. — Это же дармовая сила... Рабы, что достались вообще бесплатно!

Я вздохнул, покачал головой.

— Дорогой барон, я тоже не ахти какой экономист, но знаю такую простую истину: свободный человек вкалывает больше. Раба нужно кормить, одевать, лечить, а еще и сторожить!.. К тому же работать он будет впятеро меньше свободного. А вот свободного не надо кормить, сам отыщет, не надо одевать и лечить — это его проблемы.

Он посмотрел настороженно:

— То есть работа свободных обходится дешевле?

Я сказал с укором:

— Как будто вы не знаете!

Он чуть смутился, что для него очень нехарактерно, развел руками.

— Понимал, но... не формулировал. Но когда вот так уложишь в слова... да, из свободных выжать можно намного больше. Но вот так взять и перебить.... Гм...

Я смотрел на него с нежностью.

— Дорогой барон...

Он насторожился.

— Ох, что-то мне перестало нравиться это обращение...

— Дорогой барон, — повторил я, — а вас не переубеждает тот факт, что они намеревались уничтожить все население этих земель?.. Вплоть до Великого Хребта, так как о Тоннеле еще не знали?.. Уничтожить даже женщин с детьми, чтоб уж точно никто не стал строить здесь корабли и через тысячу лет.

Он гордо выпрямился и ответил с достоинством:

— То они, а то мы.

Я смотрел на него с растущей нежностью, барон Альбрехт из всех моих чистых душами и сердцами военачальников выглядел самым практичным и даже порой циничным, но, оказывается, даже для его цинизма есть ограничители... в виде христианских добродетелей.

— Дорогой барон, — повторил я в третий раз, — мне радостно видеть торжество светлого гуманизма в нашем христианском обществе!.. У язычников все было просто и естественно: на соседние страны нападали, чтобы убивать и грабить. А уцелевших уводить в плен. Все просто и бесхитростно. Но вот над миром засияла звезда Христа, полная гуманизма и человеколюбия!.. Сын Божий заявил, что в мире не должно быть рабов, не должно быть жертвоприношений... и там, где приняли его веру, этого варварства не стало. Уже нельзя нападать на соседние страны для того, чтобы убивать и грабить, это бесчеловечно и негуманно, это дикость и варварство, а можно только нести им кроткую веру Христа... конечно, сопротивляющимся сам Христос велел нести не мир, а меч, но главное в том, что возвышенный гуманизм настолько укоренился в наших сердцах, что я умиляюсь, глядя на вас... и вообще...

Он насупилсЯ и переспросил с подозрением:

— Ну и где во мне гуманизм?

Я всплеснул руками:

— Как где?.. Да в старое доброе время этих пленных

либо в рабы, либо просто перебили бы, и все!.. И никаких угрызений совести. А теперь, когда мы гуманисты и человеколюбцы, для которых каждая жизнь бесценна, ибо она — вселенная, мы не можем поступить вот так грубо!.. Но живем пока что в этом грубом мире, где мы изменились раньше, чем они и даже он, мир!.. И что мы делаем?.. Верно, барон, мы подправляем ситуацию, когда не хотим убивать беззащитных пленных, но... вынуждены. Защищаясь.

Он пробормотал:

— Но... это ложь...

— Ложь, — согласился я. — Ложь — это первый шаг к гуманизму, доброте, состраданию и человеколюбию. Когда мы все еще иногда поступаем как варвары, мы понимаем, что это не совсем хорошо, и мы что-то да придумываем, чтобы скрыть свои неблагоприятные поступки... а во времена до прихода Христа мы не стали бы их скрывать вовсе, не понимая даже, зачем скрывать, мы же такие вот и есть животные!

Он посмотрел кисло.

— Что, мы настолько уже заражены гуманизмом, что врем на каждом шагу?

— Не на каждом, — утешил я. — Это потом будет на каждом!

Он перекрестился.

— Господи, спаси и помилуй!

Я сказал успокаивающе:

— Успокойтесь, это будет только при полном торжестве гуманизма и терпимости.

Он вздохнул вроде бы с облегчением, потом насторожился, в глазах блеснула подозрительность.

— Сэр Ричард, я знаю только дома терпимости. Как они могут восторжествовать в нашем чистом и благородном мире?

— А вот так, — ответил я. — Полный гуманизм —

это дом терпимости на весь мир. Но, барон, учтите, — без «дорогой», как вы и хотели, — мы пока живем в этой эпохе, и от нас зависит, каким будет мир в далеком будущем. Так что давайте, барон, засучим рукава.

Жаждающих подвигов турнедцев я отправил в Гандерсгейм. Граф Рейнфельс попросился на прием и намекнул, что сюда пираты не скоро покажутся, если даже и решатся, а вот в Гандерсгейме он мог бы помочь Альвару Зольмсу, за которого он и сейчас чувствует ответственность и чуточку вины, за то, что позволил ему остаться.

— Граф, — сказал я, — вы совершенно правы. Отправляйтесь. Руководит всей операцией граф Ришар, он опытейший полководец, родился в седле, вскормлен из шлема и вскормлен с конца копья...

Он улыбнулся.

— Мы с ним общались.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Надеюсь, как два старых волка, быстро разберетесь, что делать. Подчиняйтесь только графу Ришару, больше никому.

— А мой Альвар, что с ним?

— Если захочет к вам, никто не стает удерживать. Но если предпочтет твердую руку графа Ришара и никакую больше — его право. Как вы понимаете, он за это время уже подрос...

Он поклонился.

— Ваша светлость, с вами все растут быстро.

— Спасибо, граф, за лестный комплимент.

Он покачал головой:

— Это не комплимент, сами знаете. Потому под ваши знамена стремятся рыцари, жаждущие славы и добычи, даже из далекой Ламбертинии.

— Ну что вы, граф!

— Да вы это сами знаете, — сказал он безжалостно. — Я здесь сразу же встретил трех рыцарей из Фарляндии и одного из Вендовера — это наши соседи с востока. Его Величество Барбаросса приказал не препятствовать таким искателям приключений пересекать земли Фоссано и даже помогать по возможности...

— Я люблю Барбароссу, — сказал я с чувством. — Только ему об этом не говорите, обидится.

Он поклонился.

— Сэр Ричард, я по-прежнему считаю некоторые ваши действия противоречащими строгой рыцарской морали, но готов допустить, что государи не могут ее соблюдать так же строго, как и другие... не отягощенные ответственностью за страну рыцари. И потому буду служить вам так же верно и преданно, как своему сюзерену, Его Величеству Барбароссе.

— Прекрасно, — сказал я растроганно, — вельми zelo прекрасно, щас слезу выроню, так вы меня растрогали за самое интимное. И конечно же, вы вслед за турнедцами можете отбыть в Гандерсгейм, но, скажу честно, я бы предпочел, чтобы вы пока задержались здесь ненадолго. Ваша задача: сбросить варваров и пиратов в море, а затем с помощью местных карликовых королевств укрепить побережье. Неплохо бы выстроить там несколько мощных крепостей...

Он наклонил голову, но продолжал слушать, поглядывая исподлобья.

— Скажу честно, — признался я, — у нас впереди неизбежная экспансия на тот проклятый архипелаг, войска которого едва не стерли нас в порошок. Карфаген должен быть разрушен, иначе мы не сможем спать спокойно. Но сперва мы должны укрепить наши берега. Я думаю, вы не только полководец, но сумеете распорядиться и строительством укреплений.

Он поклонился.

— Ваша светлость, благодарю за доверие. Я готов отправиться немедленно.

— После пира, — напомнил я.

Он вскинул брови:

— Меняетесь, сэр Ричард.

— В чем?

— Раньше вы были против всяких пиров и торжеств.

— Увы, — ответил я со вздохом, — приходится идти навстречу пожеланиям рыцарского народа. В оправдание могу сказать, разве что поддаюсь только в таких мелочах.

Он кивнул:

— Верно. У большинства вся жизнь из мелочей.

Глава 10

По случаю великой победы над Людьми Моря полагается пир, но сэр Растер заявил, что мы еще тот не закончили, а объединять два в один не совсем прилично.

— Дорогой друг, сказал я проникновенно, — когда я смотрю на вашу богатырскую статью, я просветленно понимаю, что этих побед у нас будет как комаров над болотом — сопьемся! Потому ничего страшного, что пиры сливаются. Разве наша жизнь не сплошь победы, как у наших недругов — сплошь поражения? Все еще впереди...

Он гордо расправил плечи, взглянул орлом, — в моих глазах восторг, и он проговорил гроыхающе:

— Хорошо, я сам займусь обустройством праздника. А то молодежь ни пить, ни гулять не умеет.

За пир отвечал сэр Растер, это многое значит, а сказано этим еще больше. Мне кажется, гудел не только весь дворец, но и весь Геннегау, а может, и Сен-Мари целиком, так как пределы королевства — так было объявлено — расширились на север еще на несколько со-

тен миль, а это и великая победа, и великие возможности.

Я велел начинать пир без меня, дескать, работаю над обогащением королевства (читай — своих соратников, как все правильно понимают, рыцари — люди простые и честные) и над эффективным освоением (читай — ограблением) покоренных территорий.

Когда наконец вышел из кабинета, услышал внизу:
— Королева!.. Дорогу королеве!

Изумленный — о ком это? — торопливо вышел на внутренний балкон и осторожно взглянул через перила.

Через зал движется целая процессия, во главе шествует глашатай и периодически восклицает с радостным подъемом:

— Королева!.. Королева!

Все, кто попадает на пути, торопливо останавливаются и разворачиваются в ту сторону. За глашатаем медленно и величественно скользит, словно плывет над гладью пола, Хорнегильда, за нею две фрейлины.

Справа и слева от прохода мужчины склоняются в поклоне и застывают в почтительном ожидании, пока Хорнегильда не пройдет мимо, а женщины приседают и тоже замирают, как птицы в гнездах.

Я поморщился: снова что-то не совсем так, как задумывалось. То ли сам глашатай сокращает титул «королева турнира», то ли ему подсказали тихонько, опустив в карман кошель с монетами, но все-таки во дворцах мало что происходит случайно, это я уже усек...

Мелькнула самокритичная мысль, что если все удачно, то это я задумывал, а если облом, то оно как бы само задумывалось, будто не я в обоих случаях. Ладно, пусть пока так, мне вообще-то по фигу, лишь бы другие не делали из этого каких-то далеко идущих выводов.

Хотя да, двум-трем из близких стоит обронить небрежно, что она королева только до ближайшего тур-

мира. Кстати, он не ежегодный, к счастью. Можно хоть через пять лет... нет, рыцари взвоят и взбунтуются, и можно и прям завтра в честь великой победы исторического значения.

Столы накрыты в самом большом зале, это даже не тронный, я даже не знаю, как его использовали раньше. В самом центре двое под веселые выкрики собравшихся дерутся в полных доспехах, показывая боевые приемы, под стенами ходят жонглеры, на ходу подбрасывая булавы, а какой-то силач, опутанный цепями, рвет их как гнилые нитки, просто чудовище...

За главным столом, где два кресла с высокими спинками, именуемые тронами, и еще по два с каждой стороны, пока пусто, одна только Хорнегильда уже на месте, красивая и расточающая улыбки.

Я прошел к помосту, леди Хорнегильда поднялась и присела в поклоне.

— Ваша светлость...

Я сказал сварливо:

— Королева не обязана вот так кланяться.

Она ответила тихо:

— Ваша светлость, не сердитесь. Меня позвали, сказали, что пора. А когда я вошла в зал, возвращаться было уже поздно.

Я отмахнулся:

— Не берите в голову, леди. Это обычные дворцовые интриги.

— Но они касаются меня, — возразила она.

— Да плюньте, — посоветовал я великодушно.

— Ну да, — ответила она тихонько, — а вы будете думать, что это я что-то замышляю.

— Буду, — признался я, — а потом и срублю голову.

Она ахнула:

— Правда?

— А почему нет? — спросил я. — Мужчинам рубят и

за меньшее. А я добр к женщинам и справедлив. Считаю, что они ни в чем не уступают мужчинам, потому к ним те же санкции.

Она вздохнула.

— Даже не знаю, радоваться ли... А можно ли, чтобы только права, но без обязанностей?

— Вы умненькая, — похвалил я. — А где тот доблестный рыцарь, что избрал вас королевой?

— Королевой турнира, — уточнила она.

— Королевой турнира, — согласился я. — По идее, он должен бы добиваться вашего внимания в уплату за такой выбор!

— Видимо, — произнесла она задумчиво, — он истинный рыцарь. Или же, что вернее, избрал меня, чтобы насолить той, чьего внимания добивается все это время.

Слуга подошел с кувшином и собирался наполнить вином чашу Хорнегильды, но я отобрал у него сосуд со словами:

— Красивым женщинам прислуживают даже императоры.

Этот жест не остался незамеченным за столами, вообще мы на виду у всех, недаром же на помосте заорали и начали подниматься с кубками в руках, а сэр Растер, от которого я ждал громогласного тоста насчет выпьем же за великую победу, вдруг провозгласил:

— За королеву красоты, леди Хорнегильду!

За столами радостно заревели:

— За красоту!

— За Хорнегильду!

— За счастье!

— Да здравствует!

— Так выпьем же...

Я благодушно улыбался, поднимал кубок, отхлебывал чуток, я не сэр Растер, что ухитряется выпивать с

каждым по кубку, как только и влезает. Барон Альбрехт время от времени исчезал из-за стола, но ему можно, это я на виду, надо улыбаться и кивать милостиво, а рядом улыбается и так же мило наклоняет золотую головку в золотой короне леди Хорнегильда.

На противоположном конце зала распахнулась дверь, слуги указали на меня пальцами молодому человеку в легкой одежде, поверх которой кольчужка с короткими рукавами.

Юноша заспешил через зал в мою сторону, остановился в двух шагах от помоста и опустил на колено.

Я посмотрел на него с неудовольствием.

— Что такое?

Он поднял голову и уставился на меня расширенными в радостном удивлении глазами.

— Ваша светлость! Я послан гонцом...

В зале стихли разговоры, все начали поворачивать головы и прислушиваться.

Я спросил резко:

— Гонец? От кого?

— Из Гандерсгейма, ваша светлость, — пролепетал он, испуганный моим недовольством. — От графа Рихара!

Я засопел злобно, огляделся с таким видом, что вот бы поубивал всех, что почему-то оказались со мной в одном помещении, наконец сказал резко:

— Ладно, говори здесь, раз уж пришел сюда, а не в мои покои, как положено!

Гонец вздрогнул, на лице отразился испуг.

— Простите, ваша светлость, — пролепетал он, — но я простой воин, придворным манерам не обучен... Я не знал... Я думал, так быстрее...

Все за столами замерли, ожидая вспышку гнева или какого-то иного выражения недовольства, я в самом

деле подвигал бровями, сжал челюсти так, чтоб все видели, как мощно заиграли желваки.

— Ладно уж, — сказал я раздраженно и весьма вынужденно, — говори... а то потом все переврут.

Он поднялся и еще раз поклонившись, сказал громко:

— Граф Ришар велел сообщить, что захвачена крепость в королевстве Иншалон! Это самая крупная и хорошо защищенная, к тому же находится у единственной переправы через реку Гардза. Сражение было ожесточенным, варвары дрались отчаянно, в этой битве особенно отличился герцог Готфрид с его брабандцами и примкнувшими к нему отрядами рыцарей из Сен-Мари. Он лично повел рыцарскую конницу в атаку, опрокинул и смял центр варварского войска, пробился к их знамени и собственноручно срубил древко...

Лица гостей светлели, в глазах появился блеск, лорды Сен-Мари горделиво расправляют плечи и посматривают на всех так, словно это они лично пробились, срубили и захватили.

Гонец взглянул на меня с опаской, я кивнул, он продолжил:

— К варварам пришла помощь со стороны соседних племен, однако герцог Готфрид стойко выдержал их натиск и повел свое войско в контратаку. Варвары бежали, герцог их преследовал и рубил нещадно. Два десятка миль были устланы телами павших варваров так густо, что некуда было ступить конскому копыту, а кровь бежала ручьями!..

За столами послышались одобрительные выкрики, кто-то захлопал в ладоши.

Гонец перевел дыхание и сказал:

— Граф Ришар предлагал герцогу Готфриду возглавить все крестоносное войско, но благородный герцог учтиво отклонил просьбу графа Ришара. Надо сказать, все благородные рыцари как Сен-Мари, так и Армлан-

дии очень высоко ставят воинское искусство, благородство и умение руководить большими массами людей герцога Готфрида!.. Однако герцог оставался непреклонен и только подтвердил еще раз, что не остановится, пока не вернет Гандерсгейм в лоно королевства Сен-Мари!

Гости довольно вскрикивали, аплодисменты слышались в разных концах зала, остальные стучали ножами по столу и выкрикивали здравицы в честь герцога Готфрида.

Я поднял руку, крики постепенно умолкли.

— Новости хорошие, — сказал я. — Крепость Иншалон... это уже на той половине Гандерсгейма. Соппротивление варваров будет вот-вот сломлено. Так выпьем же за победу!

За столами поднялись с кубками в руках, хотя я перехватил один-два недовольных или недоумевающих взгляда: почтительный сын должен бы особо отметить победу своего отца, но выпили все с азартом, орали и хлопали чашами по столу.

Я подозвал одного из стражей, тот прибежал с выражением готовности умереть за меня в глазах.

— Отведи, — велел я, — гонца в людскую. Пусть покормят и дадут вина. Утром он отправится обратно с письмом к графу Ришару.

Они исчезли, барон Альбрехт наклонился к моему уху.

— Не беспокойтесь, его отведут не в людскую.

Глава 11

Поздно ночью, когда не спят только воры, шлюхи и государственные деятели, я расстелил карту на столе и подумал, что завтра же велю сделать помасштабнее, чтобы в самом деле на всю стену, и там, у нее, я, как

отец народа, буду мудро размышлять, как сделать всех этих гадов счастливыми.

Сэр Альбрехт и Куно Крумпфельд явились одновременно, я впервые подумал, что они даже в одежде и манере поведения чем-то похожи, хотя Куно предпочитает серые тона, сам выглядит серо, держится всегда бесстрастно, лицо серое и глаза оловянные, а барон в дорогом и тщательно подогнанном по фигуре жипоне ярко-синего цвета, брюки из тонко выделанной кожи коричневого цвета, блестят и похрустывают, как новенькие сапоги, а сами сапоги — верх сапожного мастерства, с приподнятыми носками и золотыми шпорами, что молча напоминают: это, дескать, Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и того самого Ротвайля.

Я повел дланью и сказал в нетерпении:

— Не до церемоний, садитесь. Что с гонцом?

Барон Альбрехт произнес негромко:

— Как и планировали, вывели через тайный ход, дали свежего коня и отправили в Гандерсгейм.

— Одного?

— Проводят пару миль, чтобы никто из здешних вельмож не начал задавать неожиданные вопросы.

Куно добавил:

— А дальше сам отыщет дорогу в земли, откуда якобы прибыл. Что-то нужно еще в развитие темы?

— Да, — сказал я. — Многое. Продолжайте выпячивать роль герцога Готфрида в завоевании Гандерсгейма. Хотя общее командование у графа Ришара, у него громадный опыт сражений, но герцог продолжает выказывать чудеса храбрости и доблести... об этом надо говорить еще чаще. Он в самом деле выказывает, тут врать не придется, так и лезет впереди своих отрядов в бой, дабы личным примером...

Куно кивнул.

— Сделаем, — сказал он строго деловым тоном. — Это хорошо, что вы хотите сделать приятное своему отцу.

Я поморщился.

— Куно, ты всерьез?

Он спросил встревоженно:

— Я что-то не так сказал?

— Куно, — сказал я скучающим голосом, — я не настолько мелок, хотя да, бываю... но в данном случае делаю не столь приятное, как нужное.

— Ваша светлость?

— Не себе, — пояснил я сварливо, — даже не герцогу.

— Королевству? — спросил он. — Да, конечно, вы все ему отдаете, ваша светлость, это все заметили...

— Умолкни, — прервал я. — Неужели не понял? Врешь...

Он поклонился, продолжая на всякий случай сохранять выражение полнейшего непонимания, но уже принял к исполнению и, вижу, придумывает, как выполнить приказ получше.

— Ваша светлость...

— Дорогой барон, — сказал я Альбрехту. — А вы со своей стороны рассказывайте, насколько герцог Готфрид добр и милосерден к простому народу. Ага, еще о том, насколько процветает под его управлением Брабант... рассказывайте так, чтобы каждый думал «Эх, если бы он правил и в Геннегау!». Врать особо не придется, у него в самом деле крестьяне сытые и богатые, коровы толстые, а дома у всех добротные, никто не живет в землянках... Это я сам видел, свидетельствую. Еще не забудьте повторять, что он справедлив и блюдет старые законы. Народу это нравится.

— А какие старые законы?

Я отмахнулся:

— Да кто их помнит? Тут главное слово «старые».

Это как бы синоним надежности, проверенности, устойчивости.

Куно поклонился.

— Все сделаем. Что-то еще?

Я кивнул:

— Да, хорошо бы еще. Но что ты можешь предложить сам?

Он сказал медленно:

— Я мог бы говорить, что он истинный сен-маринец, а не пришелец из-за Хребта...

Я поморщился.

— Это очевидно, об этом говорить не стоит. Лучше поройся в старых летописях и найди упоминание, что род герцога намного древнее рода Кейдана и в самом деле является веточкой от Древних Королей.

— Ваша светлость, — вскрикнул он, — как я такое найду?

Я покачал головой:

— Что у меня за такие помощники... прямоглядящие? Тоже мне, сен-маринец! Спросите у барона Альбрехта, он подскажет, как искать.

Куно виновато поклонился.

— Виноват, ваша светлость... Я, конечно, могу, просто не думал, что и вы, гм... настолько... прямолинейны. А так да, конечно же, лично наткнулся на эти старинные записи в древних монастырских библиотеках и, радостно удивленный, прибегу к сэру Жерару, торопливо расскажу ему и попрошу, чтобы он допустил с этой новостью к вам.

— Вот и хорошо, — одобрил я, — рад, что у нас взаимопонимание все усиливается. Теперь последнее. Надо пустить устойчивый слух, что за трон Сен-Мари идет борьба между тремя силами: королем Кейданом, герцогом Готфридом и мною. Таким образом партия герцога получит добавочную поддержку со стороны тех, кто не

хотел бы видеть во главе королевства совсем уж иноземца.

Барон взглянул на меня острым как шило взглядом.

— Полагаете, таких много?

— Немало, — ответил я. — Очень даже немало. Все знатные семьи Сен-Мари все-таки уязвлены правлением пришельцев. И хотя мы открыли для них северные королевства по ту сторону Великого Хребта, хотя начинаем протаптывать дорогу в океан... для рыцарства личная выгода не есть главное.

Он поморщился.

— Но третья сила... гм... вообще не сила.

— Кейдан? — переспросил я. — На его стороне только легитимность, а этого маловато, потому Его Величеству можно даже чуточку помочь... но незаметно. Чтобы он отставал в предвыборной гонке не так уж явно. Основная борьба должна развернуться между партией герцога Готфрида и партией этого наглого выскочки из-за Хребта.

— А если партия этого наглого, — сказал барон с язвительной осторожностью, — даже пренаглого, как бы я сказал, чтоб оказаться ближе к правде, победит?

Я пожал плечами.

— У меня еще есть возможность отказаться от трона в пользу родителя, но, думаю, до этого не дойдет. Герцог Готфрид должен получить трон не благодаря моей милости, а потому, что так потребовало большинство.

Барон рассматривал меня с откровенной иронией.

— Знаете, сэръ Ричард, а ведь кто-то на моем месте решил бы, что проявляете редкостное благородство!

— В самом деле?

— Ну да, как же, отказываетесь от трона...

— А что не так?

Он криво улыбнулся.

— Во⁴первых, у вас будет та же свобода рук, что и

раньше, но ответственность можно валить на короля, а вы как бы мимо шли, ничего не ломали, никого не насиловали. К тому же вам не терпится поскорее настроить кораблей и двинуться во главе эскадры... на острова? Или дальше?

— Барон, — сказал я с предостережением в голосе, — не залетайте так далеко вперед. А то я решу, что вы не крупный государственный деятель, а утопист-мечтатель. Сейчас мы здесь, на континенте, и все еще разгребаем дерьмо. Вон Куно это видит и потому всегда такой печальный, а ладони трет о штаны.

Куно вздрогнул, улыбнулся почти застенчиво.

— Ваша светлость, у меня меньше вашей юной мощи, потому больше вижу трудностей на пути. Ужасаюсь, но... верю, что наглые, как вы говорите, проломают любые стены...

— Это барон Альбрехт говорит про наглых, — уточнил я. — Но мы-то знаем, что я мудер и предусмотрителен... в ряде случаев.

Сегодня сэр Жерар вошел вроде бы невозмутимый, как и всегда, но я чувствую, когда он благоволит к посетителям, а когда сам вышвыривал бы их в окна, если бы рыцарская архитектура позволяла такие вполне понятные действия.

Сейчас он появился с таким видом, словно ко мне просится на прием аббат монастыря прокаженных с толпой таких же монахов.

— Ну? — спросил я с интересом.

Он буркнул:

— Какие-то лавочники. Я бы их в шею, но уверяют, что с вами знакомы. Если врут, можно их повесить?

— Конечно, — согласился я. — Но сперва проверим... Пусть войдут.

Он вышел, а когда дверь распахнулась снова, в каби-

нет шагнул мастер Пауэр, мастер Лоренс Агендер, еще несколько глав гильдий. Все в настолько дорогих шелках, что не всякий знатный лорд может себе такое позволить, на груди каждого скромно позвякивают массивные золотые цепи с драгоценными камнями, что говорит об их ранге. Все тарасконцы, это с ними я некогда замышлял переворот в городе.

Они склонились в поклоне, я поднялся из-за стола и сказал весело:

— Заходите и располагайтесь, дорогие друзья! Мы давно знакомы, так что можем без церемоний и прелюдий. Что привело вас ко мне?

Они рассаживались очень осторожно, хоть и с достоинством, которого вроде бы не ждешь от людей простого звания, но недостаток и уважение подчиненных постепенно заставляют распрямлять спину и смотреть гордо.

Первым заговорил старейшина гильдии оружейников, массивный и крупный, похожий на грубо отесанный валун, лицо суровое и в шрамах, весь настолько кряжист и жилист, что за ювелира его точно никто не примет.

— Нам повезло, — произнес он почтительно, — как редко кому. Вы были выбраны нашим бургграфом, уже тогда доказав, что вы настоящий правитель, который заботится о людях.

— Хорошее было время, — согласился я. — У меня не было такого груза, как все королевство.

Голос мой звучал нетерпеливо, а намек ясен: не было груза, и времени было побольше, и оружейник все понял, скомкал рвущиеся наверх воспоминания и сказал деловито:

— Ваша светлость, вы начали строить флот...

Он умолк, подбирая слова, я пришел на помощь:

— Думаю, вы его рассмотрели хорошо, все-таки это под стенами Тараскона.

Он позволил себе легкую улыбку.

— Ваша светлость, весь город ходит смотреть и ахать! Как на праздник какой прут. Иногда столько народу толпится, что плотники ругаются, работать им мешают.

— Так и задумано, — сказал я гордо. — Пусть проникаются идеями нового мира, весьма дерзкого и амбициозного. Как вам сами корабли?

Он проговорил осторожно:

— О них с утра до вечера судачит весь город.

Я отмахнулся:

— Не скромничайте, о них говорит все королевство. И даже за его пределами, уверяю вас. Итак?

Он вздохнул и сказал решительно, словно прыгал в холодную воду с высокого берега:

— Мы посоветовались и решили, что дело это хоть и очень рисковое, но обещает быть прибыльным...

Он сделал паузу и посмотрел на меня испытующе. Все остальные вовсе не спускают с меня глаз, но хранят молчание и даже не двигаются.

— Не прибыльное, а суперприбыльное, — уточнил я. — Кроме архипелага, который нам уже известен, в океане множество неоткрытых стран и земель. Уж молчу, что можно вести выгодный торг с расположенным рядом королевством Вестготия... Но это так, мелкое уточнение. Я слушаю вас.

Он сказал несколько напряженным голосом:

— У нас появились некие мысли и предложения... Но о них лучше расскажет мастер Пауэр, если позволите.

— Почему нет? — ответил я. — О мудрости мастера Пауэра я самого высокого мнения. Слушаю вас, мастер Пауэр!

Мастер Пауэр поднялся, отвесил неуклюжий поклон.

— Ваша светлость, нам хотелось бы принять участие в вашем начинании, что принесет вам славу... а нам может принести прибыль.

Я сказал довольным голосом:

— Инвестиции?.. Хорошее дело, а то я совсем опустошил бюджет. В какой форме хотите принять участие? И в какой форме готовы?

Он сказал осторожно:

— Чтобы меньше было возможностей для споров и взаимных обвинений, как это всегда бывает потом... мы хотели бы строить один-два корабля собственными силами. И сами, понятно, решать, какие товары и сколько возьмем на борт.

— Ого, — сказал я, — у вас есть корабельные инженеры?

Мастер Пауэр сказал скромно:

— Найдем.

А мастер Лоренс, более прагматичный, сказал осторожно:

— Обучим. В конце концов, каравеллы находились на виду. С них сняли чертежи, облазили все, обнюхали каждую доску. И не только мы.

— Тогда все прекрасно, — сказал я с облегчением. — Я только рад, что все будет под вашим контролем. Скажу честно, я доверяю частному капиталу даже больше, чем преданнейшим патриотам. Те могут изменить взгляды, а вот стремление к прибыли ничто не изменит! Так что пока идет речь лишь о выделении вам части бухты под временную аренду? За приемлемую оплату?

Они переглянулись, на лице мастера Агендера проступило беспокойство, кое у кого вообще физиономии вытянулись.

Мастер Пауэр сказал виновато:

— Да, конечно, хотя как-то об этом не подумали.

— Почему? — удивился я.

— Раньше бухта была фактически ничейная, — объяснил он. — Но мы да, помним, вы купили все права у госпожи Амелии, которой принадлежали земли вокруг бухты...

Мастер Лоренс сказал с великим уважением:

— Ваша светлость, мы преклоняемся перед вашей деловой хваткой! Вы уже тогда все рассчитали и купили... или приняли в дар за оказанные услуги этот вроде бы никчемный клочок земли!

Мастер Пауэр добавил:

— Мы счастливы, ваша светлость, что вы управляете этими землями и королевством. Мы верим, что вы добьетесь многого. И мы вместе с вами.

Я кивнул, сказал негромко:

— Вы должны догадываться, что буду стараться опираться больше на вас и на города, чем на рыцарство, которое люблю и уважаю! И вы понимаете, почему у меня такая политика... А теперь, господа, вы можете перейти к моему заместителю по хозяйственной части, Куно Крumpfелду. Детали можете обсудить с ним.

Они сразу увяли, а мастер Лоренс, самый искренний, сказал со вздохом:

— Куно уполномочен решать и такое?

Я улыбнулся.

— Вижу, вы с ним уже знакомы. Уверен, найдете общий язык. Он переговорщик жесткий, но понимает проблемы, задачи и потому пойдет вам навстречу... хоть и не даст сесть себе или мне на голову.

Они поднимались так же степенно, хотя выходили несколько быстрее, чем зашли, а опытному глазу это говорит многое. Едва за ними закрылась дверь, я вызвал сэра Жерара, он появился моментально, еще не уверенный, не зря ли пропустил их вообще во дворец.

— Срочно, — велел я, — сообщите здесь в Геннегау, а также в другие крупные города... а лучше вообще по

стране. Дескать, торговая гильдия Тараскона взялась строить два океанских корабля!

Он кивнул.

— Сегодня же сделаю. Могу я задать вопрос?

Я поморщился.

— Да просто задавай!

— А зачем, — поинтересовался он, — распространять такой слух?

Я тяжело вздохнул.

— Если бы можно было, я весь флот перекинул бы на плечи частного предпринимательства. Они построят и быстрее, и надежнее, и вообще... Так что если в других городах купцы спохватятся и начнут выкупать у меня недостроенные корабли, я только скажу с благодарностью: «Слава тебе, господи, наконец-то пришел частный капитал!»

Он пробормотал:

— Все будет сделано, ваша светлость, в точности. Хотя многие не поймут, зачем вы это важнейшее дело передаете в руки торговцев и глав гильдий!

— Разве я все передаю? — спросил я. — Сэр Жерар, вы разве слышали о том, что я намерен приватизировать армию? Или военный флот? А вот торговый, да, пусть сами занимаются... Все равно буду стричь их за крышевание.

— Ваша светлость?

— Крышеванием в государственных размерах именуются взимание налогов, — пояснил я. — Все, выполняйте!

Глава 12

После нападения пиратов, точнее — после их разгрома, строительство флота переросло в народную, да же во всенародную стройку. Стройку века, можно сказать. Как только стало ясно, что вся эта гигантская ар-

мья явилась только затем, чтобы уничтожить порт и корабли, даже на Геннегау эти сволочи почти не обращали внимания, негодование и патриотизм достигли такого накала, что в гавань являлись добровольцы и заявляли, что готовы делать любую работу только за еду, но только чтоб корабли строили быстрее.

Теперь, когда стало ясно, что больше пираты не сунутся, а если придут, то к тому времени будет мощный флот, я велел построить еще доки, благо в гавани места много, и благодаря народному энтузиазму заложили еще десяток кораблей.

Пираты потерпели настолько сокрушительное поражение, что повторят набег очень даже не скоро, если вообще решатся. К тому же воинские части графа Рейнфельса взяли бухту под охрану, обе башни взялись отстраивать как можно быстрее, а на верхних площадках решили установить катапульты еще более мощные, чтобы через узкое горлышко входа уж точно никто не прошел.

Вскоре мне доложили, что герцог Сулливан передал управление оставшимися у него войсками графу Рейнфельсу и вернулся в подземную тюрьму Башни Смерти в Геннегау.

Барон Альбрехт сказал со вздохом:

— Он вообще-то показал себя очень даже... Я бы сказал, своей самоотверженностью спас ту часть бухты, где строятся корабли.

Я буркнул:

— Пиратов и так бы отогнали.

— Но корабли пришлось бы строить заново.

— Пришлось бы, — согласился я. — И что вы предлагаете, барон?

Он буркнул:

— Ничего, ваша светлость. Просто указываю на неприятный момент...

— Что ему не дали умереть красиво? — спросил я. — Ну как я мог позволить такое, если он победно скалил зубы, мол, ага, не удалось тебя меня четвертовать?..

Он вздохнул.

— Что, самолюбие разыграло? Ну, а теперь как?

— А как еще? — спросил я зло. — Он осужден на казнь. Был отпущен под честное слово для выполнения одной важной миссии. Она выполнена, он вернулся. Что еще? Теперь должна произойти отсроченная казнь.

Он поерзал в кресле, сердито ухватил кубок, но там пусто, резко отодвинул.

— Формально все верно. Но разве нельзя теперь помиловать?

Я пожал плечами.

— Он все еще не признает моей власти.

— А защита от пиратов?

— Он защищал владения короля Кейдана, — напомнил я. — Как его верный подданный. Герцог Вирланд, кстати, тоже так и не признал меня, но с тем, думаю, будет проще.

— В чем?

— Он не такой идеалист, — пояснил я. — Женат, понимаете? А Сулливан еще холост, крылья не сгорели... Вирланд хоть и не признает меня юридически, но признает по факту и будет жить по нашим законам. Кстати, он уже жил по нашим в своих землях и даже в крепости Аманье. Недвусмысленный сигнал мне: дескать, я принимаю твою власть, но ты не позорь меня, требуя публичного отречения от Его Величества Кейдана! Некое молчаливое соглашение, когда ни одна из сторон не только ничего не подписывает, но даже не произносит вслух! И, конечно, никто не называет вещи своими именами.

Он подумал, лицо стало еще серьезнее.

— Вообще-то такое грозит осложнениями в будущем.

— А я такой дурак, — огрызнулся я, — вот не понимаю, хоть кол на голове теши? Барон, некоторые вещи нужно выстраивать сразу и надолго, а иные вот так, лишь бы сейчас погасить пожар.

Он кивнул.

— Хорошо-хорошо. Так что с Сулливаном?

Я ответил раздраженно:

— Барон, у нас в руках куча расползающихся земель, а вы мне полчаса твердите про одного человека, да еще преступника?..

Он буркнул:

— Ну да, хоть и не полчаса...

Я рыкнул:

— Если вы не в состоянии ни о чем больше думать, убирайтесь к черту! А если вам все еще хоть чуточку дорого то, к чему мы стремимся, то вон туда смотрите, на карту! И думайте, думайте!

Из его груди вырвался тяжелейший вздох, а голос был такой, словно донесся из глубокого подземелья:

— Да, конечно, ваша светлость. Земель нахвалили многовато... и уже не отдать обратно без потери лица...

— А что, хотелось бы?

Он покачал головой:

— Нет уж...

— Ну вот идите и работайте, — огрызнулся я. — Что, один я пахать должен, а вы по пирам да по гарпиям?..

Он взглянул с укором, тяжело вздохнул и ушел, но на этом не закончилось, утром другого дня явился начальник дворцовой тюрьмы и осторожно спросил, как быть с заключенным Сулливаном.

Я посмотрел на него зверем.

— А что вам непонятно? Он приговорен?.. Приговорен! Так исполняйте закон! Ваша совесть в любом случае чиста.

Он отклонялся и отбыл, но вздыхал и кряхтел на пу-

ти к двери. Сэр Жерар распахнул перед ним дверь, на меня бросил хмурый взгляд, но я рассматривал карту, и он тоже вышел, не промолвив ни слова.

Преступников попроще казнят во дворе тюрьмы, более знатных — на городской площади, а когда прошел слух, что в пятницу будет четвертован герцог Сулливан, то даже из соседних городов приехали лорды.

Я вышел с бумагами в руках, что требуют немедленного ответа, на балкон, с далекой колокольни донеслись тяжелые гудящие звуки, настолько неторопливые, словно распространяются не в воздухе, а в воде или тягучем меде.

У меня в кабинете барон Альбрехт и сэр Растер, последний рассказывал, как собирается воспитывать молодежь в подлинно рыцарском духе, чтоб ни пятнышка на совести, он пошел следом, зевнул и спросил за спиной:

— По ком звонит колокол?

С моего языка чуть не сорвалось: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит о тебе», но здесь, к счастью, еще не пришли к этой упаднической истине, я подумал и сказал:

— Кого-то казнить будут. Сулливана на сегодня назначили?

Он охнул:

— Ой, на сегодня!.. Надо позавтракать да пойти посмотреть. Он такой здоровый мужик, из него много кишок навывтаскивают!..

Из кабинета подал голос барон Альбрехт:

— Там жаровню наверняка возьмут побольше. И уже дровишки горят вовсю, готовят угольки...

— Не пропустим, — заявил Растер бодро, — но сперва поем.

— И выпьем? — спросил барон ехидно.

Сэр Растер прогудел:

— Ну, без этого и еда не еда...

Второй раз колокол зазвонит, насколько я помню, когда свершится казнь, для этого рядом с палачом ставят клетку с почтовым голубем. Он выпускает птичку, та летит обратно, и звонарь ударит в колокол снова.

Погода на редкость удачная: полное безветрие, даже перья на шляпах не колышутся, тепло, но не жарко, ласковое солнышко, потому на площади уже с утра множество народу.

Из окон окружающих площадь домов отовсюду высовываются головы, народ забрался даже на крыши, рискуя свалиться и сломать шею.

Помост новенький, покрыт красным бархатом, одна виселица, два стола: один для казнимого, другой под жаровней, где уже полыхают поленья, взметывая почти невидимый в ярких лучах солнца язык пламени.

Палач в красном балахоне с прорезями для глаз, но толстые мускулистые руки голые, в руках огромный топор с сильно оттянутыми в стороны концами, так что лезвие похоже на молодой месяц; в сторонке, словно брезгая подходить к такому человеку, священник с Библией в руках; глашатай, что прокричит, кого казнят и за что, а также два помощника палача, ибо при четвертовании ему понадобятся ассистенты. У края помоста чернеет обитый бархатом гроб, изготовленный по мерке Сулливана.

Вокруг помоста собрались самые именитые рыцари Сен-Мари, хмурые и оглядывающиеся на всех неприветливо и злобно.

Народ роптал, шли разговоры, что если вот так всем разом навалиться, то сомнут и рыцарей, а помост вообще разнесут в щепки. Закон законом, но все-таки этот богатырь чуть ли не в одиночку остановил нападение пиратов, как можно не проявить снисхождение?

Другие говорили, что если напереть, то рыцари сами первыми попрут на помост и разнесут его железными телами, они за Сулливана, видели, как доблестно он сражался, все негодуют, но подчиняются закону...

Предприимчивые людишки возвели на площади обширные подмости, с которых можно наблюдать за казнью во всех подробностях. Народу взобралось столько, что вот-вот рухнет, уже и так все трещит и покачивается.

Я посмотрел на них весьма неодобрительно.

— Рисковые люди...

— Могут сломать шею, — согласился сэр Растер, — если такое вот рухнет..

— Я говорю про рискованное предпринимательство, — уточнил я, — о построивших эти трибуны. Сколько бы ни взяли за эти места, они не должны остаться и смотреть на казнь..

Сэр Растер не понял, но кивнул с глубокомысленным видом, его светлость лучше знает, что случится, у него работа такая, надо многое предвидеть.

Толпа уже окружила помост так плотно, что протиснуться телеге с осужденным будет непросто, но, к счастью, для этой цели на пути к толпе ждет отряд могучих стражей в железе и в рогатых шлемах с короткими копиями в руках.

Послышались крики:

— Везут, везут!

— Вон на конях...

— Нет, его в повозке...

Из переулка выехал отряд конной стражи, в руках оголенные мечи, а следом открытая телега. Герцога везут в ней, два ряда суровых стражей в доспехах сопровождают процессию, выстроившись с обеих сторон. Следом отряд тяжелой панцирной пехоты, все огром-

ные, суровые, смотрят прямо перед собой, но чувствуется, что свернут шею, как цыпленку любому, кто нарушит дистанцию и подбежит к телеге.

Сулливану помогли выбраться из телеги, железные браслеты и цепи перед казнью заменили на веревки, чтобы мог сложить ладони для молитвы, но все равно они стесняют движения, а на ступеньки едва поднялся. Священник сразу же перекрестил его и дал поцеловать Библию, палач тем временем снял веревки и указал на свисающую петлю.

Сулливан кивнул, лицо спокойное и чуточку надменное, сделал шаг, повернулся, чтобы лицом к той стороне, где большинство собравшихся и двор на той стороне, понимает, что я из окна или с балкона наблюдаю...

С противоположного конца толпы раздались злые окрики, оттуда пробивается отряд закованных в доспехи рыцарей. В середине один из богатырей несет на плече укрытого длинным черным плащом человека — то ли монаха, то ли священника.

Народ сразу заволновался, многие закричали:

— Дорогу!

— Дайте дорогу!

— Расступитесь же!

Никто еще не знал, почему эти люди протискиваются к помосту, но всяк против казни отличившегося в боях опального герцога, и любая задержка вселяет смутную надежду.

Рыцари подошли прямо к помосту, а тот, что с седоком на плечах, ссадил его на помост. Неизвестный сорвал с себя плащ и отшвырнул в сторону красивым жестом. Вся толпа ахнула как один человек: женщина в белоснежном свадебном платье с высокой прической

золотых волос, переплетенных жемчужными нитями, повернулась к оторопевшему Сулливану, набросила ему на шею свой шарф и крикнула срывающимся девичьим голосом, в котором звенели слезы:

— Отныне он принадлежит мне!

Все увидели, как по нежному лицу из прекрасных дивных и безумно светлых глаз безостановочно катятся крупные жемчужины слез. Сулливан не двигался, слишком ошеломленный, но толпа заревела в восторге, крик поднялся такой, что со всех крыш вокруг площади взлетели перепуганные птицы и начали кружить в страхе.

— Спасен!

— Он спасен!

— Слава!

Кто-то из рыцарей прокричал мощно:

— Хвала леди Хорнегильде, королеве турнира!

Его слышали только те, кто стоит вплотную, но они тоже начали орать, и вскоре уже вся толпа выкрикивала:

— Хорнегильда! Хорнегильда!.. Хорнегильда!

А потом слышались крики с другого конца площади:

— В собор!.. К отцу Дитриху!..

— В собор!

Дальше я не стал смотреть, взрыв народного энтузиазма понятен, только малость понаблюдав, как разносят помост, за места на котором заплатили деньги, а казнь не состоялась.

Сэр Растер тоже это усмотрел, посмотрел на меня в удивлении.

— Вы и это предвидели?

— Я такой, — ответил я скромно, — провидец как бы вроде.

Глава 13

Сулливана и леди Хорнегильду отец Дитрих обручил под ликующие вопли в церкви, несмотря на призывы соблюдать тишину в святых стенах, однако повенчать сможет только тогда, как он сказал строго, когда под венец поведет невесту ее отец. Этот старинный обычай выхватывания осужденного к казни будет признан церковью, если герцог и королева турнира при свидетелях скажут, что вступают в брак добровольно и без принуждения.

Барон Альбрехт поглядывал на меня с понятным укором, я делал вид, что не понимаю, наконец он сказал:

— Ваша светлость, а что дальше?

— Строим флот, — ответил я. — Продолжаем.

Он поморщился.

— Ваша светлость, вы ж понимаете, о чем я.

— О чем? — спросил я.

Он тяжело вздохнул.

— О герцоге Сулливане, конечно. Он так и не признал вас законным властителем! Вы для него незаконный узурпатор, против которого сам Господь велит и даже разрешает при всей своей непонятной нам милости.

Я пожал плечами.

— Барон, что вы так о Сулливане? Казнить его можно в любой момент.

— Как? — спросил он.

— Да вот так, — ответил я хладнокровно. — Во-первых, отец Хорнегильды может отказаться выдать ее за Сулливана. Во-вторых, сам Сулливан не очень-то горит из одной петли сунуть голову в другую.

— Ваша светлость?

Я поморщился.

— Вы уверены, что Сулливан обрадовался?

— Ну, — проговорил он уже колеблющимся голо-

сом, — теперь не уверен, однако... все-таки лучше быть женатым... да еще на королеве красоты!.. чем смотреть как тебе отрезают мошонку и выдирают внутренности!

Я сказал с презрением:

— Прагматик!.. Как вам не стыдно, барон?.. Настоящий рыцарь лучше позволит выдрать себе внутренности и будет смотреть бестрепетно, как их сжигают на жаровне, чем женится не на той женщине, что запала в сердце!

— Да? — спросил он с сомнением и посмотрел очень пытливо, стараясь понять, насколько я серьезен и величав, но по мне хрен что угадаешь, если я вот так слежу за собой. — Тогда да, конечно, я так глубоко в настоящесть не опускался, у меня рост не позволяет, утонуть могу... Я больше по верхам, как и некоторые из деятелей, которых вроде бы знал, а оказывается, не так уж и совсем...

— Вот-вот, — сказал я, — начинается ваш процесс стремительного падения из рыцаря в... стыдно сказать!.. интеллигента, который ни в чем не уверен. И чем больше амбивалентности, тем выше... вернее, глыбже интеллигентность. Барон, мы не должны вести себя, как интеллигентная сороконожка, у которой спросили, с какой ноги начинается бег! Мы крокодилили, крокодилили и будем крокодилить, ибо сей великий зверь всегда двигается только вперед и даже не оглядывается.

Он поклонился.

— Постараюсь насчет крокодиления запомнить. Как государственной политики.

— Только не переусердствуйте, — предупредил я.

— Ваша светлость?

— Лозунги, — объяснил я, — это лозунги. Мы их изготавливаем, но это не значит, что сами должны это... есть. Оглядываться и даже отступать бывает необходимо, чтобы разогнаться перед прыжком. Насчет Сулли-

вана придумать что-то вообще трудно, он слишком негибок. Да, признаюсь, я уговорил леди Хорнегильду поступить именно так, но я не уверен, что сделал правильно. Политик бы... не вмешивался. Нет человека — нет проблемы. Но теперь Сулливан спасен красиво и романтично, что добавляет ему популярности. А мне это надо?

— Не надо, — согласился он, — но что сделано, то сделано. Теперь надо решить, что делать дальше. Сулливан сейчас популярен, за ним пойдут не только его отряды, уже переполовиненные пиратами, но и герцог Вирланд Зальский.

Он уточнил:

— Этот тоже не принес вам присягу!

— Вот-вот, — согласился я, — оставить такое без внимания... это же и другие местные могут решить, что им тоже позволено! Потому Сулливана нужно... устранить.

Он тяжело вздохнул.

— Сулливан так отличился при защите гавани и города... Народ его боготворит, не в обиду вашей светлости будь сказано.

— В обиду, — ответил я сварливо. — Конечно, обидно! Боготворить должны только меня, разве не ясно?... И вообще... разве непонятно, что оставить его охранять порт мы не можем, слишком уж... ответственное место. Флот — это все, это наша надежда.

Он спросил осторожно:

— Значит...

— Значит, — ответил я, — убираем. Совсем! Начисто. Есть места, где его таланты махать мечом и принимать удары по-прежнему востребованы. Например, граница с Варт Генцем.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Я что-то не понял, — проговорил он озабоченно. — Разве Варт Генц теперь не самые близкие друзья?

— Ближе не бывает, — заверил я. — Но там сейчас выбрали нового короля. Даже не короля, а вообще новую династию... Ведущие партии идут ноздря в ноздю, а это как бы не весьма зело. Даже чревато боком. И хотя я со всеми в дружбе — политик же! — но, знаете ли... что-то стал вроде пугливой вороны, что дует и на воду, дура какая-то. В общем, подберу для герцога Сулливана местечко на самом краю света, а именно таким выглядит отсюда Турнедо.

Он пробормотал:

— Там, конечно, он уже не будет опасен. Но... согласится?

— Имеет полное право отказаться, — пояснил я. — В нашем замечательном демократическом и полном гуманизма обществе, полном любви к человеку и внимания к его повседневным нуждам, я всегда даю свободу выбора: подчиниться или подняться на эшафот.

— Мне почему-то кажется, — пробормотал он, — в этом трудном выборе, ну да, очень сложном, он выберет тот, который по своей исключительной и просто умопомрачительной доброте предлагает ваша светлость.

— Надеюсь на это, — согласился я. — Хотя кто знает, рыцарь все-таки до мозга костей... К тому же он теперь так внезапно женат.

— Может, — предположил он, — потому и согласится? Оставит жену на хозяйстве здесь, а сам восхочет отдохнуть на северных землях? Вы для него приготовили что-то особенное?

Я покачал головой:

— Отнюдь.

— Отнюдь, — повторил он в недоумении, — это «да» или «нет»? Или «пойдем выпьем»?

— Еще один сэр Растер, — пробормотал я.

— В ваше отсутствие нетрудно орастериться, — сообщил он. — Итак?

— Простой надел земли, — ответил я, — хоть и весьма большой. С парой очень хорошо защищенных крепостей и кучей замков и башен. На той части турнедских владений, что отошли Армландии. А соседом его будет некий Зигмунд Лихтенштейн, земли которого по договору о разделе ныне у моих верных и замечательных союзников из Варт Генца.

Вечером я выбрал время и, отбившись от настойчивых требований Бобика сопровождать меня, вышел в город, где сразу же прошел узкими улочками на вторую по величине площадь в городе, где в соборе идет торжественная служба.

Я побаивался, что отец Дитрих будет занят, однако священники обходятся и без его строгого надзора, он вышел ко мне, я торопливо преклонил колено и поцеловал дряблую кисть руки.

Он рассеянно благословил меня, на лице тревога, но спросить ничего не успел, я выпалил жарко:

— Отец Дитрих, как я уже начал было говорить, но нам помешали... нечестивый режим повержен!.. Земли королевства Турнедо разделены между христианскими государями. Вы можете послать туда своих священников...

Он вздохнул, покачал головой.

— Король Гиллеберд и был верным слугой церкви. Это в мирских делах в последнее время бывал слишком опрометчив. Его духовник, отец Диалектий, действительно отговаривал нападать на земли Армландии.

Я сказал чуточку ошарашенно:

— Правда? Что же он не пришел ко мне? Савуази в зоне моего контроля... Надеюсь, он не погиб.

— Тоже молюсь за него, — ответил отец Дитрих и перекрестился. — Советую приблизить его, отец Диалектий неоценимый советчик. Кроме того, пользуется влиянием на монастыри далеко за пределами Турнедо. Но ты пришел вовсе не для того, чтобы сообщить о победе? О ней мы узнали в тот же день...

— Да-да, — сказал я, — у вас свои источники информации, помню. Но Гиллеберд не делал то, что хочу сделать я!..

— Единое пространство?

— Уже знаете?.. Да, именно единое пространство.

Он пробормотал:

— Вообще-то для церкви все королевства — единое пространство. Хотя я понимаю и одобряю твой замысел. Так же, как все земли открыты для посланцев церкви, так они должны быть открыты и вообще для всех.

— Когда люди общаются, — сказал я, — они делятся опытом. Быстрее развиваются науки, технологии... разумеется, под недремлющим оком церкви!

Он пробормотал:

— Уместное уточнение.

— Отец Дитрих, — напомнил я. — Монахи-цистерцианцы успешно строят железную дорогу! У меня в планах вообще протянуть ее с одной стороны до Ундерлендов, с другой — до Турнедо и... дальше.

— Дальше? — спросил он моментально.

Я ответил радостно:

— Отец Дитрих, у меня такие хорошие отношения с Варт Генцем!

— Там сейчас что-то начинается, — пробормотал он.

— Выборы короля?

Он покачал головой.

— Скорее, перевыборы.

— Как это?

— Многие недовольны выбором в короли Хродульфа, — ответил он. — Он набрал девяносто пять голосов, за Меревинда девяносто четыре голоса, за Хенгеста — восемьдесят четыре, у остальных намного меньше, однако в общей массе у них четыреста сорок... что и привело к тому, что там творится сейчас. Создаются союзы, коалиции...

Я вскрикнул:

— Господи!.. Только бы не гражданская война!

Он смотрел на меня так, словно читал все мои мысли.

— Скажи как на духу, ты для того и отказывался от их короны?

Я охнул:

— Отец Дитрих!.. Я устрасился великой ответственности, что падет на мои хрупкие плечи. Я не готов быть королем! Кроме того, а как же моя Армландия, Сен-Мари?.. Не разорваться же!

Он продолжал всматриваться, наконец медленно опустил толстые покрасневшие веки с множеством красных прожилок.

— Значит, — сказал он со вздохом, — говоришь, не готов... А как на самом деле, сам еще не ответил даже себе. Хорошо, будем работать с тем, что есть, и стремиться достичь большего. Надеюсь, под твоей рукой церковь в Турнедо будет более свободная от твоей власти, чем была при Гиллеберде...

— Гиллеберд все подгребал под свою руку, — согласился я, — но... неужели и церковь?

— Во всяком случае, — произнес он недовольно, — монастыри платили пошлину ему, а не отправляли в Ватикан. И еще он боролся за то, чтобы архиепископов назначать самому...

Я воскликнул в негодовании:

— Святотатство!

Он смотрел мне в глаза снова с прежним вниманием.

— Запомни свои слова, — произнес он внятно, — сын мой. И когда станешь королем... когда тебе в голову закрадется эта крамольная мысль... вспомни, что ты сказал.

Я поклонился, поцеловал ему руку.

— Святой отец, — воскликнул я пламенно, — да ни за что!.. Да никогда!

Он снова благословил меня и вернулся в собор, а я остался с распахнутым в изумлении ртом. Неужели Гиллеберд предпринимал такую реформаторскую попытку? Надо же, ставить своего архиепископа вместо присылаемого из Ватикана!.. Это хоть и не разрыв единого покрывала Христа, но все же, гм...

Ухудшение отношений с Ватиканом?.. Да, это произошло бы, но если для Гиллеберда важнее иметь послушного своей воле высшего иерарха церкви? А оправдание своего поступка вот оно: хочу, дескать, чтобы архиепископ знал страну, ее особенности, ее людей, был в родстве со знатными людьми... а присылаемому из Ватикана нужно вживаться в чужой мир, где его могут принять с неприязнью...

Так что отец Дитрих постоянно смотрит дальше меня, уже понимает, с каким вызовом столкнусь, заранее беспокоится за мой выбор.

А каким он будет?

Да не знаю сам, у меня сейчас голова от других проблем пухнет, сегодняшних, все из рук валится... Однако я могу пойти и дальше Гиллеберда, и отец Дитрих это чувствует.

Глава 14

В землях Тараскона, где расположились войска барона Сулливана и герцога Вирланда, ситуация несколько комичная: большая и хорошо вооруженная армия герцога, как и он сам, подчинена всего лишь барону,

хотя и получившему недавно по наследству титул герцога. Сулливан, как мне донесли тайком, долго и настойчиво уговаривал Вирланда принять командование, так как тот неизмеримо выше и по старшинству, и по количеству войск, и по титулам, и по влиянию, однако Вирланд так же отказался наотрез.

Оборона гавани, объяснил он, поручена Сулливану, а он, Вирланд Зальский, лишь откликнулся на его просьбу помочь, только и всего, это вовсе не значит, что он принимает власть этого захребетного узурпатора Ричарда или в чем-то с ним согласен.

Я выслушал, напомнил себе, что гордость и самолюбие Вирланда следует щадить особо. И хотя нам обоим понятно, что он ищет пути сближения, однако не стоит показывать, что герцог прижат к стене. Я должен выразить бурную благодарность, что он в трудную для Отечества минуту немедленно откликнулся на зов защитить священные берега великого и цветущего Сен-Мари.

Ни в коей мере ни словом, ни жестом, ни намеком не показывать, что он косвенно помог укреплению моей власти, все должно быть так, что он и Сулливан стараются только ради Отечества, я ни при чем, да и в любом случае пираты — штука похуже...

Но сегодня же передам приказ Сулливану принять под свой контроль приграничные земли в Турнедо, обеспечить их обороноспособность и... быть в хороших отношениях с соседями.

Я вздрогнул, от двери ко мне неслышно идет, призывно покачивая бедрами, Бабетта, лямка уже начинает сползать с правого плеча, медленно обнажая нежную белую грудь, просто девственно чистую и целомудренную. Пахнет, как налитое сладким соком яблоко, пышные золотые волосы распущены, губы настолько полные и сочные, верхняя губа слегка вздернута, обе как спелые и разогретые на солнце черешни.

— Милый Ричард, — проворковала она, — уже полночь...

— Верно, — согласился я, — нечистая сила повылезала из нор.

Ее губы маняще приоткрылись, блеснули влажные белоснежные зубки, ровные и красиво вставленные на показ.

— Нечистая сила, — проворковала она, — холодна, а я уже вся горю. Милый Ричард, вы должны меня утешить немедленно в постель и грубо изнасиловать!

Я вскинул брови и поинтересовался лениво:

— Это с какой стати?

— Я в постели выболтаю вам все секреты, — пообещала она.

— О, — сказал я, — тогда марш в койку! Щас только штаны сниму...

Женщины все врут, ничего она не выболтала, но, с другой стороны, и от меня ничего не узнала. Пыталась что-то выведывать, но я вывалил столько дезы, что любой аналитический центр захлебнется, если не успеет вовремя попросить утращения штатов и прибавки к жалованью.

Утолить жар в моих чреслах она старалась, как никогда, что я расценил как повышение моего рейтинга в обществе и могущества, настоящие женщины ни на что иное не реагируют, а Бабетта самая что ни есть.

Утром она упорхнула, нащелбетав кучу восторгов и комплиментов, я бы лопнул от гордости, если бы не видел, по какой схеме составлены и какие струнки должны задевать и чему польстить.

Как только вошел в штаны, я сразу же поспешил к карте, Бабетта, сама того не желая, проболталась про вариант разработки руды в Шателлене, где у меня богатейшие рудники, и возможности переработки ее ря-

дом уже в Турнедо, где простаивают необходимые мощности...

За спиной страшно полыхнуло, я ойкнул, подпрыгнул и обернулся, свет в самом деле такой яркий, словно я звезданулся головой об угол.

В центре помещения повис слепяще-белый шар огня, сформировался в нечто вроде человеческой фигуры, лицо стало почти людским, только подчеркнуто гневным, яростным и негодующим... хотя историки утверждают, что Тертуллиан именно таким и был.

— Прелюбодействуешь? — прогремел он страшным голосом. — Предал?

Я отшатнулся.

— Предал? Что я мог предать?

— Веру! — грянул он мощно. — Идею! Чистоту и верность! Как ты мог?.. Как ты мог пасть так низко?.. Я уже уверен, тебя надо лишить полномочий паладина!

Я охнул.

— За что?

Он прогрохотал как гром, что приближается с каждым мгновением и вот-вот разнесет здесь все:

— За то... чем ты занимался!.. Я не могу вообразить всю глубину этой похоти, низости и падения...

Я сморщился, сжался в ком, стараясь взять себя в руки и перестать оправдываться вот так жалко, как школьники, которых поймали за курением подьезде, а они рады и тому, что хоть одеться успели.

— Тертуллиан, — сказал я как можно спокойнее, хоть и с бешено стучащим сердцем, — тут другое... ты вряд ли даже поймешь...

— Что? — вскричал он оскорбленно. — Я да не пойму?

Я развел руками.

— погоди, не кричи и не метай молнии, сперва по-

слушай, а потом бей. Понимаешь, борьба со страстями, подавление и усмирение... гм... весьма достойно.

— Ну спасибо, что похвалил!

— Тертуллиан, дай прохрюкать мои оправдания, что не оправдания вовсе, а объяснения...

Он прогрохотал:

— Объяснения?.. Какие могут быть объяснения, когда все как на ладони? Меня всего трясет от омерзения!..

— На ладони все смотрят на одно, — сказал я торопливо, — но видят разное.

— Как это может быть?

— Тертуллиан, — сказал я самым искренним и чистым от греха голосом, — я преклоняюсь перед святым Антонием, что устоял перед всеми соблазнами. Мне бы его стойкость!.. Однако есть и другой путь...

Он проревел:

— Какой?

Я начал объяснять, как мне казалось, достойно, но все равно это прозвучало как жалкий лепет:

— Не бороться с этими жуткими соблазнами... но и не поддаваться им.

— Что? — повторил он грозно. — Это как? Ты что, не в этом греховном теле живешь? А оно будет постоянно требовать от тебя греха и порока!

— Тертуллиан, — проговорил я, заранее морщась от взрыва гнева, что обязательно последует. — Оно будет требовать, ты прав, ну и хрен с ним!.. Я даже бороться не буду с этими мелкими страстями! Это даже не страсти, а так, плотские желания. Ишь, честь им оказывать, бороться с ними! Я человек, я должен быть выше!.. Я к тому подвожу, что можно не бороться с пороком, но и не погрязать в его пучине. Просто идти мимо тех, кто предается ему, и мимо тех, кто яростно борется с ним. А вот так... ну... поймел служанку по дороге из кабинета к спальне и... довольно. Эта вот, что тебя так возму-

тила, всего лишь плоть, ничего больше. Низкий голос первородного Змея умолк, я не трачу силы на борьбу и занимаюсь делом. Высоким! Ты же видишь, я чист от мыслей о грехе, я рассчитываю, во сколько обойдется перевозка руды и во сколько — готовых слитков...

Он фыркнул.

— Чист? Так не бывает!

— Почему?

— Коготок увяз, — сказал он зло, — всей птичке пропасть!.. У порока такое свойство — затягивать.

Я покачал головой.

— Тертуллиан, я тебя очень уважаю, но я... гм... христианин несколько другой культуры. Другого уровня, точнее. Ты все еще впечатлен развратом Древнего Рима, когда даже императоры погрязали в гнуснейших оргиях и ничего другого в жизни не искали и не хотели!.. Но сейчас в наших душах уже не искры божественного огня, который вдохнул Господь, а пылающее пламя, разгоревшееся из тех искр! Его не загасить, понимаешь? Потому мы не боремся с похотью, мы просто не придаем ей такого большого значения, как.... ну, как святые аскеты и подвижники! Она не заслуживают внимания, я имею в виду плотские наслаждения. Как уже сказал, идем мимо и дальше, в пучине не погрязаем, потому что поймать служанку, повариху или белошвейку между делом — это не порок, как и выпить чашу вина на праздник. Порок — это когда оргии, когда пьешь не по праздникам, а каждый день и не по одной чаше... Тертуллиан, сейчас эти простенькие чувственные наслаждения интересуют меня еще меньше, чем когда мне было шестнадцать лет. Тогда — да, а теперь — нет.

Он выглядел разъяренным, но, надо отдать должное, не заорал, только вспыхнул яростным огнем, я буквально видел, как он пытается понять этот путь, что

выглядит нелепым, невозможным, но именно благодаря ему я так и не стал полностью черным и слугой Тьмы, хотя другого давно бы поглотило, а еще утверждаю такое неслыханное, что в моем далеком королевстве вообще избрали этот путь...

— Что-то не складывается, — проворчал он грозно, — слишком мала вероятность удержаться на этой грани!

— Да, — признал я, — зато каков выигрыш! Либо яростно бороться с похотью и чревоугодием, как наши прославленные аскеты и подвижники, отдавая этой борьбе все силы и все время, либо снизить привлекательность греха настолько, что и грешить не очень-то и захочется. А то, что случается, это и не грех, а так... удовлетворение естественных нужд, после которых человек сразу же занимается делом и ни о каком дальнейшем разврате и не думает. И не потому не думает, что превосмогает себя, а просто чего о такой чепухе, такой мелочи думать?

Он молчал, полыхая так яростно, что вот-вот начнут плавиться камни, но я не чувствовал жара.

— И что, — прогремел он, как из быстро уходящей грозовой тучи, — такое возможно?

— Мы же люди, — напомнил я. — Чего уж такие крайности: либо предельная святость, либо предельный грех?.. И то и другое для нас губительно, Тертуллиан. Именно потому, что мы люди. Хватит говорить намеками, скажем правду: Ева повязалась со Змеем, родила от него Каина и Авеля. Адам там и близко не стоял. Но хотя Каина после убийства брата изгнали на край света, он построил там первый город на земле, завел жен и кучу детей, а потом его правнуки и правнучки встретили потомков третьего сына Адама и Евы, уже чистого от первородного греха Сифа, и нарожали потомство... Так что в каждом из нас есть семя порочного и похот-

ливого Змея... и чем больше с ним бороться, тем сильнее он сопротивляется!

Он уже не рычал, не гремел, яростный блеск сильно померк, я видел серьезное задумчивое лицо, наконец он проговорил с сомнением:

— Я все еще сомневаюсь, что такое возможно. Но... буду следить за тобой!

— Спасибо, Тертуллиан.

— Не благодари, — прогремел голос, снова мощный и угрожающий. — Споткнешься, первым сожгу тебя на праведном огне!

Он исчез, а я с сильно бьющимся сердцем рухнул в кресло и долго сидел с раскрытым ртом, выдыхая внутренний жар.

Тертуллиан застал меня врасплох, но я хоть и в панике, но сумел сформулировать это странное для нынешнего времени кредо, даже как-то оформил в понятную для него форму.

Но сердце колотится, потому что одно дело следовать чему-то, другое — оправдываться, когда тебе говорят, что не так свистишь, не то говоришь, слишком низко летаешь...

Глава 15

Все великие империи разваливались на те страны или королевства, из которых они склеивались. Так было с Персидской, с империей Македонского, Римской, Чингизовой, Османской, Священной Римской, Австро-Венгерской... Правда, там пытались сливать в единый народ или хотя бы общность совершенно разные народы с разным менталитетом и даже разными религиозными системами, но все равно, все равно...

Чем объединить? Да, дороги — это первое. Народ в армию брать отовсюду, но обязательно перемешивать,

никакой клановости. И еще, конечно, единая и сильная церковь, что не делает разделения между людьми. Да, церковь — это самое надежное, что может объединить народы в единый народ.

Хотя все же пока что важнее — объединить в единое государство, где все части увидят выгоду от сотрудничества, и ни одна из провинций не будет считать, что ее объедают.

А кто так скажет... что ж, у нас есть меры против наглых и зажавшихся сепаратистов.

Геннегау разукрашен флагами, на улицах кипит жаркая и оживленная торговля. На рынках заметно много турнедцев, для них в диковинку роскошное изящество сен-маринцев, но все же все в первую очередь стараются подобрать себе доспехи и купить оружие, каждый северянин видит, что здешние оружейники на две головы выше тех, что остались в родных землях.

Я распорядился выплатить жалованье за месяц вперед, к тому же турнедцы, да и все прочие, неплохо поживились, снимая с пиратов кольца и серьги, а еще украшенные драгоценными камнями кинжалы.

Королевский дворец расцвечен цветными огнями, в масло светильников добавляют краски, и даже ночью громадное здание похоже на диковинный цветок, созданный волшебными феями и увеличенный во много раз.

Судя по музыке, что несется из всех окон, по десяткам экипажей во дворе и сотням на площади, я только и делаю, что пою и танцую, а еще это, фавориток, ага, уже и забыл, что у них там под платьем, почти монах, настолько серьезно служу своему делу — а мое ли оно? — государственному долгу, народу, ну да, а как же, кто бы поверил, но смех в том, что в самом деле стараюсь из всех фибр делать жизнь народа привольнее и богаче, и вовсе не потому, что с богатых можно больше взять.

Вернее, не только потому.

Сэр Жерар, донельзя довольный своим высочайшим положением, соревнуется со мной своим монашеским образом жизни, в том смысле, что никаких женщин в нашей жизни, — горничные и прислуга не в счет, — а также никакого пьянства и чревоугодничества, — королевские пиры тоже не в счет, это больше работа, чем удовольствие...

Он появился по вызову, быстрый и неслышный, хотя по внешности больше похож на кулачного бойца, остановился у порога.

— Сэр Жерар, — сказал я отрывисто, — сформируйте отряд из верных мне сен-маринских и армландских лордов... нет, сен-маринцев пощадим, заменим их турнедцами! Да-да, турнедцами.

Он посмотрел вопросительно:

— С какой целью?..

Я посмотрел волком:

— Что, я должен отчитываться?

Он ответил в замешательстве:

— Ваша светлость, но я должен знать, каких лордов собрать! То ли самых сильных, то ли знатных, то ли тех, кто умеет горланить веселые песни за столом или в дороге...

— Простите, сэр Жерар, — сказал я виновато, — что-то устал, голова не варит...

— Вина, — поинтересовался он, — женщин?

Я отмахнулся:

— Идите вы со своими шуточками. Подберите лордов наиболее знатных и представительных. Из турнедцев обязательно включите рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда. И с десятков наиболее знатных командиров.

— А их...

— Поровну армландцев и турнедцев.

— Сен-маринцев?

— Ни единого.

Он произнес ровным голосом:

— Начинаю догадываться. На какой день?

— Чем раньше, — ответил я, — тем лучше.

— Понятно, — сказал он, — как у вас всегда, в общем.

— Что делать, — буркнул я, — мне всегда не терпит-ся. Этот отряд направим в Ундерленды.

— Значит, все-таки к Кейдану?

— Угадали.

— Еще бы, такое представительное посольство.

Я сказал твердо:

— Это не посольство. Те времена прошли. Барон Фортескью натерпелся достаточно.

— А что на этот раз?

— Вы уже все поняли, — уличил я. — Эти люди повезут ультиматум.

— Насчет... отречения?

— Вы удивительно проницательны, — сказал я с едкостью. — Сейчас скажете, что давно надо было сделать?

— Ну... это вам говорили и другие...

Я пожал плечами:

— И что? Пусть говорят. Даже сейчас еще рано. Но я догоню отряд на въезде в Ундерленды, а там возглавлю.

— Переговоры проведете лично?

— А кто может сделать лучше?

Он посмотрел мне прямо в глаза и отвел взор.

— Это смотря чего добиваетесь.

— Кажется, — буркнул я, — начинаете догадываться, чего добиваюсь на самом деле. В общем, созывайте лордов, готовьте к выступлению. Знамена и прочее чтоб тоже все на месте.

— А что прочее?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Но если чего-то не окажется — шкуру спущу!

— Ваша светлость, — сказал он просительно, — оставьте сборы мне. А то вы таких дров наломаете!

Отряд, посланный сопровождать меня в Ундерленды, уже отбыл, гордо подняв баннеры и знамена с моим гербом, а я все возился с делами государства, занимался кадровой политикой, но чаще во все влезал сам, так надежнее и быстрее, так что не до римских оргий, которых опасается Тертуллиан.

От графа Ришара снова пришли вести, прорвавшись сквозь фронт военных действий. В Гандерсгейме войска надежно укрыты в крепостях, а высадившиеся с моря пираты захватили только долины и села. Из крепостей за ними наблюдают и постоянно нападают на расположенные на открытых местах лагеря.

По плану графа Ришара это всегда происходит ночью, в таких случаях пиратов окружают и стараются истребить полностью. Есть данные, что островные авантюристы, разочарованные неудачей, готовы вернуться на корабли.

Сегодня сэр Жерар не вошел, а почти втанцевал в мой кабинет. И лицо такое, словно вот-вот запоем что-то праздничное.

Я смотрел, набычившись, что-то все необычное меня начинает пугать, лучше уж привычную рутину, так спокойнее, но сейчас из сэра Жерара нечто прямо прет, я внутренне сжался и сказал светлым голосом:

— Ну?

— Ваша светлость, — проговорил он важно.

— Да, — согласился я, — я и есть ее светлость. Или его. Что случилось?

Он сказал таинственно:

— К вам посетитель...

Я хотел сказать автоматическое «впусти», но его вид и несвойственные ему ужимки заставили спросить:

— Кто?

Он ответил после нарочитой паузы:

— Герцог... Вирланд Зальский!

Я охнул, опомнился, велел нижней челюсти вернуться на прежнее место и держаться там достойно.

— Ничего себе... Он что-то говорил?

— Нет, — ответил он уже протокольным голосом, — наверное, все скажет вам лично.

— Надеюсь, — пробормотал я. — Ладно, зови.

— Может быть, пусть немножко подождет?

Я отмахнулся.

— Ладно, я же не мелкий клерк, я почти король! Пусть войдет. Когда правитель не слишком занят, все видят, что дела в королевстве идут хорошо.

Он с сомнением хмыкнул, вышел. За дверью раздался голоса, вошел герцог Вирланд, в простом костюме, похож на дорожный, все продумано до мелочей, надеть все регалии будет похоже на вызов, а так вроде бы по дороге на рыбалку заскочил на минутку...

Ситуация щекотливая, нужно не дать воцариться неловкой паузе, я поднялся из-за стола и сказал сердечно:

— Герцог, я так и не успел вас поблагодарить за предельно точное и умелое руководство обороной Тараскона и защиту гавани! Я на нее возлагаю столько надежд, как вы знаете!

Он, как мне показалось, слегка расслабился и как будто даже перевел с облегчением дыхание, поклонился строго дозированно, чтобы не похоже на вассальность, в то же время я фактический правитель королевства, однако моложе по возрасту...

Все-таки, как мне показалось, он сумел нащупать ту верную серединку или же долго тренировался перед

зеркалом, во всяком случае, выглядит удовлетворенным, а мне по большому счету пофигу уровень сгибания при поклоне.

— Ваше светлость, — проговорил он с поклоном, — я к вам на минутку, и не отниму много времени. У самого дел полно... Когда мы выдерживали натиск пиратов и я ни о чем другом не думал, вы спросили насчет того, где лучше строить города... на побережье.

— Ну-ну?

— Эта дикая мысль, — проговорил он ровным голосом, — раньше никому не приходила в голову, что и понятно. Однако после победы... я вспомнил ваши слова. Похоже, вы далеко заглядываете вперед.

— Только в общих чертах, — заверил я, — только в общих чертах. А у вас есть какие-то идеи?

Он кивнул:

— Да.

— Слушаю вас, герцог!

— Хорошо бы в устье реки Лабань, — сказал он. — Она судоходна вплоть до моей крепости Аманье и даже на сто сорок миль выше. Если там на побережье построить город, он будет связан самым дешевым транспортом с тремя крупными городами на этой реке. А там сукновальные фабрики, прекрасный лес для сплава, рудники, самые крупные в королевстве бойни...

— Отлично, — сказал я. — Я уверен, один из первых городов будет построен именно там... если не первый! О вас идет молва не только как об умелом военачальнике, но и рачительном хозяйственнике. Так что я не сомневаюсь, что мои инженеры все это примут во внимание.

Он поклонился.

— Благодарю вас, ваша светлость. С этим вынужден откланяться, дел по горло.

Я поклонился в ответ.

— И вас благодарю, ваша светлость. Пусть богатство и благополучие Сен-Мари прирастает нашими усилиями!

Он светски улыбнулся, приложил пальцы к виску и, повернувшись кругом, отправился к двери. Сердце мое все еще колотится, но я все-таки молодец, успел ввернуть фразу, что оба стараемся для королевства Сен-Мари, здесь у нас консенсус, а мне очень надо находить общие точки соприкосновения и взаимопонимания с далекими от моих целей людьми.

Хотел вернуться к карте и в самом деле наметить места для городов на побережье, но вспомнил, что мой кортеж уже подходит или прошел те страшные земли, что отделяют Ундерленды от королевства.

Был соблазн махнуть в Ундерленды драконом, но перед Кейданом лучше появиться во всем величии, к тому же черного арбогастра и Адского Пса уже считают моими неотъемлемыми атрибутами власти и могущества. Появиться без них — дать пищу нехорошим догадкам и предположениям.

Да и вообще, хотя многие рыцари тайком носят амулеты, однако явного колдуна во главе всех войск точно не одобряют. Потому пусть буду выглядеть таким же, который изредка пользуется и прибегает. Когда, дескать, удается.

— Сэр Жерар, — сказал я, — все, отбываю!

Он вздохнул с явным облегчением.

— Слава господу! А то весьма неловко будет, если ваше сопровождение прибудет на неделю раньше того, кого охраняют!

— В Ундерленды въедем вместе, — заверил я.

Вид у него оставался скептический, но ответил уклончиво:

— Буду за это молиться.

Часть третья

Глава 1

Зайчик несет красиво и мощно, Пес всячески демонстрирует, что может еще быстрее, арбогастр сердито фыркает и косится на меня с неудовольствием, но перед населенными местами всегда сбрасываю скорость, зато по пустым проносится так, что нас вообще не рассмотреть.

Я догнал отряд, когда они вступили на узкую тропу под той чудовищно высокой черной стеной, где все испещрено норами, в которых раньше жили гарпии.

И хотя времени прошло со дня их истребления уже достаточно, я все равно поглядывал на гору с опаской. К счастью, мудрый сэра Жерар послал отряд сопровождения, в котором половина арбалетчиков, а половина лучников.

Слева ужасающе выжженная черная страна огня, грохота и взлетающих фонтанов пламени. Раскаленная магма выплескивается на такую высоту, что пробирающиеся по одному вдоль стены всадники сжимаются в ужасе — вдруг ветер качнет эту стену огня в их сторону.

Грохот все громче по мере того, как я нагонял их, хотя и раньше, уже с десятков миль, им приходилось двигаться через эту покрытую серым пеплом землю, где в глубоких расщелинах плещется жидкая как вино земля, и не угадать, когда и сколько ее выбросит наверх с такой мощью, что вот-вот подожжет облака.

Все останавливались и прижимались к стене, давая мне дорогу, смотрят с облегчением, приветствуют радостно, словно и от этой магмы спасу, если вдруг земля лопнет вот прямо здесь...

В этом я молодец, крут, себя поставить умею, чтоб все хорошее шло от меня, а неприятные приказы от лица непонятного правительства и государственных чиновников.

Наконец я обогнал всю группу, впереди с небольшим отрывом покачиваются на рослых боевых конях два вельможных рыцаря: я узнал рейнграфа Чарльза Мандершайда, бывшего командующего северной армией Турнедо, а теперь одного из моих лордов, а также стальграфа Филиппа Мансфельда, жилистого и с суровым лицом ветерана, героя войны при вторжении в Армландию, а теперь вот тоже моего лорда, несколько ошалевшего, как и Чарльз Мандершайд, от быстрых перемен в их жизни.

Ничего, сказал я себе с веселым злорадством, всех вас ловлю на такого сладкого червяка приключений, побед и свершений, что никто из вас уже не сорвется с крючка.

И все вы пойдете за мной, пока я... не заспотыкаюсь.

Следом за верховными турнедцами едут сэр Кристоф Шлоссер, армландский лорд, и виконт Рутгер Хауэрден, что когда-то прибыл гонцом из Армландии и остался здесь, — высокий мужчина в доспехах, но без шлема, с его плеч все так же свисает, закрывая спину, длинный алый плащ, на груди герб рода Пурпурной Лилии, посадка уверенная, лицо жесткое и хмурое.

Оба почтительно склонили головы.

— Ваша светлость...

— Ваша светлость...

Я сказал бодро:

— Еще не бывали здесь?.. Правда красиво?

Сэр Шлоссер пугливо взглянул в сторону обрыва, из которого с грохотом взметываются ярко-красные горящие искры раскаленной магмы, доносится грозный рев, земля то вздрагивает, то дрожит мелко-мелко.

— Своеобразно, — выговорил он с трудом, стараясь удержать нервно дергающегося коня. — Весьма даже... как это вот.

— И люди там своеобразные, — заверил я. — Вам понравятся. Если вы, конечно, любите все необычное.

Он пугливо покосился в сторону черно-красной страны, испещренной багровыми зигзагами трещин.

— О да, еще бы... Вот сэр Рутгер, говорят, утверждает, что в том огне живут некие нибелунги...

Я переспросил в удивлении:

— Нибелунги? Так это же горные духи!.. Сэр Рутгер, вы что-то о них слышали?

Виконт Хауэрден придержал коня и поехал рядом, время от времени чиркая вдетой в стремя ногой об отвесную стену.

— Ваша светлость, — попросил он, — позвольте мне с той стороны...

Я покачал головой.

— Нет, сэр Рутгер, не позволю.

— Но, ваша светлость!

— И не возражайте, — отрезал я. — Дело не в моем неслыханном благородстве, хотя да, я такой весь из себя, зеркало даже, просто ваш конь может испугаться, когда вдруг рядом выплеснется стена огня, а мой даже ухом не поведет.

Он пробормотал:

— Но как-то нехорошо, когда лорд в большей опасности.

Я отмахнулся:

— Лучше расскажите, что вы знаете про обитающих

здесь нибелунгов. Они в самом деле слезли с гор и живут на равнине?

Он ответил со вздохом:

— Все верно, их называют горными духами, но находились смельчаки, что здесь подбирались достаточно близко. Они видели, как эти существа таскают огромные камни!..

Я пробормотал:

— Тогда точно не духи... Но как они живут в таком раскаленном аду? Хотя это не важно. Важнее другое...

— Ваша светлость?

Я пояснил свою глубокую мысль:

— Они живут на пространстве между Ундерлендами и Сен-Мари!

— Да... это очевидно. И что?

Я вздохнул и сказал терпеливо:

— Будучи человеком возвышенных идеалов и потому глубоко прагматичным, я вот думаю, что нам с ними — то ли воевать, то ли налаживать сотрудничество. Мы же люди?

— Люди, — подтвердил он чуточку настороженно.

— Ну вот, — сказал я с удовлетворением, — как пройти мимо?.. Мы ни к чему в мире не можем быть равнодушными! Обязательно должны хотя бы полагать. К тому же Господь, создав этот мир, вручил его нам, дескать, берите, морды, пользуйтесь! Вот и думаю, как этими нибелунгами пользоваться...

Дорога пошла на подъем, сэр Шлоссер повеселел, увидел далеко на горизонте крохотные башни и замки.

— Ваша светлость, какие нибелунги? Вон замок герцога Ульриха, а дальше вниз по дороге промчимся до самого побережья, где летний дворец короля Кейдана!

— Вы правы, сэр Шлоссер, — ответил я вежливо. — Будем решать проблемы, начиная с мелочи.

Он странно посмотрел на меня, но промолчал, толь-

ко сильнее сжал конские бока. Дорога стала шире, мы понеслись бок о бок, уже не касаясь друг друга ногами в стремях, а сзади грохот стальных подков стал мощнее и громче.

Далеко впереди распахнулось бескрайнее море, а в полумиле от нас на обрыве высится роскошный белый, словно вылеплен из морской пены, дворец в три этажа, по бокам цилиндрические башни вдвое выше, красные колпачки, и такая же радостно красная крыша на самом дворце.

На башнях реют знамена, отсюда не разглядеть, но можно не сомневаться, что именно намалевано на каждом из них.

Мне показалось, что вообще нет огороженного двора, потом рассмотрел низкий палисадник, увитый виноградом, — перепрыгнет даже коза, не только конь с разбегу.

Деревьев в саду мало, больше цветы, целое поле в красных маках, как только и держатся, у них же такие нежные лепестки, любой ветерок срывает и усеивает землю...

Мы все придерживали коней, турнедские лорды, что невольно группируются за спинами рейнграфа Чарльза и стальграфа Филиппа, с удивлением рассматривают как роскошный дворец, изысканный и светлый — ничего подобного нет в Турнедо и близко, — так и дивный сад, наполненный цветами, которые просто не растут по ту сторону Великого Хребта.

Шлоссер указал на высокие ворота, от них к дворцу ведет широкая, выложенная булыжником дорога. Двое стражей, что сидят на лавочке, охраняя символический вход, вскочили, ухватились за копья.

— Стой, — крикнул один сонным голосом, — кто идет?

— Хозяева, — ответил я властно. — Передай быстро королю, что прибыл сам лично Ричард. Тот самый! Все понял?

Он пролепетал, глядя на меня снизу вверх вытаращенными глазами:

— Да... понял...

— Быстро! — прорычал я.

Он едва не запутался в собственных ногах, вломился в ворота вперед головой, чуть не снес их как обезумевший лось, даже створки закачались, а второй вытянулся с таким рвением, будто старался перерваться, как амeba при делении.

— Ваша... — пролепетал он, — ваше... э-э-э...

Я отмахнулся:

— Не старайся. Молчи и сопи в две дырочки. Или у тебя их четыре?

Рейнграф Чарльз предложил со всей любезностью:

— Могу сделать ему и шесть.

Я покачал головой.

— Ладно уж, потерпим. Кейдан не мог знать, что прибудем именно в этот день и в это время.

Стражник еще не успел добежать до дворца, но оттуда из окон нас уже рассмотрели, началась суматоха, со мной большой отряд, что в состоянии смять любую оборону и захватить дворец, вырезав одних и полонив других.

Первыми выбежали и выстроились вдоль широкой дороги к дворцу пышно одетые гвардейцы. Хватило их только до половины, а со мной людей втрое больше. Не говоря уже о том, что у меня рыцари, а один рыцарь стоит пятерых даже хорошо обученных воинов.

Мелькнула соблазнительная мысль послать всю эту стальную лавину вперед, перебить все, что противится, и тем самым решить застаревшую проблему.

— Идут, — сказал сэр Чарльз с веселым оживлением. — Это и есть Его Величество Кейдан?

Из дворца все выплескивается и выплескивается пестрый поток, растекается по широкой, выложенной белым мрамором площадке.

К нам поспешили двое вельмож, лица недружелюбно-холодные, один просто смотрит ничего не выражающими глазами, а второй произнес церемонно:

— Его Величество король Сен-Мари, герцогства Брабант и герцогства Ундерленды изволит дать вам аудиенцию.

Турнедские лорды поглядывают на меня в недоумении, но молчат, лица строгие и высокопарные, а сэр Шлоссер громко буркнул:

— Ну хоть не ударил...

— И то хорошо, — согласился я весело. — Форма не важна, сэр Шлоссер!

Он буркнул мне в спину:

— Ну да, не важна... А как же тогда...

Но я уже пустил Зайчика в распахнутые для нас ворота. Рейнграф Чарльз прокричал нечто властное, слов я не расслышал, но понятно, что со мной поедут только трое-четверо из высших лордов, так принято.

Зайчик ступает по дорожке королевского сада важно и гордо, а бедный Бобик вынужден тащиться вместе с моими лордами, я предупредил строго, что или пойдет сзади, или вообще не беру в этот сад.

Гвардейцы при моем приближении явно хотели взять на караул: я внушаю, однако строгий приказ заставил их окаменеть и только провожать нас взглядами.

Кейдан ждет чуточку впереди пестрой толпы вельмож, одет торжественно, золотая цепь на груди с драгоценными камнями, камзол из пурпура, на голове золотая корона с нужным количеством зубчиков и обязательными арками. Такие же красные штаны, даже сапоги в масть, разве что ближе к багровости.

Высок, за это время малость похудел, что ему на

пользу, смотрит надменно и вызывающе, но оба знаем, кто из нас ху, так что я соскочил с коня, сделал три шага вперед и вежливо поклонился, ничуть не чувствуя себя ущемленным, но стальграф и рейнграф недовольно заворчали вслед за сэром Шлоссером.

— Ваше Величество, — произнес я.

Он поморщился, это он должен был сказать «ваша светлость» после того, как я постою застывшим в поклоне, глаза его сверкнули неудовольствием вельможного человека, обратился к стоящему рядом епископу:

— Спросите этого человека, что его привело к королю Сен-Мари?

Епископ сошел на одну ступеньку, лицо рыхлое, старое, с отвисающими щеками, как у породистой собаки.

— Его Величество изволит поинтересоваться, — произнес он скрипучим голосом, — что вас привело к нему и о чем хотите просить?

Я ответил вежливо, даже поклонился, голова не отвалится:

— Передайте, что мы хотим предложить Его Величеству со всем уважением и потением... убраться из Сен-Мари. Я не указываю, куда убраться, умные люди понимают с полуслова, а вежливые люди не употребляют таких слов при дамах.

Епископ вздрогнул и, не поворачиваясь к королю, сказал с возмущением:

— Сэр Ричард! Ваши слова возмутительны!

— Разве? — спросил я. — На месте короля я бы уже застрелился. Или закололся. Да хоть зарубился! Как можно торчать в этой дыре... довольно прекрасной, не спорю.... и не попытаться отвоевать трон? И в этой благородной попытке, которую точно воспоют барды, красиво пасть в бою? Мы с удовольствием поможем!

Епископ не отыскал что ответить, повернулся к

Кейдану. Тот смотрит ненавидяще, я ответил наглым взглядом.

— И все-таки, — сказал он резко, — это я король Сен-Мари!.. А вы — захватчик!

— Уже нет, — ответил я. — Давно уже сен-маринец.

— Что? — перепросил он. — Тогда почему вы не преклоняете передо мной колено? Я король!

— Вы король, — согласился я и постарался, чтобы в моем голосе звучала необходимая доля почтительности. — Однако я не приносил вам оммаж, а без этой клятвы верности и послушания я не имею права преклонять колено.

Его лицо искривилось в злой гримасе.

— И что вам мешает принести мне клятву верности сейчас?

— Увы, — сказал я, — Ваше Величество. Период вашего правления отмечен всплеском коррупции, расточительства, казнокрадства, упадка нравов, пренебрежения всеми слоями общества своими обязанностями. Это не только мое мнение, но и всей прогрессивной общественности северных регионов, что явилась вместе со мной и пришла в ужас от здешних нравов и нравиков.

— Вы вторглись непрошеными, — заявил он, — вы напали на мирное королевство!

— Ваше Величество, — сказал я, — когда-то границы считались священными и суверенными, и никто не смел их нарушать. Даже слово такое было: «суверенитет». В добрые старые времена. А нарушивший суверенные границы объявлялся захватчиком. Однако повышенный интерес к правам маленького человека привел к пересмотру базовых ценностей мирового права. Мы не могли смотреть, как в вашем королевстве грубо попирается законность, свобода выборов, подавляется инакомыслие, а граждане лишены права высказывать

свое неотъемлемое мнение о животрепещущих вопросах политического устройства общества, экологии, потепления, его будущего и ясных перспектив на счастье для всех и каждого!

Он смотрел, набычившись, давно потеряв смысл в этом наборе красивых слов, в глазах вопрос: что мне потребовалось на самом деле? А епископ проговорил просительно:

— Ваше Величество, это насчет черных месс, что ли?..

Кейдан буркнул:

— Черные мессы — личное дело каждого. Я их не проводил, но и не запрещал. Это частное дело совести.

Я воскликнул патетически:

— Но как же наше служение Господу?

— Личное дело, — отрезал он. — Король не должен принуждать ходить в церковь.

— Не принуждать, — сказал я твердо и громко, нас слушает слишком много народу, чтобы ошибаться в словах, — а понуждать! Показывать примером своей благочестивой жизни необходимость быть в храмах благодати, чего вы, Ваше Величество, вовсе не делали!

Он покачал головой.

— Ложь. Я посещал церковь.

— Мало, — отрезал я. — Только по большим праздникам, когда нельзя не пойти! У меня, Ваше Величество, на вас ого-го какое досье, компромат на компромате!.. И почти все правда. Не буду касаться ваших связей на стороне, чтобы не ссорить с супругой, семья — это все, однако материала достаточно, чтобы утопить любого политического деятеля, а в случае с венценосным монархом — потребовать свержения ввиду несоответствия занимаемому трону.

Он смотрел пылливо, стараясь понять по моему лицу, насколько можно доверять сведениям о компрома-

те, явно же большая часть высосана из пальца, а остальное можно попытаться опровергнуть или как-то дезавуировать.

Я добавил с достоинством:

— Ваше Величество, обдумайте вариант насчет отречения от трона. Можно с условиями и оговорками. Этот вопрос не ультимативный, а обсуждаемый. Но в конце концов его решить придется.

Он гневно топнул ногой и сказал громко:

— Я на это никогда не пойду!

— Пойдете, — сказал я. — Если вы не последний дурак, а вы не дурак, Ваше Величество. Должен сказать, что экономика на должной высоте, крестьяне совсем не голодают, в королевстве очень многое делалось верно, хотя, подозреваю, это не ваша заслуга. Но хоть не слишком мешали, и то хорошо. Но я делаю еще вернее, так что у нас борьба добра с бобром, или хорошего с лучшим. Лучшее — это я, Ваше Величество, ну да это понятно...

Он снова не понял — видно по лицу, сделал глаза усталыми и сказал по-королевски:

— Вы можете идти.

Я поклонился.

— Уже уйду. Ваше Величество, вам лучше выставить встречные условия, мы можем на чем-то сторговаться. Иначе, вы понимаете... Я такой гуманист, такой гуманист... В общем, мы остановимся в замке герцога Ульриха, там подождем ваш ответ.

Он сказал резко:

— Ответа не будет!

Я вздохнул.

— Жаль. Тогда мы сами за ним придем. И уже получим тот, который нам нужен. Вы меня поняли... надеюсь?

Глава 2

Я поклонился еще раз, все смотрят на меня с застывшими лицами, я вернулся к арбогастру, его повод держит рейнграф Чарльз, так и не промолвивший ни слова, поставил ногу в стремя и поднялся в седло замедленно и величаво.

За спиной все та же тишина, я даже не ощутил привычного холодка, когда используют магию. Видимо, по этикету в общении королей она не применяется. Или епископ глушит ее с легкостью.

Гвардейцы снова только провожают нас взглядами, не поворачивая голов.

У последнего ряда я весело крикнул:

— Скоро, ребята, будете служить другому господину!

Мы выехали за ворота, слышно было, как поспешно сдвинули створки и набросили щеколду.

Весь отряд развернулся и последовал за мной. Я подождал сэра Шлоссера и сообщил, чтобы выслал вперед пару легких конников к замку герцога Ульриха. У него замок, как все отмечают, больше, чем у самого короля, как по размерам, богатству, так и по числу придворных. Для нас наверняка отыщутся комнаты, а для коней — стойла.

Рыцари оживились еще больше, при любом богатом дворе могущественного лорда всегда собираются и самые красивые женщины, а молодым девушкам тоже нужно где-то да подыскивать женихов, разговоры пошли веселее, голоса зазвучали громче.

Правда, сперва все-таки перемололи тему Кейдана, к моему удивлению, у некоторых он даже вызвал сочувствие, отметили, что держался достаточно достойно, хотя понимал, что по одному слову можем смять всю его охрану, а его поднять на копьё.

Я заметил, что турнедские лорды ошалели при виде первого же города Ундерлендов, даже Геннегау сразу

поблек и показался мелким. Я помалкивал, стратегическое положение Ундерлендов, некие старые запасы, магия, умелое использование ресурсов, еще что-то зыбкое, но явно присутствующее, сделали этот анклав очень развитым во всех отношениях.

Наконец дорога взбежала на холм и сразу же устремилась вниз в долину. Далеко впереди на скалистом возвышении разместился громадный величественный замок, я вспомнил, как о нем частенько поговаривали, что по блеску он превосходит королевский в самом Геннегау.

Дорога начала приближаться пугливо, избегая стрел с высоких стен, даже отсюда видны блестящие шлемы и острия пик часовых. Четыре высокие башни, оттуда свесились головы, нас рассматривают очень внимательно.

Я помахал рукой.

— Вам нужен пароль?

Над воротами появился человек в блестящих доспехах, я видел, с каким вниманием он всматривается в наш отряд. Потом махнул рукой, сразу же загрохотала, поднимаясь, решетка и одновременно опустился подъемный мост.

Я пустил Зайчика, Бобик снова ринулся впереди всех, помнит даже, где кухня, а за мной с некоторой осторожностью въехали мои рыцари. Я заметил, с каким восторженным вниманием турнедские лорды рассматривают массивные стены.

Копыта простучали по идеально выровненному двору, прекрасные широкие плиты покрывают землю так плотно, что и травинке не удастся протиснуться между камнями. Мне снова показалось, что это одна плита, расчерченная на ровные квадраты.

Если стены из массивных серых плит гранита, то сам просторнейший донжон выстроен из белого мра-

мора, возвышенный и настолько изящный, что да, Кейдан в сторонке неровно дышит, а здесь еще и высокие колонны, великолепный портик, где мраморный всадник управляет застывшими конями со зверски оскаленными мордами, справа и слева от дворца разбит прекраснейший сад...

Со стены спустился и пошел нам навстречу рыцарь в настолько дивных доспехах, что турнедцы застонали в тоске: даже в Сен-Мари нет таких тщательно подогнанных, из необыкновенной стали, это видно издали...

Немолодой, широкий, с неприятным лицом и злобными свинячьими глазами, каким я его запомнил, он остановился в трех шагах и преклонил колено:

— Ваша светлость...

Я покинул седло, слуги тут же ухватили за повод, а я сказал приветливо:

— Поднимитесь, сэр Готмар! В конце концов, мы с вами немало приключений пережили, не так ли?

Он поднялся, крупное лицо дернулось в короткой усмешке.

— До сих пор кошмары снятся.

Я засмеялся, похлопал его по плечу.

— Разве то кошмары? Я — настоящий кошмар!

Он взглянул с некоторым испугом.

— Что... еще что-то подобное?

— Нет-нет, — заверил я. — Теперь я уже настолько увешан титулами, землями и ответственностью, что даже в туалет без сотни телохранителей ни шагу. Как леди Иля?

Он ответил с гордостью:

— Герцогиня крепко держит бразды в своих нежных руках, пока ее супруг дерется в неведомых землях.

— Всего лишь в Гандерсгейме, — сказал я с мягким упреком, — это же Сен-Мари, а раньше и вовсе Арндское королевство!.. А вот если бы в Турнедо...

Он спросил с подозрением:

— Что еще за Турнедо?

Я кивнул на рейнграфа Чарльза и стальграфа Филиппа.

— Эти доблестные лорды все расскажут вам за обедом. А пока я хочу засвидетельствовать свое почтение прекраснейшей хозяйке... Да, кстати, что-то не вижу скайлер, который нам удалось украсть у барона Кристина?

Он вздрогнул, даже малость побледнел.

— Не напоминайте про эту нечестивую штуку! Она так и стоит на том же месте. Никто к ней и не притрагивался, а священник сказал, что это изделие дьявола и его надо уничтожить. Да только никто и не знает, как к нему подступиться! А герцогу, помню, было даже жалко, что ли.. Вы же угнали у врагов, подвиг!

Я пробормотал:

— Что-то я его не заметил...

Он повернулся, указал рукой в сторону хозяйственных построек:

— Герцог велел построить вокруг него стены и накрыть крышей. Вон там видите за мастерскими шорников и сукновальщиков огромный такой амбар?.. Там ваша ужасная штука... Пойдемте, я проведу вас к леди Иле.

— Спешу поприветствовать нашу радушную хозяйку, — сказал я.

Он поклонился.

— Ей уже сообщили, я уверен. Прошу вас, сэр... Ричард.

Я засмеялся.

— Что, хочется назвать меня Полосатым?..

Турнедцы, да и остальные смотрят с недоумением, я махнул рукой, мол, все шутки и недомолвки выяснятся

очень скоро, как только после холодной закуски подадут вино.

Мы вошли в просторный холл, больше похожий на зал кафедрального собора: тихо, просторно и торжественно, я только успел сделать несколько шагов к лестнице напротив, как там появилась в голубом платье миниатюрная женщина на высоких каблуках, прическа все так же взбита неимоверно высоко, лицо почти детское, хотя герцогиня Иля Ундерлендская всегда умела придавать ему выражение строгости и величия.

Я поспешил навстречу, сперва припал к ее руке, вдыхая свежесть ее нежной кожи, затем бережно свел вниз и повел широко рукой.

— Ваша светлость, позвольте представить вам моих верных друзей, с которыми так много сделано и так много пережито!.. Это рейнграф Чарльз Мандершайд, командующий северной армией Турнедо, а это стальграф Филипп Мансфельд, под его рукой была и остается наиболее боеспособная группировка войск Севера... это виконт Рутгер Хауэрден и лорд Кристоф Шлоссер, оба из Армландии...

Представлял ей всех, память у меня прекрасная, помню даже всех арбалетчиков и лучников, хотя их представлять не требуется; у герцогини глаза горят любопытством, впервые в ее замок заглядывают из почти неведомых стран...

Из боковой двери быстро вышел и учтиво поклонился немолодой человек с широкой талией, одет скромно, но с золотой цепью на груди.

— Сенешаль Вервельд, — представился он. — Я устрою вас на постой, как и всех ваших людей. Сейчас можете отряхнуть пыль и помыться... ну, у нас есть такой странный обычай, потом ждем вас всех в малом зале на ужин.

— Спасибо, сэр Вервельд, — поблагодарил я. — На-

деюсь, вы не слишком печалитесь о судьбе своего предшественника, сэра Генетера, ведь это освободило вам дорогу к сенешальству!

Он ответил негромко:

— После сэра Генетера сменились трое сенешалей. Но если вы хотите напомнить, что убили сэра Генетера, то это напрасно. Он был моим дальним родственником.

Я пробормотал:

— Простите, я не хотел прикасаться к вашей ране.

— Это не рана, — ответил он. — Даже не царапина. Прошу вас, покажу ваши покои...

Стальграф и рейнграф где-то потерялись, а когда их отыскивали, оказалось, что оба застыли в восторге с раскрытыми ртами у стены зала, где великое множество мечей, топоров, боевых молотов, секир, булав, моргенштернов, шестоперов, перначей, клевцов и огромного разнообразия кинжалов.

Даже я, повидавший многое, еще в первый визит отмечал, что оружие в Ундерлендах, как и доспехи, лучше, чем даже в Сен-Мари, а что говорить про турнирцев, никогда до того не покидавших свое королевство!

Соседняя стена вся в различных щитах, от боевых для пехоты в рост человека, до крохотных турнирных, что едва закрывают плечо, а еще полные рыцарские доспехи с копьями в руках стоят не только в углах, но кое-где и вдоль стен.

Мне показалось, что их даже прибавилось со дня моего последнего визита. Граф Хаурдэн, что отыскал их, как все думали, заблудившихся, подошел со словами:

— Как я вас понимаю... Сам все накопленное отдал в Сен-Мари, когда увидел, какие там доспехи и какое оружие.

Рейнграф Чарльз оглянулся, ответил мрачным голосом:

— Мы тоже выгребли все из поясов и даже отдали зашитые в седлах камешки... Думали, лучше уже не существует!

— Обидно, — сказал и стальграф Филипп.

— Пойдемте в большой зал? — пригласил Хаурдэн. — Там готовится пир в честь нашего прибытия.

Рейнграф вздохнул.

— Да-да, конечно. Надо сюда дорогу запомнить.

Стальграф сказал ехидно:

— Как, вы не хотите любоваться розами в саду?

— Сами любуйтесь, любезный сэр, — огрызнулся рейнграф. — А я любоваться буду ходить вот на эти розы!

Я крикнул от входа в главный зал:

— Любезные друзья! Без вас не начнем!

Рейнграф и стальграф, донельзя польщенные, заторопились к распахнутой двери. Там попытались уступить с поклонами мне дорогу, но я на правах хозяина, как заменяющий герцога, затолкал их первыми и вошел следом.

Зал освещен ярко, горят все свечи, рыцари уже начали пир, столы ломятся от обилия еды и вина, а под стеной на помосте высится отдельный стол, покрытый красной скатертью.

Герцогиня Иля сидит на своем месте, а рядом с нею в кресле герцога развалился весьма вольно сенешаль Вербельд, сейчас уже в очень богатой одежде, на груди золотая цепь из пятиугольных блях с драгоценными камнями в каждой, руки на подлокотниках кресла так, что в первую очередь бросаются в глаза кольца на пальцах.

Я посмотрел в удивлении, а потом еще раз, да, все верно, только большие пальцы без колец, а на остальных по два, а на указательных вообще по три. Да все массивные, толстые, с крупными камнями, что можно делать такими — даже в носу не порываться всласть без риска оцарапать верхнюю губу...

Шаги мои звучат мощно, словно идет статуя командора, сенешаль перехватил мой взгляд, застыл, в глазах на мгновение мелькнула ненависть.

Я ступил на первую ступеньку, обошел стол с краю и пошел с весьма суровым видом.

В зале стало тихо, сенешаль зыркнул по сторонам, вскочил, поклонился и сказал с поклоном:

— Ваша светлость, прошу вас!.. Простите, но в отсутствие герцога я занимал это место, потому что и в его отсутствие люди должны знать...

— Пошел вон, — сказал я вельможю.

Он согнулся — могу и врезать, выражение моего лица такое, — торопливо сбежал в зал. Я думал, сядет где-то с рыцарями, однако те откровенно хохочут над ним, и он торопливо вышел из зала.

Леди Иля, как мне показалось, вздохнула с облегчением, а я поймал себя на том, что смотрю в заполняющийся людьми зал с некоторой ревностью, он в самом деле соперничает с королевским в Геннегау. И по размерам, и по пышности, о несметных богатствах говорят даже массивные подсвечники из серебра, что торчат из стен, а еду нам подали на блюдах из золота.

Я, как сюзерен, сижу во главе стола на помосте, кресло подо мной герцожье, мне, как сюзерену, оно полагается даже при хозяине, а уж в его отсутствие я даже не усомнился занять его и находиться рядом с бесподобно хорошенькой леди Илей, его миниатюрной женой, над которой всегда острят, что она даже мельче своего имени, но может упасть под тяжестью титула... Как я помню, там что-то очень длинное с перечислением земель, владений и привилегий.

— Хорошо у вас, — сказал я с чувством. — Отдыхаю душой... Жаль, недостает леди Жозефины.

Леди Иля сказала с упреком:

— Сэр Ричард, что вы сделали с бедной девочкой!..

Она до сих пор верит, что вы убили сэра Генетера за то, что тот отпустил ей не совсем пристойный комплимент!

Я пробормотал:

— А разве я убил его не из ревности?

Она сказала с легкой гримаской досады:

— Хоть со мной не играйте! Вы его убили по каким-то государственным соображениям, а моей бедной дочурке сказали то, что она хотела бы втайне услышать!.. Нехорошо.

— Хорошо, — возразил я.

— Почему?

— Женщинам надо говорить то, — сказал я наставительно, — что они хотят услышать. Потому что все женщины — дуры.

Она вскрикнула шокированно:

— Сэр Ричард!

Я нежно поцеловал ей руку.

— Как хорошо, что вы не женщина, а светлый ангел...

— Ой, — сказала она с удовольствием, — никак комплимент? Мне никто их не говорит в этом горном краю. Разве что скоро вернется сэр Витерлих, и тогда начнется...

Я удивился:

— Он что, с тех пор от вас и не уезжал?

Она рассмеялась.

— Вы почти угадали. Но он такой веселый и забавный, постоянно шутит, с ним так хорошо, сэр Поло... ой, простите, сэр Ричард!

На дальнем конце нашего стола сдержанно трудится над бараньей ногой сэр Готмар, он пробормотал достаточно громко:

— В королевстве его называют вообще Завоевателем.

Я отмахнулся:

— Кем меня только не называли... Из них «сукин сын» было самое ласковое. А где теперь леди Жозефина?

Она мягко улыбнулась.

— В замке ее мужа. Все было сделано по вашей рекомендации. Удивлены? Но вы в самом деле назвали лучший вариант. Она в конце концов... не без нашего давления, правда, приняла предложение руки и сердца сэра Трандерта.

Я пробормотал:

— Уверен, они хорошая пара.

Ее голос прозвучал мягко и сочувственно:

— Вам не нужно чувствовать себя виноватым, сэр Ричард. Вы не могли жениться, как все вас подталкивали. Теперь я это понимаю.

Готмар посмотрел на меня с суровой ехидностью.

— А жаль, что нельзя жениться на всех женщинах, что бросаются на шею?

— На всех нельзя, — ответила за меня Иля, — но на двух-трех можно. Или чуть больше. Обычай тетравленда еще существует, хотя церковь его искореняет. Правда, сама же и вводила, когда нужно было населить опустевшие земли...

Я пробормотал:

— Ну, этот обычай применяется только, как вы верно сказали, в случаях крайней необходимости. А мы бодро и с песнями переходим в период благополучия, где должны прекратиться войны, болезни, засухи, землетрясения..

Она мило улыбнулась, оценив шутку, а Готмар что-то хрюкнул в блюдо с мясом.

Глава 3

Я наклонился к ней и шепнул едва слышно прямо в нежное розовое ушко, чуть-чуть любопытно оттопыренное:

— Ваша светлость, почему вы боитесь своего сене-шаля?

Она вздрогнула, ее лицо, и без того аристократически бледное, сейчас же вовсе побелело.

— Сэр Ричард, — прошептала она, — что вы придумываете?

— Это заметно, — сказал я настойчиво и так же тихо. — Если даже я, такой грубый и нечуткий, это заметил, то другие вообще о вас беспокоятся!

Не поворачивая головы, она пугливо посмотрела направо, потом налево, вращая только огромными испуганными глазами, круглыми, как у птицы.

— Все неправда...

— Ну да, — сказал я саркастически, — а то я не вижу. И сидел с вами рядом, какая наглость!.. Я могу чем-то помочь?

Она помотала головой.

— Сэр Ричард, оставим этот разговор.

— Как скажете, ваша светлость, — сказал я с сожалением. — Я только хотел помочь. Не безвозмездно, я человек корыстный, а в уплату за ваш радушный прием моим рыцарям.

Она сказала чопорно:

— Это наш долг хозяев.

— А я благодарный гость, — ответил я. — Мы нас окружили всей такой любовью и заботой, что я просто не знаю, чем могу отблагодарить... Ну хоть что-то могу для вас сделать?

На ее лицо набежала тень, я ждал терпеливо, но после паузы с ее коралловых уст сорвалось только тихое:

— Ничего... Просто отдыхайте и наслаждайтесь жизнью.

Готмар то ли чувствует неловкость, что сидит за одним столом с герцогиней, не по рангу вроде бы, хоть он и благородный рыцарь, но на службе, потому быстро расправился с бараньей ногой и торопливо поднялся.

— Ваша светлость, — проговорил он извиняющимся

тоном, но твердо, — я должен посмотреть, что там во дворе.

Она поморщилась, в глазах мелькнул испуг, словно боялась остаться без единственного защитника, но ответила со слабым вздохом:

— Да-да, сэр Готмар, вы лучше знаете, что надо делать...

Я приблизил губы к ее уху, такому нежному и оттопыренному, что так и хочется нашептывать какие-нибудь глупости.

— Ваша светлость, с вашего позволения... я тоже удалюсь.

Ее ухо так заалело, что мне захотелось его куснуть или хотя бы взять в губы и поддержать во рту, как просвечивающийся на солнце леденец.

— Но вы вернетесь? — шепнула она.

— Вряд ли, — сказал я. — Навещу Готмара. Вспомним старое доброе время. Так что можете в это кресло усадить кого-нибудь из моих красавцев. Оно еще теплое.

Ее губы сразу надулись, она сказала сердито:

— Идите, беседуйте о своих драках! А сюда я никого не посажу. И вообще никого не сажала.

— А сенешаль?

— Он сажался сам, — ответила она так же сердито. — Как и вы!.. Но вам можно.

Я поднялся, поцеловал ей руку и вышел из зала.

Во дворе усиленная метушня, слуги торопятся, кое-кто вообще передвигается вприпрыжку, чтобы успеть справляться с внезапно возросшими обязанностями. Из далекой кузницы несется частый перестук молотков, перековывают тех наших коней, что сбили подковы на горной дороге.

Готмара не увидел, зато заметил сенешаля, тот рас-

поряжается властно и уверенно, я присмотрелся и понял, что он приказывает: коням, имуществу и вообще самим приехавшим не давать никакого преимущества перед местными. Приедут и уедут, а им здесь жить, так что надо заботиться в первую очередь только об обитателях замка...

Разумный подход, мелькнула мысль, но сейчас я сам в числе приезжих, так что у меня дилемма: за себя или за справедливость?

— Не любите сен-маринцев? — поинтересовался я, подходя сзади.

Он даже подпрыгнул, словно никто никогда не подходил к нему сзади или же он всегда такое замечал.

— Сен-маринцев? — повторил он непонимающе, потом собрался, нахмурился. — Мы все здесь сен-маринцы, ваша светлость.

— Однако большинство, — заметил я, — считает себя ундерлендцами. И только ими.

Он пожал плечами.

— Большинство нигде не правит. Ундерленды — часть королевства Сен-Мари.

— Хорошая позиция, — одобрил я. — А как относитесь к королю Кейдану?

Он уже полностью пришел в себя, заметно обнаглел и проговорил с усмешкой, глядя мне в глаза:

— Я поддерживаю законную власть короля Кейдана.

— Почему?

— Потому что он, — ответил он уверенно, — Его Величество король Кейдан, помазанник Божий, утвержден Ватиканом и признан всеми королями, а также императором.

Я поинтересовался:

— Каким?

Он в удивлении вскинул брови:

— Как это каким?

Я пояснил:

— Мне лично приходилось драться, к примеру, с императором Карлом. Могучий и талантливый военачальник, я только теперь вижу его настоящий масштаб.

Он сказал чопорно:

— Для нас нет другого императора, как Его Императорское Величество Герман Третий.

— Понятно, — пробормотал я, — потому вы так рьяно за короля Кейдана, что готовы не давать нашим коням воды?

Он сказал враждебно:

— Кони не виноваты, потому они напоены. Но я всем сердцем за короля Кейдана, потому что лишь он имеет право быть здесь властелином!

Я сказал хмуро:

— Только не надо этих сказок. Я прекрасно понимаю, почему предпочитаете Кейдана, а не Ричарда.

Он прищурился:

— Ну-ну?

— При Кейдане сможете плясать у него на столе, — сказал я, — а вот Ричард вам сразу же прищемит хвост. А то и пальцы дверью. Не пробовали это удовольствие? Я могу дать ощутить эту радость.

Его лицо дернулось, словно на миг представил себе, как пальцы попали между косяком и закрывающейся дверью, но сразу же сказал уже более ровным голосом:

— Вы так откровенно идете на конфронтацию... Почему?

— Ундерленды, — отрубил я, — это моя земля, как майордома и лорд-протектора Сен-Мари. И я не намерен терпеть здесь сепаратизм и центробежные настроения. Конфронтация, кстати, бывает только между равными! Вы что же, полагаете себя равным мне?

Я повысил голос и смотрел на него, как лев на козу,

нарочито распаляя себя так, чтобы было хорошо заметно даже издали мой вельможий гнев.

Он открыл было рот, явно хотел сказать что-то хлесткое, что не только, мол, но и выше, по морде видно, но затем заколебался, в глазах мелькнула неуверенность.

— Ваша светлость, — произнес он небрежным голосом, — да как я осмелюсь?.. Вы же этот, как его... властелин! А я кто? Всего лишь сенешаль герцога и простой советник герцогини, на досуге увлекающийся магией...

— Магия запрещена, — отрубил я.

— Так для баловства же, — объяснил он нагло. — Это совсем не то, когда человек занимается всерьез!

В голосе его была явная насмешка, но я сделал вид, что настолько туп и все принял за чистую монету, сказал гордо и значительно:

— То-то же! Идите!

Он поклонился преувеличенно низко, повернулся и пошел, я видел, как плечи вздрагивают от сдерживаемого хохота.

Сэр Готмар на заднем дворе придирчиво осматривает молодых коней, что привели в замок из ближайших сел, заглядывает в пасти, пересчитывает зубы, будто собирается пломбировать, задирает им ноги и ощупывает копыта.

— Хорошие кони, — заметил я. — Должен сказать, в остальной части королевства они поплоче.

— У нас все лучше, — ответил он с вызовом, разогнулся, посмотрел мне в лицо. — Что у вас на уме, ваша светлость?

Я поинтересовался:

— Неужели заметно? Когда же научусь смотреть аки правитель?.. Кстати, можете звать меня сэром Ричардом.

Он покачал головой:

— Не пойдет.

— Почему?

— Буду сбиваться, — объяснил он, — на «Сэр Полосатый». А «ваша светлость» привычнее. Герцог — его светлость, герцогиня — ее светлость... Так что вы задумали?

— Успокойтесь, — сказал я, — никаких драк в поднебесье. Это всякие полосатые дерутся, а их светлости творят политику.

Он вздохнул с облегчением.

— Слава господу!.. А то как вас увидел, так сразу накатило... И подземелье, и как соседа грохнули вместе с его дружиной, замком, воздушным флотом и даже горой, где стоял такой прекрасный замок, душа радовалась... Так до сих пор вулкан лавой поплевывает. Даже рассказать некому, все равно не поверят!

— Ну и хорошо, — сказал я, — будет жить мирно и счастливо... Кстати, что скажете насчет вашего сене-шалья?

Он вздрогнул, перекрестился, сплюнул через плечо, скрутил фигу и показал себе из-под колена.

— А я чуть не поверил, — сказал он с укором.

— А что такого? — спросил я в изумлении. — Предыдущего я зар-рзал... цх!.. за комплимент леди Жозефине. И никто даже ухом не повел. А чем этот лучше?

Он померк, оглянулся по сторонам и шепнул:

— Тот был просто дурак, купленный... противниками герцога. А этот сам себе на уме, а еще в черной магии силен.

— Да хоть в розовой, — ответил я, — или в голубой, что на него больше похоже. Что он еще делает, кроме своей работы?

— Работу он делает, — ответил Готмар шепотом, — хорошо делает! Но еще поставил себя так, что теперь он

хозяин как замка, так и всех Ундерлендов. Его слушаются уже не как сенешаля, а как герцога.

— И рыцари?

Он поморщился.

— А что рыцари? Их не утесняет. Напротив, развлекает как может. Они и рады. А ему льстит, что ему кланяются самые именитые лорды.

Я поглядывал на него внимательно, продолжая задавать вопросы легким тоном, и Готмар начал горячиться, по лицу пошли красные пятна, а в глазах заблестали злые огоньки.

— Понятно, — сказал я задумчиво. — Последний вопрос: в каких он отношениях с герцогиней?

Он застыл на мгновение, ожег меня ненавидящим взглядом за такую бесцеремонность, поколебался долгое мгновение.

— Как вам сказать... Конечно, он старается усилить свое влияние. Если бы его магия помогла, уже сумел бы совратить ее чарами. К счастью, все люди стараются оградить себя от чужих чар, а знатным и богатым еще и удастся. У герцога и герцогини при себе не то кольцо, не то что-то еще, что не дает на них так уж действовать...

Я переспросил:

— Что, и у герцога? А ему зачем?

Он сказал с достоинством:

— Но каково это лечь с прекрасной девой, а проснуться утром рядом с чем-то чешуйчатым или волосатым?

Я чуть было не пожал плечами как истинный демократ и толераст, но встретил честный взгляд Готмара.

— Да-да, — сказал я громко, — вы правы, сэр Готмар. Для некоторых это весьма как-то даже не совсем хорошо как бы вот так. Ага. У сенешаля все кольца волшебные?

Он пожал плечами:

— Никто не знает. Говорит, что да, но слишком уж их много. Наверное, часть просто для бахвальства.

— Спасибо, сэр Готмар, — сказал я.

Он спросил мне вдогонку обреченным голосом:

— Точно в небе не придется?

— И в подземелья не полезем, — заверил я. — У самого в печенках по самое не могу.

Превратившись в незримника, я миновал все магические ловушки Вервельда, слишком простые, даже на мой взгляд, — видимы либо в тепловом, либо в запаховом, — прошел в ту часть дворца, что считается женской половиной.

Пахнуло его запахом, я двинулся вдоль стены, осторожно выглянул. Сенешаль стоит у двери, загоразивая герцогине вход, а она, маленькая и трепещущая, смотрит на него снизу вверх, как птенчик на большую змею, нависающую над ним раскрытой пастью.

— Иля, — услышал я его вкрадчивый голос, — сколько могу сдерживать жар в своих пылающих чреслах?.. Я приду сегодня, перестаньте запирать передо мной двери!.. На этот раз я сделаю то, чего раньше избегал...

Донесся ее слабый и пищущий голосок:

— Что?

— Применю магию, — сообщил он. — Я вообще-то не пользуюсь в таких делах, женщинам я интересен и без нее...

Я видел, как она попыталась собраться с силами, когда проговорила все еще испуганно, но с достоинством:

— Разве вам не достаточно, что все женщины в замке к вашим услугам?.. Вы же не пропустили ни одной прачки!

— Герцогиня, — ответил он с апломбом, — не прачка!

Дурак, сказал я себе. Еще не понял, что разницы нет, а еще маг. Хорошо же, дурачина...

Он ухватил ее за руку, но она с неожиданной силой вырвалась.

— Не смейте, — сказала она храбро, но в ее голосе я уловил слезы. — В замке важные гости! А вдруг услышат?

Он засмеялся.

— Эти железнолобые дураки? Да они слышат только бульканье в своих чашах! Да еще в бочках, куда уже повадились за свежим вином.

— Все равно, — запротестовала она, — оставим этот разговор до тех пор, пока они не уедут!

Он покачал головой и сказал уже со злым нетерпением:

— Вы уже давно меня вот так дурачите. Сегодня ночью я приду к вам! И не пытайтесь запираться.

В его сильном голосе звучала такая нечеловеческая сила, что даже у меня по спине пробежал холодок, а бедная Иля застыла, как бедный суслик на задних лапках.

Сенешаль повернулся резко и ушел, а она все стояла и обреченно смотрела вслед, потом по щекам побежали блестящие капельки, оставляя за собой дорожки.

Я качнулся было сразу же подойти и утешить, пообещать защиту, однако она может возненавидеть за то, что застал в такой момент слабости. Если у королев нет ног, то герцогини по меньшей мере не плачут.

Глава 4

Я проследил, куда она плывет, возвышаясь из роскошного платья, что длинным хвостом подметает пол, забежал вперед, вышел из незримности, она вздрогнула, когда я вышел из соседнего зала.

— Ой, сэс Ричард! Как вы меня напугали!

Мне захотелось схватить ее в объятия и прижать к груди, как испуганного ребенка, утешая и уверяя, что никому не дам обидеть, но вместо этого я галантно поклонился и сказал дружески:

— Ваша светлость...

Лицо ее тут же озарилось, даже попробовала улыбнуться, хотя обреченное выражение из глаз так и не пропало.

— Ваша светлость, — повторил я весело и, наклонившись, взял ее безжизненные пальчики, с удовольствием припал к ним губами, чувствуя нежность кожи и тонкий аромат женской плоти. — Как приятно чувствовать себя во власти такой очаровательной хозяйки! Даже в полной власти, так сказать бы...

Она печально улыбнулась.

— Ах, милый сэс Ричард!

— Почему вы грустите? — поинтересовался я. — Что герцог не участвует в вашем веселье? Так мы скоро отправимся в Гандерстейм, где он отважно и доблестно сдерживает натиск злобных дикарей и наносит в ответ яростные удары! Это разве не веселье?

Она ответила слабеньким голоском:

— Да-да, конечно. Ах, оставьте меня, сэс Ричард... У меня ужасно болит голова...

Я согнал улыбку с лица и сказал твердым голосом:

— Ваша светлость, я не верю, когда голова начинает болеть, прямо раскалываться в нужный момент. Вас гнетет что-то серьезное. Весьма гнетет и даже давит, вы даже горбиться начали! Скажите мне всю правду!

Она отпрянула, попыталась выпрямить еще больше и без того идеально прямую спину.

Наши взгляды встретились, я улыбался, но ее глаза блеснули слабеньким гневиком.

— Как вы... разговариваете?

Я сказал подчеркнуто твердо:

— Как настоящий, а не картонный сюзерен. Мне вот до всего есть дело. Вы с герцогом мои подданные, признаете это или нет. И я забочусь о вас!.. Говорите, или...

Она спросила с испугом:

— Что «или»?

— Или я поставлю и свою охрану возле дверей вашей спальни, — ответил я, — а кроме того, велю своим людям сопровождать вас всюду. Даже если пойдете в отхожее место! Может быть, это и не самое мудрое из моих распоряжений, но я твердо намерен узнать, что вас гнетет! Возможно, что-то затевается против моих людей? И против меня?

Она молитвенно сложила у груди ладони и смотрела на меня снизу вверх, как испуганный ребенок на строгого родителя.

— Могу поклясться!..

— В чем?

— Против вас ничего!

— Ага, значит, все-таки затевается! А против кого?

Она закусила губу, большие детские глаза начали наполняться слезами. И хотя знаю, что больше поплачет — меньше попишет, однако все-таки женские слезы действуют иногда сильнее, чем даже истощный рев младенца.

— Сэр Ричард, — произнесла она с мольбой, — ну почему вы не можете мне поверить?

— Ваша светлость, — произнес я церемонно, — представленная к вам стража покажет только мое желание позаботиться о вас. Это одобрил бы и герцог, и все, кто вас любит. Так что ваше стремление избежать такой простой и ясной защиты... говорит против вас. Вы затеяли что-то нехорошее!

Она заломила руки:

— Он меня убьет! Решит, что это я вас упростила поставить у дверей моей спальни стражу!

— Кто, — спросил я с расстановкой, — он?

Она в страхе огляделась, глаза от ужаса уже как блюдца.

— Вервельд...

Я сказал с удовлетворением:

— Ну, ваша светлость, теперь вы понимаете, что я должен знать все. Иначе велю схватить этого сенешаля и приведу к вам на очную ставку...

Она вскрикнула:

— Нет! Только не это...

Через несколько минут я уже действительно знал все. Вервельд появился при дворе сравнительно недавно, но так умело со всеми общался, что от каждого получал поддержку, хотя нередко потом люди изумлялись, с чего вдруг поддержали этого человека.

Поговаривали, что он искусен в черной магии, однако Вервельд уклонялся от прямых вопросов, только улыбался таинственно. Ему поручали некоторые работы, все выполнял быстро и точно, и как-то все приняли как должное, что он вскоре стал сенешалем всего замка.

Герцог с большим войском отбыл в Сен-Мари в неведомый и загадочный Гандерстейм, а Вервельд, успев поутолять похоть практически со всеми служанками замка и фрейлинами герцогини, обратил мрачный взгляд на одинокую хозяйку крепости и герцогства Ундерленды.

Пока он рассыпал комплименты, Иля сперва лишь улыбалась, потом морщилась, наконец встревожилась, а Вервельд, чувствуя свою силу и умело манипулируя всеми, начал неспешное продвижение к цели.

Возможно, он нацелился на что-то и повыше, чем просто переспать с могущественной хозяйкой Ундер-

лендов, не дурак же, чтобы удовольствоваться такой ерундой. Постель как цель — это для юнцов и просто тупых, а Вербельд выглядит так, словно его мозг работает без отдыха все двадцать четыре часа в сутки.

— Надеюсь, — прошептала она в конце печального рассказа, — он испугается своей дерзости... и опомнится!

— Или ему станет стыдно, — сказал я с иронией. — Или вдруг совесть разыграет... Ох, что-то не верю.

Она сказала с упреком:

— В человеке нужно искать хорошее!

— Ладно, — ответил я, — дадим ему шанс. Я буду ждать его в вашей спальне. Если он войдет и осмелится приблизиться к постели — заслужил смерть. Если стоит у запертой двери и уйдет... что ж, спасет свою шкуру. Хотя за намеки и желание влезть в вашу постель... гм... я бы повесил все равно.

Она сказала с упреком:

— Вы жестокий человек!

— Жизнь такая, — ответил я сокрушенно, — а так вообще-то я самый мирный и пушистый зайчик на свете! Сидел бы в кустах и жрал украденную морковку. Увы, не дают... Приходится отбиваться. А я такой зайчик, что если вмажу в справедливом гневе, а он у меня всегда справедливый...

Она сказала слабо:

— Вам нужно идти к своим людям.

Я отмахнулся:

— Уже поздно. Одни все еще сидят за столом, другие отправились спать, дорога в Ундерленды всегда тяжелая. Лучше я сразу в вашу спальню.

Она вскрикнула в ужасе:

— Прямо вот так?

— Не в постель же, — пояснил я.

Она сказала быстро:

— Но мой вечерний туалет... Фрейлины всегда раздевают перед сном...

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда я зайду прямо сейчас и спрячусь. Они вас разденут и уйдут, в коридоре у вашей двери на ночь встанет стража... Гм, герцог был предусмотрителен, отдавая некоторые приказы. Так что все будут знать, что к вам ночью никто не приходил... Гм, только как пройдет сам Вербельд?

Она содрогнулась.

— Все стражники больше слушаются его, а не Готмара! Кроме того, он умеет отводить глаза...

— Это многое объясняет, — согласился я. — Хорошо, леди Иля, вы топайте своими крохотными лапками к гостям, пожелайте им спокойной ночи, а потом с хвостом фрейлин в спальню. Я подсматривать не буду, клянусь! Я же благородный рыцарь.

Ее фрейлины долго и церемонно помогали ей раздеваться: сняли оба рукава — пришивать к платьям еще не додумались, пока только пристегивают, — старательно распустили шнуровку корсета и тоже сняли как черепаховый панцирь, долго расплетали ленты в хитроумной прическе, наконец эта высокая башня рухнула и, заструившись по плечам, легла на груди, опустившись до пояса, а на спине — до поясницы.

С распушенными волосами герцогиня выглядит молодой и прекрасной, я засмотрелся, чувствуя, как чуточку быстрее пошло стучать сердце.

Она, стараясь держаться как обычно, то и дело бросала по сторонам пугливые взгляды. Конечно, не потому, что опасается подглядывания, благородный человек этого делать не станет, но побаивается, что я недостаточно хорошо спрятался, фрейлины заметят, а это сразу вся репутация рухнет в бездонную пропасть.

Две фрейлины старательно и с явным удовольстви-

ем расчесывают ей волосы большими гребнями с крупными зубьями, потом с нее сняли ожерелье, с пальцев стащили кольца, передали ей, она упрятала в шкатулку, а ключ повесила себе на шею.

— Все, — произнесла она мягко, — идите отдыхайте.

Фрейлины присели на прощание и веселой стайкой устремились к двери. Какое там отдыхать, прочел я в каждом их движении, когда столько молодых и красивых рыцарей прибыло с этим загадочным Ричардом Завоевателем!

Герцогиня, такая крохотная без высоких каблуков и умопомрачительной прически, и в своей длинной, до пола ночной рубашке похожая на заблудившееся привидение, поочередно погасила все свечи, кроме одной, торопливо влезла под одеяло и тихохонько пропищала оттуда пугливым голосом:

— Сэр... вы... здесь?

Я нарочито всхрипнул, вышел из-за шкафа, зевая и потягиваясь, приблизился к постели. Она, лежа на спине, натянула одеяло к подбородку и смотрит огромными испуганными глазами. Распущенные по двум подушкам волосы красиво обрамляют, как драгоценная рама, бледное лицо с трагически расширенными глазами.

— Пожалуй, — сказал я шепотом, — стоит погасить и эту свечу...

Она ответила сердито:

— Я тогда вообще умру от страха!

— Вы что, и спите при свечах?

— Конечно!.. А вы разве нет?

— Я еще и глаза накрываю черной тряпкой, — ответил я. — Тогда я заберусь под кровать...

Она прошипела:

— Что? Вот еще!

— Значит, рядом, — сказал я решительно. — Здесь у

вас пятерым резвиться можно. Одеяло натяну на голову, он ничего не заметит... если, конечно, войдет.

— Не смейте...

Но я уже приподнял край одеяла и лег с самого края, целомудренно не притрагиваясь к трепещущей от ужаса герцогине, хотя да, между нами почти целый ярд, я даже тепла не чувствую, только аромат нежной кожи...

Потом я начал степенный и отстраненный разговор о политике, экономике, инвестициях, налогах на шерсть, она тихохонько начала отвечать, совсем мышинным голоском, мы говорили совсем шепотом, головы приходилось сближать, чтобы разбирать едва слышные слова, наконец сблизились настолько, что нечаянно коснулись друг друга локтями.

Я ощутил жжение, распространившееся по всему телу, а Иля отодвинулась так резко, что почти отпрыгнула как испуганная птичка.

Некоторое время мы молчали, не зная, что сказать и как шелохнуться, а по ту сторону двери слышались уверенные шаги, донесся командный голос Готмара.

Стражи что-то забормотали, он прикрикнул, и они, слышно по шагам, отступили в стороны.

Дверь дрогнула, но запор держит крепко, я прошептал:

— Все-таки решился...

Она ответила едва слышно:

— Но... это не он!

— А кто?

— Ничего не понимаю... голос Готмара?

— Только голос, — прошептал я. — Тихо...

Дверь дрогнула снова, затем мы оба увидели, как заколоченные по самые шляпки гвозди сами по себе начали выползать из отверстий в засове, похожие со своими широкими расплюснутыми шляпками на бы-

строрастущие грибы, один за другим беззвучно шлепались на толстый ковер у двери.

Я укрылся с головой за мгновение до того, как дверь картинно распахнулась. Готмар переступил порог, аккуратно закрыл за собой, и сразу же личина рассеялась, обнаружив Вербельда.

Он пошел к постели уверенно, по-хозяйски, а Иля обеими лапками натягивала край одеяла уже и на рот, оставив снаружи только испуганные глаза.

— Дорогая, — произнес он ласково, — мы поладим. Такая женщина должна принадлежать мне.

Она пропищала:

— Ты... можешь принимать чужие личины?

Он коротко усмехнулся.

— Могу. Но только во сне она... сползает.

— Значит, — прошептала она, — ты мог бы взять себе даже личину герцога?

Он расстегнул и сбросил камзол, на лице появилась поощрительная улыбка.

— Догадалась? Потому-то, милая, мы и должны договориться. И научиться спать в одной постели. Только тебе будет позволительно видеть меня в моем настоящем облике. Для других я могу быть в облике герцога.

Он по-хозяйски сел на край постели и сбросил один сапог, подумал и сбросил второй.

— Ты мерзавец, — прошептала она.

Он повернулся, оглядел ее уже как собственник.

— Ты будешь спать со мной, — сказал он с насмешкой. — Почему герцогу можно с леди Кларенсией, а тебе со мной нет?

Она вскрикнула со слезами в голосе:

— Что ты мне все время про эту леди Кларенсию?

— Нужно отвечать герцогу тем же, — ответил он с той же насмешкой. — Он сам дал повод...

Он поднял край одеяла и лег рядом, сразу же попы-

тался передвинуться и навалиться на ее хрупкое тело, одновременно задирая подол ее длинной ночной сорочки.

Иля жалобно заплакала, я рывком сбросил одеяло со своей стороны, толчком сбил ошеломленного насильника с ложа и, прыгнув сверху, прижал к полу, сразу же приставив нож к горлу.

— Не шевелись, — предупредил я, — и ни звука. Я не знаю, какой ты чародей, проверять не собираюсь.

Он замер, только глаза скосил, стараясь рассмотреть холодное лезвие, что уперлось в яремную вену.

— Ответствуй, — велел я, — но прямо и четко, не виляя... Почему ты выбрал место сенешаля?

Он прошептал:

— Доходное место...

— Ответ неверен, — произнес я безжалостно, острое кинжала пропороло кожу, тонкая струйка крови побежала по шее. — Говори правду.

Он едва слышно вздрогнул, в глазах дикий ужас, даже губы побелели, прошептал, едва шевеля ими:

— Это власть... и даже герцогиня в моей власти...

— Ответ верен, — произнес я так же холодно, — но уклончив. Сознаясь в малом, прячем что-то крупное?.. Тогда такой вопрос: сам ты решился на это или кто-то велел?

Он шепнул:

— Сам... конечно же, сам!

— Слишком быстро ответил, — сказал я. — Ответ неверен...

С кровати над нашими голосами донеслось плачущее:

— Сэр Ричард, ну что у вас за такие забавы?.. Убейте его скорее!

— А получить удовлетворение? — спросил я. — Для мужчины это выше, чем распластать под собой голую женщину. Вон Вервельд это понимает... Отвечай, или...

Он прошептал:

— Мне велено...

— Кем?

— Великим магом Тартеносом...

Глава 5

Имя мне показалось знакомым: порылся в памяти, всплыло искаженное мукой лицо распятого в глубоком подземелье Агалантера, тоже мага, что провисел там двести пятьдесят лет, пока я его не освободил.

— Могучий маг, — согласился я. — Как-то, помню... гм... так что он хотел? Мог бы и сам стать герцогом!

— Ему нельзя, — прошептал он. — А я бы снабжал его всем, что ему понадобится. Все Ундерленды были бы в его власти, хоть люди, хоть недра...

— Тартенос добивается власти не только магической? — спросил я.

— Да...

— Тогда он опасен, — пробормотал я. — И ты с ним...

За спиной у меня пахнуло воздухом, по запаху я определил, что это Иля, не стал оглядываться, пора с этим Вервельдом кончать, уже все понял, но в этот миг нечто жесткое перехватило мне горло, я захрипел, а в глазах Вервельда блеснуло злое торжество.

Другой рукой я попытался просунуть пальцы под шелковый шнур от балдахина, но он сильно впился в горло, я хрипел, Вервельд начал осторожно высвобождаться, и моя рука с силой вогнала кинжал ему в горло.

Кровь из перехваченной артерии ударила горячей струей. Глаза мага стали безумными, я выпрямился, все еще сидя на нем, ухитрился захватить за тонкую кисть руки и дернул на себя.

Иля упала, не выпуская шелковый шнур, лицо бе-

зумное, глаза вытаращены; я скатился с Вербельда, подмял под себя теперь женщину, распластал ее руки в стороны и крикнул:

— Иля!.. Все кончено!.. Мы победили!

За спиной послышалось злобное:

— Еще нет... И не сумеете...

Я скатился в сторону, над головой вжикнула острая сталь. Я выхватил меч, Вербельд уже на ногах, на лице злобная ухмылка.

— Магия не действует, да? — спросил я. — Ну тогда подействует...

Я быстро и с наибольшей скоростью, едва не перервавшись в безумном усилии, взмахнул мечом. Острый клинок ударил в основание шеи колдуна, рассек все жилы и сухожилия.

Голова слетела с плеч и покатилась по полу. Я сильным пинком забросил ее в середину полыхающего камина. Там затрещало, взвился чадный дым, сильно пахнуло горелой плотью, донесся тоскливый вопль, хотя голова ну никак не может вопить, не имея доступа к легким.

Иля попыталась подняться и снова набросить на меня удушающий шнур. Я легко повалил ее на пол, придавил всем телом, чувствуя под ночной рубашкой нежную женскую плоть.

— Все-все!.. — сказал я громко и настойчиво. — Иля, дорогая, опомнись!.. Мерзкий колдун уже мертв. Даже магия не прирастит голову. Смотри, как хорошо горит! Словно сосновый пенек.

Ее трясло, подбрасывало, я прижимал все сильнее, начал шептать на уши успокаивающие слова, целовать глаза и щеки, наконец и вовсе впился в губы.

Она вздрогнула, я ощутил, что начинает приходить в себя, отстранился и с надеждой смотрел в ее лицо.

— Леди Иля?

Она посмотрела на меня в ужасе, глаза немедленно наполнились слезами.

— Сэр Ричард!.. Что я наделала... Простите меня!.. Я все помню, я все чувствовала, но мои руки не подчинялись мне...

— Все кончилось, — повторил я. — Все позади. Черный маг мертв, вы теперь свободны. Все хорошо. Теперь все хорошо.

Она прошептала:

— Но... как вы? Он же сперва пытался вас нагнуть и заставить! Я видела, я чувствовала...

— Я толстокожий, — пояснил я неуклюже, — а вы тонкая, чувствительная, отзывчивая, ласковая, теплая, нежная, трепетная, хрупкая...

Она проговорила с мольбой:

— Вы не толстокожий, раз сами пришли на помощь, не дожидаясь зова. Наверное, у вас мощный защитный амулет... Сэр Ричард, я вся дрожу...

— Это вас не портит, — заверил я, — еще как не портит!

Я взял ее на руки и понес к ложу, что вообще-то рядом, но я нес долго, с этой стороны распласталось обезглавленное тело, руки и ноги все еще дергаются, хотя все слабее и слабее, а я обошел очень медленно и неторопливо эту балдахинную кровать, прижал к груди трепещущую испуганную женщину, со вздохом и, словно отрывая от себя, опустил на ложе и бережно укрыл одеялом по самый подбородок.

Наши взгляды встретились, я собирался то ли пожелать спокойной ночи, то ли вызвать слуг, чтобы убрали обезглавленный труп предателя, а леди Иля прошептала, покраснев настолько сильно, что заметно даже в этом скудном освещении:

— Сэр Ричард... останьтесь, мне страшно.

Я проговорил в нерешительности:

— Леди, но это как бы не совсем... Я настолько вас чту и уважаю...

— Вы останетесь, — сказала она с неожиданной твердостью. — И вы знаете почему.

Я сказал растерянно:

— Ваша светлость?

Она опустила взгляд, я чувствовал, что ей очень трудно это сказать, но она проговорила, опустив голову, не глядя на меня:

— Вы щадите меня, знаю... Но к вам в Геннегау на большой прием мой муж приезжал с леди Кларенсией, своей женой по тетравленду. Да, она молодая и красивая, знаю, а еще и очень дородная, как я слышала!..

Я пролепетал жалко, чувствуя себя как ошалевший уж на раскаленной сковороде:

— Ваша светлость...

— Когда он просил моей руки, — проговорила она с трудом, — он обещал, что никакого тетравленда, мы не по сговору родителей, а по любви!.. Ну хотя бы я не дала ему сына, тогда бы понятно, однако двое здоровых и сильных сыновей, умных и красивых, были его гордостью!.. Правда, когда им наскучила его опека, они во главе сильных отрядов отправились из Ундерлендов в Сен-Мари, но дело не в этом!.. Он взял в жены леди Кларенсию... просто потому, что захотел другую женщину!.. А это нечестно!

Крупные слезы хлынули по ее щекам. Я тоскливо молчал. Оказывается, про леди Кларенсию знает давно, но все равно держится достойно, не отвечает герцогу тем же...

— Почему я? — спросил я. — В замке множество красивых и учтивых рыцарей. Все ваши гости боготворят вас! Витерлих готов целовать землю, где вы проходите... А я при виде герцога всякий раз буду чувствовать свою вину.

Она покачала головой.

— Не догадываетесь?

— Н-нет...

— Потому что вы принимали их обоих в своем дворце, — ответила она с нажимом. — И вы тоже виноваты. Это вам не в радость, как вы думаете, а в наказание!

Плечи ее затряслись, слезы хлынули новым потоком, она заплакала тихо и безнадежно, как потерявшийся в темном лесу ребенок, которому некому пожаловаться.

Я торопливо привлек ее к себе, прижал к груди, и тут заревела громче, моя рубашка сразу промокла. Ее худенькое тело вздрагивало от рыданий, она втискивалась в меня, словно старалась спрятаться от жестокости и несправедливости мира.

Я уложил ее на подушки, начал целовать в лоб, глаза и щеки, стараясь успокоить, однако она, не переставая плакать, ухватила обеими руками за мою голову и, приподнявшись чуть, впилась злым поцелуем в губы.

Когда он закончился, я обнял ее и баюкал, как обиженного ребенка, у детей все обиды — смертельные, успокаивал, лелеял, но эти роскошные перины, ароматы спальни, распущенные волосы по двум подушкам, миниатюрная женщина с удивительно ладным сочным телом...

Я начал целовать ее снова, уже иначе, в какой-то момент она напряглась и даже попыталась меня оттолкнуть, но в следующий момент ухватила мою голову и прижала крепче.

— Ох... Ричард... — услышал я ее хриплый голос.

— Иля, — выдохнул я, — ты... сокровище...

— Рич... не надо...

— Ты вся... алая роза...

— Рич... что ты со мной делаешь...

— А что ты со мной уже сделала?..

— Рич, прекрати это...

— Все можно, — заверил я, — между мужчиной и женщиной можно все... и кроме того, ты же хочешь снять часть этого груза со своей души?..

— Хорошо, Рич... Тебе виднее... но... щади меня...

— Да ни за что!..

Утро застало нас в постели, я проснулся первым и, приподнявшись на локте, с нежностью смотрел в ее раздумавшееся лицо. Хорошенькая, с правильным кукольным лицом, пышная масса волос разбросана по обеим громадным подушкам, мне почему-то эта деталь нравится даже больше, чем выставленные напоказ вторичные половые, скомканная ночная рубашка лежит рядом. Вчера едва позволила снять, но не дала отбросить подальше на пол, а вначале вообще намеревалась целомудренно прелюбодействовать не только в полной тьме, но и не снимая.

Я тихохонько оделся, вошел в личину незримника и, бесшумно приоткрыв дверь, понаблюдал за двумя разгуливающими по коридору стражами.

Выбрав момент, когда оба шли от двери, я выскользнул, плотно прикрыл дверь и на цыпочках побежал в самую безлюдную часть замка, а уже оттуда начал пробираться в гостевое крыло.

Стража с утра покидает ночной пост у двери герцогини, я вызвал Ганса и велел ему все убрать в спальне герцогини так, чтобы никто ничего, понял? Да и сам чтоб держал язык за зубами.

Он кивал, серьезный и сосредоточенный, спросил осторожно, одному все сделать или взять кого-то в помощь, я отмахнулся, сам все решит на месте.

Во дворе Готмар распекает молодого стражника, не так ходит, не так смотрит, меня увидел и отослал его

брезгливым жестом, а я помахал издали жизнерадостно властной дланью сюзерена.

— Сэр Готмар, как жизнь?

— Не жалуется, — буркнул он, затем вспомнив, что я не Полосатый уже, а Ричард, да еще и ужасный Завоеватель, поспешно поклонился, — ваша светлость.

— Знаешь, Готмар, — сообщил я заговорщицки, — я тут услышал краем уха, что этот Вербельд уже начинает командовать вашими людьми, какая свинья!

Он нахмурился, пробормотал злобно:

— Когда-нибудь я ему за это руки поотбиваю!

Я лучезарно улыбнулся.

— Не волнуйтесь, дорогой сэр Готмар!

Он дернулся, спросил настороженно:

— Почему?

— Я за вас все сделал.

— Что? — спросил он в испуге. — Что сделали?

Я объяснил обстоятельно:

— Ну не могу же допустить, чтобы кто-то вас, моего жуть какого боевого соратника, чем-то задел в домашних условиях?

— И что...

— Я ему отбил, — пояснил я, — правда, не руки, я человек не мелочный, у меня крупные духовные запросы... я интеллектуал, можно сказать, в некотором недопустимом приближении.

Он охнул, смотрел на меня выпученными глазами.

— Что вы с ним сделали?

Я посмотрел несколько удивленно:

— Он заносился, не так ли? Вот я и выровнял ситуацию, просто сделал его ниже ростом. На голову.

Он в ужасе посмотрел на толстые стены замка, быстро огляделся по сторонам.

— Только и всего? Замок не сгорит? Не провалится сквозь землю?

— Ну с чего бы, — сказал я успокаивающе. — То были наши шалости над замками наших стратегических противников. А здесь все свои...

Он с облегчением перевел дух.

— Правда только сенешалем ограничились?

— Вот вам крест, — сказал я и перекрестился. — Неужели вы мне вот уж так не доверяете?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Да беда в том, что вы в самом деле человек не мелочный... Два замка могущественных лордов отправили в тартарары, когда были еще сэром Полосатым, а чего ждать от майордома Ричарда Завоевателя? Чего уж замечать, что прошлого сенешаля вы закололи как свинью за глупый комплимент Жозефине, а этого дурака... вот так... за то, что моим людям отдавал приказы?

— Точно, — сказал я с достоинством. — За друзей надо вступаться, не так ли? Я просто уверен, что и вы для меня сделаете что-то из подобных мелочей! Ну, зарежете, заколете, затопчете, удавите...

Он застыл, глядя выпученными глазами, я пошел дальше, услышал только сзади испуганный вопль:

— Но... где он сейчас?

— Голова или туловище? — переспросил я. — Да и вообще, сэр Готмар, наше ли дело заниматься такой ерундой? Просто подберите... в смысле порекомендуйте герцогине кого-нибудь более верного и достойного доверия. В сенешали... А я пойду вздремну малость, а то всю ночь с колдовством боролся и умирал плоть до полного изнеможения.

Глава 6

Заснуть, правда, не удалось, даже если б и попытался: в черепе все время крутится насчет Тартеноса, эта сволочь вознамерился обрести контроль над Ундерлен-

дами, а это прямой вызов их нынешнему хозяину, то есть мне.

Я в раздражении ходил по комнате, больше всего не люблю ждать, но здесь сам виноват, надо было дать Кейдану точные сроки на обдумывание. Мол, до пятницы — и точка! Или пусть даже до понедельника, я могу быть бесконечно щедрым.

Что-то насторожило, я даже не понял, что именно, перестал ходить по комнате, прислушался. Теперь слышу отчетливо: откуда-то идет зов, даже не зов, а приглашение... нет, и это не совсем верно, некто расположен ко мне дружески и... не закрыт от меня, как от всех остальных. Или не от всех, не знаю, но от меня не закрыт.

Я в недоумении отошел к другой стене, отвернулся, через некоторое время определил, что зов идет с другой стороны. Попробовал встать боком, потом другим, все верно — можно определить направление.

Повеселев, я выскочил на двор, велел подать к выходу из донжона Зайчика. Бобик скачет впереди, заглядывает в глаза и вертит уже не только хвостом, но и задом: ура, сейчас помчимся гонять дурных зверей!

Готмар увидел меня со стены, торопливо сбежал вниз, красное суровое лицо выглядит чуть ли не плачущим.

— Ваша светлость?

— Не спится, Готмар, — сообщил я дружески. — Прогуляюсь малость по окрестностям.

Он вздрогнул.

— Вот так просто?

— А как надо? — поинтересовался я.

— Как-нибудь по делу, — ответил он. — Тогда только в одном месте все спалите! А когда вот так по окрестностям...

Я сказал обидчиво:

— Готмар, ну что за неверные представления о своем сюзерене?.. Как будто только и умею, что палить!

Он содрогнулся всем телом.

— Сэр Ричард, я даже боюсь и представить, что вы еще умеете!

Я нахмурился.

— Если это комплимент, то какой-то очень слишком придворный, в смысле вычурный, понимай его, кто как желает. Надо будет вас ввести в светское общество за такой стиль... там наплачетесь, когда вас атакуют придворные дуры.

Зайчик уловил неслышный толчок и понесся к воротам. Бобик очутился там моментально, оглянулся, весь из себя нетерпение.

Едва открыли ворота, мы промчались чуть по прямой, затем я прислушался и скорректировал движение. Дорога ушла в сторону, но, к счастью, Зайчику не нужны дороги, как и Бобику.

Под копытами мягко постанывает земля, я все старался понять, что же такое странное в этом зове-приглашении, что не зов и не приглашение, а Зайчик тем временем уже мчится по каменистой насыпи, потом вовсе пошел в горы, справа и слева начали подниматься, загораживая небо, высокие стены ущелья.

Ощущение такое, что некто могущественный отстранился от мира и никого не хочет видеть, но для меня оставил щель. Вовсе не потому, что хочет меня видеть, нет, такого желания не чувствую, как ни стараюсь, именно такая вот равнодушная и потому таинственная... незакрытость.

Зайчик сперва несся галопом, затем перешел на рысь и шаг, а я в недоумении уставился на отвесную стену впереди. Массивная и достаточно молодая гора, вернее, ее скол, где совершенно нет старческих трещин, уступов и выступов, куда могло бы забросить ветром земляную пыль и семена, а потом там укоренилась

бы травка, постепенно расшатывая корнями прочный камень.

— Вперед, — сказал я, — вперед, мой Зайчик...

Бобик, смертельно обиженный, ринулся вперед и, усевшись возле самой стены, посмотрел на меня сердито и громко гавкнул.

— Ну ты чего? — укорил я. Это Зайчику я сказал, а ты меня и без слов понимаешь...

Теперь обиделся Зайчик, негодуя фыркнул и даже двинул мышцами спины так, что седло каким-то образом переместилось ближе к крупу, где трясет сильнее.

— Ну что вы за две заразы, — сказал я с сердцем. — Эгоисты... Люблю вас, это шутка такая, морды вы две наглые.

Стена могучая, солидная, однако я увидел за ней просторную лужайку, а дальше новую стену, но уже древнюю, старую, в трещинах и кавернах, а у самой земли высокий вход в темную пещеру.

Я протянул руку, кончики пальцев уперлись в камень, я сделал усилие, нажал, и рука свободно прошла на ту сторону.

— Зайчик, — сказал я с сильно бьющимся сердцем, — давай вперед, мой могучий слоник... Это всего лишь мара. Вперед!

Он недовольно хрюкнул, но пошел, Бобик взвизгнул, бросился вперед и мигом исчез в монолите камня. Мы с Зайчиком сделали усилие и... оказались на той стороне.

Оглянувшись, я вообще не увидел никакой стены. Только дорога по дну ущелья между высокими скалами, а дальше простор Ундерлендов.

— Хорошо, — сказал я с сильно стучащим сердцем, — теперь ждите меня здесь...

Они с укором смотрели вслед, а я, покинув седло, пошел прямо к чернеющему входу. Ощущение, что

именно там некто или нечто, что знает обо мне, становится все сильнее...

Вход в пещеру кривой, свод высоко, просторно, однако из стен торчат довольно острые камни. Я двигался настороженно, уже хотел зажечь огонек, но впереди блеснул свет, через несколько минут я вышел в просторную пещеру.

В глубине слабый костер из сырых веток, сизый дым стелется по полу. Под стеной скрючился седой старик, упершись в нее костлявой спиной, при моем приближении даже не пошевелился.

Я всмотрелся, охнул.

— Агалантер!.. Что с тобой?

Он медленно поднял голову: лицо, испещренное морщинами, веки, вспухшие и красные, как после многочасовых ночных бдений.

— А-а-а, — произнес он равнодушно скрипучим голосом, — что-то знакомое... Ну да, тот герой, что вызволил меня из рук Тартеноса... Даже спас, как говорят в этом времени...

Я перевел дыхание, стараясь делать это незаметно, пусть не видит, что я трусил, но приятно, что узнал своего спасителя, а не шарахнул сразу о стену.

— Верно, — согласился я торопливо, — это я оказал ту крохотную услугу, но не стоит о таких пустяках... Что с тобой случилось, ты же великий маг? Я могу чем-то помочь?

Его высохшие губы чуть дрогнули в снисходительной улыбке.

— Молодой и сильный, — произнес он с легкой насмешкой, — отважный и не знающий сомнений... Когда-то и я таким был...

Я сказал осторожно:

— Ну, вообще-то я весь в сомнениях, великий Агалантер. Я знаю, что начавший уверенно обычно закан-

чивает сомнениями, а кто начинает свой путь в сомнениях, закончит в победной уверенности.

Он посмотрел на меня с некоторым интересом.

— О, мысль?.. Странно слышать от такого... зеленого.

— Кто ясно мыслит, — произнес я, — тот ясно и излагает. Я мыслю, следовательно, существую... хотя это из другой... гм... песни. Агалантер, я могу чем-то помочь?

Он посмотрел снисходительно — так король на троне смотрит на нищего у его ног.

— А чем ты можешь? Богатства меня не интересуют... Власть... тоже...

— Отомстить Тартеносу! — предложил я. — Он же тебя двести лет продержал распятым на стене!

— Двести пятьдесят, — уточнил он.

— Тем более! Его надо... самого так!

Он покачал головой.

— Когда-то и я хотел этого. Какие только мучения, пытки для него не придумывал... Потом... как-то все прошло. Слишком много жил, слишком много перепробовал, ничего нового, все повторяется, и все обрыдло...

Я переступил с ноги на ногу, еще не зная, что сказать на такое неожиданное заявление, порывлся в памяти, она у меня сейчас абсолютная, отыскал фрагмент и сказал медленно и с печальной торжественностью в голосе:

— Всё суета сует и нет ничего нового под солнцем... Что пользы человеку от всех трудов его... Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки... Все реки текут в море, но море не переполняется. К тому месту, откуда текут, возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет: и что делалось, то и будет делаться... Бывает нечто, о чем говорят: смотри, это новое, но это было уже в веках... Нет памяти о прежнем, да и о том,

что будет, не останется памяти у тех, которые будут после...

Он сперва слушал молча, потом выпрямился, глаза заблестели, начал подниматься в волнении, но стукнулся головой о выступ скалы и рухнул обратно.

— Это что? — вскрикнул он воспламененно. — Кто сказал такие золотые слова?.. Кто это понял раньше меня?

Я развел руками:

— Да был такой... Ему даже не понадобилось жить тысячу или сколько там у тебя лет.

Он сказал жадно:

— Это был мудрец!.. Я сам все понял только недавно!.. Но как же это страшно понять такое... всю эту бессмыслицу жизни.

— Что делать, — ответил я, — сэр Кьеркегор... или барон Сартр сказал, что надо жить с мужеством отчаяния, а сэр Камю добавил, что да... надо, и все тут.

Он снова поник, проговорил с безнадежностью в голосе:

— Зачем? Все суета, и все зря. Я прожил не тысячу лет, а... побольше, да. И всегда и везде одно и то же, одно и то же, одно и то же... Суета сует, как говорит этот мудрец. Бессмыслица. Зачем живем?

— А как считает Тартенос?

— Тартенос, — повторил он. — Тартенос... он и помоложе... и поглупее. Двести пятьдесят лет я копил злобу и ненависть, как казалось мне, что могла бы, вырвавшись, уничтожить мир!..

— И? — спросил я осторожно.

Он устало махнул рукой.

— Даже не знаю: то ли перегорело, то ли еще что... но все вдруг обрыдло. Еще тогда, когда висел там, распятый. Сам себе начал казаться таким же дураком, как и Тартенос. Потом вот пришло долгожданное освобож-

дение в лице молодого и глупого рыцаря... Можно было собраться с силами и отомстить Тартеносу, а я все собирался и собирался, а потом как-то понял, что мне все равно, жив он или нет, как жив или нет я сам. Все суета сует, и нет выхода из этого круговорота...

Я побормотал:

— Вообще-то есть...

Он хмыкнул:

— Не вы ли отыскиали?

— Нет, — признался я, — увы. Сам удивляюсь, откуда еще, оказывается, кроме меня мудрые головы на свете, но они все-таки есть, ага. Тоже вот так бились-бились лбами в эту суету сует, а потом... бац, озарение! Как свет свыше... А может, и в самом деле и есть свыше, даже нигилист проникнется.

Он завозился, сел поудобнее.

— И какой же это выход?

Я вздохнул.

— В двух словах такое не расскажешь. Да и кто я, чтобы толковать Великие Истины?.. Мне бы посоздавать свои... В общем, я готов, если надо, и сам поучать, это я люблю, даже обожаю, я весь из себя такой поучатель, что просто сам любуюсь, но могу и поумнее кого найти, в смысле постарше, они почему-то считаются умнее, три ха-ха, да и другие есть варианты... да, я политик и хотел бы сперва договориться о взаимовыгодной помощи...

Он хмыкнул, мне показалось, что быстро теряет ко мне интерес, но продолжал всматриваться в меня, наконец проговорил в задумчивости:

— В тебе очень много непонятной мне силы... И достаточно созидательной... гм... и в то же время очень много дикой дури... Единственное, чем могу помочь, это показать, как пользоваться тем, что умеешь, но об этом не знаешь...

Я спросил настороженно:

— Чем?

Он ухмыльнулся.

— Все чародеи, достигшие определенной мощи, овладевают им в первую очередь. Мелкие и слабые, конечно, не могут. Я говорю о призыве своих вещей! Некоторые гиганты умеют призывать даже чужие, но на это требуется очень много сил... и потому нерентабельно.

Я вскричал воспламененно:

— Хочу! Научи!

— Это просто, — сказал он. — Странно, что не умеешь при своей достаточной мощи. Или тебе это запрещено?

Я торопливо помотал головой:

— Нет. Никто мне запретить не может, я человек со свободой воли. Так что надо?

— Просто сосредоточиться, — сказал он, — и мысленно приказать появиться в своей руке. На первых порах, конечно, без учителя не получится, а колдуны учеников не любят — это будущие противники...

Я пробормотал:

— Я никогда не буду магом, у меня иная тропа. Но если б вы мне помогли, я остался бы вечным должником...

Он кивнул.

— Давай прямо сейчас, пока я не передумал. А расплачиваться уже начал... рассказав про разорванный круг. И думаю, расскажешь больше.

— Все, — сказал я пламенно, — что угодно! Я же сказал — ваш должник. Я не маг, а воины слово чести держат крепко.

— Хорошо, — велел он, — стань прямо, закрой глаза и сосредоточься на том, что желаешь взять. А я помогу перенести сюда.

Я пробормотал:

— Неужели так просто?

— Когда знаешь — все просто.

Я представил себе свой кабинет в Геннегау, стол, на столе чернильница, перья... ага, перья, да появится у меня вон то перо...

Агалантер довольно хохотнул. В воздухе мелькнуло белое, чиркнуло меня по щеке и, замерев в воздухе, начало падать.

Я машинально поймал, в ладони захрустело перо, только не из стаканчика, а из чернильницы.

— Вытри щеку, — посоветовал Агалантер, в голосе мага я уловил сильнейшее изумление. — Считай, получилось. Даже непривычно как-то быстро... Я только корректировал рывки в стороны, а так ты почти все сделал сам. А то, что другое перо и не в руку, а в глаз... ха-ха!.. это твои страхи, их надо убирать заранее. Пробуй, пробуй!.. Но не оставляй другие мысли. Я их едва успеваю глушить. Иначе такого натворят...

В течение часа я перетаскал с его помощью все перья, потом рискнул перебросить сюда чернильницу. Она ударилась в грудь и залила белоснежную рубашку, все-таки в последний момент у меня мелькнула трусливая мысль, что могу промахнуться, а оно вот так, ага, в точности, тоже мне политик с холодным рассудком, поэт ты с раздерганным воображением.

Агалантер тяжело дышал, лоб покрылся крупными каплями пота, но перехватил мой взгляд и ободряюще кивнул.

— Тяжело в ученье, легко в бою. Продолжай. Не волнуйся, в меня не попадешь, я за барьерами, а тебя не жалко.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он невозмутимо. — Лучше сейчас, когда никто не видит, я не в счет, чем потом позориться перед людьми...

Я промолчал и продолжал, стиснув зубы и обливаясь

потом, выдергивать из кабинета разные мелочи, пока не устал так, что начали подгибаться ноги.

Агалантер смотрел с сочувствием.

— Много сил, — заметил он. — Обычно падают раньше.

— Все кончились, — прохрипел я и рухнул на каменный пол. — Сейчас издохну...

Глава 7

Он заинтересованно смотрел, как на моей ладони появилась изящная чашка с горячим кофе. Отхлебнув, я перевел дыхание и создал еще одну. Она сразу же поплыла по воздуху и остановилась перед Агалантером.

— Спасибо, — произнес он задумчиво. — Очень странно...

— Почему?

— Не ощутил присутствия магии, — пояснил он. — Даже малейшей. В то же время без магии такая трансформация невозможна... Мир, оказывается, не так уж истоптан.

Я покачал головой.

— Это то новое, о чем я говорил. Это не магия, а... даже не подберу слов. Нет, лучше я постараюсь перенести сюда еще одну вещь. Уже для вас, великий Агалантер Искатель Истины. Помогите, это очень важно. А потом отдохнем...

Он заинтересованно смотрел, как я сосредотачиваюсь, стискиваю кулаки и хмурю брови, хотя это вряд ли требуется, соплю грозно и начинаю всматриваться в пространство с такой злой мощью, будто буравлю в нем тоннель.

По телу прокатилась волна жара, сильно заболела голова, а в висках часто-часто застучали молоточки. Я напрягся, пожелал и потребовал сильнее, резко за-

ныли зубы в нижней челюсти, боль перекинулась наверх с такой силой, что я взвыл и уже хотел отказаться от попытки...

...Но в воздухе мелькнуло нечто, и мне на грудь обрушилась толстая книга. Я едва успел подхватить, не давая упасть, а сам опустился спиной по стене на пол, жалко всхлипывая.

Агалантер тоже дышал тяжело и качал головой, в глазах укоризна пополам с суровым сочувствием.

— Крупные вещи пока рановато, — сказал он сухо. — Ранг не тот.

— Как же больно, — простонал я. — Почему так?..

— Пусть больно, — сказал он мрачно, — но иной перенос может спасти жизнь. А боль скоро пройдет. Из-за чего ты рисковал жизнью? Знаешь, что рисковал?

— Теперь да, — ответил я с запоздалым страхом, — могло быть кровоизлияние в мозг от такой перегрузки. У меня же мозг для политики, а не мышления!.. Для политика он вообще без надобности, спинного хватает. Вот эта книга называется «Библия». Я бы советовал прочесть очень внимательно. Здесь очень скучно и малопонятно изложено то, что позволило мудрецам отыскать возможность разомкнуть круговорот... даже разорвать это кольцо!.. И сделать нашу дорогу не кольцеобразной, а прямой как стрела, хоть и с зигзагами. А кто кого как или чьи патриархи подглядывали за купающейся Сусанной и что в это время делали... можно и пропустить

Он посмотрел с недоверием:

— В этой книге так много разного?

— В ней весь мир.

— Тартенос тоже начал создавать свой мир, — проговорил он. — Интересно, как мне показалось вначале, потом понял, что нет, это то же самое, только в новой обертке.

Я переспросил настороженно:

— В каком смысле свой?

— Прямом, — ответил он. — Ты еще не видел эти земли... ночью?

Я подумал, покрутил головой.

— Вроде бы видел... Давно, правда.

— Посмотри сейчас, — сказал он. — А я пока почи-
таю эту книгу.

— Только читай внимательно, — попросил я. —
Вникай в каждое слово.

Я кое-как поднялся, положил Библию ему на колени и, постанывая от усталости, потащился к выходу из пещеры. Похоже, даже регенерация на нуле, все мощности беру явно из одного котла.

Зайчик брезгливо обнюхал меня, как охотничий пес обосравшегося в испуге зайца, а Бобик смотрел с неподдельным интересом, поворачивая голову то на одну сторону, то на другую.

— Домой, — пробормотал я, затем, опасаясь, что не так поймут, пояснил: — К герцогине...

Похоже, толклась в пустой голове одинокая мысль, Агалантер открыл для меня доступ чисто инстинктивно. У магов не бывает друзей и даже приятелей. У них только противники, враги, а еще конкуренты. Только я сделал ему добро и ничего не попросил взамен, а пошел себе дальше, и это ему куда-то запало.

А я, мало того, что оказался чутким, но еще и любопытным, не поленился поднять задницу, сесть на коня и поехать проверять. Хотя, конечно, еще и время девать некуда, в другое время я бы только отмахнулся. Так что да, есть и доля везения, хотя не люблю этого слова...

В замке леди Иля изо всех сил делает вид, что даже не замечает, куда вдруг исчез ее сенешаль. Еще больше усилий делает, чтобы избегать меня, но что-то мне подсказывает, что если нам завязать глаза и позволить

идти в любую сторону, то вскоре упадем друг другу в объятия.

Мария, что после замужества леди Жозефины и отбытия ее в замок сэра Трайдента стала единственной любимицей, пробовала строить глазки и мне, потом сочла, что есть добыча хоть и помельче, но ловить ее проще, и перекинулась на моих лордов.

Я ушел к себе, долго в одиночестве упражнялся в перебрасывании вещей из кабинета в Геннегау сюда, прямо в руки. Кое-что получалось моментально, что-то с задержкой, некоторые вещи вообще не сдвигаются с места, а что и почему, пока не понимаю. Может быть, они лишь формально мои, но я их не брал в руки, не осматривал, не стискивал в ладонях, потому и не?

Зато так же легко перебросил пару перьев из Савуази, выходит, расстояние роли не играет.

Упал, тяжело дыша на постель, еще не придумал, где мне это пригодится, но как всякая возможность хороша, пусть она пока что такая же бесполезная, как шевеление ушами.

Поздно ночью из отведенных мне комнат я пошел в личные покои герцога, и ноги сами собой понесли меня к боковой двери, что рядом с большой ванной из зеленой меди. Я толкнул ручку и очутился в покоях герцогини.

Ее ложе посередине этого огромного зала, страшно на таком и одиноко, потому и балдахин наверху, а стены затянуты шелком, создавая иллюзию замкнутой уютной комнаты.

Я приблизился деревянными шагами, леди Иля с натянутым по самый подбородок одеялом прошептала:

— Вы все-таки... пришли...

— Я честно пытался не прийти, — сердито сказал я.

— И... что?

— Не смог, — проговорил я с горечью, — меня понесла та сила, что швыряет нас, как щепки в море.

Она чуть подвинулась, я лег на спину и уставился в потолок, а она сразу положила голову мне на плечо, а ногу закинула на живот. Лицо ее оставалось грустным, даже печальным, мы оба поступаем нехорошо, но ничего не можем с собой поделать, а это грех, однако она уже не пытается бороться, это я еще как-то барахтаюсь, но отступаю и отступаю.

В спальне жарко, за день дворец накалился, сейчас отдает тепло, я раздраженно отшвырнул одеяло ногой, леди Иля вспикнула испуганно и попыталась вернуть его обратно, но я перехватил ее и некоторое время удерживал силой, молча поясняя, что ничего ужасного не происходит, а стыдиться тут нечего, у нее чудесная фигурка, семнадцатилетние позавидуют такой чистой гладкой коже, тугому телу и небольшим торчащим грудкам.

По ее щекам разлился такой жаркий румянец, что мне припекло плечо, стыдливо отворачивала голову, пряча глаза.

— Как местные относятся к королю? — спросил я, чтобы что-то спросить и сделать вид, что общаемся.

Она прошептала:

— Не знаю... Все те, кто ушел с вами воевать в Гандерсгейм, — за вас... остальные... кто как. Но многим импонирует, что король здесь нашел убежище...

— Настолько, что готовы его защищать?

— Это их долг, — ответила она.

Я осторожно повернул ее голову, наши взгляды встретились, ее щеки сразу воспламенились, она начала вырываться, сказала с жалобным негодованием:

— Сэр Ричард!.. Это нельзя делать при свете дня!.. Это грех!

— Сейчас ночь, — напомнил я.

— Тогда погасите все свечи!

— Хорошо, — сказал я, — но сейчас мы ничего не делаем, просто отдыхаем и беседуем.

Она возразила с еще большим негодованием:

— Голым нельзя беседовать!.. Это еще больший грех!

— Адам и Ева ходили голыми, — напомнил я. — Давайте в угоду церкви почтим их память и тоже пообщаемся так же невинно. Это зачтется нам, леди Иля.

Она перестала вырываться, затихла, я тоже лежу спокойно, наслаждаясь странным очарованием, ее волосы мягко щекочут мне лицо, дыхание едва слышным ветерком прокатывается по груди, только нога слегка повозилась по мне, выбирая более удобное положение.

— Они были счастливы? — прошептала она.

Я ответил тем же шепотом:

— Наверняка. Они же ничего другого не знали...

Я чувствовал, как мое дыхание становится все жарче, хотя стараюсь дышать так же ровно, все тело тяжелеет, мысли в голове начали путаться, я старался отвлечься думами от маленькой обнаженной женщины, лежащей на мне, сейчас самое бы время подумать о повышении налогов для строительства флота, это будет как ледяной душ... но он только зашипел и взвился паром, я опустил ладонь на ее плечо, погладил чисто по-дружески, даже ниже плеча, но не позволил себе сдвинуть руку дальше ни на дюйм, но леди Иля приподняла голову и серьезно посмотрела мне в лицо расширенными потемневшими глазами.

— Ничего нам не зачтется, — произнесла она непривычно хриловатым голосом.

Глава 8

Утром я снова исчез, пока она спала, лучше так, обоим стыдно смотреть друг другу в глаза. Стражи прохаживаются в коридоре, но я прошел неслышимым и

невидимым, выбрался в нижний зал и там перевел дыхание.

Можно бы, конечно, из ее покоев выйти в мои через герцожьи, но у всех у нас какие-то да странные пунктики, мне вот почему-то кажется, что если вот так ходить к герцогине и обратно, как от одной постели к другой, то это как бы предаю герцога, в чьем замке расположился, а если захожу снаружи, то это как бы грех меньше...

Мысли пошли насчет странностей нашей психики, перепрыгнули на Экклезиаста, с которого я начал разговор с Агалантером, там сказано: всему свое время, время рождаться и время умирать... время убивать и время врачевать, время разрушать и время строить, время плакать и время смеяться, время разбрасывать камни и время собирать, время молчать и время говорить, время любить и время ненавидеть, время войне и время миру...

Так что вчера было время на одни деяния, которые никак не могу зачислить себе в плюс и за которые придется горько сожалеть на Страшном суде, стыдиться и прятать глаза, а сегодня время попробовать все-таки как-то снять с себя хотя бы частичку греха, попытавшись отвести угрозу, идущую от Тартеноса.

— Ваша светлость? — спросил Готмар угрюмо.

Я помахал рукой.

— Все в порядке. Пусть все отдыхают. Я снова проедусь чуть по окрестностям. Вожжа мне под хвост попала.

— Если не трет, — сказал он, — можно и потерпеть...

— А хоть и не трет, — возразил я, — надо жить с удобствами.

На этот раз я одолел путь к Агалантеру побыстрее, только в одном месте спрямил дорогу, там среди скал обнаружил в три мои роста статую коленопреклонен-

ного ангела, лицо скорбное и чистое, на обеих ладонях меч, крылья за спиной огромные, красивыми дугами вздымаются за спиной, возвышаясь над головой в половину его роста.

Я медленно проехал мимо, не в силах оторвать взгляда, дивная работа, но все-таки скульптор, выполняя заказ, привнес кое-что и свое: эротичные чашечки груди, не слишком крупные, чтобы не вызвать гнев заказчика, им явно была церковь, но не мелкие, округлый щупальный и тискальный животик, даже с виду теплый и мягкий, целомудренно уходящий под бедра.

Насколько помню, ангелы бесплотны, а людям являются в виде столба света, это уже мы сами придаем желаемый облик, а так как все скульпторы — половозрелые мужчины...

Пещера Агалантера по-прежнему закрыта магическим барьером, уж и не знаю, что видят другие и на что натыкаются, но я прошел сквозь марево каменной стены так же просто, как и в первый раз.

Агалантер сидит под стеной на том же месте и в прежней позе. Мне показалось, что вообще не сдвигался за это время, а книга открыта где-то еще в начале.

Я сказал осторожно с поклоном:

— Мое уважение великому Агалантеру... Я не сильно помешал?

Он поднял голову, некоторое время всматривался в меня, будто фокусировал глаза.

— А-а, благородный воин, что довольно успешно овладевает магией?.. Очень хорошо...

Я кивнул на книгу:

— Тяжело читается?.. Я, честно говоря, начинал читать раз сто, но так не добрался и до половины...

Он качнул головой.

— Я прочел дважды, сейчас смотрю избранные места... В самом деле, в ней за описанием войн, убийств,

предательств, прелюбодеяний и прочих прелестей можно не рассмотреть, что здесь указан путь, как вырваться из вечного круговорота, в какой попали все древние народы... А как поняли вы?

Я признался:

— Сам бы ни за то. Но, к счастью, пересказали старшие товарищи. И хотя я воротил рыло, объяснили на пальцах как придурку. Здесь первоисточник, а они всегда сложные. Когда это входит в жизнь, потом объяснять просто!.. Да и глупо искать дорогу самому, когда впереди идут с факелами, освещая тьму. Так что мне было проще. А вот теперь вопрос к вам, уже не столь одухотворенный...

— Догадываюсь, — проронил он.

Я сказал настойчиво:

— Принимая королевство, я хочу способствовать всему, что ведет к прогрессу, и подавлять то, что тормозит или тянет обратно. Дорогой Агалантер, вы понимаете, что магия...

Он прервал:

— Да понимаю, понимаю. Мешать вам не буду.

— Спасибо, — сказал я искренне, — а как насчет того, чтобы помочь?

Он развел руками.

— Вы сами связали мне руки, сыр рыцарь. Я прочел эту книгу и... уверовал! В этого нового бога, что создал мир и дал людям свободу воли. Раньше ни один бог не давал человеку воли, и все боги постоянно вмешивались, будущее всегда было предопределено... а теперь оно целиком зависит от человека... Я тверд в новой вере, сэр Ричард.

— Понятно, — пробормотал я. — Значит, я один... Но проконсультировать можете?

— Если только это не противно моей совести христианина.

— Хорошо, — сказал я, — вопрос такой: как нейтрализовать этого Тартеноса?

— Убить? — переспросил он.

Я ответил уклончиво:

— Христиане вообще против убийств, но так как живем еще не в полностью христианском мире, то приходится иногда поступать по старым нормам морали... чтобы нас поняли! Но и в этом случае избегаем даже этого грубого слова, доставшегося из кровавого прошлого, а предпочитаем эвфемизмы: устранить, нейтрализовать, убрать, замочить... а если надо провести ряд убийств в обществе, то для этого существует приятное слово «чистка»... Если же надо убить всех, то это «зачистка».

Он кивнул.

— Понял. Я готов вам помочь советами, сэр Ричард. Вообще весь мой опыт к вашим услугам. Но не больше.

— Он смертен?

— Как мы все.

— Но, как догадываюсь, защищен? Получше крестьянина в доме, что на ночь запирает дверь на крючок?

— Получше, — согласился он. — И не только он. Вся его крепость защищена так, что никакой маг не проломится.

Я спросил в лоб:

— А есть ли шансы у меня?

Он подумал, оглядел с головы до ног.

— Тартенос, конечно же, неизмеримо сильнее вас, как маг. Однако у вас есть нечто такое, что ему просто неизвестно. Не магия, нет... Если сумеете воспользоваться...

— Буду стараться, — сказал я. — Я весь из себя такой замечательный, что просто весь набит исключительно ценными и полезными свойствами! Осталось только найти их и понять, какие из них очень полезные, а какие... не очень.

Он сказал задумчиво:

— Почему я раньше не прочел эту книгу? Ведь ей сколько лет, я мог бы... Неужели в самом деле и человек должен созреть как висящий на дереве плод? Неужели у меня столько лет был ветер в голове?

Я сказал с виноватостью в голосе:

— Увы, у нас у всех так.

— Но почему простые как черви люди быстрее понимают эти истины?

— У тех людей ничего нет, — пояснил я, — и зерно легче ложится на пустые земли, чем в буйный лес могучего чародейства. Вам, в отличие от простых, пришлось пройти далекую дорогу познания тайн колдовства и магии, чтобы в конце концов признать, что эта дорога заводит в тупик, а тропка христианина выводит к свету. Если читал внимательно, то понимаешь, что фраза про раскаявшуюся блудницу — это про тебя. Ты дороже Господу, чем тысяча невинных душ...

Агалантер сказал с кривой усмешкой:

— Сперва маги, как и все люди, добиваются больше жратвы, вина, женщин... Потом власти. Иногда становятся вождями и королями, но это наскучивает быстро, потому что возни больше, чем сперва видится издали. Потом отыскивают других магов, начинают бороться, кто сильнее... Иногда даже создают союзы магов, но обычно непрочные, длятся недолго... Затем почти всех обуревают страсть создавать собственных существ, чтобы потягаться с богами...

Я охнул:

— Удастся?

Он поморщился.

— Все считают, что удастся, но потом понимают, что химеры, составленные из частей других существ, это еще не настоящие существа...

— А что их отличает?

Он посмотрел удивленно.

— Ну, к примеру, химеры не могут размножаться. Как ваши мулы... И много чего еще. Как вы планируете попасть к Тартеносу?

— Еще не знаю, — ответил я. — Сперва хочу взглянуть на его замок, крепость или убежище — что там у него...

— Это просто, — сказал он. — В Ундерлендах есть такое пугающее всех место, называют его Термитником...

Я спросил удивленно:

— Что, его построили термиты?

Он взглянул на меня очень внимательно:

— Вы знаете, что это такое?

— Да видел не раз... Хотел себе дома как-то завести, но родители не разрешили.

Он кивнул.

— Удивительный вы человек, сэр Ричард. Но здесь термиты жили... тысячи лет тому. Говорят, тогда было намного теплее. И думаю, те термиты были очень... крупными. Их термитник стоял пустым, потом в нем поселился Тартенос, пробудил спящую в нем древнюю магию, начал пытаться создать свой мир... но это вам уже неинтересно. Впрочем, направление к нему я вам подскажу.

— Последний вопрос, — сказал я, — а что потом, когда маги видят, что не могут превзойти Создателя или хотя бы сравняться с ним?

Он поморщился.

— Не знаю, как с остальными, но несколько великих магов покончили с собой, сообщив другим, что в этой жизни испытали все, теперь хотят взглянуть, что же такое смерть, которой избегали сотни, а кто и тысячи лет. Ладно, сэр Ричард, не буду вам мешать. Удачи!

— Лучше успеха, — сказал я серьезно.

Вернувшись в замок, я укрепился духом — мужчина я или нет! Начал собирать седельный мешок и обнаружил, что помещается удивительно много, особенно если не у самого за плечами, а будет пристроен сзади за седлом на Зайчике. Вообще-то я почти все это всегда таскаю с собой: Костяные Решетки, Небесные Иглы, Комья Мрака, игрушечный арбалет, но сегодня проверил еще раз и прикинул, как быстрее и легче вытаскивать, чтобы успеть до того, как успеют меня самого.

Стальграф и рейнграф в который раз любят свои розы, что развешаны на стене в виде бесподобных мечей, топоров, секир, кинжалов, пик, моргенштернов...

Они переговаривались, опустив головы и сблизив их, когда я подошел сзади и рявкнул весело:

— А, попались!.. Заговор по свержению замыслили?

Оба вздрогнули, рейнграф Чарльз виновато улыбнулся.

— Угадали, сэс Ричард. Как раз о вас говорили.

— И что заметили?

— Вы вернулись настолько изможденным, — сказал сэс Чарльз, — каким никогда не были после самого тяжелого боя.

— Вы наблюдательны, — заметил я. — Но стоит ли так шпионить за своим лордом?

Сэс Филипп сказал сдержанно:

— Ваша светлость, мы пошли за вами, потому что желаем вам здоровья и... безопасности. Если вы столкнулись с чем-то трудным, мы хотели бы участвовать в меру наших сил.

Я хотел отшутиться, но подумал, всмотрелся в их серьезные лица.

— Лорды, а не лучше ли отдохнуть на пиру за столом гостеприимной герцогини?

— Но вы-то не отдыхаете, — обронил сэс Филипп.

— Да вот дурной потому што, — сказал я.

Рейнграф коротко усмехнулся.

— Мы тоже. Сейчас у нас пока еще иное настроение... Не до пиров. То придет потом, знаем, а сейчас мы совсем не прочь пройти через огонь и воду, чтобы самим себе доказать... А то на пиру о вас такого нарасказывали, когда вы под личиной сэра Полосатого развлекались, что просто и не верится...

— Все врут, — сказал я убежденно, — вы же знаете, как разрастаются воинские байки? Сколько времени прошло? Теперь могут рассказывать, что вообще под небесами летали...

Они переглянулись, сэр Чарльз сказал неуверенно:

— Вообще-то да...

А сэр Филипп сказал ему:

— Вот видишь! А я сразу усомнился. Чересчур как-то.

— Если хотите, — сказал я беспечным голосом, — могу взять вас с собой на легкую прогулку... даже прогулочку. Вообще, можно сказать, прогулочишку! Вот как раз сейчас намереваюсь... Видите, даже мешок собрал! С харчами, чтоб на природе.

Рейнграф сразу же заулыбался, но стальграф, более суровый, жестокий и недоверчивый, посмотрел исподлобья.

— За пределы замка?

— Точно, — подтвердил я. — Мы ж на отдыхе, в ожидании ответа Его Величества Кейдана? Вот и поаедемся бездельем... не только за обеденным столом.

Рейнграф воскликнул ликующе:

— Я благодарю за честь! Филипп, что с тобой?..

Стальграф пробормотал, не спуская с меня пристального взгляда:

— Да мне уж намекнули здесь, что у его светлости самые серьезные дела начинаются с улыбочек...

Я охнул:

— Так и говорят? Вот морды, а?.. Что только не наклевещут! Ладно, мое дело предложить...

Через некоторое время я услышал за спиной быстрые шаги, но не оглядывался. Рейнграф и стальграф догнали и пошли справа и слева, оба старающиеся улыбаться, но получается это у них очень напряженно.

Я вывел их на задний двор, там за важными и нужными постройками вроде кузницы, оружейной, бронной, двух шорничных, сукновальной, сараев с досками, где сушатся бревна, чтобы потом распилить на ровные прямые доски, и прочего-прочего, в конце пришлось перелезть через гору старого хлама из поломанной мебели, старых седел и хомутов, колес и тележных осей...

Это все подпирает стену огромного величественного сарая, покрытого пылью и грязью настолько, что кое-где трава ухитрилась пустить корни и начинает украшать эту выстроенную из дерева глыбу игриво-зелеными стебельками.

Рейнграф помалкивал, хотя вид озадаченный, а стальграф пробормотал:

— Ну да, веселая прогулка. Даже прогулочиска... Это не та смертная скука, когда за столом с хорошими друзьями и за приятной беседой, попивая хорошее вино. А-а-апчи!..

— Будьте здоровы, — сказал я с сочувствием. — Ничего, в сарае пыли еще больше.

— Мы и туда полезем?

— Для того и шли, — заверил я жизнерадостно.

Обойдя продолговатый сарай, обнаружили заросшие пылью и грязью ворота во всю стену, засов мощный, замок пудовый. Я вздохнул, за ключом бежать к леди Иле далековато — это ж снова через все горы мусора, вытащил меч, вбил между досками двери с засовом.

Лорды смотрели уважительно, когда гвозди заскрипели, засов начал отделяться от двери, потом оба ухва-

тились, уперлись ногами. Заскрипело сильнее, засов оказался в их руках, оба едва удержались на ногах.

Я распахнул ворота: тупоносый скайлер с огромным обзорным окном спереди заполняет собой весь сарай, тоже покрыт пылью. Из-под днища слышалось сердитое квохтанье, вскочила встревоженная курица и, отбежав, трясла крыльями и выражала желание метнуться обратно.

Я рассмотрел гнездо с десятком яиц, все понятно, куры считают лишь до трех, потому в гнездах нужно оставлять не меньше трех яиц, иначе сплетут гнездо в тайном месте и будут складывать яйца там, где их не украдут.

Широкая дверь сбоку, я отодвинул ее в сторону, заглянул: все по-прежнему, можно бы и вылететь, но что-то давно я в руки шашки не брал... Вдруг не в ту сторону пихнуть?..

Лорды смотрят круглыми глазами, но лица каменные, воспитание не позволяет сыпать вопросами, как простонародье какое, я обернулся к ним, довольный и сияющий.

— Как вам прогулка?.. Вижу, нравится. Вон те две веревки, что висят на стене, нужно зацепить за тот крюк впереди... да, это и есть перед, и немножечко так это подтащить... к выходу. И вообще, на выход. Пусть солнышко малость пропечет эту плесень на крыше...

Они переглянулись, рейнграф пошел снимать веревки, а сэр Филипп поинтересовался:

— Что это за дьявольская штука?

Я отмахнулся:

— Да ерунда полная... Как давно это было... Хорошее какое время, жизнерадостное. Жизнеутверждающее! Мы тогда такого наутверждали, что до сих пор сэра Готмара кошмары давят. А еще все обо мне заботились, женить хотели...

Стальграф опомнился от изумления, громыхнул:

— Какая же это забота?

Я вздохнул.

— Да, увы...

Они все еще ошалело смотрели вслед, а я открыл боковую дверку и осторожно заглянул, словно там все еще сидит Фульк и держится за рычаги управления.

— М-дя... Система очистки спит. Или никто не знал, как пользоваться?.. Сэр Чарльз, веревки зацепили?.. Хорошо. А теперь сэр Филипп поможет выволочь наружу...

Они переглянулись, стальграф поинтересовался угрюмо:

— Ваша светлость, вы уверены, что сможем тащить эту махину?

Я заверил с лучезарной улыбкой:

— Вы не знаете своих сил!

— Да, но...

Я сказал бодро:

— Дык не сотню же миль трусцой и с песнями! Все-го лишь вытащить из-под крыши. Уверяю вас, это того стоит. Вы так обрадуетесь, так обрадуетесь... Ну, я так думаю.

Глава 9

На их лицах было, что понадобится сто коней брабантской породы, чтобы сдвинуть эту махину с места, но доверие к сюзерену настолько велико, что помялись, попереглядывались в недоумении, но все же взялись за веревки.

Я влез в кабину, что не кабина, а весь просторный вагон. Здесь нет разделения на собственно шар и гондолу, хотя дирижабли чаще всего делаются в виде раздутых сигар, но были, насколько помню, эллипсоидные, дисковые, линзообразные, тороидные и всякие прочие, уже дизайнерские.

Здесь же, насколько понимаю, горячий воздух, инертный газ или что-то такое с могучей подъемной силой находится в самой оболочке, прочной, но пористой, как вафли. Дирижабль абсолютно уравновешен, вес ему придают только пассажиры или перевозимые грузы, а поднять может достаточно много, бочек с горячим маслом здесь в прошлый раз было несколько десятков.

Дирижабль сдвинулся и достаточно легко покати́л в сторону выхода. Видеть я не могу — но живо представил себе выпученные от изумления глаза турнедских лордов, не ожидавших у себя обнаружить такие стальные мускулы...

Когда они оттащили его на пару шагов от ангара и едва не уперлись спинами в стену, я высунулся наружу и крикнул:

— Любезный сэ́р Чарльз, и вы, благороднейший сэ́р Филипп!.. Прошу вас ко мне!

Они оставили веревки, на лицах все еще потрясение, сэ́р Чарльз спросил с запинкой:

— А не будет ли это ущербом для нашей...

— Чести? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, совести, — ответил он. — Мы служим Господу, а это явно сатанинская штука, что подлежит уничтожению...

— Но я же здесь? — спросил я.

Он развел руками:

— Вы паладин! Вы и в аду побываете — не запачкаетесь, вас вера... или что-то еще, о чем и подумать страшно, оберегает.

— Ладно, — сказал я, — тогда отправлюсь на прогулку в гордом красивом одиночестве, как Чайльд Гарольд, печальный и загадочный...

Сэр Чарльз тяжело вздохнул, а стальграф сказал резким голосом:

— Да что с вами, мой доблестный друг?.. Сколько раз мы оба обагрjali руки кровью невинных, разве это не больший грех?

Не дожидаясь ответа, он подошел и решительно влез в кабину, где и застыл в потрясенном непонимании всего, что узрел. Рейнграф еще раз тяжело вздохнул, но последовал за боевым соратником. Оба застыли на пороге, ибо в пол врезаны рядом обширные смотровые окна. Возможно, это и грузовые или бомбовые люки, но как открываются и открываются ли вообще, я не проверял. А так стекло или что это за материал, но оно достаточно крепкое. В прошлый раз дрались на нем против толпы, выдержало всех...

— Закройте двери, — посоветовал я, — а то вдруг вас какая ворона украдет... Кто знает, что там за вороны на высоте? Везде своя живность, эндем на эндеме...

Сэр Чарльз спросил с подозрением:

— Высоте?

Я отмахнулся:

— Да это так, фигура речи. Какая может быть высота на простом тихоходном дирижабле?

Они осторожно обходили окна в полу, через них виден пока только мусор на земле, а я старательно вспоминал, как и что делал в прошлый раз. Здесь же все просто, эти скайлеры — те же примитивные дирижабли, а их построили, как уже мне объяснили, из найденных в руинах старых городов запчастей. А запчасти делали не маги, а уже сильно захиревшие потомки, выжившие после последней Великой войны...

Такие дирижабли и я могу строить... может быть, и построю!.. Только мне точно не отыскать технологию создания подъемной силы в столь малых объемах. В то же время эти составные части корпуса не улетают сами

ввысь, подъемная сила просыпается, только когда все это объединяется в цельный корпус...

Скайлер дрогнул, пошел было вперед, я поспешно потянул на себя другую ручку. Он затормозил, на шаг сдвинулся обратно, наконец начал медленно подниматься.

— Садитесь, — сказал я любезно. — Я не очень опытный всадник, а на этом коне проехался всего лишь раз... Простите, что пугаю таким заявлением, но в самом деле лучше сесть и держаться как за самолюбие, так и за ручки, что справа от кресел.

Их лица побелели, только сейчас поняли, что я не шутил, эта штука с ними внутри в самом деле начинает подниматься, подниматься, вот уже в боковых окнах вниз пошли крыши сараев, мастерских, а затем и стены самого замка начали опускаться быстро и пугающе...

Лорд Чарльз пугливо оглянулся на дверь.

— Ваша светлость, — спросил он подрагивающим голосом, но со всей почтительностью. — А как бы... ну не...

— Садитесь, — велел я дружески, но строго, — лучше нет красоты, чем... по... гм... смотреть с высоты.

Лорды сели под стеной, оба одинаково поставили между ног рыцарские мечи в ножнах с золотыми накладками, одна рука на рукояти, пальцы другой судорожно вцепились в поручень сбоку от кресла.

— Как прекрасно, — сказал я с чувством. — Взгляните направо, взгляните налево... Природа — это наше все! В ней просто и понятно. Если бы она имела столько законов, как наши королевства, сам Господь не в состоянии был бы управлять ею.

Рейнграф осторожно выглянул в окно, отшатнулся.

— Мы.. мы все еще поднимаемся!

— Высота, — утешил я, — всего лишь продолжение глубины.

Он спросил с напряжением в голосе:

— И как долго?

— Что?

— Будем идти вверх?

— Пока не треснемся о небесный свод, — сказал я твердо и добавил: — В смысле расшибемся. Вмятку!

Он вздохнул.

— Ну да, все так просто?.. Без драк, крови, криков и убегания от драконов? Не поверю.

— Вот вы какой, — укорил я. — А вот наш любезный друг Филипп всему верит, потому просто наслаждается природой... Сэр Филипп, вы ведь насаждаетесь?

Бледный сэр Филипп вздрогнул, проговорил сиплым голосом:

— Ну да... еще бы... как тут не... А драконы скоро нападут?

— Скоро, — заверил я. — Они ж всегда стаями, как вороны... Та-а-ак, а теперь будем пробовать горизонтальные рули...

Даже я не ощутил, чтобы изменилось что-то, земля далеко внизу на прежнем месте, но дирижабли все слишком тихоходны, их скорость не превышает ста миль в час, а этот не намного быстрее, хотя и побыстрее, насколько помню.

Через несколько долгих мгновений картина внизу начала сползать под брюхо дирижабля, а впереди из туманной дали все резче проступают освещенные пики гор, мрачные стены разломов...

Сэр Чарльз наконец-то решился опустить взгляд на пол, побледнел, но сделал пару глубоких вдохов и даже напрягся, но наклонился, сидя в кресле и смотрел зачарованно, как внизу медленно-медленно ползут крохотные домики, поля, озера, пруды.

Позади остался замок герцога, прекрасный, как изящнейшая игрушка, растерявший ужасающую мощь стен, крепость башен, такой маленький, что хочется

взять в ладони, но еще можно рассмотреть стада коров на лугу, один из зеленых холмов совсем белый от пасущихся там овец, распаханнные пашни... а дальше неприличный лес... Это для входящих в него он состоит из стоящих на расстоянии друг от друга стволов, а сверху это смыкающиеся одна с другой зеленые вершины, и сам лес поразительно смахивает на старое болото, покрытое кочками мха.

— Когда вот смотришь вокруг, — сказал я с чувством, — понимаешь, что слово «красота» относится не только к женщинам!

— Только при них такое не говорите, — посоветовал сэр Чарльз деревянным голосом, посмотрел на мою спину, — вижу в зеркале, — тяжело вздохнул. — Это и есть прекрасная прогулка?

— Она, — ответил я с удовольствием. — Нравится?

Он с опаской посмотрел вниз, где у самых ног настолько прозрачный пол, словно его и нет вовсе, а внизу все еще продолжает уменьшаться земля.

— Да... еще бы... только вот...

— Что?

— Если приснится такое...

— Значит, растете, — заверил я. — Все сны с полетами — к росту. В том числе и карьерному.

Стальграф хранит суровое молчание, спина прямая, а взор тверд, зато сэр Чарльз, несмотря на сильнейшее потрясение, быстро приходит в себя и ведет себя все непосредственнее.

Когда он наклонился над окном в полу так, что вот-вот опустится на четвереньки, стальграф произнес негромко:

— Сэр Чарльз...

Рейнграф отодвинулся к стене и выпрямился в кресле, а стальграф посмотрел на него с укором, дескать, человек благородного происхождения и должен вести

себя соответственно, а не как ошалевший на богатой ярмарке простолюдин.

— Теперь я понимаю, — проговорил сэр Чарльз чуть-чуть ошеломленно, — откуда берутся кривые карты и откуда точные...

Он охнул, прервав себя на полуслове, и указал в окно, где далеко внизу проплывают руины небольшого города или огромного дворца, сохранились даже стены, кое-где поднимаются дивные цветы на высоких шеях, размером с рыцарские щиты, темнеют провалы в подземелья...

Я бросил короткий взгляд на остаток городской площади, там вздымается вполне сохранившаяся статуя ящера в боевой позе и с длинным кривым мечом в лапе, на правом плече блестит щиток, ящер готовится защищаться от некой угрозы.

Сэр Чарльз явно не обратил внимания на архитектуру, в голосе его прозвучало великое сожаление:

— Какие жуткие обрывы, туда не попасть!.. Разве что вот на такой непонятной штуке...

Расхрабрился рейнграф, мелькнуло у меня, но вслух я сказал в том же приподнято-праздничном тоне:

— Искать сокровища, дорогой друг, это уж работа. А мы ж на прогулке, не так ли?

Он вздохнул, проводил сожаляющим взглядом уплывающий город сокровищ.

— Да, конечно, сэр Ричард. Только пусть меня распнут, если поверю, что в конце прогулки вот так повернем и вернемся... без драки!

Я вскинул брови в великом изумлении.

— Дорогой рейнграф, мы уже давно не рядовые рыцари! Мы указываем другим, где и за что драться, а сами лишь смотрим, даже созерцаем. И поруковаживаем изредка.

Стальграф произнес негромко:

— А что... это?

Мы проследили за его взглядом. Слева приближается черная туча, двигается хоть и неспешно, но быстрее обычных, а главное — от нее к земле тянется некая сужающаяся струя, зыбкая и постоянно сдвигающаяся из стороны в сторону.

Мне этот смерч показался похожим на исполинское темное дерево с раскинувшейся в стороны широчайшей кроной, тоже такого же грязного цвета. Двигается в самом деле на столкновение с нами, я поспешно начал разворачивать эту неповоротливую штуку, боком ходить не может почему-то, оба лорда приумолкли и с тревогой смотрели на увеличивающийся в размерах смерч.

Наконец он вырос до исполинских размеров, даже я ощутил себя ничтожной пылинкой, мощь этого явления неизмерима, дирижабль начало потряхивать, я вцепился в рукоятки управления и выжимал, как мне кажется, всю мощь, хотя скорости это не прибавляет...

Смерч разросся так, что закрыл половину неба, в нем настолько быстро бегут по кругу массы воздуха вместе с подхваченным с земли мусором, ветками и комьями земли, что мы все трое видим только зыбкую серую массу, похожую на струю грязной воды толщиной с крепостную башню.

Рейнграф вскрикнул, указал дрожащей рукой на смерч, что медленно проходит мимо.

— Я видел, видел!

— Что? — спросил стальграф.

— Лицо! — вскричал рейнграф. — Огромное зверское лицо, искаженное дикой гримасой ненависти и злобы!..

Стальграф оглянулся.

— Я ничего не вижу...

— Оно показалось только на мгновение, — вскрикнул рейнграф потрясенно. — Это было лицо самого

дьявола! Господи, защити и помилуй от когтей врага рода человеческого!..

Смерч ушел в сторону и начал быстро удаляться, рейнграф перекрестился, а сэр Филипп громко и с достоинством поблагодарил Господа за содействие.

Я упрямо вел скайлер в направлении, указанном Агалантером, за спиной лорды бросались то к одному окну, то к другому, когда я в очередной раз оглянулся, они как раз рассмотрели одинокого единорога, белого, как первый искристый снег, красавца с длинным рогом на лбу. Он взобрался на невероятно высокую скалу и, задрав голову, смотрит в небо.

Я мазнул по нему взглядом и продолжал напряженно всматриваться вперед, курс приходится выдерживать вручную, ветер сносит в сторону довольно ощутимо...

— Улетел! — закричал за спиной рейнграф в недоумении и восторге. — Клянусь, распахнул крылья и улетел!..

— Полно, граф, — донесся ровный голос сэра Филиппа, — это в глаза блеснул снег, а лошадь там и осталась.

— Но куда делась?

— Другие скалы загородили, пока вы глаза терли...

— Ну почему не улетела?

— Лошади не летают.

— А как она туда забралась?

— Да дура какая-то...

Сэр Чарльз указал дрожащей рукой на проплывающее внизу плато:

— А вот это... точно не дурак... Такие дураками не бывают...

Глава 10

На высокогорном плато красиво разлегся наполовину занесенный песком скелет исполинского зверя, где расстояние от кончика хвоста до последней из ребер-

ных дуг не меньше полумили, а сами ребра красиво и мощно белеют ровным рядом, загибаясь красивым сводом, что мог бы служить куполом кафедрального собора.

Другой бок скелета почти весь скрыт землей, только кончики ребер торчат из каменистой почвы.

— Вот какие звери жили до потопа, — сказал он потрясенно. — Или это был человек?

— Кто бы это ни был, — проговорил стальграф напряженным голосом, — но тот, что откусил ему голову...

Сэр Чарльз договорил устрашенно:

— Был куда крупнее...

Они провожали белеющие кости этого, без сомнения, морского животного в почтительном молчании, а я подумал, что катаклизмы здесь были нешуточные, если участок морского дна подняло на такую высоту.

Сэр Чарльз начал рассказывать про диковинки, о которых наслушался от местных рыцарей, я высматривал среди гор гигантский термитник, где, по словам Агалантера, устроил себе крепость Тартенос, а за спиной слышался возбужденный голос рейнграфа:

— Там растет ну просто удивительное дерево, одна часть, обращенная к югу, цветет, а на той, что к западу, — уже созревшие плоды! Более того, восточная часть в красных и желтых листьях, опадают медленно и печально, а северная сторона вообще с голыми ветвями, покрытыми инеем и сосульками!

Стальграф только похмыкивал, а я сказал с интересом:

— Удивительное дерево! А что за плоды?

Он взглянул с удивлением.

— Никто того не ведает.

— А каковы на вкус?

Он пробормотал:

— Никто не пробовал... насколько знаю.

Я в удивлении покрутил головой:

— Интересно живут здесь!.. Такое чудо, а народ как-то не. Странно и весьма обло. Как в первозданном саду, когда наш прародитель сорвал что-то и съел, но до сих пор никто не знает, что он там жрал. Это потом придумали, что яблоко, но там точно не яблоко, на какой яблоне листья фиговые?.. Разве что гибрид какой... Вообще дурак какой-то, жрал что попало... Но я вообще-то тоже умный, готов попробовать, так что я точно от Адама, а не от мудрых зеленых человечиков. Кстати, Змей был зеленым?

Они задумались, рейнграф сказал нерешительно:

— Вообще-то змеи сейчас разные... но до грехопадения он же был неотличим от Адама, потому и соблазнил Еву, пока Адам спал...

Стальграф сказал внушительно:

— В таких делах спать нельзя. Только заснешь, как твоей жене кто-то и вошьет свое семя.

Я смолчал, впереди что-то небо слишком гневно, тучи несутся с огромной скоростью, сшибаются с грохотом, их ломает и рвет неведомая сила, взметывает в разверзающиеся ущелья и разломы, там на мгновение становится видна кипящая кровь небес, и снова пугающая тьма...

Одна из гор по курсу показалась отвратительной, нет четкости и резкости, характерной для гор, а словно некая грязная и оплывшая масса...

— Оно, — прошептал я.

Рейнграф услышал, переспросил:

— Оно?..

— Да, — сказал я, — но если хотите, повернем. Аппетит нагуляли, можно и домой. Как скажете?

Они все-таки заколебались, но мужчины в таких случаях никогда не скажут правду, разве что станут уже демократами, и оба замотали головами.

— Сэр Ричард, как можно?

- Самое интересное впереди!
- Вы сами решите, когда возвращаться!
- Ага, — сказал я, — ну тады так...

Огромный термитник, таким мне показался замок или крепость Тартеноса, вознесен на небывалую высоту, действительно гора, но только верхние три этажа с ровными рядами окон, все светятся, а внизу чернота, словно там монолит...

На фоне бешеного неба пронесся дракон с угловатыми перепончатыми крыльями, мощно дохнул вниз струей огня, она ударила в землю, осветив ровную и довольно широкую дорогу.

Мир потемнел еще больше, хотя сейчас вообще-то день, но это в других местах день, а здесь почти ночь, сумрачный и мрачный мир, на землю часто падают грозные багровые сполохи из разрывов туч.

— Вот еще один! — вскрикнул рейнграф.

Второй дракон, еще крупнее первого, пронесся над куполообразной вершиной термитника, взмыл свечой, затем распахнул крылья и ушел в сторону.

Я бросил на лица лордов быстрый взгляд, сейчас уже могли бы и возжелать вернуться, аппетит нагулян, но теперь точно не смогут отказаться, а как же рыцарская гордость и достоинство...

Скайлер все поднимался и поднимался по длинной пологой дуге, но теперь я начал медленно подавать ручку от себя, и дирижабль, послушно опустив нос, проседает в воздухе, облака справа и слева пошли вверх, поверхность внизу начала разрастаться.

Рейнграф предостерегающе вскрикнул. Оба дракона, что неустанно кружили вокруг вершины термитника, остановились, растопырили крылья, затем одинаково извернулись и пошли к нам вверх, извиваясь, как исполинские змеи.

— Все-таки часовые, — сказал я.

— А вы что думали? — вскрикнул сэр Чарльз.

— Всякое, — пояснил я, — мог подкармливать... э... птичек. Может быть, они живут у него там, как скворцы... Или синички. Сэр Филипп, вы арбалет уже освоили?

Он перехватил мой взгляд на два станковых арбалета.

— А что там осваивать? Только колесо побольше...

Я кивнул, он вскочил, ухватился за рукоять и начал с усилием поворачивать колесо, натягивая тетиву, где в желобе лежит стрела размером с рыцарское копье.

Рейнграф топтался рядом, готовый помочь, но не зная, где и чем.

Я кивнул ему на второй арбалет.

— Сэр Чарльз, если вам гордость потомка Валуа не мешает исполнять сложные танцы...

Вряд ли он слышал о каком-то Валуа, но намек понял, быстро скакнул к арбалету и начал торопливо готовить его к бою.

Драконы поднимаются тяжело, но достаточно быстро, мощные мускулистые твари, глаза уже горят гневом, пасти полураскрыты. Пока что хватают ими воздух, но готовы вцепиться и в обшивку скайлера, который я упорно называю дирижаблем.

Стальграф молча повел стрелой на дуге арбалета за приближающимся драконом.

Сэр Чарльз вскрикнул суетливо:

— Сэр Ричард, стрелять пора?.. Пора? Какова дальность этих арбалетов?

— Погодите, — сказал я, — ну что вы такой кровожадный? Может быть, они поговорить хотят...

— Пого... поговорить?

— Ну да, — сказал я. — Может быть, они тут сто лет охраняют, всегда пусто, а тут вдруг мы!.. Им же интересно! Любопытно даже. Вы знаете, какие звери бывают любознательные?.. Хотите, щас расскажу?..

Он сказал нервно:

— Я даже собаку вашу боюсь, а вы тут про чудищ!.. Да они нас сожрать хотят, посмотрите на их морды!

— Внешность бывает обманчива, — сказал я с мягким укором гуманиста, — но вообще-то... пора. Давай!

Рейнграф ухитрился выстрелить первым, весь уже дрожит, явно от боевого азарта, потому копьё ударило не в раскрытую пасть или в шею, а в самый краешек груди, где одни складки жесткой кожи и костяные щитки. Сразу стало видно, что это не копьё, а стрела, да и то великовата...

Стальграф Филипп стрелял, как на учениях перед королем, навел точно и нажал на спусковую скобу в тот момент, когда дракон уже раскрыл пасть, чтобы вцепиться в бок дирижабля.

Стрела исчезла в пасти, мы успели увидеть, как пронзила нёбо. Дракон инстинктивно захлопнул пасть, голова его тупо ударилась в бок скайлера. Нас тряхнуло так, что рейнграф свалился на пол, а стальграф удержался, ухватившись за станину арбалета.

Дирижабль тряхнуло еще раз, сильнее, бок с другой стороны вогнулся с такой силой, словно это не металл, а парусиновый бок шатра. В окнах мелькнула громадная голова дракона, раздраженного рейнграфом, пасть распахнута, зубы белые и странно прозрачные, как огромные сосульки.

Оба лорда, цепляясь за станины, торопливо вложили еще по стреле и начали натягивать тетивы.

Я выхватил из-под задницы Костяную Иглу, быстро приоткрыл окно, выстрелил, израсходовал ее боезапас наполовину, и снова закрыл. С той стороны жутко сверкнуло фиолетовым, я хотел перебежать на другую сторону, однако второй дракон появился на этой стороне.

Он не нападал: из пасти хлещет кровь и рассеивается в воздухе красным туманом. Он в отчаянии выгибал

шею, раскрывая пасть, и пытался зацепить и выдернуть языком пронзившую язык и нёбо стрелу.

Я снова распахнул окно, прицелился и выстрелил снова, опорожнив остаток боезапаса. Небольшая игла ударила в грудь дракона, казалось, что ничего не происходит, но в следующее мгновение он превратился в глыбу льда, что начала быстро удаляться в сторону земли, там коротко и страшно полыхнуло фиолетовым.

Я скакнул к рычагам управления, дирижабль уже не просто идет куда попало, а падает. Насколько знаю, даже при самых грандиозных катастрофах выживает большинство пассажиров, это не сверхтяжелые баггеры, но все равно...

Рейнграф первым, натянув тетиву, увидел, что стрелять не в кого. Он очумело кидался ко всем окнам, а стальграф похлопал его по плечу и молча указал на окна в днище.

Один дракон с огромной зияющей дырой в груди рушится на землю спиной вперед, крылья и лапы вытянуты в нашу сторону, а от второго вообще окровавленные куски, что с каждым мгновением расходятся, уменьшаясь в размерах, в стороны...

— Благодарю, — сказал я громко. — Лорды, вы убили двух драконов, об этом должна узнать вся армия, а также все в Турнедо!

Рейнграф, ошалелый и безумно счастливый, проговорил заикаясь:

— Неужели... справились?... Господи, какие чудища... Говорите, и в Турнедо оповестят?

Стальграф быстро взглянул в мою сторону и сказал бодро, подражая моему голосу:

— Полно вам, дорогой друг! Может быть, они просто подлетали, чтобы покушать попросить, а мы их так грубо...

Он даже хохотнул: то ли умеет быстро брать себя в руки, то ли в самом деле такой непрошибаемый.

— Покушать?.. — вскричал рейнграф. — Ах, это у вас такие шуточки, любезный друг! Ничего, я вам еще припомню... Сэр Ричард, мы что, садимся?

— Точно, — сказал я. — На самую крышу.

— Там купол... Не соскользнем?

— Не знаю, — ответил я честно. — Главное — успеть выскочить.

Замки и крепости обычно защищены со всех сторон крепкими стенами, валом и вдобавок рвом с водой, где в дно воткнуты острые колья. Одолеть и ворваться можно только через подкоп, но во избежание замки стараются строить на скальном массиве и на возвышенности.

Здесь, где существуют драконы и скайлеры, пусть их исчезающе мало, замки иногда бывают защищены и сверху. Я встречал на площадках высоких башен могучие арбалеты, стреляющие огромными стрелами, гастрфареты, всякого рода стрелометы и даже катапульты.

Я медленно снижал дирижабль, высматривая на серой поверхности купола хоть какие-то средства защиты, хотя, возможно, маг сумел их замаскировать, это у простодушных рыцарей все открыто, дескать, хитрости — удел слабых, а какой рыцарь и вообще мужчина признается в слабости?

Рейнграф и стальграф, возле которых есть окна, тем не менее топчутся возле меня, сопят и всматриваются через мое плечо в медленно вырастающую внизу поверхность с таким напряжением, словно мы все трое одно целое.

— Сумеете опустить? — спросил рейнграф. — Эта штука вас слушается?

— И вас бы послушалась...

Он торопливо перекрестился.

— Нет уж, я готов рисковать жизнью, но не душой.

Сэр Филипп пробормотал:

— Только как-то странно, что прем на крышу... Мы рыцари или как бы не совсем?

— Простые рыцари, — согласился я, — обычно атакуют с главного входа. А там, как в любом доме, замки, запоры, засовы, а еще стражники... все видов, что значит, кроме драконов обязательно нас ждет нечисть, нежить, чудища, монстры, гарпии, василиски, вервольфы, гигантские змеи... Великий маг охрану выстраивал! Не станет же довольствоваться простыми воинами. Достоинство уронит, и никто не подберет.

— Уважать не будут, — согласился стальграф.

Сэр Чарльз перебил, бледнея так, что заострился кончик носа:

— Вы совершенно верно поступили, ваша светлость! На крышу — мудрое решение. Мы ж не простые рыцари!

— Подхалим, — сказал стальграф саркастически.

— Держитесь крепче, — предупредил я.

Они крепче ухватились за выступающие части, я подумал, что дирижабли вообще-то подтягивают снизу за сбрасываемые канаты, да и не сажают прямо на грунт, а вот так и оставляют висеть в воздухе. В местах посадки существуют причальные мачты, где на высоте и висят дирижабли, поворачиваясь по ветру, как гигантские флюгеры.

Но если учесть, что мой в десятки, если не сотни раз меньше настоящих, к тому же корпус не просто с жесткими ребрами, но и цельнометаллический, то что уж бахвалиться, если в прошлый раз посадил и не разгрохал...

— Выходить, — сказал я, — только по моему сигналу.

Они готовились возражать долго и цветисто, но я выскользнул в дверь, и замер снаружи с малым арбалетом в руках. Прислушиваться и всматриваться во всех диапазонах я начал еще в скайлере, даже голова закру-

жила, а в висках предостерегающе стрельнуло, сейчас же только всматривался в поисках изменений, но, похоже, вся защита сверху поручена двум драконам, а вот снизу да, все ловушки и заградительные рвы и надолбы там...

— Можно, — сказал я негромко.

Рейнграф торопливо выпрыгнул первым, взнякнул, когда ноги взлетели выше головы, а сам он смачно хряснулся спиной и затылком, крепко приложившись к неровной земле, что и не земля, а в самом деле нечто похожее на скрепленную слюной термитов почву, что крепче бетона.

Стальграф вышел осторожнее, переступил мелкие ключья драконьего мяса, на которых поскользнулся соратник.

Я приняхался, сказал коротко:

— За мной. Но лучше на четвереньках, мы на куполе!.. А до земли далеко...

Оба надменно задрали носы, насчет четверенок посчитав шуткой, они же благородные люди, а дворянин лучше умрет красиво и гордо, чем вступит по своей воле в грязь или нечистоты.

Купол не гладкий, а весь бугристый, некоторые холмики вообще вздымаются как массивные столбы, лорды настороженно осматриваются, обнаженные мечи в руках, лезвия поблескивают зловеще-красным, отражая багровые россыпи в тучах.

На меня поглядывают в недоумении, а я в самом деле двигаюсь, как дурак, то и дело спотыкаюсь и натыкаюсь на столбики. Тепловое зрение рисует причудливую картину, но особо ярко-красных мест пока не вижу, разве что вон там...

Я поспешил туда, дважды упал, зато обнаружил шикарное тепловое пятно размером с ярд в диаметре.

— Здесь, — сказал я хриплым голосом, торопливо

вышел в нормальный режим зрения, переждал моменты адаптации, когда мозг старается перестроиться на новую систему образов, и повторил: — Здесь!..

— Что здесь? — спросил сэр Чарльз.

Я настороженно посматривал по сторонам, объяснил коротко:

— Люк. Замаскированный вход.

— Правда? — удивился он. — Ничего не видно...

Глава 11

Стальграф взял меч в обе руки и сильно ударил острием, как ломом в лед на земле. Тяжелое лезвие раскрошило плотную поверхность, комья начали проваливаться, он ударил еще раз, и там рухнуло, посыпалось вниз, оставив полукруглое отверстие некой трубы.

Сэр Чарльз сказал бодро:

— Вот здесь еще надо обрубить...

Он тоже обнажил меч и бодро всадил острие под ноги. Там обрушилось моментально, сэр Чарльз взнявкнул, когда опора исчезла, мы не успели подать ему руки, его понесло вниз, мы услышали только удаляющийся вопль.

— Какой герой, — сказал я с досадой. — Ладно, это тоже путь...

Стальграф не успел открыть рот для протеста, как я сжался в комок и шагнул в трубу. Не знаю, чем она выстлана, однако меня понесло как по смазанному маслом желобу, время от времени прижимая то к правому борту, то к левому.

Впереди блеснул свет, я изготовился для приземления, желоб выбросил меня на широкую сеть, похожую на сплетенную из паутины, но попал я на твердое: на ошарашенного сэра Чарльза, вмял его лицом в сеточку,

поспешно перекатился к краю и выскочил из этого гамака на твердый пол.

Сэр Чарльз простонал:

— Ох, вы мне чуть шею не свернули, ваша светлость... Где это мы?

Я ответить не успел: послышался шум, из желоба красиво вылетел ногами вперед сэр Филипп и мощно приземлился на сэра Чарльза. Тот взвыл, вжатый лицом в гамак.

— Да слезьте с меня!

Сэр Филипп слез, встал со мной рядом и молвил холодно:

— А следом катится огр...

Сэр Чарльз моментально вывалился к нам, упал на пол и кое-как поднялся, держась обеими руками за шею. Стальграф с мечом в руке настороженно оглядывал просторную пещеру, стены неровные, свод кривой и в наплывах, даже пол хоть и со стесанными буграми, но где-то выше, где-то ниже, будто застывшая поверхность моря.

— Это не люди строили, — пробормотал он.

— Точно, — согласился я. — Какие-нибудь дизайнеры...

Они осматривались, собранные и четкие, ни единого лишнего движения, — еще одно доказательство, что в армии Гиллеберда полководцами становились только те, кто прошел невредимым через сотни схваток.

Пещера выглядит пустой, только шагах в пяти от нас под стеной полыхает огромный жертвенник из начищенной меди, от крупных пурпурных углей идет сухой жар, по стене над ним бегут багровые сполохи и складываются в быстро сменяющиеся колдовские символы.

Еще на всех стенах крупно нанесены разные символы: пятиконечные звезды, кометы, знаки Зодиака, од-

нако никакой мебели, что немножко пугает, ибо значит, что маг может создавать ее мановением руки.

— Где враги? — пробормотал стальграф.

— Основная масса внизу, — напомнил я. — А здесь, так сказать, апартаменты главного гада. Мы начали сразу с головы, помните?

— И где голова?

— Это не кабинет, — ответил я, — но кабинет где-то рядом...

Они встали спина к спине и обшаривали взглядами каждый дюйм, а я сделал пару шагов и прокричал:

— Эй! Выходи, жалкая тварь!.. Я, сэр Полосатый, доблестный рыцарь, убийца колдунов и драконов, вызываю тебя для ответа на обвинение в предательстве и коварстве!

Камень стены сухо треснул, оттуда повалил черный дым, но не растекся, а собрался в темное облако, а из него вышел немолодой, но настолько крепкий и мощно сбитый мужчина, что я охнул и отступил на шаг. Выше меня на полголовы, широкий в плечах, он красиво повел плечами, разминая мышцы.

— Обвинение?

— Да! — отрезал я. — Ты предательски захватил мага Агалантера, заковал его в цепи и распял на стене!

Он всматривался в меня с интересом.

— Так это ты его освободил?

— Я, — сказал я с вызовом. — Благородно спас, ибо я — благородный рыцарь!

Он широко улыбнулся.

— Так ты и есть тот самый сэр Полосатый?

— Да, — ответил я как можно более надменно. — Я убил тысячу колдунов, а с тебя начну вторую тысячу!

Он широко заулыбался.

— Как же мне нравятся такие вот герои!.. Я что-то слышал о твоих подвигах. Ты уничтожил замок графа

Корнуэлла с его запасами Кристаллов Огня, а еще залил горючей жидкостью замок барона Кристина и тоже все сжег дотла?

Я произнес гордо:

— Ага, моя слава докатилась и до тебя?

— Докатилась, — согласился он. — Вообще-то ты хорош и здесь... Украл у кого-то скайлер? Признаю, очень остроумно.

— Я такой, — согласился я.

— Но это не поможет, — отрезал он.

Мы не успели шелохнуться, он картинно взмахнул рукой, распахнутые настежь двери со стуком захлопнулись, а сверху еще и опустились кованые решетки, какие бывают на въезде в любой замок.

Мои лорды быстро оглядывались, но отовсюду неслется этот зловещий стук, решетки опускаются на остальные двери, сейчас закрытые, а также на окна.

— Вот теперь вы мои, — сказал Тартенос. — Сами сложите оружие или у вас его отнять?

Его взор упал на стоящего ближе всех рейнграфа, тот озлобленно прорычал:

— Мечтай-мечтай...

Тартенос усмехнулся, сделал легкое движение пальцами, и сэр Чарльз с криком отшвырнул меч ему под ноги, а сам затряс кистью, словно сунул пальцы в огонь.

— Сволочь, — прохрипел он люто, — ты не... ах да, ты же в самом деле не! Скотина!

Тартенос ухмыльнулся.

— Я в самом деле не, — ответил он. — Но в чем-то я очень даже да, не так ли?

Он взглянул на сэра Чарльза, тот с угрожающим видом шагнул к нему, поднимая меч, но Тартенос так же небрежно шевельнул кончиками пальцев, и сэр Чарльз с воплем ярости отшвырнул клинок.

Дуть на пальцы не стал, явно Тартенос не стал по-

вторять тот же трюк, а внушил рейнграфу, что тот держит змею или что-то подобное.

Я с обнаженным мечом в руке сделал вперед два шага, Тартенос бросил на меня быстрый взгляд и велел быстро:

— Стоять!

Я остановился, он оглядел меня с головы до ног победно и насмешливо.

— Ты не тот, — произнес он, я уловил оттенок облегчения в его сильном голосе, больше подходящем воину, чем магу. — Хотя хорош...

Я проговорил медленно:

— Почему... не тот...

— Потому что тебе, — ответил он, — со мной никогда не справиться!

— Это почему? — повторил я.

Он сказал почти весело:

— Мне было предсказано еще при рождении, что убить меня может только некий Ричард Завоеватель, названный также Неистовым и Звездным Рыцарем! Потому я и спросил твое имя...

— И что, — поинтересовался я, — Ричарду ты вообще не показался бы на глаза?

Он ответил смеясь:

— А зачем?... Я просто удалился бы на другой конец света. Так что ты пришел напрасно, герой...

Я уже довел себя до состояния, что могу двигаться чуть ли не вдесятеро быстрее, быстро взглянул ему за плечо и нехорошо улыбнулся, мол, у тебя за спиной сейчас третий мой человек заносит над тобой топор. Тартенос коротко оглянулся, всего на кратчайший миг, и тут же снова его бешеные глаза смотрят в меня, но за тот же миг я развернулся, как туго сжатая пружина, лезвие моего меча страшно прошло по его шее, чуть

срубив с одной стороны кончик нижней челюсти, с другой — верх плеча.

Голова слетела в сторону, я метнулся за ней, пытаюсь подхватить на лету, краем глаза видел, как мои лорды прыгнули за своими мечами.

Когда я наконец подхватил разбрызгивающую кровь голову и торопливо зашвырнул ее на горящие угли как лучшее противоядие против колдовства — доказано инквизицией, — за спиной уже слышатся быстрые чавкающие удары, словно мясник рубит по заказу требовательного клиента баранью тушку.

Сэр Чарльз и сэр Филипп подбежали и одновременно протянули отрубленные кисти рук.

— На всякий случай, — сказал сэр Чарльз, запыхавшись. — Чтоб и жестами ничего не колданул.

Я отступил и хотел молча указать на багровые угли, но вовремя обратил внимание на унизанные золотыми кольцами пальцы.

— Снимите! Кто знает, что у него там понацеплено.

Рейнграф сказал с беспокойством:

— Волшебные?

— Может быть, — согласился я, — эти гады хоть и дурные, но такие хитрые... Так что оставьте себе, вреда меньше. Хотя все сжечь здесь, конечно, приятно.

— Грабить тоже приятно, — сказал сэр Чарльз с энтузиазмом.

Они содрали кольца и перстни, остальное бросили на угли. Поднялся чадающий дым, остро запахло горелым мясом.

— Может, — спросил сэр Чарльз обеспокоенно, — ему и ноги отрубить?.. А то и... Ну ладно-ладно, я только спросил. Вы уверены, что уже все закончено?

Я пожал плечами.

— По мнению обывателей, каждая следующая ступенька должна даваться все труднее. Этого как бы тре-

бует хореография и архитектоника, но это Страусу пришлось придумать вальс, а нам вроде бы танцевать ничего не мешает, так что мы сразу начали с главного гада! Хотя, конечно, можно было долго растягивать удовольствие, побивая героически тупо всю многочисленную защиту, начиная с самых дальних застав Зла... нет, Темного Зла!

Рейнграф посмотрел на меня с некоторой опаской.

— Я понимаю, ваша светлость возжелает за сэкономленное время побить больше главных злодеев?

— Точное понимание, — согласился я. — Орел мух не давит, а мы разве не орлы?

— Если драконов побили, — пробормотал сэр Филипп, — то да, герои. Только вот до сих пор ноги трясутся.

— Это от желания еще кого-нибудь, — сказал сэр Чарльз. — У вас лицо такое! Вы только разохотились, вижу.

Я посмотрел вверх, пробормотал:

— Похоже, обратно нам по такому желобу уже не выбраться... Да, не допрыгнуть. Но не хотелось бы спускаться книзу.

— Там стража? — спросил сэр Чарльз. — Все то, что вы перечислили?

— Не все, — сказал я. — Вообще-то должно быть побольше. Так положено. Как мне, вон, группа сопровождения и охраны. Престиж, знаете ли, никто не отменял...

Он покачал головой.

— Стражники ожидают нападения со стороны входа, а мы им в спину? Нехорошо как-то... Даже с монстрами надо вести себя благородно и по-рыцарски.

— Нехорошо, — согласился и стальграф. — Нечестно.

Я обошел пещеру, в одном месте за выступом обнаружил довольно широкий проход под крутым углом

вниз, ступенек нет, но пол весь в буграх и бугорках, и сворачивает то вправо, то влево.

— Ладно, — сказал я обреченно, — никуда не деться, надо идти. А то вообще к ужину опоздаем.

— На ужин к монстрам? — спросил сэр Чарльз нервно.

— Что, гнушаетесь сидеть с простыми монстрами?

— Я предпочел бы монстров благородного происхождения, — ответил он с достоинством.

Я проворчал:

— Не перебирайте, сэр Чарльз. Мы не дома.

Они пошли следом, ход широк, головы пригибать тоже не приходится, здесь и огры пройдут, хотя, возможно, они там ниже и встретятся...

Ход иногда расширялся так, что спускаемся почти по пещере, затем сужался снова, но и в самых тесных местах можно идти вдвоем-втроем.

Снизу потянуло сыростью, незнакомыми запахами, резкими и неприятными. Мне почудилось, что где-то внизу разлагаются запасы рыбы, а сэр Чарльз pokrutil аристократическим носом, вздохнул.

— Надеюсь, нам не придется идти через... нечто мерзкое?

— Закроете глаза, — посоветовал стальграф.

— А запахи?

— Заткнете то, чем дышите... Вы дышите чем?

Ход все расширялся, а уклон стал такой, что уже не сходим вниз, а слезаем, как по очень крутому косогору. Запахи тухлой рыбы стали сильнее, внизу промелькнуло нечто быстрое, я рассмотреть не успел, но, спустившись еще ниже, тихонько присвистнул.

Обширная пещера, дно сильно бугристое, стена идет вокруг волнами, словно пещера образовалась сама по себе, как и все, но в то же время чувствую, что ее такой сделали...

Мимо входа пронесся динозавр с раскрытой от жа-

ры пастью и встопорщенным гребнем, не самый крупный, но и не мелкий — с коня. Я сперва даже решил, что почудилось, слишком быстро исчез, спустился еще и замер у самого выхода.

В пещере множество динозавров: одни дремлют, другие расхаживают взад-вперед, а мелкие, размером с барана и даже волка, носятся, как играющие шенки.

Рейнграф выглянул сразу за мной, охнул и отпрянул.

— Ваша светлость... Это что за такие жабы?

— Тихо, — сказал я. — Они все сторожат тот вход. Сюда даже не смотрят.

— Значит, оглядываться не будут?

— А вы попробуйте, — предложил я.

Он решительно обогнул меня и шагнул в пещеру. Ближайший динозавр мгновенно развернулся и уставился неверящими глазами на дерзкого нарушителя.

— Заметил, — проговорил рейнграф напряженным голосом. Он взял меч в обе ладони и чуть пригнулся. — Что теперь?

— Да уж, — сказал сэр Филипп. — Теперь сражайтесь, сэр Чарльз, как никогда не сражались раньше!

Рейнграф ответить не успел, динозавр неспешно направился в нашу сторону, однако гребень на его спине начал подниматься, а в пасти блеснули белые зубы.

— Может, — проговорил рейнграф и попятился, — он просто понюхать решил...

Они оба вышли вперед, закрывая сюзерена стальными телами, сосредоточились, но за их спинами сухо шелкнула стальная тетива, динозавр начал было ускорять шаг, когда болт ударил в широкую и выпуклую, как у большого гуся, грудь.

Оба моих лорда вскрикнули, на месте динозавра на короткий миг возникла растерзанная туша, а в следующее мгновение окровавленные куски разбросало в разные стороны, а две огромные голенастые ноги пару се-

кунд стояли с судорожно растопыренными пальцами, потом рухнули в разные стороны.

Рейнграф охнул:

— Чем вы его так?

— Молитвой, — ответил я благочестиво. — А вы не забываете молиться?.. Утром и вечером? Точно?

Глава 12

Они даже не услышали, динозавры сперва замерли, встопоршив гребни и оскалив зубы, потом начали опускать головы, с недоверием нюхать долетевшие до них мелкие клочья кровоточащего мяса, слизывать кровь, затем начали жадно хватать куски и пожирать, выхватывая друг у друга.

Я сказал тихохонько:

— Вот теперь под стеночкой... зайчиками-зайчиками...

Райнграф прошептал:

— Ваша светлость... вы серьезно?

— А вы знаете другой способ?

— Ну... нет, не знаю...

Стальграф сказал просительно:

— Ваша светлость, а вы можете подстрелить еще одного? Только ближе к другой стене?

— Прекрасная мысль, — сказал я. — Чувствую, Гиллеберд ценит вас за стратегическое мышление!

Они присматривались к динозаврам, а я натянул тетиву, звери уже не носятся по всей пещере, остервенело сопят и чавкают, быстро подхватывая последние куски.

Я поймал в прицел одного гиганта с новеньким гребнем, чешуя не потерта, мясо явно сочное, нажал на спуск. И снова бесшумный взрыв, во все стороны брызнула веером кровь и разлетелись темные куски мяса на костях.

Динозавры ринулись в ту сторону, на ходу подхватывая самые сочные ломти.

Я толкнул рейнграфа:

— Вперед!.. Под стеной!

Его смертельный ужас я чувствовал физически, это совсем не то, когда дерешься против двадцати врагов и понимаешь, что погибнешь от их острых мечей, но то славная и красивая гибель, однако вот если тебя живого будут рвать на куски огромные мерзкие пресмыкающиеся...

За сэром Чарльзом, распластавшись по стене, заскользил сэр Филипп, он вжимался в камни так, что почти просачивался в них. Когда мы преодолели половину пути, один из динозавров все-таки обратил внимание, что по их территории прошмыгивает еще и живая добыча, со всех ног бросился к нам.

Я торопливо прижал пальцем спусковую скобу, динозавр несется к нам, как огромный конь, стрела ударила в его широкую и гордо выпуклую грудь, когда он был уже в трех шагах...

Взрыв разметал динозавра на треть зала, один кусок ударил сэра Филиппа в спину и едва не сбил с ног, а сэра Чарльза окатило фонтаном крови.

Темный проход уже близко, сэр Чарльз шарахнулся туда чуть ли вниз головой, как пловец в воду, под ногами одни застывшие кротовые кучи, но крепкие, как цемент, я тоже расшиб по небрежности ноги, а сэр Чарльз сыпал отборными проклятиями и поминал всех святых как-то без особого благочестия.

Стальграф тоже опередил меня, их долг укрывать сюзерена своими телами, но сейчас они только шипели в ярости и сдирали с себя лохмотья неопрятно сизых кишок, слизистых и очень скользких.

Я влетел за ними в следующую пещеру, стальграф

впереди резко остановился и выставил перед собой меч, а сэр Чарльз прокричал горестно:

— Не-е-е-ет! Лучше те бескрылые драконы!..

От стены, что за нами, и дальше — бескрайнее болото с омерзительными растениями, мерзкими тварями на толстых мясистых листьях, распластавшихся на темной гнилой воде, похожей на свернувшуюся и протухающую кровь, вдали серый клокастый туман скрывает, есть ли у болота вообще край...

Мы все трое по колено в темном болоте, смрад лезет в ноздри и забивает их так, что никогда уже не смогу нюхать розы, хотя и раньше с чего бы мне к ним принюхиваться.

Вдали из темной поверхности начал подниматься некий остров, ровный и блестящий, как только что снесенное яйцо. Он поднимался и поднимался, затем резко повернулся, и на всех нас в упор взглянули огромные выпуклые глаза, холодные и немигающие, размером с рыцарские щиты.

Сэр Чарльз охнул:

— Боже правый... а какой же он весь?

— Нам не пройти, — сказал стальграф напряженным как струна голосом. — Наверное.

— А наверх уже не выйти, — напомнил сэр Чарльз.

Чудовище всмотрелось в нас и медленно заскользило в нашу сторону. Судя по движениям воды, там перемещается тело в десятки раз крупнее головы.

Сэр Чарльз и сэр Филипп обнажили мечи. Лица их стали красивыми и торжественными без тени страха, плечи шире, а мышцы вздулись в ожидании короткой, но славной схватки.

Я вздохнул и поспешно выхватил из мешка последнюю Ледяную Иглу. Сэр Чарльз посмотрел с надеждой.

— Не промахнитесь, ваша светлость, — попросил он. — Второго шанса он нам не даст!

— Второй такой штуки у меня больше нет, — сообщил я. — Но я в него точно не попаду... Вон руки дрожат, видите?

Чудовище начало ускоряться, приподнялось, явно нащупало под ногами быстро повышающееся дно, голова уже вся наружу, а толстая шея еще и длинная, далеко от нее из воды поднялись толстые иглы гребня...

Я выстрелил, но не в чудовище, как ожидали мои лорды, а чуть рядом, в темную гниль воды. Стрела исчезла бесшумно, почти сразу на поверхность понеслась мелкая россыпь блестящих пузырьков воздуха.

Чудовище начало замедлять движение, наконец-то оторвало от нас взгляд и в недоумении посмотрело вниз.

Я скомандовал:

— Сэр Чарльз, быстро на спину сэру Филиппу!

Голос мой был строг, и сэр Чарльз — вот что значит человек военный — повиновался чисто автоматически. Сэр Филипп крикнул под его тяжестью, но на ногах удержался, хотя и упомянул кого-то, и тут вся поверхность болота начала приподниматься, донесся частый треск...

Сэр Филипп в недоумении выругался, вода вокруг нас моментально превратилась в лед, его ноги оказались схвачены в надежные оковы почти до колен.

Чудовищный зверь остановился, дернулся, пытаясь освободиться, исполинская пасть открылась, глухой рев прокатился над нашими головами, похожий больше на раскаты грома, словно это не зверь, а явление природы.

Сэр Чарльз уже без команды соскочил с сэра Филиппа, поскользнулся и звучно треснулся всем телом, но не проломил, с руганью вскочил и принялся торопливо рубить лед вокруг ног сэра Филиппа.

— Торопитесь, — сказал я, — этот лед не вечен.

Стальграф выхватил меч и принялся помогать сэру Чарльзу освобождать себя. Обо мне совсем не озаботи-

лись, слишком у меня уверенный вид и командный голос, я же лорд, наверняка знаю, куда и на что веду за собой.

Я в самом деле расправлял плечи, держа уверенный вид, пусть никто не знает, что и для меня это все внове и мне тоже страшно...

Лед чуть-чуть отпустил мои ноги, я сосредоточился еще сильнее, представил, как от ступней идет сильнейший жар. Там внизу захлупало сильнее, потянуло затхлой вонью, я натужился и вытащил одну ногу, сильно вытягивая носок, а потом и вторую.

Втроем быстрее продолбили лед вокруг сэра Филиппа, выдернули вверх. Над головами снова прогремел ужасающий по силе рев вмерзшего в лед чудовища. Оно вытягивало шею и старалось ухватить хоть одного зубастой пастью.

— Поторапливаемся! — напомнил я. — Этот лед не вечен...

Им обоим словно острия пик воткнули пониже спины, ринулись, скользя и хватаясь за стену, что тоже покрыта инеем, сэр Чарльз догадался бежать по выступающим из замерзшей поверхности болота листьям гигантских кувшинок, но и там, чересчур осмелев, пару раз грохнулся и скользил вперед по инерции на спине.

Сэр Филипп бежал осторожнее, ни разу не упал на скользком льду и потому не отстал от нас.

Лед начал трескаться, сперва в глубине, под ногами вздрагивало и заставляло замедлять шаги, бежим и так растопырившись во все стороны. Из темного льда торчат странные обледенелые растения, но до верхушек стужа еще не добралась, одно ухитрилось цапнуть сэра Чарльза за плечо.

Он вскрикнул диким голосом, то ли от боли, то ли от неожиданности, глаза полезли на лоб, сэр Филипп

молча рубанул клинком, и сэр Чарльз едва не упал, на плече осталась висеть зубастая пасть.

Сэр Филипп попытался сорвать ее с друга, но я крикнул нервно:

— Лед тает!.. Быстрее!

И они припустились со всех ног к стене тумана. Под ногами треск все сильнее, единое поле начинает разделяться на отдельные глыбы, они трутся, как свиньи о забор, нас на бегу то приподнимает, то опускает, приходится перепрыгивать возникающие трещины, а на льду почти всегда поскальзываешься так, что лучше упасть сразу, побежишь, пытаешься устоять на ногах, и рухнешь в трещину, что сразу же захлопнется...

— Осторожнее! — рявкнул сэр Чарльз.

Мы влетели в туман, что издали кажется плотным, как глина, но, к счастью, в нем видно шага на три. Мы замедлили бег, я еще не увидел, но ощутил впереди стену, надал, и вскоре налетел на нее с размаху, уж мокрую, с потеками воды.

— Сэр Чарльз, направо! — крикнул я. — Сэр Филипп, налево! Искать выход!

Его нашел сэр Филипп почти сразу же, как отбежал на пару шагов и скрылся в тумане. Правда, нора оказалась на высоте в два моих роста, пришлось лезть друг другу на плечи, а потом вытаскивать последнего, но дальше ход повел вниз красиво и ровно, пусть и без ступенек, но нам как-то не до капризов, и там бежали, пока не попали в зал с гигантскими пауками.

Потом в пещеру со скелетами.

Затем к живым плотоядным растениям, где почвы не видать из-за груд костей крупных животных.

Мои лорды дышат все труднее, мне приходилось останавливаться, чтобы дать им перевести дух, наконец, когда мы неслись через обширную пещеру, а за нами целое племя огров, я решил, что это чересчур, перебор,

удвоение сущностей, а как же бритва Оккама, и обратил особое внимание на стену, мимо которой мчимся в поисках выхода в пещеру еще ниже.

Стальграф, измученный и тяжело дышащий, оглядывается на погоню и нарочито сбавляет ход, чтобы между мной и чудовищами сзади встал он, красивый, мужественный и жертвенный, а сэр Чарльз моментально останавливается и становится с ним рядом.

Я бежал вдоль стены, она здесь рыхлая и вся сложена из плотных комьев, будто огромные термиты смешивали землю со слюной, превращая ее в бетон. Можно по этим неровностям вскарабкаться довольно высоко, огры не достанут даже при их росте, но... а дальше?

Сэр Чарльз и сэр Филипп отказываются оба бежать впереди, один постоянно оглядывается на меня, второй топают позади, охраняют, тут им хоть кол на головах теши.

В одном месте, пробегая под стеной, я ощутил ее непрочность, остановился, бросил ладонь в сторону меча, но вспомнил про малый арбалет и торопливо ухватил в руки.

— Все сюда!

Они остановились, посмотрели на меня, снова в сторону медлительных, но все же настигающих гигантов. Арбалет в моих руках обладает чудовишной мощностью, но скорострельность минимальна, против такой стаи его все равно что и нет...

— Зажмуриться, — велел я, — лицо закрыть руками!

Они даже присели, укрываясь, хотя и не поняли от чего, а я прицелился в стену, торопливо нажал на спусковую скобу. Стрела исчезла, нас оглушил короткий сухой треск, острые камешки со звоном простучали по металлу доспехов.

В стене возникла дыра, человек средних размеров протиснется, пусть и с трудом, я торопливо выглянул на ту сторону и, вернувшись, прокричал:

— Сэр Чарльз! Быстро!.. Сэр Филипп — за ним!

Сэр Чарльз бездумно полез в дыру, выполняя приказ, а сэр Филипп обеспокоенно спросил:

— Может, я за вами?

Я рывкнул:

— Быстрее!.. Назад не возвращаться!!!

Он исчез в дыре, я торопливо сунул арбалет в мешок и полез по стене вверх, а огры обозленно задвигались вниз, начали выть и подпрыгивать, некоторые все же додумались взбираться другим на спины и головы.

В какой-то момент почти настигли, я саданул одного каблуком в морду, он пошатнулся, его повлекло назад, он ревел и размахивал лапами, а я с удовольствием услышал, как внизу завалилась целая пирамида.

Цепляясь изо всех сил за выступы, я взобрался к самому своду, дальше хода нет, зато там площадка, присмотрел ее еще снизу из пещеры, весьма для моих целей, торопливо прижался к пористой почве, закрыл глаза и начал сосредотачиваться, утихомиривая шум в голове и стучащее сердце. Представил себе, что я вот прямо сейчас становлюсь могучим и огромным с громадными крыльями и очень цепкими лапами, покрытыми крепчайшей чешуей..

Над лапами думал особенно тщательно, потому, наверное, обморок продлился, как мне показалось, долго, а когда пришел в себя, то увидел, что сижу на узкой для меня стене, с одной стороны зал с его смрадом, с другой — свежий воздух открытого пространства, а я, не смотря на всю громадность, расположился в окне, что образовалось благодаря тому, что «сожрал» стену.

Хорошо, мелькнула мысль, теперь только бы не...

Оттолкнувшись, я растопырил крылья и, ощутив упругость воздуха, пошел вокруг термитника.

Сэр Чарльз и сэр Филипп с обнаженными мечами все еще на том выступе, с которого ни вверх, ни вниз,

ни в сторону, а через проделанную арбалетной стрелой дыру пытаются пролезть огры, но могут просунуть только голову.

Сэр Филипп первым убрал меч, лег на живот и начал рассматривать стену внизу, явно вознамерившись спускаться.

Я вытянул лапы, сжал и разжал пальцы, проверяя их хватку. Лорды даже не подняли головы, я двигаюсь бесшумно, и только когда ударила воздушная волна, сэр Чарльз начал удивленно поворачивать голову, но мои когти ухватили одного и другого, я сцепил челюсти и понесся с добычей дальше, чувствуя, что мои крылья трещат от перегрузки.

На ходу увеличивать крепость сухожилий непросто, я полностью убрал гребень со спины, оставив ее беззащитной, а тут еще сэр Чарльз орал и ругался, попробовал меня рубануть мечом, но лезвие заскользило по зеркальным чешуйкам.

У меня глаза расположены так, что оглядываться необходимости нет, я видел, как позади небо посветлело, выглянуло солнце, и под его лучами исполинский термитник Тартеноса, созданный его темной магией, начал рушиться, раскалываться, исполинские скалы падали, не встречая сопротивления, разбивались вдрезг и быстро таяли, как гнилой туман, оставляя после себя только смрад.

Скайлер в падении смяло глыбами, сплющило, размололо, и упал на землю уже бесформенной массой. Обломки сыпались сверху и сыпались, и хотя большая часть, созданная магией, испарилась, все же земли хватило засыпать обломки скайлера весьма надежно.

Я несся по прямой и гораздо быстрее, чем скайлер. Сэр Филипп перестал вырываться раньше, уж и не знаю, что с ним, но явно жив, что-то замышляет.

Глава 13

До замка оставалось с полмили, я снизился, проволочив их чуть по земле, прежде чем разжал когти, мощно ударил крыльями, забросал лордов дорожной пылью, поднялся выше, и, пока оба ворочались в пыли, я залетел за скалу, торопливо опустил ся и велел себе вернуться в прежний облик.

Когда я вышел, стараясь не дышать слишком бурно, они уже поднялись и осматривались ошалело.

Я закричал издали с оптимизмом:

— Ну как вам послеобеденная прогулочка?.. Сэр Чарльз, вы довольны?

Они смотрели на меня, как на привидение, сэр Чарльз вскрикнул пламенно:

— Сэр Ричард! Мы уж и не надеялись...

Сэр Филипп прервал:

— Я его едва выдернул из норы, когда он пытался вернуться, чтобы красиво погибнуть с вами!

— Я пытался помочь, — возразил сэр Чарльз. — А погибнуть... ну, это если бы больше ничего не оставалось.

Я изумился:

— Дорогие друзья! Что за речи? Разве я не обещал просто прогулку?

Сэр Филипп, выворачивая голову, старался разглядеть глубокие царапины, оставленные моими острыми когтями на его стальном панцире.

— Что это за дракон?

Я беспечно пожал плечами.

— Да какая разница?.. Он бы и в замок принес, но больно трусливый. Собак боится. Так что придется пешком...

Я надеялся, что дракона увидят издали, и к нам примчится целый отряд, но, увы, все заняты своими очень важными делами, на небо посмотрят, только когда их смалить будут, так что мы втроем отправились пешком.

Сэр Чарльз бросил на меня быстрый взгляд, помялся, но спросил тихонько:

— Сэр Ричард... А этот чудный воздушный корабль... Он как? Неужто вы нарочито там оставили?

Стальграф проворчал:

— Мы видели, как рухнула крепость мерзкого и нечестивого колдуна. Но воздушный корабль, как жаль, тоже разнесло вдрызг...

Я сказал с таким же тяжелым вздохом:

— Думаете, мне самому не жалко было? Но так надо!

Рейнграф широко раскрыл глаза:

— Но... почему?

Сэр Филипп пробормотал:

— Да, сэр Ричард, я тоже не понимаю...

— Нужно строить дороги, — сказал я сердито. — Мосты, переправы! А не вот так проплывать сверху, поплывавая на простой народ, будто мы не все от Адама! Это не по-христиански! И подвесные мостики через реки и пропасти перекидывать, а не рассчитывать, что мы вот да, а все остальное быдло пусть как сможет.

Я чувствовал, что разозлился, лорды поглядывают на меня с удивлением, наконец сэр Филипп тяжело вздохнул.

— Наверное, вы как-то правы, сэр Ричард. Хотя, конечно, если рассуждать, как паладин, что воин снаружи, а монах внутри, то да, конечно. И как благородный правитель, что ничего для себя, а все для людей, как требует церковь. Для меня это, конечно, принять нелегко, а для сэра Чарльза вообще...

Сэр Чарльз спросил обидчиво:

— А почему для меня вообще? И что вы прячете за этим «вообще»?

Сэр Филипп сказал мне со вздохом:

— Вот видите, сэр Чарльз сразу прямо и честно признал, что такие высокие нормы не для него. И в самом

деле, пока есть воздушный корабль, не хочется задумываться о каких-то скучных мостах и переправах там, внизу, для людей попроще. Но с другой стороны, что толку для величия королевства, если такой корабль только у герцога?

Сэр Чарльз посмотрел на него, на меня.

— А если, — сказал он, — вдруг поломается?.. Мосты, конечно, тоже иногда рушатся, но не вдруг, а постепенно...

Нас заметили со стены, распахнули ворота. Сэр Готмар поспешил навстречу, лицо напряженное, глаза полны подозрения.

— Что спалили на этот раз? — крикнул издали, а приблизившись, преклонил колено. — Ваша светлость...

Я сказал с укором:

— Ну вот видите, сэр Чарльз, какая у нас репутация?

Сэр Готмар поднялся, сказал с облегчением:

— Ну, это не у вас всех, а только у вас, сэр Ричард. Признаюсь, просто чудо, что ничего не сломали, не сожгли, никого не убили... Я со стены во все стороны смотрел, но нигде не увидел дыма, и земля не тряслась на этот раз... Хотя доспехи у вас всех от шлемов и до шпор в крови... А у сэра Чарльза вон за поясом даже клочок мяса... Наверное, потом доест.

Сэр Чарльз подпрыгнул, осмотрелся, выдернул прижатый поясом лоскут лиловой кишки динозавра, с омерзением отшвырнул в сторону.

— Это дракон мне сам засунул!

— Мерзкая тварь, — посочувствовал стальграф. — И хитрая! Вы бы все равно есть не стали, правда?

Сэр Готмар начал беспокойно бледнеть, спросил с застывшей улыбкой:

— И... что еще... кроме убийства драконов?

Сэр Чарльз и сэр Филипп переглянулись. Сэр Чарльз сказал с некоторой заминкой:

— Вы правы, сэр Готмар, это была просто прогулка перед трапезой. Чтобы нагулять аппетит. И ничего не сожгли. Почти.

Сэр Готмар моментально насторожился.

— Когда его светлость произносит это «почти», я понимаю, что сожгли всего половину герцогства. А что это «почти» значит у вас?

Сэр Чарльз развел руками:

— Мы лишь помощники сэра Ричарда, так что у нас масштабы помельче. Во время прогулки как-то сам по себе сломался воздушный корабль, а заодно и то, что оказалось под ним.

Сэр Готмар посмотрел на меня волком, но я шарю взглядом по балконам в надежде увидеть миниатюрную герцогиню, и он повернулся к сэру Чарльзу.

— А что под ним оказалось?

Сэр Чарльз, явно копируя мою манеру, сказал с великой небрежностью:

— Да крепость некоего великого...

Сэр Филипп быстро поправил:

— Величайшего!

— Да-да, — согласился сэр Чарльз. — Величайшего, спасибо сэр Филипп, у вас изумительная память! Величайшего мага Ундерлендов, как говорят, хотя нам показалось, что это так, тьфу, просто пьяный пастух гусей, что умеет только в носу ковыряться, да и то одним пальцем. Он вроде бы сопротивлялся, не хотел, чтобы его убивали, чудак какой-то, но мы тогда уж заодно и весь Термитник..

Сэр Готмар вскричал в ужасе:

— Термитник? Тот самый?

— Не знаю, — ответил сэр Чарльз. — Вроде бы других близко не было. Правда, странное название?.. Потом мы перебили его зверушек и вернулись сюда. Уже на драконе.

Сэр Готмар выпучил глаза, глядя на великолепных лордов, красивых и невозмутимых.

— На... дра... драконе?

Сэр Чарльз посмотрел на сэра Готмара с изумлением.

— Ну да, а как же... А что, у вас они носят не всех?

— Н-нет, — проговорил Готмар.

Сэр Чарльз сердито дернул щекой.

— Безобразие какое-то! А если кому-то надо? Тогда как?... Ладно-ладно, можете не отвечать, мы ведь с вами знаем ответ, верно? Если Ундерленды тоже под рукой сэра Ричарда Завоевателя, то здесь будут хорошие безопасные дороги, мосты, переправы и хороший просторный кабак на каждом перекрестке. С очень веселыми женщинами.

Сэр Филипп пробормотал:

— Подхалим...

Сэр Чарльз сказал громко:

— И драконы. Всех будут носить, сэр Готмар! И вас.

Сэр Готмар отпрыгнул от него, как от сумасшедшего.

— Нет уж, нет уж!

К нам подошел священник, я поклонился смиренно и сказал с предельной благочестивостью:

— Святой отец, я слышал, вы требовали, чтобы тот дьявольский сосуд греха, воздушный корабль, был уничтожен?... Я верный сын церкви, и потому тут же выполнил ваше повеление!

Он перекрестился, перекрестил меня и сказал с облегчением:

— Спасибо, ваша светлость!.. Эта штука не давала мне покоя, но моих слабых сил не доставало, чтобы убедить герцога или герцогиню...

— Моих достало, — прервал я. — Я верный воин церкви, паладин Господа, упомяните об этом в своих отчетах, когда будете отправлять в Рим.

— Слава Господу!

— Аминь, — ответил я и пошел в донжон, ибо на балконе своих покоев показалась леди Иля, тоненькая и хрупкая в золотистом платье, с неизбежной высокой прической и, как догадываюсь, на высоченных каблуках. Промелькнула, как видение, и скрылась внутри.

Меня потащило как магнитом, я позволил ногам нести меня туда, куда они хотят, не разрешил только бежать, как-то уж будет слишком, я же теперь цаца, должен блюсти, и я блюл настолько, что вместо того, чтобы ухватить ее и смять в объятиях, замедлил шаг, церемонно поклонился и сказал дежурным голосом:

— Я приветствую вас, наша дорогая хозяйка!

Она чуть присела, ответила тоненьким голоском:

— И я рада вас видеть, сэр Ричард! Надеюсь, ваше ожидание ответа Его Величества не выглядит, судя по вашим измятым и забрызганным кровью доспехам, слишком уж скучным?

— Я просто уверен в этом, — произнес я и, взяв ее хрупкую кисть руки с тоненькими пальчиками, склонился в поклоне.

Мои губы припали к ее нежной коже, как умирающий от жажды бедуин — к источнику чистой прохладной воды. Ее пальцы дрогнули, через мгновение попыталась освободиться, но я все не мог отпустить, и, когда уже сам, заставил себя оторваться от сладостного наслаждения, словно пожирал нечто невиданно сладостное, она дрожала всем телом, близкая к обмороку, и готова была упасть.

Я подхватил ее, удержал, она открыла дивные глаза и прошептала:

— Вы меня губите...

Я медленно, как замороженный, приблизил ее к себе, она смотрела в испуге, но губы сложила для поцелуя. Я припал к ним, сперва именно так, как она хотела, потом по-своему и наслаждался их хрупкой нежно-

стью, вбирал в себя трепетное наслаждение, еще далекое от плотского, это как свежий ветерок пред грозой, а потом легкий дождик, прибивающий пыль, в то время как небо постепенно темнеет, в нем кипят страсти, сверкает молния, плотоядно рокошет гром и все ближе и ближе неистовство грозы, когда природа корчится и выгибается в слепой страсти, наконец достигает верха блаженства, а потом вся Вселенная обессиленно успокаивается, расслабленно прислушиваясь к своим ощущениям.

В какой-то миг она чего-то испугалась и попыталась упереться в мою гранитную плиту груди тонкими руками, способными разве что отодвинуть шелковый занавес.

— Нет, сэр Ричард, нет! Не здесь!

— Вы правы, — шепнул я и, подхватив ее на руки, понес в спальню.

Она закрыла глаза, положила голову мне на плечо и затихла.

Глава 14

Снизу донеслось конское ржание, я лежал в постели с раскрасневшейся Илей и уговаривал не стесняться, но все равно уловил, что конь не наш, их голоса знаю, как и всех местных, насторожился и быстро вскочил.

Она вскрикнула испуганно:

— Сэр Ричард?

— Леди Иля, — ответил я и запрыгнул в брюки, — мне кажется, прибыл гонец. Голос какой-то побережный!

Она охнула:

— От Его Величества?

— Судя по конскому ржанию, можно сказать и так...

Я перебрался в свои покои, а оттуда вышел на балкон, откуда меня могут видеть все, и сделал вид, что

глубоко погружен в серьезные мысли о судьбах человечества.

Правда, мешает то, что совсем недалеко окна леди Или, оттуда доносятся сладкие запахи дико скомканной и смятой постели, потому тут же совсем иные мысли начинают роиться в голове, очень почему-то не государственные и не о вящей славе и пользе для народа и Отечества.

Внизу появился рейнграф Чарльз, замахал руками:

— Ваша светлость! Ваша светлость!

Я крикнул слегка раздраженно:

— Что стряслось?

— Гонец, — прокричал сэр Чарльз ликующе. — Гонец! Гонец от Его Величества короля!

Я сказал с укором:

— И чему радуетесь так заранее? А если он всех нас посылает крепко и далеко?

Он запнулся, такое не приходило в голову, сказал смущенно:

— Да просто гонец... уже хорошо... лучше, чем ничего... Да и кроме того... после того, как вы Его Величеству такое предложили... что он может возразить?

Я кивнул.

— Вы правы. Я сейчас приду в зал.

Я нарочито пошел кружным путем, чтобы не явиться в зал раньше посла, хотя ноги сами то и дело ускоряют шаг, а сердце колотится в злом нетерпении.

В зале по обе стороны стола застыли в красивых гордых позах лорд Кристоф Илоссер, оба турнедских командующих армиями: стальграф Филипп Мансфельд и рейнграф Чарльз Мандершайд, доспехи на них сияют, вымытые, вычищенные и надраенные, с ними так же гордо и красиво смотрятся остальные знатные рыцари Армландии и Турнедо.

В зале группа рыцарей в богатых костюмах с эмбле-

мами короля Кейдана, я мазнул по ним равнодушно-презрительным взглядом, неспешно прошел к тронному креслу герцога, опустился в него и сказал устало-вельможно:

— Гонец?.. Введите!.. Ладно, впустите.

Из этой группы выступил вперед молодой вельможа, сразу видно, что скорее посол, чем простой гонец, пороку в карман не спрячешь, кроме того, воспитывался среди знатных и высокородных, таких видно за версту...

Я смотрел тяжелым взглядом, а он поклонился медленно и с достоинством, затем выпрямился и, выставив ногу вперед, чтобы можно было смотреть на меня как бы свысока, заговорил:

— Виконт Кальтенер, прислан Его Величеством...

Я перебил:

— Всего лишь виконт? Это для того, чтобы меня оскорбить? Унизить?

Мои лорды грозно зашумели, кое-где даже слышались характерные звуки вытаскиваемых до половины мечей, а затем сердито швыряемых обратно в ножны.

Гонец поспешно поклонился, голос его сразу стал извиняющимся:

— Сейчас разговор неофициальный, я тоже неофициально, потому дипломатический протокол в подобных случаях не соблюдается.

Я переспросил тупенько:

— Шо, правда?.. Ну тогда ладно. Говорите, виконт Кальтенер. Но я Кейдану припомню, что прислал виконта, а не... хотя бы герцога. А мог бы и сам прибежать.

Виконт проигнорировал мое последнее замечание, снова откинул голову и заговорил красиво и приподнято:

— Его Величество король Кейдан, сюзерен Сен-Мари, герцогства Брабант и герцогства Ундерленды, желает сообщить....

Я перебил весьма ехидно:

— А земли Гандерсгейма где? Хде, я спрашиваю? Там триста или даже больше королевств!

Гонец произнес с достойной надменностью:

— У Его Величества бывает и упрощенный титул для малозначимых случаев...

— Ух ты, — восхитился я. — А как насчет архипелага Рейнольдса? В моем титуле он имеется!

Гонец поморщился.

— У моего сюзерена много титулов и много достоинств, но в данный момент я уполномочен сосредоточиться на самом главном, что значит — передать слова Его Величества, что он готов рассмотреть вопрос передачи трона... достойному преемнику.

Я сказал нагло:

— Ну-ну! И кто это?

Он ответил, глядя мне в глаза светлыми холодными глазами:

— Это могут определить только лорды Сен-Мари. И никто больше.

Я сказал рассерженно:

— Вот еще! Да и зачем?.. И так видно, назовут меня.

Гонец ответил голодно:

— Тогда что вас тревожит?

— Меня ничто не тревожит, — огрызнулся я.

— Правда? — переспросил он. — Тогда вы не будете против общего съезда лордов всего королевства, чтобы назвали претендента на трон! Или вы не уверены, что назовут вас?

Я сделал вид, что раздражен, как легко меня поймали в простейшую ловушку, надулся, даже посмотрел по сторонам, словно и поисках выхода, щас мне подскажут, как сразу стать властелином мира, наконец сказал с неохотой:

— С чего бы я был против? Конечно, нужно объа-

вить всеобщий съезд лордов и провести его на достойном уровне. Я даже берусь его созвать и провести...

Он поклонился, прежде чем прервать достаточно бесцеремонно:

— Ваша светлость, мне в вашем простом слове «провести» почему-то слышится совсем другой смысл, непонятный непосвященным, но наверняка понятный вам... Потому, уверен, вам будет легче, если вам помогут в созыве лордов королевства еще и другие люди.

— Какие другие? — спросил я высокомерно.

Он ответил вежливо:

— Скажем, все герцоги королевства могут принять участие в таком важном для страны деле.

Я сказал саркастически:

— Ну да, вы рассчитываете, что герцоги Вирланд и Сулливан будут вредить мне?

Он спросил мирно, чувствуя, как чаша весов склоняется на его сторону:

— Почему же вредить? Оба известны своей принципиальной честностью, верностью слову и рыцарским обычаям. Кроме того, у вас есть и полностью верные вам герцоги. Например, герцог Ундерлендов Ульрих или герцог Брабанта Готфрид, ваш отец, кстати... но мы не будем настаивать, чтобы его исключили из списка.

Я сказал саркастически:

— Премного благодарен.

— Пожалуйста, ваша светлость. Мы рады, что вы поддерживаете инициативу Его Величества.

Я сказал надменно:

— Еще бы! Почему не поддержать то, что ведет меня к короне? Пусть даже это предлагает Кейдан. Хочу посмотреть, какую... какое лицо сделает, когда лорды преподнесут мне корону!

Он смотрел мне в лицо прямо и немигающе, но я видел в глубине глаз откровенную насмешку, заметную

только мне. Мои лорды продолжали гневно шуметь, создавая тот фон, похожий на неумолчный шум моря, когда бесчисленные волны точат самые неприступные скалы берега, и те время от времени с могучим плеском обрушиваются в воду.

— Значит, — произнес он ровным голосом, — я могу доложить Его Величеству и его Совету, что вы готовы поддержать его инициативу по созыву совета лордов, что препятствовать не будете, а даже приложите все усилия, чтобы он состоялся в срок и не был сорван никакими посторонними силами?

Я сказал величественно:

— Да, сэр Кальтенер. Можете так и передать Его Величеству, что он величествует последние дни.

Он церемонно поклонился.

— Ваша светлость...

— Виконт Кальтенер, — сказал я чуть-чуть угрожающим голосом, дескать, я тебя запомнил, дерзкий, потом семь шкур спущу, в рудниках сгною, на корм собакам отправлю.

Он отступил на два шага, повернулся и вышел. Лорды перестали буравить его ненавидящими взглядами, но вызывать на поединок гонца или посла нельзя, развернулись ко мне.

Я поднялся, сияющий и довольный.

— Ну вот, друзья мои, мы приезжали сюда не зря.

Филипп Мансфельд посмотрел на меня очень пылливо. В глазах стоял понятный вопрос, однако он лишь пробормотал:

— Все-таки Кейдан отказался вам передать корону...

— Он уже передал, — сообщил я.

— Но... — сказал он несколько озадаченно, хоть и очень сдержанно, лица остальных показали, что да, как именно, то-то они такое не заметили, — как?

— Прямо он отдать не может, — пояснил я, — честь

и достоинство против, но готов допустить выборы, где верный народ подтвердит его право на трон, а меня назовет узурпатором. Но сам знает, как и вы тоже, что при любых выборах я куда популярнее, народ пойдет за мной.

Сэр Чарльз громыхнул:

— Особенно теперь, когда строите флот и сумели отразить натиск пиратов. Сейчас за вами пойдут даже те, кто вас ненавидел и считал чужаком!

— В общем, — сказал я, — никаких сомнений, верно? Так что седлайте коней, забудьте про «выедем на рассвете»! Выежаем сейчас.

Сердце стучит как на первом в жизни свидании, я торопливо взбежал по лестнице, в груди растекается сладкая щемящая боль и светлая грусть, быстро пересека свои покои, пару переходов, потом герцожьи покои и распахнул дверь в спальню к герцогине.

Без высоких каблучков совсем дюймовочка, она прыгает возле гобелена и сгоняет с него крупную бабочку, я услышал укоризненный голос:

— Ну ты чего сюда залетела, дурочка?.. Давай вон туда... да нет, не в эту сторону, разве не видишь?.. Ну ты что, совсем дурная?.. Ты здесь погибнешь, здесь бабочки не живут, тут и человеку не всегда... да не сюда лети, туда лети!.. Там сад, там другие бабочки, даже мотыльки есть...

Она уговаривала ее, стыдила, укоряла, подсказывала, я подкрался сзади, ухватил и поднял на руки. Она обняла меня за шею и спрятала сразу раскрасневшееся лицо у меня на груди.

— Дурная бабочка?

Она прошептала мне в грудь:

— Вот такая я несчастная, меня даже бабочки не слушают!

— Зато мужчины за тебя умереть готовы, — заверил я пылко. — А ну посмотри на меня, не прячь глазки...

Она помотала головой и сильнее зарылась в мою грудь. Я бережно поцеловал ее в макушку. Леди Иля, как мне кажется, стыдится еще и потому, что постарше меня, еще как постарше, ей не догадаться, что я на всех здесь смотрю, как на очень-очень младших братиков, которым еще тесать кол на головах и тесать, а женщины для меня все на тысячи лет моложе...

И когда я вижу, как леди Иля отчаянно краснеет, что одеяло сползло и оголило ей грудь, я понимаю с нежностью, насколько же я старше, насколько для меня все это позади, пройдено, знакомо, тайн нет и не предвидится...

Я снова поцеловал ее и бережно опустил задними лапками на пол.

— Пора.

Она вскинула голову, покрасневшееся лицо моментально побледнело, даже глаза запали, а задорно вздернутый носик заострился.

— Что... уже?

— Кони оседланы, — сказал я, — рыцари ждут меня. Роют землю копытами.

Она сгорбилась было, но с усилием заставила себя выпрямиться и прошептала, не глядя мне в глаза:

— Езжай. Мужчины всегда уезжают.

Я снова поцеловал ее, крепко и до боли, торопливо вышел за дверь и бегом промчался по всем лестницам к выходу.

Отряд быстро выехал на дорогу, ведущую из Ундерлендов в Сен-Мари, вдаль на горизонте проступили тяжелые черные тучи из гари и пепла, я не отрывал от них взгляда и заставил думать себя об этой странной полосе земли, что сделала Ундерленды почти недоступными.

Рядом прозвучал участливый голос:

— О чем задумались, сэр Ричард?

Я вздрогнул, оглянулся.

— А, это вы, лорд Шлоссер... Да вот прикидываю, как расширить коммуникации с Ундерлендами. Единственная дорога вдоль чудовищной стены, где, того и гляди, снова поселятся гарпии, не есть хорошо и правильно.

Он в удивлении покачал головой.

— Сэр Ричард, о чем вы? Мы прибыли, чтобы принудить короля Кейдана отречься, вам это фактически удалось, а вы думаете о таких мелочах, как дороги?... Я уж подумал, что вас что-то гнетет, у вас было такое темное лицо...

Я покачал головой.

— Государственный деятель должен думать токмо о вящей пользе для Отечества. А с Кейданом все решено. Пусть даже потрепыхается чуть, это ничего не изменит. Но насчет дорог что-то делать надо. Может быть, как-то попытаться наладить контакт с нибелунгами?

Он даже отшатнулся от такого дикого предположения.

— Сэр Ричард!

— Что?

— Не боитесь, — поинтересовался он уже дружески. — Вам как-то удалось договориться с эльфами и гномами, но... нибелунги!.. С ними вообще никто не общался! Да и... как?

— Не знаю, — ответил я честно.

— А что скажет церковь? — спросил он коварно.

Я подумал, развел руками.

— Сотрудничество может быть и таким, когда идеология не страдает. К примеру, сотрудничаем же с пчелами? Даем им кров, защищаем от лесных пожаров, медведей и прочих любителей полакомиться медом! Помогаем размножению, то есть, отселяем молодые

рои, а за это получаем плату в виде меда, воска, прополиса, перги и пыльцы... даже маточкино молочко добываем.

Он полюбопытствовал:

— А что за маточное молоко?

— Маточкино, — поправил я. — Его считают эликсиром молодости.

— И как?

Я отмахнулся:

— Пусть считают. Лишь бы не бунтовали. Так вот, даже домашние животные, с которыми вроде бы какое не сотрудничество, а настоящее живодерство, только выиграли от общения с человеком!

— Ваша светлость?

Я посмотрел на него в изумлении:

— А то вы не знаете?.. К примеру, дикие кони мельче, слабее, бегают медленнее, под всадником упадут от чрезмерной тяжести, постоянно недоедают, гибнут от волчьих стай, а как за ними ухаживает человек?..

Он подумал, кивнул.

— Вообще-то да...

— Дикие овцы, — сказал я, — тоже могут только заводить домашним. Огромные стада охраняют от волков собаки и пастухи, заранее высматривают луга с сочной травой, чтобы направить туда подопечных кратчайшим путем. Так что сотрудничество с нибелунгами не нанесет урона церкви и христианству, если в этом сотрудничестве не заходить слишком далеко. Надо только продумать, что можем дать, а что взять... уже знаю.

— Ваша светлость?

— Мосты через пропасти и трещины, — сказал я. — Это первое. Потом, может быть, что-то еще. Мы же не знаем их возможностей! Только и того, что эта Огненная Долина для них самое то, а наш мир — безжизненный и наполнен лютой стужей. Значит, они не полезут

к нам, а мы — к ним... Ладно, сэр Кристоф, ведите отряд в Геннегау, как вы вели его сюда, а я несколько... поскачу вперед. Не могу терпеть двигаться медленно, когда могу быстро.

Он успел сказать вдогонку:

— Будьте осторожны, мой лорд!

Глава 15

Моим самым преданным друзьям, Бобику и Зайчику, стоит один раз промчаться по любой дороге, как они ее запоминают до последнего камешка. Когда мы мчались к Геннегау, я ни разу не поправил Зайчика, а Бобика только придерживал, чтобы не прибежал один и не перепугал народ.

Когда впереди вырос стольный град, мы сбросили скорость и влетели через широко распахнутые городские ворота всего лишь на галопе, а дальше пришлось и его умерить, чтобы не давить народ.

Я нарочито сделал небольшой крюк и проехал мимо величественного собора: к нему идут паломники, я с удовольствием увидел прогуливающегося с двумя молодыми священниками отца Дитриха, соскочил на землю, подбежал и преклонил колено.

Отец Дитрих благословил меня, а я сказал преданно:

— Святой отец, очередная победа во славу церкви!..

Он кивнул священникам, отпуская их, они поклонились, не спуская с меня любопытствующих взглядов, и удалились, а отец Дитрих повернулся ко мне, вид его показался мне чуточку расстроенным.

— Сын мой, — сказал он устало, — не слишком ли ты отвлекаешься на мирские дела? Что тебе король этой страны, что забился в нору и ничем себя не выказывает?.. Он не созывает лордов, не призывает к мятежу...

— Явно не призывает, — огрызнулся я.

— Свидетельств таких нет, — согласился он. — А обвинять без доказательств...

Я сказал настойчиво:

— Отец Дитрих, но в королевстве не могут быть два короля!

— Не могут, — согласился он, — но раз король не погиб в бою, когда шла война, то теперь его особа неприкосновенна. Церковь тебя осудит, если он вдруг погибнет... Ватикан может вообще принять меры.

Я насторожился:

— Какие?

Он ответил уклончиво:

— Стандартные. Как понимаешь, твой случай не уникальный.

— И?

Он сказал со вздохом:

— Твое положение устойчиво только с военной точки зрения, сын мой. Но ты все еще нелегитимен! Ты здесь всего лишь маркграф...

— И эрцгерцог, — напомнил я.

Он отмахнулся:

— Это еще хуже. Архипелаг Рейнольдса! Император тебе его нарочито дал, чтобы увести в сторону. Здесь, в Сен-Мари, у тебя нет законной власти. Есть лишь власть меча. Ты правитель по факту, но по закону — король Кейдан.

Я ощутил, как во мне поднимается нечто злое и мохнатое, альфасамцовое.

— Отец Дитрих, — сказал я, — значит ли это, что Ватикан может вообще отлучить меня от церкви?

Он покачал головой:

— Сын мой, это настолько исключительная мера, что ею пользуются очень редко.

— Но все-таки?

— Отлучить от церкви... это отлучить от всего. Человек остается вне общества. Нет, Ватикан сперва перепробует все иные способы воздействия...

— Давления?

Он наклонил голову:

— И это тоже. Мягкого давления.

Я сказал, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком вызывающе:

— Отец Дитрих, Ватикан сделает громадную ошибку. Я в состоянии оторвать.... отделить церковь своего королевства, если на то пошло! У меня есть предшественники, я знаю, как это делается и к чему приводит. Лучше со мной считаться, отец Дитрих. Я говорю со всем смирением, но у меня смирение воина, а не раба.

Он смотрел с ужасом.

— Сын мой, — воскликнул он. — О чем ты говоришь? Церковь едина и неделима!

— И пусть такой остается, — сказал я. — Но я не уверен насчет непогрешимости папы. Между нами говоря, он ошибаться... может. Если он слишком уж встанет на сторону Кейдана, то я не покорюсь мнению Ватикана!.. Да и вообще... Вы мне подсказали, что пора навести порядок и в этой области...

Он спросил строго:

— Что ты замыслил?

— Мне перестает нравиться, — отрезал я, — что архиепископа присылают из Ватикана. Раньше как-то не обращал внимания, а теперь вот вижу, что сие неверно. Нам нужен человек, который знает местные условия, пользуется авторитетом здесь, а не чужак из далеких земель, пусть он там даже трижды святой или ученый человек непорочного поведения!

Он покачал головой:

— Тебе кажется, что твоя правда перевешивает, однако это неизбежно приведет к обособлению церквей! А когда высших иерархов назначает папа, весь христианский мир остается единым!

— Этого хочу и я, — сказал я. — Правда очень хочу!.. Обособление церквей неизбежно приведет и к расколу. Однако, святой отец, я даже Ватикану не дам загубить

свою светлую мечту насчет постройки Царства Небесного на земле. Потому что непогрешим один Бог, а папа... всего лишь человек. Потому пусть хорошенько подумает насчет поддержки Кейдана!

Он помолчал, посмотрел на меня с некоторой отстраненностью.

— Сын мой, мне почудилось, ты ставишь церкви условия... или даже угрожаешь?

Я помотал головой:

— Ни в коей мере! Просто хочу, чтобы лучше взвешивали последствия своих решений. Святой отец, у Ватикана нет оппозиции, и он, как мне начинает казаться, слишком уж привык к своей непогрешимости. А это чревато. В этом случае перестают очень тщательно обдумывать свои решения.

— Сын мой, — произнес он с тем же нарастающим холодком, — юность всегда уверена, что все знает и понимает. Поверь, иерархи церкви, в том числе и папа, были такими, как ты. Повзрослев и постарев, они не стали глупее, как могут думать мальчишки!

— Святой отец, я хочу всего лишь, чтобы иерархи церкви всякий раз обдумывали, что делают. Их беда, как и у нас всех, что начинают грести под одну гребенку. Автоматически принято поддерживать легитимность, что вроде бы хорошо, это снижает риск кровавой борьбы за престол даже гражданских войн, однако... святой отец, но если на престоле оказывается сволочь? Его тоже надо поддерживать?

Он поморщился.

— Кейдан не сволочь. По крайней мере явная. Не спорю, ты делаешь все намного лучше, и я тебя поддерживаю, как и церковь. Но Кейдан легитимен, потому с ним нужно обращаться уважительно. Он уже полностью лишен власти, чего тебе еще? Неужели так жаждешь возложить корону на свое чело, что не остановишься перед убийством законного короля?

— Отец Дитрих, — сказал я твердо, — моя реши-

мость построить Царство Небесное на земле никогда не ослабеет. И я его построю!.. Ватикан, который я глубоко чту, отсюда далеко, там не все могут увидеть, что здесь творится. Что-то могут понять не совсем верно. Но я не стану, будучи правым, подчиняться Риму слепо.

— Сэр Ричард!

Я заговорил еще тверже, чувствуя закипающий гнев:

— Отец Дитрих, для меня истины, запечатленные в Библии, важнее тех, что скажет папа. Не мое дело советовать папе... но он знает, что если решения не выполняются, они обесцениваются. Так что... пусть папа сперва подумает, что решить насчет неприкосновенности короля Кейдана.

— Что ты задумал?

Я сказал медленно:

— Вот прямо сейчас... у меня возникла идея, что архиепископом Сен-Мари и всего региона, где тверда моя власть... я потребую назначить... отца Дитриха! И пусть Ватикан посмеет возразить, что это не самый достойный из всех, кого можно предложить на столь высокий пост!

В королевский сад я влетел на скорости, изображая человека очень спешащего и занятого, соскочил на землю прямо на ходу, бросил повод слугам, а сам так же бегом ринулся в деловую часть дворца.

Сэр Жерар вышел навстречу, поклонился чуть ниже обычного.

— Ваша светлость, — сказал он торжественно, — по вашему лицу видно, что вернулись с победой! Потому поздравляю вас, дорогой наш ландесфюрст...

Я кивнул, прошел было мимо, но в ухо что-то запахло, я развернулся и посмотрел на него в упор.

— Ландесфюрст?

Он улыбался во весь рот, довольный и торжествующий.

— Ваша светлость, в ваше отсутствие лорды Сен-Мари, чтобы показать, что помимо власти императора, как и власти папы, есть и другая власть, власть гордых и отважных сынов этого королевства, которым никто не указ...

Я буркнул:

— Ну да, только этим надо не гордиться, а стыдиться.

Он сказал невозмутимо:

— Они гордятся, что следуют за тем, кого сами считают лучшим и достойнейшим! Потому в пику императору они на общем собрании лордов королевства дали вам титул ландесфюрста.

Я посмотрел на него с подозрением.

— Вам самому смешно?

Он сделал большие глаза, даже отшатнулся.

— Ваша светлость! Это же величайшая честь!.. Здесь ландесфюрстов отродясь не было!

Я переспросил:

— Точно?.. Ну-ну, тогда ладно. Только смотрите, не ландесфюрствуйте при гостях или на приемах, а то самого ландесфюрстну. Я предпочитаю скромно и со вкусом — Ричард Завоеватель. Правда, я недавно услышал еще пару прозвищ... гм... Хорошо, идите начинайте трудиться. Кот вернулся, мыши на столе больше не пляшут!

Он исчез, я подошел к столу и попытался вспомнить, чем занимался до того, как меня понесло в Ундерленды. Здесь важна последовательность, она позволяет соседним государям считать меня предсказуемым.

В политике, как и в торговле, необходимо иметь доброе имя. Ни в той, ни в другой обманывать много раз невозможно.

Сэр Жерар вошел, сказал громко, как дворецкий:

— Мастер Гианус к его светлости!..

Я повернулся, весьма удивленный, в комнату вошел и скромно остановился невысокий плотный человек с румяным лицом, шляпа в руке, только глаза странно не

соответствуют, слишком уж в них много всего увиденного и пережитого, что ли.

— Слушаю, — сказал я настороженно, — вроде бы я вас не вызывал.

Он чуть поклонился, лицо дрогнуло в улыбке и снова стало прежним.

— Ваша светлость, мы использовали свое влияние, уж простите, чтобы явиться лично к вам и доложить, что заказанное вами оформление вашего кабинета изготовлено и доставлено. Осталось только установить...

— Что за... — начал я ошеломленно, потом посмотрел на мастера Гиунуса внимательнее, хлопнул себя по лбу. — Ах да, вы от ученого аббата Дитера?..

— Абсолютно точно, — сказал он. — Мы из монастыря блаженного Агнозия.

— Я не ждал, — сказал я, — что вы так быстро. Хорошо, действуйте!

— Можно заносить, ваша светлость?

— Тащите, — сказал я. — Людей послать, чтобы помогли?

Он помотал головой:

— Не стоит, у нас весьма деликатные... гм... гобелены. Как вы и заказывали.

— Да-да, — сказал я громко, вдруг да кто-то слышит, — я хочу отделать кабинет по своему вкусу, чтобы все знали, отныне я здесь хозяин, а не Кейдан!.. Так что приступайте, ни у кого разрешения не спрашивайте. Можете даже стены ломать, если что.

Он сказал тихо:

— В двух местах придется немножко... подолбить, ваша светлость.

— Не мое, — ответил я, — не жалко. Это вот теперь, когда установите, будет мое...

Они принялись за работу, а я подумал, что вообще-то по ту сторону хребта в глубинах обитает Дух Огня, так называю, хотя какой он дух, однако даже в Армландию он пробивается из северных земель с трудом и

только на большой глубине. За Большой Хребет не может, а из пещер выкарабкиваться наверх бывает так же трудно и долго, как если бы я промчался поверху на Зайчике.

Так что да, пусть лучше эти установки. Хоть понятнее...

Когда они закончили и ушли, я вызвал сэра Жерара, взглянул на него с подчеркнутым подозрением.

— Уже всех оповестили?

— О чем?

— Что я прибыл?

Он помотал головой:

— Нет, ваша светлость. Вдруг да вам сперва восхочется отдохнуть, ванну, женщин...

Я нахмурился.

— Все шуточки у вас... В общем, пока никаких приемов, торжеств, ясно? Скажете, сеньор привез ворох новой информации, сейчас обрабатывает и никого не принимает.

— А на самом деле?

Я рыкнул:

— И на самом деле никого не принимаю!.. Все, иди-те и попробуйте поработать для разнообразия.

Он ушел, а я с трепетом в груди уставился на узор на ковре. Сердце стучит трусливо, а в животе образовалась глыба льда. Вот туда, в центр этих лучей, я должен встать, чтобы переместиться в кабинет Гиллеберда, что уже не его кабинет, а тоже мой. И хотя оба давно мои, но все равно чувствую себя чуть ли не вором, хотя, конечно, морда кирпичом и нос кверху, никто моей неуверенности видеть не должен.

Мелькнула мысль насчет арбогастра и Адского Пса, они ж не просто Зайчик и Бобик, уже почти мои родственники... Хорошо бы перемещаться с ними, но вряд ли у магов хватит на такое мощности.

Ладно, проблемы буду решать по мере поступления.

Ноги мои отяжелели, но я заставил их переместить испуганное тело в центр многолучевой звезды.

— Пуск...

Страшный холод пронзил Вселенную, ледяные сосульки пробили грудь и вонзились в сердце. Легкие наполнились тяжелым прессованным снегом, я ощутил, что умираю, эти сволочи поймали меня в ловушку...

...и мгновенный жар заполнил от ушей и до пят. Я пошатнулся, сделал шаг и едва не упал. Перед глазами поплыло, но это... кабинет Гиллеберда! Мой кабинет в Савуази, стольном городе королевства Турнедо...

Сердце колотится с бешеной скоростью, но воздух чист и прохладен, нет ни жара, ни холода, все было в ощущениях, хотя теперь понимаю, почему Гиллеберду не советовали такой способ перемещения.

За дверью, в коридоре, негромко и буднично переговариваются низкие мужские голоса — я узнал поговору часовых из горных областей Турнедо.

Поколебавшись, я принял бодрый вид и приоткрыл дверь. Стражи в ужасе подскочили. Один уронил тяжелый меч прямо на ноги, но не вскрикнул, а только уставился на меня вытаращенными глазами.

— Вольно, вольно, — сказал я мирно. — Это я в окно влез, проверяю, как тут с безопасностью. Позовите сэра Вайтхолда.

Я отступил в кабинет и закрыл дверь, а в коридоре раздался топот, звон металла, затем вдалеке послышались зычные крики. Как я понял, везде катится слух, что лорд неузнанно вернулся и уже у себя в кабинете, лют и гневен.

За окном серый вечер, воздух свежий, резкий, словно я попал совсем в другой мир. Небо в тучах, дождя нет, но все равно сыро и прохладно. Солнца не видно, только на западе у самого края земли багрово пламенеет край тучи, указывая на закат.

Я опустил за стол и бесцельно двигал оставленные

с прошлого раза бумаги, там всякие мелкие жалобы, помню, побрезговал читать подробно.

Наконец в коридоре послышались знакомые быстрые шаги. Дверь распахнулась, лицо сэра Вайтхолда — раздраженное, словно еще не закончил кого-то распекать за неуместные шуточки, в глазах гнев...

Они стали еще шире, он застыл и только смотрел на меня такими же выпученными глазами, как и у стража в коридоре.

— Сэр Вайтхолд? — произнес я.

Он вздрогнул, торопливо поклонился.

— Ваша светлость!

Я спросил с интересом:

— Вас что-то удивило, сэр Вайтхолд?

Он торопливо потряс головой.

— Нет-нет, ваша светлость! Чему удивляться? Совершенно нечему. Абсолютно. Мы же с вами по своей воле пошли, чего уж поскуливать и креститься? А в аду нас уже ждут...

Я скромно улыбнулся.

— А я уж подумал... Это хорошо, что не удивляетесь. У меня с детства эта скверная привычка проверять стражей и вообще охрану. Хорошо ли бдят... Но не стоит их винить, я бываю очень изобретателен... У вас какие-то новости есть?

Он все еще смотрел на меня ошалелыми глазами.

— Совсем немного, ваша светлость.

— Какие?

— Войска Варт Генца ведут бои на тех землях Турнедо, что отошли к ним. Все больше местных лордов приезжает в Савуази, чтобы принести вам присягу. Сейчас они расположились в своих городских домах.

Я выслушал, кивнул.

— Прекрасно. Могу проинформировать, что в Сен-Мари тоже есть хорошие подвижки. В Гандерсгейме без особых изменений, что уже хорошо, так как нашей задачей было выстоять перед внезапным ударом с мо-

ря. Так что, сэр Вайтхолд, завтра с утра большой прием, озаботимся проблемой с поголовной присягой и... начнем интегрировать эти земли и этот народ в одну великую общность... название придумаем потом.

Он поклонился и поспешно вышел, но, несмотря на его неподвижное лицо, я видел сильнейшее смятение в глазах.

Я вернулся к столу, страшное напряжение, что последние недели сдавливало грудь тисками, медленно начало испаряться.

В коридоре вдруг снова слышались шаги сэра Вайтхолда. Я насторожился, он распахнул двери и сказал виновато:

— Ваша светлость, к вам гонец... Говорит, крайне срочно.

— Откуда?

— Похоже, — проговорил он нерешительно, — не из Варт Генца...

Я махнул рукой.

— Пусть войдет.

Он кивнул, отступил в сторону, из-за его спины вышел очень миниатюрный юноша в плаще, что ниспадает с плеч до полу, голова накрыта капюшоном так, что скрывает лицо.

Сэр Вайтхолд ждал, я быстро шагнул к гонцу, приподнял край капюшона. Гонец медленно поднял голову, на меня взглянули громадные и чистые, как горные озера, удлинённые глаза с громадными ресницами, красиво отогнутыми на кончиках.

Я судорожно сглотнул ком в горле, повернулся к Вайтхолду:

— Все в порядке, можете идти.

Он поклонился и вышел за дверь. Я откинул капюшон полностью, плотная шапочка с завязками под подбородком прижимает плотно уши и волосы. Я раздраженно сорвал ее, остроконечные уши освобожденно и

гордо выпрямились, а роскошная грива золотых сияющих волос упала на плечи, грудь и спину.

— Изаэль! — сказал я сердито. — Ты чего так рискуешь?

Ее чистенькое милое личико, веселое, как у молодой лисички, засияло, а глаза взблеснули безудержным любопытством.

— Здорово я к вам пробралась? — сказала она ликовно. — Я хитрая, я ловкая, я умелая!.. Хотя чего бояться? Ты обещал мир. Конечно, скрывалась, я же умная.

— Ты просто чудо, — сказал я искренне. — Что тебя заставило?

— Новость, — произнесла она тихонько и, приблизившись, прошептала в самое ухо, так, что ее горячее дыхание приятно щекотало мне кожу. — Гелионтэль вчера родила.

— Ух ты, — сказал я с удовольствием. — Здорово! Ну, теперь-то...

Она прервала так же тихонько:

— Нет.

Я спросил встревоженно:

— Почему?

— У тебя девочка, конт Астральмэль.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	86
Глава 11	96
Глава 12	106
Глава 13	115
Глава 14	122
Глава 15	132
Глава 16	141

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	153
Глава 2	164
Глава 3	172
Глава 4	180
Глава 5	191
Глава 6	198
Глава 7	207
Глава 8	214
Глава 9	222
Глава 10	230
Глава 11	236
Глава 12	246
Глава 13	255
Глава 14	262
Глава 15	269

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	277
Глава 2	288
Глава 3	297
Глава 4	306
Глава 5	316
Глава 6	323
Глава 7	333
Глава 8	338
Глава 9	349
Глава 10	357
Глава 11	367
Глава 12	376
Глава 13	385
Глава 14	391
Глава 15	401

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ЛАНДЕСФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Младший редактор *М. Горелова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Г. Ключкова*

Корректор *Е. Чеплакова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.09.2011.

Формат 84х108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. Заказ № 8013.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-52761-8

9 785699 527618 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-52761-8

9 785699 527618 >

Риц@рд

Длинные Руки

ландесфюрст

